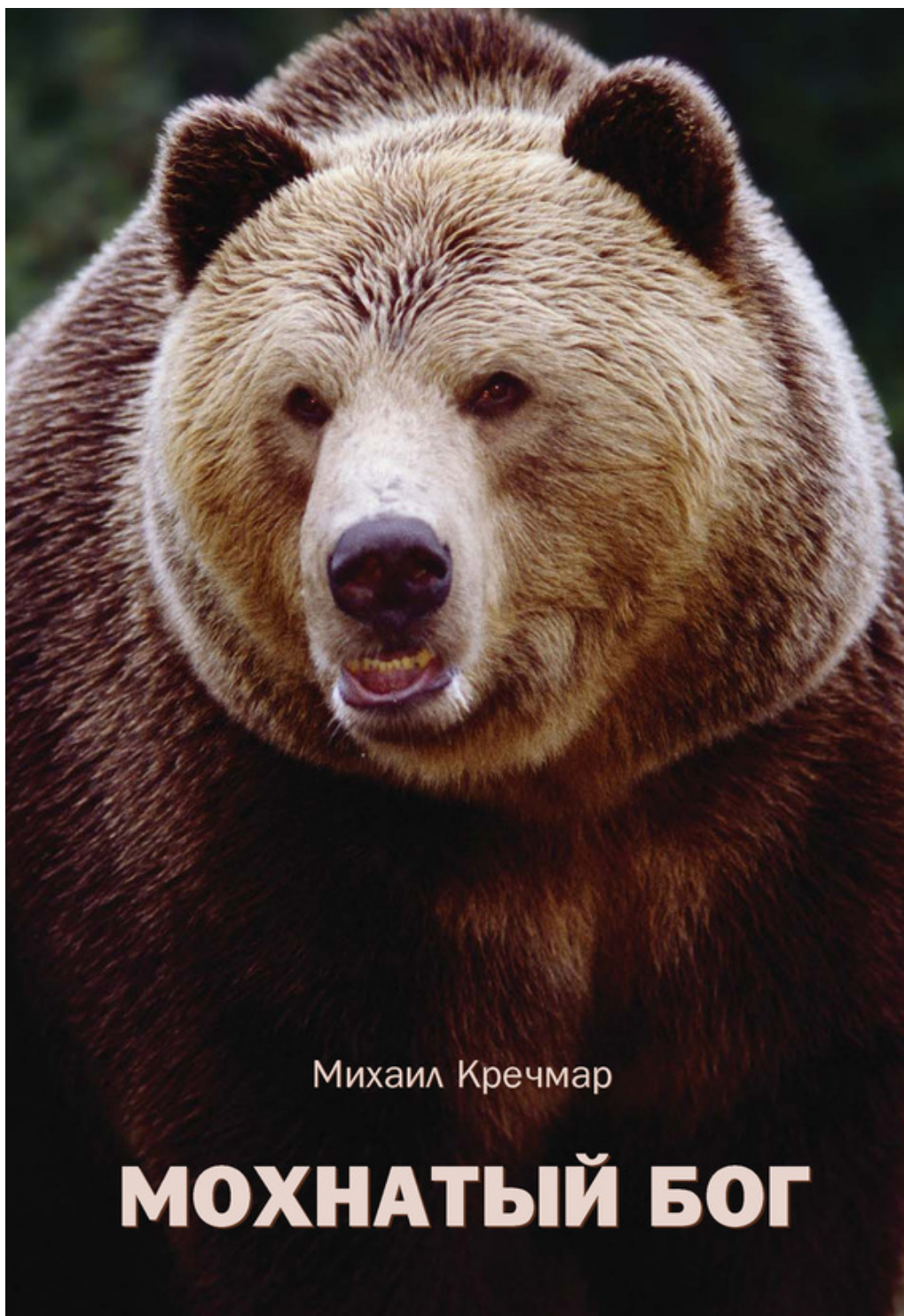

Михаил Кречмар

МОХНАТЫЙ БОГ

Михаил Арсеньевич Кречмар

Мохнатый бог

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989181
Мохнатый бог.: Бухгалтерия и банки; Москва; 2005
ISBN 5-902479-01-0

Аннотация

Книга «Мохнатый бог» посвящена зверю, который не меньше, чем двуглавый орёл, может претендовать на право помещаться на гербе России, – бурому медведю. Во всём мире наша страна ассоциируется именно с медведем, будь то карикатуры, аллегорические образы или кодовые названия. Медведь для России значит больше, чем для «старой доброй Англии» плющ или дуб, для Испании – вепрь, и вообще любой другой геральдический образ Европы.

Автор книги – Михаил Кречмар, кандидат биологических наук, исследователь и путешественник, член Международной ассоциации по изучению и охране медведей – изучал бурых медведей более 20 лет – на Колыме, Чукотке, Аляске и в Уссурийском крае. Но науки в этой книге нет – или почти нет. А есть своеобразная «медвежья энциклопедия», в которой живым литературным языком рассказано, кто такие бурые медведи, где они живут, сколько медведей в мире, как убивают их люди и как медведи убивают людей.

А также – какое место занимали медведи в истории России и мира, как и почему вера в Медведя стала первым культом первобытного человечества, почему сказки с медведями так популярны у народов мира и можно ли убить медведя из пистолета... И в каждом из этих разделов автор находит для читателя нечто не известное прежде широкой публике.

Есть здесь и глава, посвящённая печально известной практике охоты на медведя с вертолёт, – и здесь для читателя выясняется очень много неизвестного, касающегося «игр» власть имущих.

Но все эти забавные, поучительные или просто любопытные истории при чтении превращаются в одну – историю взаимоотношений Человека Разумного и Бурого Медведя.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Введение	5
Часть I Медведь как он есть	11
Глава 1 Медведи и люди: история взаимоотношений	12
Глава 2 Медведь как он есть	22
Глава 3 Медвежья жизнь как крайняя форма индивидуализма	27
Глава 4 Меню нашего героя	40
Глава 5 Зимний сон бурого медведя	54
Глава 6 Самый большой медведь	60
Глава 7 «Другие» медведи	74
Часть II Мохнатый бог	89
Глава 8 Мохнатый бог	90
Глава 9 Медведи и Западная Европа	107
Глава 10 Медведи в России: историческая ретроспектива	111
Часть III Охота на медведей	126
Глава 11 Старинные охоты	127
Глава 12 Охота с рогатиной	130
Глава 13 Охота на берлоге – традиционная охота в России	133
Глава 14 Весенняя охота в горах	142
Отступление. Нервы медведя	148
Глава 15 Охота на лабазе	150
Глава 16 Охота на нерестовых реках	153
Глава 17 Охота на Тихоокеанском побережье России	158
Глава 18 Осенняя охота на ягодниках и в кедровом стланике	165
Глава 19 Охота на приваде	170
Глава 20 Вертолётные охоты олимпийцев	173
Глава 21 Медведь: как стрелять в него на охоте	176
Глава 22 Медведи и оружие	184
Глава 23 Медвежьих сафари	201
Оружие и патроны на медвежьих сафари	206
Глава 24 Как сохранить медвежий трофей	211
Глава 25 Медведи и самолёты	215
Часть IV Медведи-убийцы	224
Глава 26 Непредсказуемые нападения	225
Глава 27 Когда некого винить, кроме себя...	246
Глава 28 Опасная охота	256
Глава 29 Белый властелин Арктики. Извечная война с человеком	269
Глава 30 Когда столкновение неизбежно: что делать, если на вас напал медведь	279
Глава 31 Давайте жить дружно, или Как избежать конфликтной ситуации	291
Часть V «Всякое» о медведях	300
Глава 32 Медведи и медицина	301
Глава 33 Медведи и фотография	305
Заключение	310
Приложения	311

Приложение 1 Медведи в фольклоре	311
Созвездие Удлегдьюн (Легенда эскимосов Канады)	311
Медвежьи ушки	312
Откуда появились медведи (Сказка эскимосов Аляски)	313
О красном медведе	314
О происхождении жизни	315
Медведь	315
Мужик и медведь	316
Про медведя	316
Как евражка и медведь норами поменялись	318
Медведь-лежебока	319
Тала-медведь и великий колдун	319
Приложение 2 Пистолеты и револьверы при самообороне от медведя	322
Оружие под патроны 7,62x25 ТТ и 7,63 мм «Маузер»	322
Оружие под револьверный патрон 7,62 мм «Наган»	323
Оружие под патрон 9x18	323
Оружие под патрон 7,65x17 «Браунинг»	324
Оружие под патрон 9x19 Пар	324
Оружие под патрон 6,35 мм (.25 АСР)	325
Оружие под патрон 11,43 мм (.45 АСР)	325
2	327

Михаил Арсеньевич Кречмар

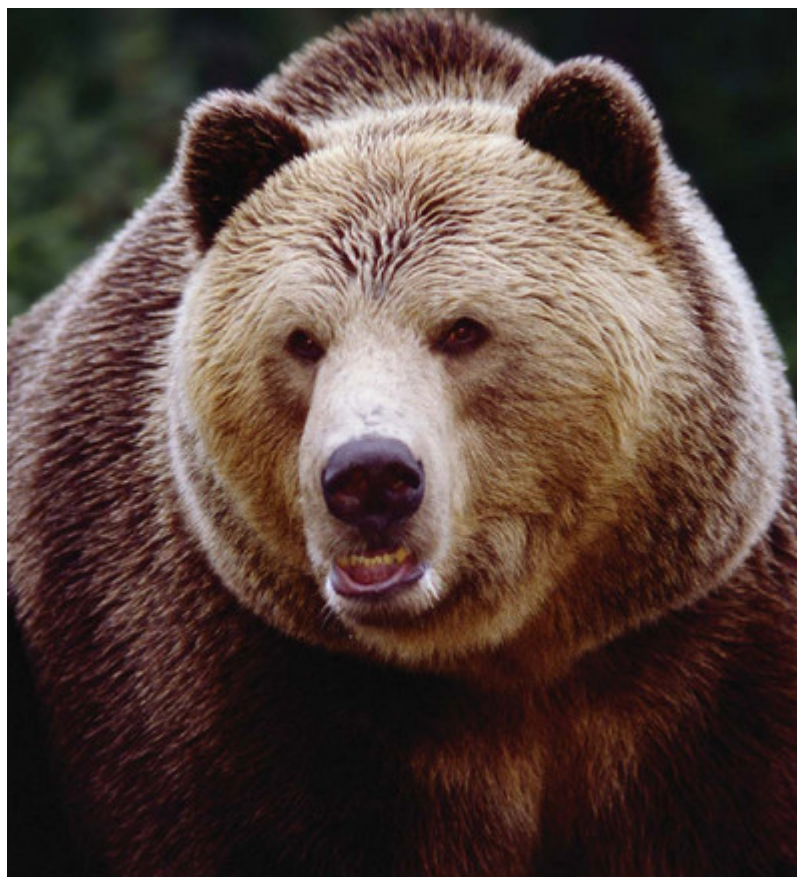
Мохнатый бог

Моему отцу, Арсению Васильевичу, без которого никогда не было бы этой книги

Введение

В августе 1984 года в городе Магадане произошло чрезвычайное происшествие. На окраине посёлка авиаторов Сокол, всего в двухстах метрах от околицы, бурый медведь убил и съел двух человек, пошедших по ягоды.

Не сказать чтобы до этого случая «медвежья тема» совершенно не трогала магаданцев. Когда на одной шестидесятой части земного шара живёт всего полмиллиона человек и около пятнадцати тысяч медведей, понятно, что какие-то контакты между ними неизбежны. Даже такие, которые носят не совсем деликатный характер. Конечно, медведи приходили на сено-

косные станы, отбирали рыбацкий улов на отдалённых точках, громили охотничьи избышки, но реакция народа на все эти проделки была однозначной: пусть бузят, на то они и медведи.

Иногда случались происшествия более трагического характера – то NN пытался поймать медвежат и его сгребла в объятия медведица, то ММ неудачно стрелял на охоте и медведь снял с него голову. Но и к таким трагедиям общественность относилась если и с сочувствием, то вполне сдержанно. Охота, как известно, пуше неволи, а охоту на опасного зверя легко приравнять к войне. Соответственно тот, кто идёт добровольно на такую охоту, имеет шанс не только убить, но и быть убитым.

Поэтому рядовой обыватель не без основания считал, что пострадавший напрашивался на неприятности сам. Вот он, например, медведей не стреляет, и никто его не хапает когтистой лапой из-за куста.

Бурый медведь весной.

Возможно, рядовой обыватель придумал бы своё объяснение и гибели двух ягодников непосредственно в городской черте, но 1984 год был годом особенным, призванным нарушить такое отношение к бурому медведю. Потому что в сентябре в среднем течении Колымы, в устье речки с романтическим названием Белая Ночь, бурый медведь напал на палатку со спящими людьми и убил двоих, а затем был застрелен третьим из револьвера.

Именно тогда к автору обратились геологи из Центральной комплексной территориальной экспедиции с просьбой составить инструкцию, которая бы «обеспечивала технику безопасности при проведении полевых работ», а говоря человеческим языком, – инструкцию, при соблюдении которой медведи вас точно не съедят.

Изучая бурых медведей с профессиональной точки зрения – как охотовед и биолог, – я хорошо понимал, что задача передо мной поставлена довольно сложная. Поэтому лекции о «медвежьей опасности», которые мне приходилось читать, я обычно начинал с не очень утешительного заверения, что большая часть написанного в моей инструкции – чушь, и если медведь на самом деле решит кого-нибудь съесть, тому уже никакая инструкция не поможет.

В самой инструкции я сделал основной упор на самые элементарные правила – нет, не техники безопасности, а санитарии, потому что, по моему глубокому убеждению, большая часть наших неприятностей от общения с дикими животными происходит от того, что мы не понимаем друг друга. Животные, которые привыкают питаться на отходах человеческой деятельности (можно было бы сказать: пищевыми отходами, хотя это не совсем так – пищевыми отходами нельзя, например, назвать отходы китобойного промысла или рыбы при производстве рыбной муки, которая и вовсе – удобрение; кроме того, «пищевые отходы» в нашем представлении – это что-то вроде вёдер с помоями, которые воруют официантки в столовых для того, чтобы кормить домашних свиней. А «проблемные» медведи чаще всего приходят на всякие крупные объекты, как, например, скотомогильники или места слива рыбных отходов. – М. К.), чаще всего не находят с нами взаимопонимания, а напротив – терпят от нас всяческие неприятности. А иногда – как в случае с медведями – кое-какие неприятности терпим и мы от них.

Поэтому, по моему мнению, идеальные отношения с дикими зверями на лоне природы должны быть вроде самых лучших отношений между соседями по коммунальной квартире. Это значит – свести любые отношения к минимуму. Не ловить, не изводить, не предъявлять дурацких требований. Не преследовать и не убивать. Но и не заигрывать, не подкармливать, не пытаться приручить и вовремя убирать мусор. Выручат нас не ружья и пистолеты, собаки и колючая проволока, а знание особенностей поведения зверя.

Именно тогда я проникся довольно активным интересом к «медвежьей теме». Во многом этому способствовало то, что отец, профессиональный зоолог и прекрасный охотник, с четырнадцати лет стал брать меня с собой в экспедиции в самые интересные места на северо-востоке Азии. Этот угол Сибири без преувеличения может быть назван одним из самых «медвежьих» в России, а следовательно, и на земном шаре.

Медведь на пастбище.

Медведи окружали нас повсюду. Они приходили по ночам к полевому стану, ловили в сумерках рыбу на другом берегу реки, бесшумно уступали дорогу, когда мы двигались их тропами. Я постоянно сталкивался с умом, хитростью, силой этого зверя, которого со всем убеждением считаю равней человеку во многих аспектах жизни.

Неудивительно, что после окончания Пушно-мехового института я стал изучать именно медведей.

Стоит вспомнить, что медведи окружали нас не только в природе.

На экспедиционных стоянках и рыбацких станах, на становищах и лодочных пристанях медведи были обязательными героями рассказов. В них медведи шалили, строили козни, убивали людей и (чаще всего) умирали сами. Некоторые из этих случаев были поучительными, некоторые – забавными.

Со временем я стал собирать всё, что можно было узнать о взаимоотношениях медведя и человека. Сегодня я подготовил известные мне факты в той форме, в какой они Моіуг заинтересовать читателя – охотника, туриста и просто человека с натуралистскими наклонностями. Это не книга об охоте на медведей и тем более не книга о медведях-людоедах. И охотничьи наблюдения, и случаи людоедства рассматриваются в ней лишь как составные части одной проблемы – взаимоотношения двух видов млекопитающих: *Homo sapiens* и *Ursus arctos*. При этом я старался по возможности не цитировать воспоминания известных охотников на медведей. Вместо этого я обратился к воспоминаниям людей, понимавших в медвежьей охоте не меньше, чем прославленные медвежатники средней полосы России. Я говорю об известных путешественниках, чья жизнь прошла в соприкосновении с дикой природой. Многие из них были к тому же и страстными охотниками, не расставались с оружием и превосходно умели владеть им. Вряд ли полковник (на момент написания цитирующегося в данной книге «Третьего путешествия в Центральной Азии») Н. М. Пржевальский,

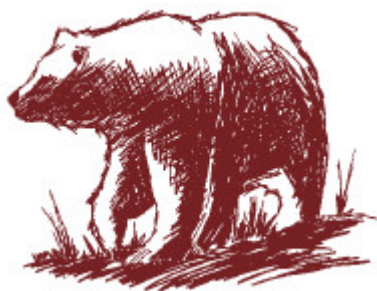
полковник П. К. Козлов, арктический исследователь Ф. Кук понимали в медведях меньше, чем князь А. А. Ширинский-Шихматов и другие авторитетные охотники на «чёрного зверя».

И ещё. В книге приведено много сведений, относящихся к незаконной добыче, отстрелу и способам охоты на бурого медведя. Большая часть этих упоминаний носит чисто познавательный характер и, надеюсь, не будет рассматриваться как доказательство связи автора с браконьерским миром. Я намеренно не разглашаю имён многих людей, с которыми произошли эти случаи, – отчасти потому, что рассказ об их гибели и тщательный разбор обстоятельств её не доставят удовольствия их родственникам, отчасти потому, что некоторые из них действовали вопреки закону. Там, где я не являюсь специалистом, – особенно в той части, которая касается этнографии, – я старался обратиться к первоисточникам. Далее, я не буду стараться предстать перед вами специалистом по всем медведям во всём мире и специально оговариваю, что очерк по биологии бурого медведя, открывающий эту книгу, сделан на основе моих личных исследований на северо-востоке Сибири.

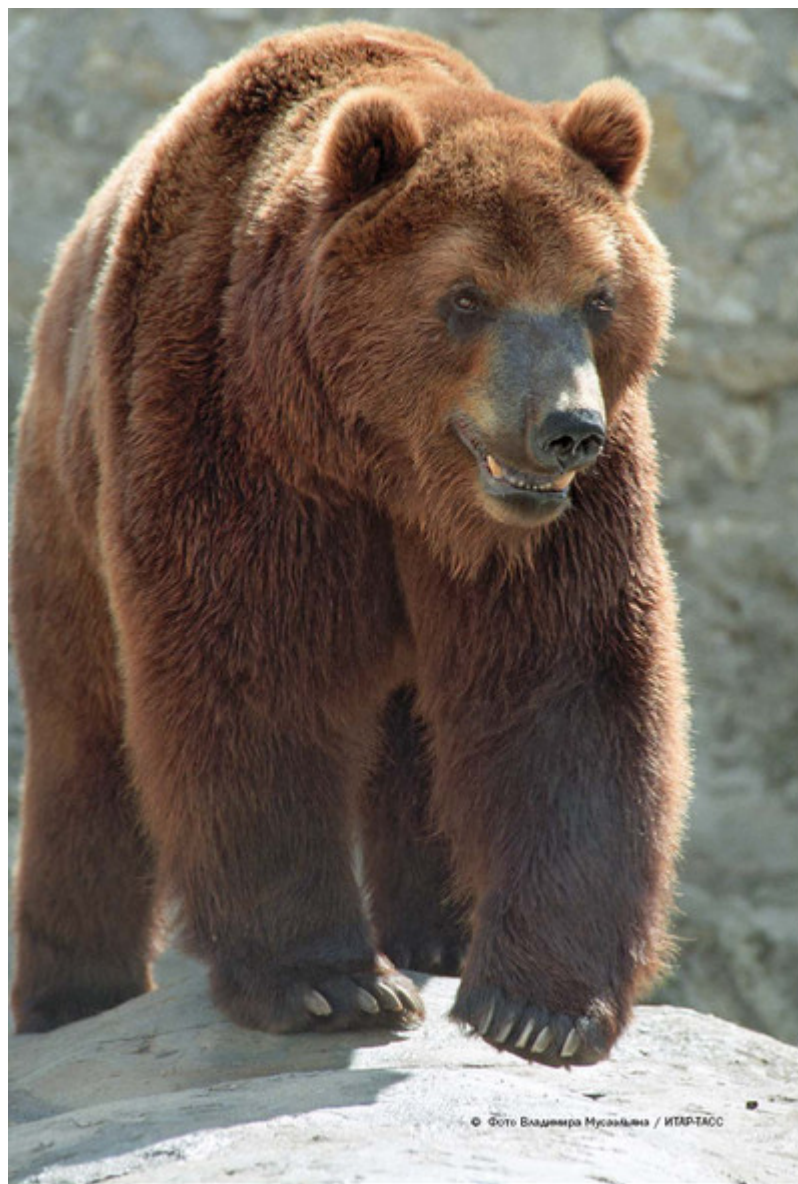
Не могу не высказать своей благодарности людям, которые сопровождали меня в экспедициях, походах, охотничьих турах, исследовательских экскурсиях. Без их помощи и замечаний эта книга вышла бы значительно менее полной и в неё не вошло бы много интересных и замечательных фактов. Особенно мне хотелось бы поблагодарить Владимира Аксёнова, Михаила Гунченко, Евгения Шевченко, Владимира Коваля, Ивана Перепелицу, Александра Кантурова, Никиту Малеева, Владимира Соловья, Владимира Дунаева, Павла Морзоева, Андрея Вайводса, Владимира Бухонина, Виктора Емеца, Олега Ракова, Александра Кляцына, Владимира Арамилева, Василия Солкина, Алексея Костырю, Дмитрия Бахолдина, Гарри Рейнольдса, Ричарда Шайделера, Дэвида Клейна, Эрика Фоллмена и Джона Хехтеля.

За сим приношу извинения за привлечённое внимание, заранее благодарный
Михаил Кречмар

Часть I Медведь как он есть

Глава 1 Медведи и люди: история взаимоотношений

Сила есть – ума не надо. Детские впечатления о нашем герое чаще всего напоминают именно эту поговорку.

Бурый медведь известен каждому из нас с самой колыбели. Бурого медведя мы видим в детских книжках, народных сказках, анекдотах, детских игрушках. Для большинства это неуклюжий увалень, немного простоватый, немного коварный, однако по-своему симпатичный зверь. Он обязательно наделён невероятной мощностью, которую использует направо и налево, иногда с пользой, а чаще – без. Более глубокое знакомство с этим абстрактным персонажем заставляет нас относиться к нему более серьёзно.

Медведи как они есть, или по-научному как семейство млекопитающих, появились на исторической арене почти одновременно с первобытными людьми и в течение всей истории развивались, так сказать, бок о бок. В первую очередь это касается самого типичного представителя этого семейства – бурого медведя. И другие медведи занимали в истории человечества заметное место – как, например, медведь пещерный, – но об этом речь ещё впереди. Тем не менее обычаи и традиции, связанные с бурым медведем, до сих пор очень заметны в нашей повседневной жизни.

История совместного существования людей и медведей тесно связана с историей освоения человечеством земного шара. Однако всерьёз взаимоотношения этих двух видов млекопитающих обострились довольно поздно – в тот интереснейший период, которым ознаменован переход от Средневековья к Новому времени.

Таким чаще всего предстаёт медведь человеку – размытый силуэт в полумраке.

Если XV–XVII века принято называть эпохой Великих географических открытий, то XIX и в особенности XX век было бы справедливо обозначить как века Великого освоения пространств. Только к этому времени – точнее, ко второй половине XIX столетия – человечество приобрело необходимую материальную базу, набрало ту гигантскую мощь, которая должна была принести победу в неизбежной, как тогда казалось, схватке с природой.

Схватки не получилось – человечество, вооружённое наисовременнейшей технологией, входило в живое тело природы, как нож в масло. Было время, когда казалось, что захват-освоение «диких земель» – дело лишь недолгого времени. Наступил момент, когда человечество занесло ногу над пропастью экологического краха и в ужасе оглянулось... Выяснилось, что природа и люди не могут существовать раздельно и, разрушая окружающую среду, человечество губит самоё себя.

В эпоху Великого освоения пространств в первую очередь пострадали именно крупные млекопитающие. Некоторые из них исчезли с лица Земли, как, например, тасманийский волк, другие вплотную подошли к роковой черте вымирания – это американский бизон, беловежский и кавказский зубры, яванский и белый носороги, амурский тигр.

Бурому медведю в данном случае повезло больше. Он не был поголовно истреблён, когда леса Сибири и Северной Америки наполнились сначала лихим народом, а потом – бесчисленными экспедициями освоения, и даже не оказался на грани исчезновения. Хотя не для всех подвидов этого зверя безудержная экспансия человечества прошла безболезненно.

Если говорить о поведении большинства людей в первый этап освоения Сибири по отношению к бурому медведю, то это поведение, безусловно, было направлено на истребление данного вида. Конечно, ни у нас, ни в Северной Америке не проводилось специальных экспедиций по очистке больших территорий от опасных животных, как это происходило в Восточной Африке, но не будем забывать, что с оружием не расставался ни один, пусть даже временный, житель тундры или тайги. И если он в каком-нибудь живом существе замечал

угрозу для его жизненных интересов, то без особого раздумья пускал в него пулю. В первую очередь это касалось такого неудобного соседа, как бурый медведь.

Подобное отношение к нашему зверю привело к тому, что ряд его рас, или подвидов, оказались на грани исчезновения. В такое положение попали, например, сирийский и Тяньшаньский белокоготный медведи. В настоящее время все они строго охраняются законом.

Истреблению медведей способствовало также укоренившееся мнение о вредности этого зверя. В 30-х годах прошлого столетия, например, считалось, что около половины всех потерь крупного рогатого скота в деревнях приходится на долю отнюдь не волка, а бурого медведя. И в какой-то степени эти претензии к косолапому были оправданны. В Европейской части России, а также в освоенных районах Южной Сибири и Дальнего Востока в то время большая часть домашней скотины находилась «на руках». Условия её содержания были, конечно, далеко не идеальные, коровы и лошади нередко паслись на закрытых полянах, в лесу, присмотр за ними был чистой формальностью – тут, конечно, поле деятельности для хищников было обширное.

Дело доходило до того, что в некоторых заповедниках, как, например, в Карелии, отстрел медведей поощрялся круглый год. Во многих областях и автономных республиках за медведя выплачивалась премия – как за волка. И это тоже не способствовало процветанию медвежьего племени.

После Великой Отечественной войны в руках человека волей научно-технического прогресса оказалось оружие истребления, сыгравшее решающую роль в сокращении медвежьего поголовья. Я говорю не о дальнобойных винтовках и карабинах, в которых какие-то недалёкие люди склонны видеть корень всех зол, не моторную вездеходную технику и не малую авиацию, хотя отнюдь не склонен преуменьшать её роль, – я говорю о простейшей на первый взгляд штуке, сделавшей охоту на медведя делом, доступным каждому человеку и одновременно безопасным на 99 процентов. Я говорю о петле из стального троса.

Конечно, самолёты на медведя были известны с незапамятных времён. Охотничьи книги прошлых десятилетий пестрят описаниями разных «щемих», «кулёмок», «опадней», «кряжей», избушек-живоловок. Просто поразительно, насколько народная мысль была хитра на изобретения такого рода.

Но, несмотря на присутствующее в подобных самолётах инженерное остроумие и смекалку, все они были далеко не просты в изготовлении, трудоёмки в работе и не давали гарантии успеха. В самом деле – медведь мог уклониться от щемихи, выскочить из жёма, а большой зверь был вполне способен разобрать изнутри избушку-живоловку. Время от времени это случалось, и насмарку шёл огромный, тяжёлый физический труд.

Петля дала возможность охотнику, как говорится, не уродуясь и не тратя излишнего времени, устанавливать на своём участке огромное количество самолётов. Конечно, и это

дело, как всякое другое, требовало определённой сноровки, опыта и умения, но всё равно затраты на добычу медведя – а взять этого умного и осторожного зверя даже в наших чересчур медвежьих местах не так-то просто – свелись к минимуму.

Так как человеку в любом деле свойственно стремиться к совершенству, то очень скоро «петельная» добыча медведей тоже была возведена в ранг искусства. Петли ставили простые, двойные и дублированные, на тропах и на приваде, с «очепом» – вздёргивающие жертву мгновенно на дерево, и с «шалашиком». Одним словом, петлевой промысел за кратчайший срок – какие-нибудь десять-двенадцать лет – достиг невиданного расцвета. Всё произошло настолько быстро, что этот варварский промысел даже не успел найти практически никакого отражения в многочисленной романтизированной охотничьей литературе.

Малая авиация – одно из основных средств истребления медведей в безлесных районах.

Нельзя сказать, что с петлями никак не боролись. С самого начала они были официально запрещены в охотничьем законодательстве. Но труднодоступность большинства медвежьих угодий, малочисленность «лесной охраны» и продержавшееся вплоть до конца 70-х годов отношение к медведю как к вредному хищнику привели к тому, что на подобные запрещённые методы власти часто закрывали глаза. Весь этот комплекс причин, способствовавших развитию браконьерства, имел в результате плачевные итоги.

В различных районах Чукотки и Камчатки, а также на юге Дальнего Востока появились охотники-медвежатники, хвастливо доводящие до сведения неискушённых слушателей совершенно фантастические сведения о количестве убитых ими животных. И самое удивительное – чаще всего эти цифры оказывались правдой! Если для степенного и неспешного промысловика довоенного времени, вооружённого примитивной трёхлинейкой или винчестером, это число за всю его беспокойную жизнь редко пересекало роковой сороковой рубеж, то в расцвет петельной эпопеи появились молодцы, набравшие за десять-двенадцать лет на своём счету сотню-другую медведей. Число медвежатников росло и множилось, постепенно закрепилось представление о медведе как о звере примитивном и в добыче доступном. То, что время от времени такого горе-охотника мишка всё же сгребал в свои объятия,

объяснялось элементарным нарушением правил «техники безопасности» – неквалифицированно прикрутил трос, установил слишком лёгкий «потаск» (тяжёлое бревно, привязанное к другому концу петли, которое мешает зверю двигаться) или дрогнула рука, когда добивал пойманного, уже, казалось бы, совсем беззащитного зверя. Пуля попала по петле, зверь вырвался и...

Медведь на плавучих льдах.

Чукотский полуостров. Фото А. В. Кречмара.

Одним словом, элемент риска в этой охоте был сведён к риску пешехода, переходящего улицу. Правда, появился новый контингент покалеченных медведями людей – туристов, геологов, рыболовов – из тех, кто спокойно шёл по своим делам медвежьими тропами и попал в лапы разъярённого пойманного хищника.

Петли сделали гораздо больше вреда для сокращения поголовья медведей, чем проклинаемые всеми авиабраконьеры. Дело в том, что у медведей очень скоро выработался условный рефлекс на звук авиационного двигателя. Заслышав его, они сразу спешили в укрытие, которое частенько находилось поблизости. Это делало их в большинстве случаев малоуязвимыми для отстрела с воздуха.

Когда с петлевым промыслом начали вести наконец достаточно эффективную борьбу, численность медведей во многих районах СССР оказалась непоправимо подорванной. В частности, это относится к некоторым областям Европейской России, Западной Сибири, а также к ряду местностей на Камчатке.

Но существует и ещё один вид ущерба, нанесённого петлевым промыслом охотничьему хозяйству. Борьба за существование, с одной стороны, удалая азартная охота, на которой было воспитано не одно поколение российских воинов, солдат, борцов за свободу, мыслителей, писателей, таких как Л. Толстой, И. Тургенев, Н. Некрасов, – с другой были в одночасье подменены корыстной бесхозяйственной погоней за «длинным рублём». Дошло до того, что к середине 70-х годов, когда «петлевики» на практике стали отходить от дел, на северо-востоке Сибири практически не осталось людей, способных добывать зверя с оружием в руках.

Прекращение варварского петлевого лова практически означало прекращение промысла вообще. Способствовала этому в какой-то мере и введённая в ту пору лицензионная система: отныне за право добыть одного медведя охотник должен был внести пятьдесят рублей и получить специальную бумагу – лицензию. Отвыкшей от контроля вольнице это правило показалось каким-то недопустимым ущемлением охотничьих привилегий. Потребова-

лось несколько лет, чтобы положение хоть как-то нормализовалось. Одним словом, наступил такой момент, когда добыча медведей на Дальнем Востоке свелась к минимуму.

И медведи сразу повели себя по-другому.

Если в силу экономических, социальных или иных причин наступает перерыв в промысле куропатки, зайца или лося, результаты его вряд ли будут иметь абсолютно непредсказуемые последствия. Когда же дело касается крупного хищника, очень трудно заранее предположить итог его строгой охраны или недоопромысла.

Но всякое рациональное использование должно иметь под собой разумную научную основу – на то оно и рациональное! И такую же основу должна иметь под собой и охрана.

Известно достаточно много примеров, когда прекращение промыслового пресса со стороны человека давало у других животных, в частности крупных хищников, рецидив агрессивного поведения. Такие явления особенно ярко прослеживаются там, где строгая охрана сочетается с туризмом, а значит, и с большим количеством народа рядом со зверем. Это происходило в национальных парках Азии, Африки и Северной Америки. Очень ярким примером остаётся история с бурым медведем гризли в национальных парках США и Канады.

Когда первые фронтьеры-скваттеры проникли на великие пространства за рекой Миссисипи, бурый медведь являлся типичным обитателем тех лесов и прерий. Конечно, недавних жителей окультуренных пространств Британии, Франции и Германии (да, добавим, и Новой Англии) не мог не поразить этот зверь, трансформированный их фантазией в какое-то допотопное чудовище. И поскольку они, видимо, считали, что соседство с медведем недопустимо для цивилизованного человека, то и к охоте на него они отнеслись со всей серьёзностью – как к индейским войнам. Словом, когда власти Соединённых Штатов, спохватившись, стали принимать меры по спасению своего гризли, то едва не опоздали...

Одним из национальных парков, призванных сохранить остатки американских бурых медведей, стал небезызвестный Йеллоустон. Кроме популяции медведей эта охранная территория должна была защищать от разрушения уникальный памятник природы – Долину гейзеров.

Прошли годы. Медведи в национальном парке размножились и наряду с гейзерами стали одной из самых привлекательных приманок для туристов.

А потом...

Американский исследователь настраивает бочку-ловушку для медведя.

Рядом – грузовик для радиослежения за зверями.

Кое-кто считает, что винить в случившемся надо только туристов. Конечно, свалки пищевых отходов вокруг кемпингов привлекали медведей, и они потихоньку, сперва по ночам, памятуя о дальнобойных стволах винчестеров и ремингтонов, стали приближаться к человеческому жилью. Но огнедышащие стволы молчали. Медведи уловили перемену в поведении людей, обнаглели, принялись рыться в мусоре, невзирая ни на погоду, ни на время суток, ни на щелчки фотокамер и блеск объективов. Затем сочли (и справедливо), что территория вокруг кемпингов также является их собственностью.

В таком неустойчивом состоянии отношения между медведями и людьми пребывали недолго. На первые агрессивные выпады люди сперва не обратили внимания, усыпленные добродушным видом мохнатых увальней. До той поры, пока не начались первые несчастные случаи. И вот – первый смертельный исход.

Когда Департамент рыбы и дичи спохватился и закрыл на некоторое время национальный парк для посещений, агрессивное поведение, как пишут наблюдатели, стало нормой более чем для половины его обитателей. «Из машины не выходить!» – такая надпись прочно завоевала место на дорогах парка по сию пору.

Безотчётный страх перед человеком у большинства диких зверей, видимо, уже закрепился генетически, и поэтому говорить, что медведи Сибири и Дальнего Востока более агрессивны по отношению к человеку, – бессмысленно. Мнение, что европейские медведи осторожнее сибирских, имеет под собой более твёрдую основу. Возможно, дело в том, что на территории густонаселённых районов страны медведей, не проявляющих страха перед людьми, неизбежно отстреливают. И практически всех, быстро, не давая им достигнуть значительных размеров и прерывая их жизнедеятельность, так сказать, в зародыше. Одновременно с этим достигается и другой результат – у них меньше шансов оставить потомство и передать свои беспокойные качества преемникам.

Американский исследователь надевает радиошейник на усыпленного медведя.

Теперь зверя будет постоянно отслеживать радио.

Таким образом, в Европейской России уже давно действует искусственный отбор, направленный в сторону «уважения к человеку», несоприкосновения с ним и плодами его деятельности. Это и неудивительно, ибо там у медведей есть обширный материал для закрепления рефлексов. Другое дело, что в Сибири и на Дальнем Востоке, где добыча зверя всё же не столь велика, некоторая часть животных просто при отсутствии опыта может не увидеть «человека в человеке» и счесть плоды его трудов за свою законную добычу.

А может, и не столько добычу. Медведь крайне любопытен – это аксиома. Медведя интересует всё необычное, но отличить необычное от безопасного он может не всегда. Давно прошли те времена, когда даже слабый человеческий запах служил зверю безошибочным индикатором тревоги. Ещё в книге В. Каверзнева «Медведи и охота на них», выпущенной в 1933 году, медвежьи капканы рекомендуется вываривать в хвойном отваре. Сейчас же такая рекомендация вызывает только усмешку.

К настоящему времени на земле практически не осталось мест, где на расстоянии двадцати километров не найти предмета, сделанного человеческими руками. Человек заполнил собой, продуктами своего производства всё пространство. Консервные банки, полиэтиленовые пустые пакеты, доски с гвоздями, железные бочки из-под горючего можно встретить и в ледяной пустыне Антарктиды, и в арктической дриадовой тундре и на каменных папахх гольцов посреди эвенкийской тайги, на тропических островах Тихого океана и в южноамериканской сельве. Человек, по выражению В. Вернадского, создал вокруг себя антропосферу – сферу человеческой деятельности, и в этой сфере оказался весь раститель-

ный и животный мир планеты. Так что тревожный в былые времена человеческий запах стал неотъемлемой частью нашего мира, любого уголка земного шара. Неудивительно поэтому, что медведь не проявляет той прежней легендарной осторожности, которая отличала его, судя по работам прежних авторов, от других хищных зверей. Медведь с интересом обнюхает бочку с бензином, заглянет в окно промысловой избушки, опрокинет брошенный в тундре снегоход... Известен факт, когда медведь забрался в оставленный посреди тундры неисправный американский истребитель «Кобра»... Это произошло во время Второй мировой войны, когда на Северо-Востоке действовал корпус, который перегонял самолёты из Америки в сражающийся СССР...

Присутствие людей – фактор, в значительной степени ограждающий творения рук человеческих от посягательства зверья. Сами мы порой с трудом себе представляем, как одно наше присутствие удерживает животных на значительном расстоянии от нашего жилья – постоянного или временного. Не раз и не два экспедиции и туристские группы проходили по местам, буквально кишашим зверьём, так и не встретив никого на своём пути. Недаром в экспедициях 30-х годов бытовало выражение: «В дороге встретишь только того зверя, который сам на ловца бежит».

Именно такое определение часто подходит бурому медведю.

Однако зададим вопрос – нуждается ли бурый медведь в охране? Не совершаем ли мы, объявляя поход в его защиту, такую же ошибку, что была допущена в 70-е годы по отношению к волку? Тогда в результате ослабления усилий в борьбе с волками многократно вырос ущерб, наносимый ими животноводству. Не ошибкой ли было прекращение выплаты премий, запрещение неограниченной охоты, введение лицензионной системы? Зачем нам и нашему хозяйству бурый медведь?

Мне кажется, что уже давно разумное большинство людей на нашей планете пришло к выводу, что любой вид животных вне зависимости от его взаимоотношений с человеком имеет право на существование. В настоящее время никакая наука не в состоянии определить, что найдём мы через десять, двадцать, сто лет на том месте, где сегодня что-то потеряем. В конце концов мы придём к тому, что охране будет подлежать любая, даже самая маленькая часть живой природы. Так, истребляемый у нас ныне волк в Германии, Франции, Польше находится под охраной закона. А в Соединённых Штатах всерьёз рассматривают вопрос о повторном заселении волком тех штатов, в которых он ранее был истреблён. Постепенно наступает время, когда жители передовых стран осознают, что дикие животные – это не братья наши меньшие, а компаньоны по проживанию в одном доме – на планете Земля. И никому из нас другого дома не будет.

Медведи на нефтяных приисках Аляски почти не боятся людей.

По крайней мере, их машин.

Ущерб, наносимый медведями охотничьему и сельскому хозяйству, вовсе не так велик, как его порой пытаются представить. Условия содержания лошадей и крупного рогатого скота в деревнях и посёлках Северной России и Сибири резко отличаются от довоенных. Можно сказать, что опасность со стороны этих мохнатых хищников в значительной степени миновала. Домашнему оленеводству медведь угрозы практически не представляет; посевы овса в лесной зоне сведены к минимуму, и вред зверя здесь также ничтожен.

Единственной серьёзной претензией, предъявляемой к бурому медведю, может быть то, что

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ МНОГОЧИСЛЕННЫМ
КРУПНЫМ ХИЩНИКОМ,
СО СТОРОНЫ КОТОРОГО ВОЗМОЖНО
НЕСПРОВОЦИРОВАННОЕ НАПАДЕНИЕ НА ЧЕЛОВЕКА.

С другой стороны, медведь всегда занимал в культурной жизни как русского народа, так и других народов Евразии своё, совершенно особое место. Медведь знаком нам и был знаком нашим предкам как персонаж сказок, басен, легенд, множества «медвежьих» пословиц, поговорок, присказок. «Неуклюжий, как медведь», «медведь на ухо наступил», «с медвежьей силой», «пусть медведь работает...» Издавна медведь неотделим от бескрайних просторов России, её глухих урманов, лесов, голубых пространств сибирской тайги. Выражение «русский медведь» прочно вошло в языки всех народов мира. Не случайно же именно медведь стал эмблемой Московской Олимпиады, ещё раз подтвердив свой титул исконно русского зверя.

Но даже если мы отложим на время в сторону соображения морального характера, то только один экономический эффект, получаемый (или который можно получать) от этого зверя, значительно превосходит небольшой ущерб, им причиняемый.

Об этом и ещё о многом другом, что удалось мне узнать, изучая бурого медведя, и будет рассказано в этой книге.

Глава 2 Медведь как он есть

Бурый медведь – крупный могучий зверь, облик которого всем давно и хорошо известен. Плотное, сбитое туловище, мощные лапы с кривыми длинными когтями, короткая сильная шея и большая лобастая башка с маленькими тёмными сонными глазками, которые отчего-то принято называть «свиными».

Служители зоопарков недолюбливают медведей именно за эти глаза. Утверждают, что по ним невозможно угадать, какие мысли шевелятся под черепом в мохнатой клыкастой башке.

Человеку, повстречавшему медведя в природе, на первый взгляд кажется, что зверь состоит из одной этой головы и приставленных к ней лап. Только чуть погодя видишь сверху над лапами и башкой колеблющийся мохнатый горб туловища – и это последнее, что успеваешь заметить, потому что зверь, почуяв на себе чей-то взгляд, тотчас растворяется в ближайших зарослях.

Так исчезать умеет только медведь – мгновенно и бесшумно, точно призрак. И ещё минуту стоишь неподвижно, соображая – видел ты кого-нибудь на пустом месте или только поблазнилось тебе, изнурённому пустынностью дикого леса. Но нет, подойдя к самой опушке, обнаружишь на полоске влажной земли крупные отпечатки, похожие на следы босой ступни с когтями. За эти следы и закрепилось среди аборигенов Сибири тайное прозвище бурого медведя – «босой старик».

Заговорив о лапах, есть смысл вспомнить и о когтях.

Коготь бурого медведя может представлять довольно внушительное зрелище – в нашем доме до сих пор находится медвежья шкура с серыми когтями длиной 14 сантиметров. Но наибольшей длиной и остротой обладают лишь когти медведя, только что покинувшего берлогу. В течение лета они стачиваются и затупляются, с тем чтобы вновь отрасти за зиму.

Когти бурого медведя – это вполне многофункциональное орудие труда с очень разнообразным использованием. Первое, что приходит в голову, когда рассматриваешь эти гибкие роговые крючки, – перед тобой орудие убийства. Конечно, когти медведя не обладают жалящей остротой когтей тигра или, к примеру, леопарда. Но ужас медвежьих когтей – в силе лапы, из которой они растут. А эту силу трудно преувеличить. От удара медвежьей лапы лопается борт дюралевой лодки, рвётся четырёхмиллиметровая стальная проволока, ломаются позвонки лошади или сохатого. Она в состоянии свалить лиственничный пенёк, по размерам сопоставимый с самим медведем, погнуть лист двухмиллиметрового железа, из которого сделан борт вездехода, разломать охотничью избушку или раздавить железную консервную банку. Даже осенью, когда весь зверь заплывает жиром перед тем, как залечь в берлогу, и тело его окутывается мягкой толстой шубой жировой ткани, лапы его остаются свободными от этого покрова. Они остаются тем, чем должны быть, – мускулистыми, жилистыми, молниеносными лапами хищника. Ибо бурый медведь остаётся хищником, что бы про него ни говорили любители теории всеобщего миролюбия.

Скелет медведя – скелет настоящего хищника: массивные кости поддерживают тяжёлое мускулистое тело.

Когти – это как раз и есть один из главных инструментов этого хищника. Когда имеешь дело с медвежьими когтями, надо помнить, что они не растут просто из лапы пучком, как торчат гвозди из доски. Каждый коготь растёт из пальца, как ноготь на руке человека, и этот палец сам по себе способен к действиям. Медведь может подогнуть четыре когтя к ладони, а оставшимся проткнуть банку со сгущённым молоком. Когда медведь наносит удар, пальцы с когтями на его лапе растопырены, для того чтобы увеличить площадь поражения. После удара зверь сжимает ладонь – так, чтобы полукруглые костяные серпы ещё глубже вошли в тело жертвы и удерживали её, пока она не перестанет двигаться.

Несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, медведь гибок и пластичен, как кошка.

Однако когти несут и другие функции, полезные для бурого медведя. Например, когтистая лапа – прекрасный инструмент для разламывания трухлявых деревьев в поисках насекомых. А ещё – нечто вроде экскаваторного ковша, если требуется разрыть нору арктического суслика или сурка, выкопать берлогу или разгрести неохраемую могилу на кладбище.

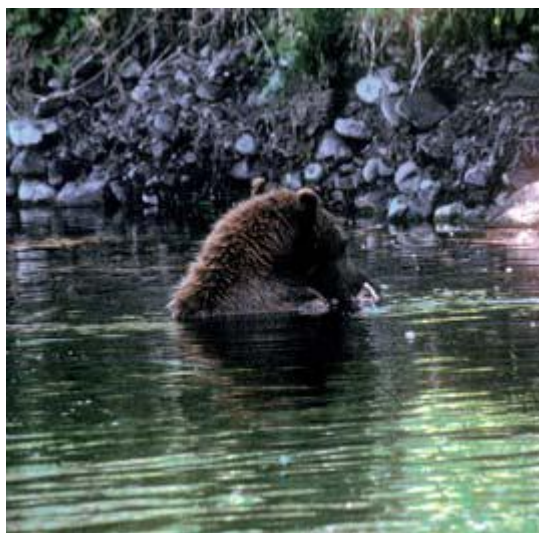
Физическая мощь бурого медведя издавна вызывала самое неподдельное удивление у охотников и натуралистов, да и любого человека, кто с ним сталкивался. Казалось, люди не в состоянии спокойно относиться к живому существу, наделённому столь феноменальными способностями.

Медведь со светлой шкурой может оказаться родным братом медведя со шкурой тёмной (оба снимка сделаны в одном месте, на расстоянии 2 км друг от друга)

Медведь со светлой шкурой может оказаться родным братом медведя со шкурой тёмной (оба снимка сделаны в одном месте, на расстоянии 2 км друг от друга)

Ещё А. Черкасов писал о медведе: «Сила челюстей его удивительна: зубами он дробит огромные кости, перекусывает толстые берёзовые бастрыги, а лапами бьёт так сильно, что с одного удара убивает до смерти человека и роняет лошадь на землю. Сила его замечательна: он, стоя на дыбах, легко держит в передних лапах больших быков и лошадей и даже перетаскивает их с одного места на другое».

Бурый медведь плавает не хуже белого.

Клыки у медведя также являются непосредственно орудием убийства. Их он использует по большей части для того, чтобы удерживать уже пойманную добычу. При этом пускает в ход всю мощь своих тяжёлых челюстей – их усилия бывает достаточно, чтобы промять насквозь ствол дробового ружья. По крайней мере, о таком случае рассказывает великий знаток русского медведя профессор Н. К. Верещагин.

Зубная система бурого медведя производит на специалиста двойственное впечатление. Массивные острые клыки плотоядного хищника рядом с бугорчатыми плоскими коренными зубами, предназначенными скорее для перетирания пищи, говорят о том, что рацион бурого медведя включает в себя много элементов как животного, так и растительного происхождения.

Какой вид пищи и когда он предпочитает, мы поймём, когда подробнее рассмотрим всего лишь один год из жизни бурого медведя.

Глава 3 Медвежья жизнь как крайняя форма индивидуализма

Жизнь медведя трудна, голодна и полна неожиданностей. Границы владений нашего героя протянулись от джунглей Южной Азии и нагорий Тибета до убогих чахлых тундровых кустарников и полосы лесотундры. Они образуют область обитания бурого медведя – его ареал.

Конечно, было бы наивно думать, что медведи, живущие в столь разных местах, во всём походят друг на друга. Как и люди, они образуют различные расы или подвиды. Учёные-систематики в разное время выделяли на территории СССР до 10 таких «медвежьих народов». Это, правда, не идёт в сравнение с дробной системой, которая была принята в Соединённых Штатах, – один американский исследователь ухитрился выделить на одной Аляске около 40 видов медведей. Но время прошло, систематики поуспокоились, золотой период их расцвета прошёл, и сейчас считается, что на территории Евразии, помимо четырёх основных подвидов бурого медведя: обыкновенного, восточно-сибирского, камчатского и маньчжуро-уссурийского, – выделяют ещё медведя сирийского, белогоготного и кавказского.

Только медведица может уживаться со своим детёнышем – но не дольше двух с половиной лет.

Пожалуй, из крупных млекопитающих никто, кроме бурого медведя, не может похвастаться такой огромной «захваченной» территорией. Я добавлю, что пресловутый медведь гризли, обитающий в Северной Америке, по существу ничем не отличается от нашего русского топтыгина.

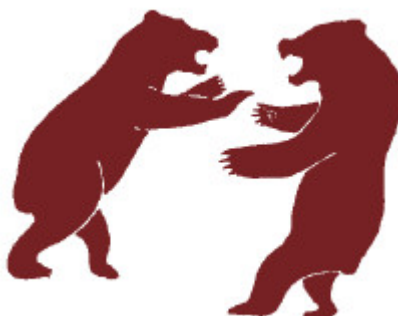
Между ареалами различных подвидов не существует резко проведённых границ. Пограничные территории шириной в десятки, а то и сотни километров заселены зверями, обладающими промежуточными чертами.

Каждая разновидность медведя выделяется своими характерными признаками, которые проявляются не только во внешнем облике, но и в поведении, в образе жизни. Их определяет бытие медведя.

А бытие нашего героя обусловлено прежде всего особенностями климата и способом добывания пищи.

Безусловно, бурый медведь никогда бы не смог завоевать такие огромные пространства в Евразии и Северной Америке, если бы не умел приспосабливаться ко всему на свете. У учёных принято говорить, что бурый медведь – вид экологически пластичный.

Науке известно огромное количество так называемых узкоспециализированных видов, как современных, так и давно вымерших. Хрестоматийный пример целого класса, вымершего в незапамятные времена из-за того, что жизнь резко переменилась, – пресловутые динозавры. Их в большинстве своём как раз и отличала необычайно узкая специализация. Из множества современных зверей такого рода можно вспомнить жирафа, ленивца и сумчатого медвежонка – коала. Коала питается только листьями определённой группы эвкалиптов, жираф – прекрасный пример приспособления к жизни в саванне и нигде более; ленивец – своеобразный приспособленец к висячему образу жизни в условиях изобилия корма. Он живёт (а может, правильнее – существует) в кронах деревьев южно-американской сельвы, повиснув спиной вниз на ветках и медленно жуя листья. Ленивец погибает, даже если расстояние между соседними деревьями – тем, которое он уже объел, и тем, на которое ему хочется перебраться, оказывается слишком велико.

В противоположность этим узким специалистам, про которых можно сказать, что они постоянно пребывают на «лезвии экологической бритвы», существуют пластичные виды, для которых нет таких жёстких границ среды обитания. Среди них, конечно, чемпион по выживанию – «комнатная собачка дьявола» – серая крыса. А также волк, ворона и, конечно же, бурый медведь.

Одним из главных показателей пластичности животного является его всеядность.

Ещё один пример похожего «приспособленца» в дружной семье животных – кабан, также «захвативший» изрядный кусок земной поверхности. Тот всеяден настолько, что через эту свою черту вошёл в русскую народную мудрость. В пернатом мире повадками и образом питания очень похож на медведя ворон.

И что интересно – именно эти животные имеют и наиболее высокий среди зверей и птиц «интеллектуальный уровень». А если мы продолжим поиски всеядных аналогов, то в конце концов через обезьян упрёмся в самих себя. Люди всеядны в высшей степени.

Именно всеядность, как считают некоторые учёные, способствует выработке настолько сложного поведения у вышеперечисленных животных (включая человека). Кое-кто даже усматривает в нём первичные элементы разума. В самом деле – для того, чтобы

поддерживать свою жизнь столь разнообразными способами, как это делает бурый медведь, можно предположить, что он обладает гораздо более широким набором реакций, чем, скажем, корова. Бурый медведь собирает ягоды и охотится на крупных копытных, ловит рыбу и выкапывает из нор сусликов, разоряет муравейники и ищет падаль, разыскивает гнёзда и громит охотничьи избушки... Всем этим он занимается во славу живота своего и для продолжения жизни.

С другой стороны, ошибочно считать медведя тупым пожирателем самого доступного корма – он отнюдь не прочь поразнообразить свой рацион. Опытные охотники знают, что во время нереста лососёвой рыбы медведь лучше всего «клюёт» на мясную приваду, а пытаться приманить его гнилой горбушей – дохлый номер. Зато в начале лета гряда прошлогодней кеты для него – лучшее лакомство.

Интереснее всего, что медведь всякий раз пользуется новыми способами добывания пищи. Трудно найти другого зверя, столь быстро реагирующего на возникающие изменения в окружающей среде, как бурый медведь.

Тогда почему же медведи, раз они такие умные, так не любят друг друга?

Главный враг бурого медведя (кроме человека) – это сам бурый медведь.

...В Департаменте рыбы и дичи штата Аляска на шкафу моего друга Гарри Рейнольдса среди папок, карт и полевых дневников пылился костяк

медвежьей башки. Хорошо зная своего коллегу, я всё время удивлялся, как он может держать в своём крохотном кабинете такой здоровенный вонючий череп.

– Это не простой медведь, – хитро улыбаясь, сказал Гарри, – он был одним из сотни медведей, носивших радиошейники в хребте Брукса, в нашем районе исследований. Мы брали у них пробы крови, позволяющие выяснить, кто в какой степени родственник другу. Ну и наблюдали за ними, само собой разумеется.

– Так вот, этот медведь – ему был присвоен номер 1652, – продолжал Рейнольдс, – убил и съел четырёх молодых медведей, которые, вероятно, были его детьми, а также старую медведицу, которая, судя по анализу ДНК, была его матерью. В конце концов, он возомнил себя самым крутым медведем на нашем участке тундры и вломился в балок к трапперам-эскимосам. Эскимосам он не успел объяснить, сколь он крут, потому что они его, не задумываясь, пришлѣпнули.

У этой лиственницы половина кроны ободрана медведем.

Случай, когда большой медведь напал и убил медведя поменьше, я лично наблюдал весной на Охотском побережье во время сопровождения группы иностранных охотников, приехавших в Магаданскую область охотиться на медведя.

Дерево, помеченное многими медведями. Такие «верстовые столбы» медведи размещают вдоль своих троп и перекрёстков.

Один из гостей был германским банкиром и владельцем казино, охотой не интересовался и поехал с охотниками, что называется, за компанию. Он отходил от лагеря не более чем на 600 метров, сидел недолго на валунах, а затем возвращался обратно. Однако к концу поездки, когда его компаньоны начали обрастать трофеями, он забеспокоился.

Пригласив меня в палатку, он произнёс бессмертную фразу, почти дословно совпадавшую с фразой, прочитанной мной когда-то в книге Дж. Хантера «Охотник».

– Вы ведь охотник, правда? Вот и охотьтесь! Убейте мне приемлемого медведя, а я потом приду в это место, мы сфотографируемся – вот и у меня будет трофей!

Решение это меня несказанно обрадовало – перспектива иметь неотстрелявшегося клиента мне совершенно не улыбалась.

Должен сказать, что охота в одиночку и сопровождение клиента на охоте – это до такой степени разные вещи, что даже обсуждать их вместе несколько неудобно. В сопровождении охотника гид должен находить компромисс между поисками трофея и личными предпочтениями гостя. Иногда бывает так, что клиент просит вас объяснить ему, почему вы ведёте себя так или иначе, а вы не можете... Просто ваш личный опыт и какие-то необъяснимые, буквально витающие в воздухе приметы подсказывают, что поступать надо именно так, а не иначе. Но гость довольно часто, обладает собственным охотничьим опытом, иногда – не

меньшим, а то и большим, чем у проводника, тем более – приобретённым в очень различных условиях. Когда же охотишься в одиночку, то считаться приходится только с самим собой.

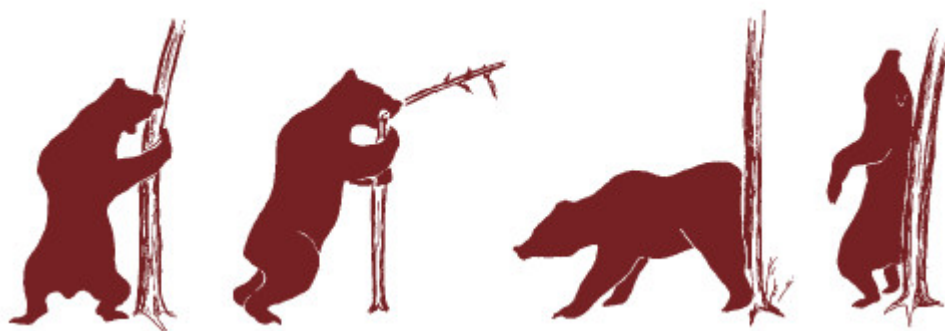
Итак, я шёл вдоль скального клифа Охотского моря. В этих местах он не был сплошным обрывом – скальники перемежались длинными, уходящими вниз зелёными луговинами, на которых паслись медведи и снежные бараны. Внизу на скалах белыми кружевами висел прибой. Я шёл против ветра и вдруг увидел на кромке обрыва в полукилометре от себя довольно крупного медведя. Меня насторожило то, что медведь вёл себя беспокойно, время от времени садился на землю, крутил головой, будто пытаясь поймать крутящийся над скалами ветер.

Я прикинул – видеть меня он не может, – я нахожусь ещё довольно далеко от него и стою на фоне холмов. Ветер дует на меня – значит, он не может меня почуять. Правда, может быть, с наветренной стороны идёт ещё одна группа охотников из нашего же лагеря и медведь чует именно их. С другой стороны, вроде никто, кроме нас, в эту сторону не собирался идти. Но медведь совершенно очевидно выглядел встревоженным. Поэтому я решил двигаться как можно осторожнее и укрылся за камнями. Медведь же продолжал идти мне навстречу, постоянно останавливаясь и нюхая воздух. И в тот момент, когда я решил остановиться и подождать, пока медведь сам подойдёт ко мне на расстояние верного выстрела, зверь вдруг развернулся и кинулся вниз по уходящей к морю зелёной луговине и скрылся из вида. Почти сразу же оттуда раздался отчаянный медвежий крик, наподобие того, как орут медвежата, когда их шлёпает разъярённая их непослушанием медведица.

Останки медведя, погибшего в схватке с другим медведем. Фото О. Мочаловой.

Я сразу сообразил, что произошло, – странное поведение большого медведя объяснялось тем, что он скрадывал другого медведя, который пасся на луговине внизу и которого я не видел. Сразу же прикинув, что медведям сейчас явно не до меня, я побежал по гребню обрыва, уже совершенно не скрываясь, и наконец увидел поразительную картину.

Маркировка деревьев медведем

На небольшой лужайке большой медведь прижимал лапами к земле маленького медведя – похоже, трёхлетку, только что отогнанного матушкой. Он держал его голову в пасти и, видимо, только что прокусил череп, потому что малыш уже не орал, а просто дрожал в агонии. Большой медведь потрянул его раз-другой, словно желая наверняка убедиться, что медвежий подросток уже не оживёт.

Тут пуля из самозарядного карабина «Тигр» и пробила его грудную клетку, задев позвоночник. Он так и упал на землю, не разжав челюсти, которые раздавили череп молодого сородича.

Агрессивность медведей по отношению друг к другу, их крайний «индивидуализм», возможно, объясняются особенностями их питания. «Два медведя в одной берлоге не уживаются» – гласит русская поговорка. Благодаря своим размерам и образу жизни медведь – крайне энергоёмкий зверь, поэтому он испытывает необходимость есть постоянно и помногу. Запасы же пищи в наших суровых условиях отнюдь не безграничны.

Вот и ответ на вопрос, почему большие медведи так не любят друг друга.

Чем-то он сродни старой шутке времён застоя: у нас не может быть второй партии, потому что две мы не прокормим.

Американский зоолог Стефен Герреро считает, что взаимная агрессия является нормой поведения бурого медведя и не наблюдается только у самки по отношению к собственным детёнышам.

Как утверждает этот же автор, именно она обеспечивает равномерное расселение зверей по территории.

Неуживчивостью медведей долгое время занимался испанский зоолог Ривьеро Кольменьерес. Он изучал социальные отношения в группе бурых медведей. Зверей он держал не где-нибудь, а в Мадридском зоопарке, в большой открытой вольере. Его наблюдения показали, что небольшие молодые самцы вполне терпимы друг к другу и иногда между ними возникает даже что-то вроде взаимных привязанностей. Такие медведи часто играют между собой, уступают друг другу невостребованных самок и иногда даже совместно атакуют старых самцов.

Старые же медведи-самцы совершенно неспособны ужиться с кем бы то ни было и не переносят близкого присутствия других медведей. Конечно, будучи заключёнными в компанию себе подобных, эти звери чувствуют себя отвратительно. Жизнь их становится сущей каторгой, выходом из которой может стать только смерть. Однако в природе именно взрослые большие звери составляют касту самцов-резидентов (хозяев – по терминологии охотников-промысловиков), которая и является основой медвежьего населения.

Так что несколько медведей в одной берлоге уживаются только в случае, если это семья – медведица со своими медвежатами.

Кроме человека есть ещё два вида млекопитающих, которые могут попробовать поставить на место «хозяина тайги». На Дальнем Востоке – это тигр, а на всём остальном ареале в голодные годы – волки. Известный натуралист, исследователь Приморья Л. Капланов упоминает случаи успешного нападения тигра на бурого медведя.

Амурский тигр – единственный реальный соперник медведя по силе и ловкости.

Однако, внимательнее читая литературу, постепенно приходишь к выводу о том, что гораздо чаще случается наоборот. В частности, В. Байков приводит два случая убийства медведем уссурийских тигров. Другой современный исследователь рассказывает о том, что когда медведи Сихотэ-Алиньского хребта выходят из берлог, они начинают тигров... тропить! Не для того, чтобы полакомиться кошатиной. Их задача гораздо проще. В принципе тигр как хищник гораздо «способнее» медведя. Средний тигр убивает за неделю двух-трёх подсвинков или одного-двух изюбрей. И тут выступает на сцену бурый медведь.

Выступает он на неё в качестве вымогателя. Ему достаточно найти остатки добычи полосатого хищника, чтобы обеспечить себе пропитание. А если возле добычи ещё пребывает её законный хозяин, то последний предпочитает уйти, не связываясь с косолапым великаном.

Сведения о случаях нападения стай волков на медведя противоречивы и, главное, немногочисленны. Вероятнее всего, волки представляют для медведя опасность лишь в зимнее время и в голодные годы.

Капитан-исправник Анадырского края Н. Сокольников в начале прошлого века пишет: «Ламуты не знают, чтобы волки когда-либо загрызли медведя, они, случается, на него напирают, но не могут – кидаютца по одному, а он их лапой».

Русский натуралист А. Черкасов, напротив, приводит реальный случай, когда бурый медведь всё же пал жертвой стаи волков. Произошло это зимой в Забайкалье. Вот как он это описывает:

«Однажды глубокой осенью, уже по снегу, я нашёл в лесу до половины съеденного медведя, около которого, кроме волчьих следов, никаких других не было. Надо полагать, что медведь был растерзан волками живой, ибо около трупa место было избито, истоптано медвежьими и волчьими следами и видна была кровь, медвежья и волчья шерсть; кроме того, попадались карчи и камни, которые, по-видимому, лежали не на своих местах и, вероятно, служили медведю при обороне; они тоже были окровавлены и исцарапаны когтями. Промышленники утверждают, что медведи, преследуемые волками, не имея возможности спастись от них, заскакивают на поленницы дров или на зароды (стога) сена, оставленные или в лесу, или около – в логах окрестными жителями, и защищаются поленьями до последней возможности».

Серьёзный отпор может дать медведю и великан северной тайги – взрослый лось. Советский орнитолог Владимир Правосудов весной 1987 года на реке Яме нашёл труп медведя, в грудной клетке которого зияла дыра, как будто пробитая поленом. Рядом держалась лосиха с лосёнком. На лосихе в бинокль можно было разглядеть многочисленные раны.

Однажды мне пришлось наблюдать поразительную картину, как крупный медведь пытался оценить возможность удачного нападения на семью лосей в бассейне реки Колымы.

...Был блёклый сентябрьский день на реке Кедон, правом притоке Омолона. Я медленно шёл вверх по реке, обходя острова леса, и был уже довольно далеко от лагеря. Прямо впереди серой черепахой поднимался осыпавшийся пологий склон сопки.

«Вот сейчас поднимусь на него, и вся пойма будет как на ладони – подумал я. – Листья уже пооблетели, так что больших животных я по-любому увижу...»

Склон, засыпанный крупными, покрытыми чёрным лишайником камнями, выглядел устрашающе круто. Тем не менее подниматься по нему было довольно легко – размеры камней где-то соответствовали высоте стандартных ступенек на лестнице. Так я и карабкался по этому холму-лестнице, вместо площадок используя систему ориентиров: возле жёлтенькой лиственницы передохну, под кустом стланичка посижу, а на моховой полянке огляжусь.

Типичная медвежья тропа – две цепочки параллельных следов.

По склонам всегда поднимаешься не прямо в лоб а чуть-чуть наискось. Так и видишь побольше, и идти полегче. И всё время кажется, что будто за угол заглядываешь. А угол такой большой, практически бесконечный. И вот, поднявшись уже метров на двести, я заглянул ещё за один такой уголок...

Река, только что подошедшая прямо под сопку, чуть поодаль чуть-чуть отворачивала от неё, оставляя под бортом горы маленький островок леса – точнее, не леса, а так – метров двести тополей, метров двести мелкого чозениевого подроста, всё остальное – сплошной серый галечник. На другом берегу реки – жёлто-красно-коричневое лиственничное редколесье.

И вот... В этом маленьком островке, который всего-то – из винтовки насквозь перестрелить – стоят четыре лося. Причём как стоят!

Три лося находились вместе на опушке тополей: взрослый огромный бык-рогач почти чёрного цвета, самка и молодой лось прошлого года с маленькими рогами-шпильками. Чуть поодаль, в чозениевом подросте стоял другой лось-рогач, пришедший явно с недобрыми намерениями. Видно было, как он сшибает молодые деревца своими могучими лопатами-рогами, роет копытами галечник и ревёт. Причём как он ревёт, было именно что видно. Звуки с такого расстояния до меня не доносились, или их каким-то ветерком относил, только видно было, как из его морды регулярно вылетало облачко белого пара.

Несмотря на такое устрашающее поведение соперника, лось-семьянин даже и ухом не вёл. Не ревел, не рыл копытом землю и тем более не портил зелёные насаждения. Видимо, зело он был уверен в собственных силах и в привязанности подруги.

На другом берегу реки, в лиственничном редколесье, стоял пятый сохатый. Стоял он практически неподвижно. Только приносясь и прислушиваясь. Видимо, пытался реально оценить свои шансы в предстоящей схватке гигантов.

Но и это было ещё не всё!

Прямо подо мной, на маленькой сухой протоке под склоном горы, буквально в двухстах метрах от меня лежал, вытянувшись, как кошка, большой бурый медведь. В отличие от меня он не мог видеть лосей, зато он их, без сомнения, слышал и прекрасно чуял. Он специально занял позицию с подветренной стороны и всячески пытался оценить возможность присовокупить кого-либо из лосиной семейки к своему столу. Мне, так же как и медведю, было очевидно, что большой бык-сохатый в разгар гона ему не по зубам. Поэтому медведь, скорее всего, хотел отбить от семьи молодого лося, но как это сделать?

Огромный зверь крутился на открытом месте, и, кажется, в сильную оптику можно было наблюдать, как шестерёнки, подсчитывающие вероятности, крутятся у него в голове. Его движения говорили о его животных желаниях гораздо красноречивее, чем выкрутасы стриптизёрши на подиуме. Он вставал столбиком на задние лапы, поводил огромной лобастой башкой направо и налево, пытаясь поймать тончайшие струйки лосиного запаха, который говорил бы ему о перемещениях семьи, ложился на живот, продолжая вертеть головой. Наконец, он успокоился и замер, лёжа на гальке, видимо, взвешивая все шансы добраться до лосиного подростка.

Через десять минут он поднялся, видимо, приняв какое-то решение, прошёл вдоль склона протоки, попутно обсасывая ягоды шиповника с ветвей, перешёл русло протоки по чёрному хрустящему льду, переплыл Кедон и направился по лиственничному редколесью к нашему лагерю. Туда он и пришёл через два дня. Но это уже совсем другая история.

Немного погодя ушёл (но только в другую сторону) и лось-пришелец – в поисках более доступной самки. Больше я его никогда не видел.

Надо обязательно сказать об одном качестве характера бурого медведя, накладывающем заметный отпечаток на его поведение. Это любопытство. Именно интерес – первая реакция медведя на какое-либо новое и не вполне понятное явление. Медведи интересуются решительно всем – бочками из-под бензина, надутыми резиновыми лодками, хлопающим пологом палатки или шевелящимся на склоне предметом, который может оказаться как снежным бараном, так и человеком или брошенной телогрейкой.

По большей части любопытство служит тому же «животному» интересу – нельзя ли это «нечто» по возможности съесть? Для того чтобы внести ясность в сей принципиальный вопрос, предмет сперва исследуется медведем на расстоянии. В первую очередь, зверь определяет, как пахнет объект его исследований. Одновременно выясняется, не издаёт ли предмет каких-либо подозрительных звуков. Затем зверь подходит поближе. Последняя стадия изучения – проба когтем или зубом. И если оказывается, что предмет беззащитен и съедобен, – тогда, увы...

Правда, исследование не всегда доводится до конца. Наряду с любопытством в характере медведя присутствует и такая традиционная для дикого зверя черта, как подозрительность. И если медведь по какой-то причине вдруг сочтёт, что объект его изучения может оказаться опасным, то ретируется.

Наиболее последовательны в своих изысканиях самые молодые и самые крупные звери. У первых смелость в обращении с незнакомыми предметами зиждется на недостатке жизненного опыта. Из-за этого они часто не способны правильно оценить опасность и соразмерить с ней свои силы. Уверенность вторых основана на осознании своей силы.

Здесь уместно немного поговорить о такой странной для дикого зверя черте, как «чувство собственного достоинства». Чаще всего оно проявляется как раз у самых больших медведей, не привыкших уступать кому-либо добычу, дорогу или просто место под солнцем.

Мой отец во время маршрута на полуострове Тайгонос в северном Приохотье заметил на поляне крупного медведя. Обойти его не представлялось возможным, и отец, не желая убивать зверя, нашёл, как ему показалось, выход. Он выстрелил из винтовки в куст перед носом зверя.

После выстрела медведь повёл себя достаточно странно. Во-первых, сразу он не убежал, на что, признаться, рассчитывал отец. Он подошёл к кусту, обнюхал место, куда попала пуля, и вновь начал неторопливо пастись. Так, по крайней мере, могло показаться со стороны. Но во время пастьбы медведь довольно быстро занял место, на котором прицельный выстрел в него стал невозможен, а когда удалился под прикрытие густых зарослей, вдруг бросился удира́ть со всех ног от опасного места.

Впечатление «продуманности» поступков зверя вызывается тем, что медведь, как кажется, не предпринимает опрометчивых шагов. В книге зоолога Юрия Язана упоминается, что во время охоты на лосей в Печорской тайге «пустые» броски практически исключаются. «Чёрный зверь» никогда не бросится на другое животное – будь то лось, олень, кабан или человек, – не будучи заранее уверен в результатах своего нападения. Подготовка атаки проводится традиционными для хищника приёмами – преследованием, скрадыванием и засадой. Берёт медведь добычу на коротком рывке – так что жертва обнаруживает перед собой хищника лишь в самые последние секунды.

Медвежонок, погибший при падении с берегового обрыва. Фото О. Мочаловой.

Сторонники теории врождённого «миролюбия» бурых медведей обычно приводят примеры из личной практики или наблюдений знакомых. Примеры эти заключаются в том, что, дескать, медведь проходил в ста метрах от оленя, сохатого или самого рассказчика и не про-

явил к нему никакого интереса. Действительно, если медведь не уверен в успехе своего нападения, то он считает своим долгом показать, что не очень-то ему и хочется этого мяса.

Надоело-с. Не барское это дело – за оленями гоняться. Что характерно, и противоположная сторона, т. е. потенциальная жертва, тоже знает, где и при каких обстоятельствах надо остерегаться медведя, а при каких – нет. Понимает, что заметный издали и спокойно идущий медведь в сто раз безопаснее скрытно крадущегося. Тем не менее, если кто глупый решит испытать судьбу и подойдёт к такому прогуливающемуся мишке на критические 10–15 метров, он мгновенно поймёт, что имеет дело не с библейским львом.

Потому что если медведь о чём-нибудь и думает, так это о том, что бы сегодня поесть.

Глава 4 Меню нашего героя

Наряду со столь тривиальными блюдами, как кедровые шишки, ягоды, мёд и гнилая рыба, в меню медведя могут присутствовать и осколки бутылок, и консервные банки, и даже камни. Однажды мне повстречался медвежий помёт, почти целиком состоявший из изжёванного полиэтилена.

Я уже упоминал о том, что если внимательно рассмотреть медвежью пасть, то она производит некое двойственное впечатление: мощные клыки хищного зверя, призванные разрывать мышцы и дробить кости добыче, сосуществуют с плоскими поверхностями коренных зубов, перетирающих растительную пищу.

Анализ питания такого, в общем-то далеко не безопасного животного проводится довольно интересным способом. В самом деле, не подойдёшь же к мирно пережёвывающему на лугу пищу гиганту и не задашь ему вопрос, наподобие Нильса из сказки Сельмы Лагерлёф: «А не ответите ли вы, многоуважаемый Медведь, что изволите вы кушать в настоящее время?».

Первый способ изучения меню бурого медведя заключается в элементарном подглядывании. Исследователь следует за бурым медведем по пятам. Ну, не совсем по пятам, а на значительном расстоянии, вооружённый биноклем, и следит за всеми действиями своего подопечного, стараясь точно замечать места, где медведь решает перекусить. Заодно старается разглядеть и то, чем он перекусывает.

Ягоды брусники – одно из главных лакомств сибирских медведей, когда они весной выходят из берлоги.

Другой метод изучения этого зверя сравнительно безопаснее, но возможен только ранней весной и поздней осенью, когда землю укрывает белый мягкий слой снега, на котором остаются отчётливые следы. По следам всё видно – вот мишка гнилую муравьиную колоду развалил, вот погрыз сухое бревно, вот копался на дне высохшей протоки, пытаясь добраться

до снулой, оставшейся с прошлого года кеты – судя по глубине выкопанной ямы он учуял её почти что с метра из-под снега...

Третий способ, самый малопривлекательный и неаппетитный, но при этом и наиболее результативный – это разборка помёта зверя. Промывая эту массу, как старатель крупинки золота, исследователь находит в ней непереваренные стебли растений, семена трав, шелуху орехов, кости животных. Затем в результате многолетней практики он опознаёт бранные останки и фиксирует, кого и когда медведь удосужился слопать.

По-настоящему полную картину о медвежьей диете может дать только совокупность этих способов.

Любимая ягода всех медведей – голубика.

Меню бурого медведя меняется очень сильно, во-первых, в зависимости от времени года, во-вторых, от места, в котором он обитает, – в кавказском ли горном лесу, тибетской степи, северной тайге или чукотской тундре.

По времени года его рацион можно разбить на три составные части.

«Весенняя» диета – когда медведь переживает самый неприятный период: кругом холодно, снег, и под этим снегом скрывается всё съедобное. Правда, после выхода из берлоги ему немного помогает остаток зимнего жира. Вопреки легенде медведи выходят из берлог отнюдь не истощёнными! Они сохраняют на себе достаточно жирку, чтобы просуществовать в царстве снега и весенних вьюг до первых проталин и первых ростков съедобной зелени. По-настоящему они худеют только в начале лета.

Весна, в понимании медведя, длится, пока снег не растает настолько, что уже не мешает ему гулять по лесу. В поймах рек крупные звери ищут хоть какой-нибудь харч по руслам пересохших водотоков, под корягами, в завалах брёвен, куда течение сносит с осени мёртвых отнерестившихся лососей. Но и теперь медведя не покидает его обычная подозрительность. На открытые пространства вроде русла большой реки он днём носа не кажет. А если прижмёт...

Именно весной медведь, лишённый свежей зелени, становится самым опасным хищником северной тайги – нападает на лосей и оленей, давит на пастбищах коров, раскапывает жилища сусликов и сурков...

Ещё один грех северного медведя – «сбор» новорождённых телят северного оленя в период отёла. Например, в стаде одной только бригады совхоза «Омолон» в верховьях реки Утачан в мае 1989 года медведи «собрали» 60 телят.

Весной медведи начинают кидаться и на человека.

Искать пищу медведям помогает острый нюх, который позволяет им разыскивать глубоко под снегом мёртвую рыбу, оставшуюся на дне нерестовых протоков, обнаруживать утонувших в полыньях лосей и находить падаль иногда на очень большом расстоянии (по ветру – около 9 км).

Лось, завязший в глубоком снегу, – традиционная добыча медведя весной.

Кстати, ко всеобщему удивлению, лоси тонут очень часто. Обычно это происходит поздней осенью, когда ледяная вода начинает схватываться чёрным ломким льдом. Лось, переплывая реку, из-за ледяной кромки не может выйти на берег, режется, начинает биться, устает, и его сносит течением под крепкие льдины.

Медведи ранней весной из-за глубокого снега предпочитают держаться на крохотных пятачках – диаметром до полукилометра вокруг места зимовки. Постепенно приходя в себя после зимнего сна, зверь подолгу, часами, лежит на солнышке, а в непогоду и по ночам укрывается в самой берлоге.

Те маленькие медведи и медведицы с медвежатами, которым в благословенной пойме не хватило места, кормятся на рано оттаивающих юго-восточных склонах гор и в тундре. Там они собирают остатки прошлогодних ягод – шикши (водяники. – *Ред.*), брусники – и орешков кедрового стланика. Ещё они переворачивают камни, добывая маленьких северных зайцев – пищух.

Иногда голод припирает настолько, что медведи закусывают хвоей кедрача и лишайниками.

В конце весны, когда снег под ударами солнца начинает быстро таять, медведи с гор уходят в долины рек, которые на Севере напоминают оазисы. Пройдя ранним утром по предгорьям, можно увидеть, как за ночь белую снежную пелену исчертили прямые линии «ходовых» медвежьих следов.

Лето, как отдельную главу из жизни бурого медведя, можно условно заключить в следующие рамки: со времени обсыхания поймы и до начала массового созревания ягод и кедрового стланика, т. е. примерно с конца июня и до начала или середины августа.

Бурые медведи на своих наделах тяготеют к тому малому числу мест, где они могут рассчитывать на съестное. Это, как правило, разного рода устья, стоки с озёр, пересыхающие лужи, поросшие хвощами поляны и приплески. Здесь же чаще всего стоят рыбацкие сети и полевые станы сенокосчиков. Что происходит, когда «индивидуальные участки» людей и медведей перекрываются, я расскажу попозже, но во многом это и так понятно.

Лето для бурого медведя – сезон травы, хвощей и злаков. Иногда он отвлекается на поиски птичьих гнёзд, жилищ ос, шмелей, Муравьёв и лесных пчёл. Может при случае придавить лапой зазевавшегося утиног хлопунца или броском из засады достать лосёнка, но в целом в это время наш герой обычно переключается на растительный рацион.

Раскопка муравейников – фирменное медвежье развлечение.

Очень трудно переоценить в летней диете зверя значение такого вроде бы непривлекательного, грубого корма, как хвощ. Для многих животных он ядовит. А вот брюхо медведя – ничего, спокойно переваривает хрустящую хвощевую массу, и зверь даже ухитряется набрать на ней какой-никакой жирок. В среднем течении Анадыря, где после половодья раскидывается настоящее царство хвоща, я не раз встречал медведей, которые вечерами мирно пасутся на полянах, выедавая прогалины в высоком хвощевнике – словно некие диковинные травоядные животные, когтистые коровы или мохнатые свиньи.

Чем ближе к осени, тем больше пристрастия наш герой начинает испытывать к разным ягодам. Предпочтение мишка отдаёт голубике. Другой излюбленной ягодой у медведей нашего Севера остаётся чёрная смородина. В Европейской России вне конкуренции находится малина.

Теперь мы можем перейти к самому приятному, с мишкиной точки зрения, времени – осени.

Основным осенним кормом на Северо-Востоке для нашего героя служат не лососи и не ягоды на таёжных полянах. Основой многочисленности и могущества здешнего медвежьего племени стал совершенно особый вид хвойных растений, с виду похожий на густые непролазные заросли торчащих из земли сосновых веток. Это растение зовётся кедровым стлаником.

Кедровый стланик был впервые описан академиком П. Палласом в 1784 году как подвид кедра европейского. Почтенный академик, видимо, считал, что это какая-то кустарниковая форма кедровой сосны, угнетённая суровыми морозами и сибирскими метелями. Лишь в 1857 году ботаник Регель признает его за самостоятельное растение.

Ботаник Б. Ивашкевич рисует это растение как «полукуст-полудерево высотой до 4 метров». Но такие гиганты встречаются только в долинах и распадках. А в верхних частях сопок, в лесотундре и на плоскогорьях преобладает убогий стелющийся кустарник. Его кусты имеют очень характерные чашеобразные очертания, т. е. все стволы расходятся из одной точки. Там, где стланик не угнетают ни морозы, ни свирепые ветры, заросли достигают совершенно феноменальной густоты. Продираясь сквозь переплетение смолистых, толщиной в человеческую руку, стволов, вы можете несколько часов не касаться ногой земли, балансируя на сетке нависших над почвой ветвей. Только медвежьи тропы прорезают этот зелёный покров сопки, словно тоннели Муравьёв в брошенной наземь овчине.

Страна кедрового стланика – мир бурого медведя.

Заросли кедрового стланика покрывают собой около 70 процентов гигантской территории востока России, начиная от правобережья Лены и кончая Тихоокеанским побережьем Камчатки. Они могут встречаться в виде элемента подлеска – эдакие тёмно-зелёные шары в беломошном лиственничном бору; их тугие стволы переплетаются с ольхой и шиповником в непроходимых зарослях речных долин. Наконец, стланик образует свои собственные, ни с чем не сравнимые, практически непроходимые кустарниковые леса, которыми занято почти всё побережье Охотского моря. Леса, которые сродни африканскому «бушу» или австралийскому «скрэбу». И везде медведи, медведи, медведи...

Шишки стланика – вот что привлекает зверя в эти кусты.

Плоды кедрового стланика – шишечки, очень похожие с виду на кедровые, только по размеру раз в десять меньше. Что не мешает им содержать семена, по своим питательным качествам вполне сопоставимые со знаменитыми кедровыми орехами.

Кедровый стланик является тем гвоздиком, вокруг которого завязан большой узел взаимосвязей между самыми разными зверями

и птицами, так или иначе использующими его в своей жизни. Кедровый стланик – это ключик, которым открывается секрет животного разнообразия сурового востока России. Кедровки и бурундуки, белки и полёвки, синицы и даже такой общепризнанный хищник, как соболь... Но бурый медведь остаётся самым большим и одним из главных потребителей этого чудо-кустарника.

При этом наш герой использует кедряч полностью – заросли стланика служат ему источником пищи и превосходным укрытием, хвоя стланика используется для выстилки в берлогах, молодые побеги поедаются во время весенней бескормицы...

Когда урожай стланика особенно велик, медведь старается не особенно утруждать себя в сборе пищи. Мой отец наблюдал на Кроноцком полуострове Камчатки, как медведи собирают шишечки лапами и ртом, лёжа на брюхе посреди кустарника. Иногда они переползают на несколько метров к другому, неиспользованному кусту, даже не вставая на ноги.

Проходные лососёвые рыбы – один из самых заметных, но не самый главный корм притихоокеанских медведей.

Литературные данные (от Крашенинникова до современных исследователей) традиционно утверждают, что вторым китом благосостояния дальневосточных бурых медведей являются лососи. Всего этих лососей шесть: горбуша, кета, сима, чавыча, нерка и кижуч.

Некоторые авторы склонны даже считать их основой существования медведей Дальневосточного региона.

Однако наши наблюдения говорят о том, что, несмотря на обилие медведей вдоль нерестовых рек, рыба в питании медведя уходит на третье место по сравнению с ягодами и кедровыми орехами.

Практически во всех случаях (за исключением весны) медведи предпочитают ловить живую рыбу, поедая снулую лишь в случае крайней необходимости. Я не раз и не два наблюдал медвежью рыбалку и должен сказать, что это незабываемые впечатления. Так мы удерживаем в памяти куски той дикой жизни, в которой более не участвуем.

В середине сентября сумерки сходят на землю из середины небесного свода. Как будто бы кто-то невероятно большой разбивает в зените склянку густых фиолетовых чернил, и они начинают стекать к краям горизонта, освещённым из-под земли пронзительными оранжевыми солнечными лучами.

Этот последний отсвет зари словно гасит все движения на планете: замолкают чайки на речных перекатах, вороны, тяжело переваливаясь в воздухе, спешат в ночные кроны тополей, и даже осенний ветерок гаснет в вершинах корейской ивы.

Дохлая горбуша.

Я сажусь на шершавую серую каменистую косу прямо напротив высокого лесного берега. Передо мной в двадцати метрах чернеет полоса рыхлой земли: именно здесь каждый вечер медведь спускается к воде, чтобы ловить рыбу.

Постепенно под ватную куртку забираются тонкие цепкие пальцы морозного воздуха. Затекают руки, но шевелиться нельзя: медведь в темноте видит плохо и способен пройти

в метре от неподвижного человека. Но только от неподвижного! Малейшее движение руки способно свести на нет многие часы ожидания.

В стеклянной тиши наконец раздаётся чуть слышимый шелест сухой травы. Это сказка о том, что животные ходят бесшумно! Каждый зверь издаёт звуки при своём движении: северный олень щёлкает копытами, лось стучит по ветвям рогами и шуршит о кусты, бурый медведь пыхтит и грохочет когтями о камни.

Это в случае, если он ничего не боится.

Да, сквозь шорох раздвигаемой травы я слышу еле различимое пофыркивание. Медведь «нюхтит» – так говорят об этом звуке сибирские охотники. Но вот он подошёл к опушке и замер. Наступает самый решительный момент моего ожидания.

На берегах реки можно найти не только рыбу...

Когда я говорю о том, что медведь шумит в пути, я обязательно делаю оговорку: если он ничего не боится. Если медведь чем-то обеспокоен, то может просочиться, как кошка, через частокол ивовых прутьев в трёх метрах за спиной затаившегося стрелка. Мой отец помнит такой случай, когда он обнаружил зверя позади на расстоянии вскинутого ствола среди куста стланика.

Медведь чувствует беспокойство уже сейчас. Ему очень хочется знать, не находятся ли на нерестилище другие медведи. Или люди. Это ему тоже было бы интересно. Он фыркает в последний раз, громко щёлкает веткой и исчезает.

Конечно, медведь никуда не исчез и стоит сейчас в двадцати шагах от меня в крошечной тьме, которая тем временем спустилась на берега. Но для меня его не существует, потому что я потерял последнюю нить, связывавшую меня со зверем. Я его не слышу. Мне хочется кашлять, шевелить руками и вообще встать и пойти в лагерь.

Место поедания медведем лососей на берегу реки. Тень, кусты.

Сейчас он занимается тем же самым, что и я в последние полтора часа. Слушает. И эти последние пять минут ожидания мне даются куда труднее, чем предыдущие девяносто. Слух, который сейчас весь направлен на меня, отточен и многими годами таёжной жизни. Годами, целиком проведёнными в ожидании встречи с клыками соперника или выстрела из засады.

И вот эта тишина взрывается радостным сопеньем и хлюпаньем. Истомившийся зверь решает, что любое секретничанье сейчас ни к чему, и быстро, почти бегом выскакивает из леса. Плюх! это он бросается в вожделенную протоку. Сейчас он находится в пятнадцати метрах. Но это меня не особенно настораживает. Он пришёл ловить рыбу.

Медведь громко шлёпает лапами по мелководью, фыркает, плещется и иногда глухо, утробно рычит. О том, что он делает, мне приходится только догадываться. К счастью, мне не раз приходилось видеть эту картину в более светлое время. Медведь растопыренными когтями прижимает рыбу ко дну, цепляет её и выкидывает на берег.

Вся рыбалка в целом занимает не более пятнадцати минут. Наконец зверь выходит на берег и шумно отряхивается, словно охотничий пёс, вернувшийся с уткой к хозяину. Затем он бродит по берегу ещё минут пять, собирая улов пастью, и с треском скрывается в кустах. Встреча с большим зверем – как встреча с прошлым человечества.

Медведь комфортнее чувствует себя всё-таки в сумерках. Это позволяет ему использовать качества, которые развиты у него лучше всего. Качеств этих два: обоняние и слух. На своё зрение медведь особенно не полагается. Причём чем крупнее медведь, тем больше он ценит ночную мглу и тем меньше старается он шевелиться среди бела дня. Медведи маленькие и медведицы с медвежатами более беспечны.

Принято считать, что сумеречный и ночной образ жизни выработался у бурых медведей не сам по себе, а под гнётом всяких неприятных обстоятельств. А самым неприятным из всех возможных обстоятельств является для медведя близкое соседство с человеком. Ибо так уж повелось, что человек при виде бурого медведя предпочитал пускать в него пулю. А понятно, что посветлу это делать не в пример удобнее, нежели в сумерках. Как показали наблюдения, сделанные в тех местах, где медведей не стреляли уже долгое время, например на Кроноцком полуострове Камчатки и на полуострове Тайгонос Охотского побережья, медведи там одинаково активны в любое время суток.

В принципе медведи Восточной России являются по своему образу жизни и повадкам достаточно типичными представителями медвежьего племени – угрюмыми, одинокими опасными лесными отшельниками.

Однако на территории Северо-Востока есть уникальная группа медведей, которая обитает в тундрах Восточной Чукотки.

Чем же она может быть примечательна?

Ну, во-первых, общественное мнение единодушно в том, что медведь является типичным таёжным зверем и в тундру заходит временами и ненадолго. Медведи же Чукотки в тундре рождаются, живут и умирают. Может быть, это потомки тех медведей, которые тридцать тысяч лет назад через Берингийский мост (сушу, которая располагалась на месте современного Берингова пролива. – М. К.) перешли на Североамериканский континент, а значит, являются реликтовыми родственниками американских гризли. Кто знает? Очевидно одно – медведи Чукотки невелики размером, цветом посветлее своих колымских и камчатских соседей, миролюбивы и одновременно с этим – более плотоядны. В их рационе гораздо больше животной пищи, чем в питании каких-либо других медведей мира (кроме, разумеется, белого).

Мне приходилось изучать экологию тундрового медведя Чукотки на Анадырском нагорье, в окрестностях озера Эльгыгытгын, в бассейне реки Амгуэма и в приморских тундрах Восточной Чукотки.

Основной весенней пищей бурых медведей Анадырского нагорья является северный олень. Это происходит за счёт того, что в окрестностях озера Эльгыгытгын находится родильный дом диких северных оленей Чукотки. О том, как это происходит, я расскажу поподробнее в другом месте, но всё же сейчас замечу, что речь идёт совсем не о добыче взрослых здоровых животных. Основной добычей медведей служат маленькие беспомощные олени детёныши.

Правда, пытаюсь как можно полнее использовать скудный ресурс чукотской тундры, отдельные медведи становятся весьма активными хищниками. Так, самец умеренных размеров на Чукотском нагорье в верховьях реки с варварским названием Чаантальвевергин приспособился добывать столь крупного и осторожного зверя, как снежный баран. В конечном итоге я обнаружил остатки шести животных, добытых этим мастером охоты. Для ловли баранов он разработал собственную (и весьма остроумную) схему нападений, которая, похоже, действовала безошибочно.

Он подстерегал баранов в том месте, где тропа перегибается через плечо отрога или сопки – в том месте, где они выходят с крутого склона на гребень, и поэтому очень ограничены в манёвре.

Хитрый медведь залегал в метре от того места, через которое должен был пройти баран, поднимающийся на отрог. Как только голова зверя показывалась из-за перегиба, он бросался на него с расстояния трёх-пяти метров.

Развернуться на месте, тем более на крутом горном склоне, не может даже такой быстрый и вёрткий зверь, как снежный баран. И поэтому медведь практически гарантированно успевал завалить и убить хотя бы одного толсторога из стада.

Есть ещё один зверёк, который является основой благосостояния бурого медведя в тундре, – это евражка, американский длиннохвостый суслик.

Медведь, раскапывающий сусликовую нору. Аляска, Денали-парк.

Ловля сусликов, а точнее выкапывание их из нор в тундрах Чукотки и Аляски, – неотъемлемая часть медвежьей жизни. Именно благодаря сусликам тундровые медведи могут пережить самое трудное время – весеннее. Собственно говоря, медведи и заселяют тундровую зону что на нашем, что на американском берегу Берингова пролива только в тех районах, где её населяют евражки.

А медведи на берегу Берингова моря нашли другой, более внушительный источник питания. И в этом им, как уже не раз бывало, помог человек.

Именно человек (а точнее – охотники зверосовхозов) ежегодно теряет в море несчётное количество убитых морских животных – нерп, лахтаков, моржей.

Я попытаюсь сейчас нарисовать картину моржового промысла у чукотских берегов не изящным пером романтика, а скорее едкой тушью скептика, и вы поймёте, что является манной небесной бурых медведей Восточной Чукотки.

На моржовый промысел из села Н. выходят два вельбота. В двух вельботах четыре самозарядных карабина и два десятка здоровенных чукчей. Чукчи стригут раскосыми глазами всю поверхность моря, засекая каждый тёмный предмет на его поверхности. Если этот тёмный предмет оказывается головой моржа или тюленя, четыре карабина немедленно начинают плеваться в него свинцом.

Если чукчам сегодня везёт, то они не убивают моржа, а только ранят. И зверь, словно гигантская гусеница, начинает биться в волнах в ожидании смерти. Но чукчи слишком практичны, чтобы убивать его сразу.

У них в вельботе приготовлены заточенные штыри из арматурного железа с зазубринами на конце. К ним привязаны огромные – в метр диаметром – поплавки от японского невода, сорванные штормом и прибившиеся к нашему берегу. Когда-то давным-давно этот прибор

считался национальной снастью и носил название пых-пых. Тогда арматурную железину заменял костяной гарпун, а японский поплавок – надутая тюленья шкура. Но с тех пор это приспособление осталось лишь в музеях да в писаниях магаданских романтиков, тоскующих по добрым старым временам.

Вот эти арматурные железяки втыкаются в ещё живое тело моржа, и следом за ними за борт летят огромные оранжевые буи. Если духи благосклонны к чукчам, то морж может позволить себе пожить ещё некоторое время и воткнуть в себя столько поплавков, чтобы удержаться на поверхности даже после смерти. А если уж всё плохо, то буй метит место, где труп лёг на дно, и его вылавливают со специального катера-буксира.

Мёртвая нерпа, выброшенная на побережье. Северное Приохотье.

Но чаще всего чукчам всё-таки не везёт.

И моржа убивают они наповал. И этот морж тонет в Беринговом море. Так происходит с тремя моржами из пяти.

Но не надо упрекать чукчей совсем уж в отсутствии предусмотрительности. Кроме двух вельботов со стрелками у них есть ещё и третий. Он специально постоянно курсирует вдоль берега и высматривает выброшенные на берег трупы. И если труп выбросило не очень далеко на берег и он ещё не затух хорошенько, то его, может, ещё и попытаются отбуксировать до зверофермы. А если морж лежит нехорошо, да и успел загнить, тогда поступают с ним совсем по-простому: отстреливают из карабина клыки для последующего обмена на «огненную воду» и... оставляют его бурым медведям.

Теперь вам понятно, что морской берег, усеянный мёртвыми тушами, представляется в воображении нашего героя неким райским местом, ради которого можно поступиться некоторыми принципами? Например, жить не в лесу, а в тундре.

Летнее меню медведи активно разнообразят сексом.

Гон бурого медведя происходит с конца мая до начала июля. Самки начинают интимную жизнь на четвёртом году жизни, самец может принимать в ней участие с трёх лет, но фактически такой возможности он не имеет.

В этих горах проходит гон медведей Северного Приохотья.

Самец и самка во время гона.

Более крупные и более удачливые соперники отгоняют его от возжеленной самки, и лес оглашается злобным рёвом сражающихся хищников.

Впрочем, и сами любовные игры бурых медведей проходят отнюдь не мирно. Сплошь и рядом мы в литературе встречаем случаи, когда самец в порыве страсти убивал свою подругу или серьёзно её калечил. Я лично разделял двух самок, спины которых «украшали» огромные шрамы, полученные во время бурных сексуальных игр.

Молодые медведи держатся вместе с матерью в первые два с половиной года жизни, пока не достигают подросткового возраста.

Тогда медведица отгоняет их от себя и снова становится способной принести потомство.

А теперь перейдём к главному качеству, без которого бурый медведь не смог бы выжить на нашем Севере. Я говорю о зимнем сне бурого медведя.

Глава 5 Зимний сон бурого медведя

Наполеон Бонапарт медведя бы не одобрил. Впрочем, Эдисон тоже. Великий полководец отводил сну не больше четырёх часов в сутки. Аналогично поступал и самый плодовитый американский изобретатель. Медведь же во сне проводит более трёх четвертей жизни. А так как жизнь бурого медведя не столь и продолжительна, можно сказать, что он жертвует ею с безумной расточительностью.

Зимний сон бурого медведя иногда по ошибке называют «спячкой». На севере Европы и в Восточной Сибири медведь спит по 6–8 месяцев. Спит по-настоящему, с храпом, ворочанием и пробуждением. Словом, делает медведь во сне всё что угодно, только не ходит под себя и не сосёт лапу. Если кто-то случайно, по умыслу или сдуру потревожит медведя в его берлоге, зверь способен проснуться почти мгновенно. Даже спокойно пробуждаясь, медведь приходит в себя меньше чем за полчаса. И это после полугода дремоты! Из истинной спячки многие звери, например суслики, выходят в течение многих часов. А у медведя температура тела во время сна поддерживается на нормальном уровне.

Сон помог медведю прижиться на нашем Севере. Иначе зверь таких размеров и с такими запросами к пище просто вымер бы в наших широтах.

К слову заметить, в более тёплых краях медведь может на зиму вообще не ложиться. Например, на Кавказе и в Средней Азии в тёплые зимы многие медведи совсем не засыпают.

Ко сну медведь готовится в высшей степени основательно. Из-за накопленного сала осенний зверь может стать тяжелее почти на треть!

Грунтовая берлога бурого медведя в русле протоки среднего течения р. Анадырь.

Крупные самцы набирают до 120 килограммов жира. Я однажды промерил лезвием ножа слой сала на заливке одной чукотской медведицы – оно по самую рукоятку погрузилось в белую рыхлую ткань. Длина моего клинка была 15 сантиметров.

Другой этап подготовки косолапого ко сну – постройка зимнего убежища, берлоги.

Медведь ложится на зиму в самых разных местах. Иногда дух захватывает от беспечности вроде бы осторожного зверя. Но чаще всего он забивается в такие крепи, где, как говорится, чёрт не то что ногу – голову сломит.

Грунтовая берлога в Северном Приохотье.

В том, что касается места для берлоги, мишки бывают очень требовательны. Они предпочитают спать на сухом месте, чаще всего – какой-нибудь сухой гриве или холме среди самой что ни на есть густоющей чашобы. Иногда они роют убежище в склоне оврага или на береговом увале реки. Зимой вход в берлогу – так называемое чело – должен быть укрыт густым снежным одеялом.

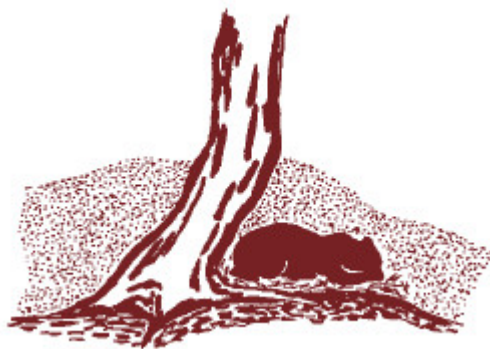
Нередко медведи ложатся на зиму и посреди сплошного леса в глухом захламлённом урочище.

В лесах у медведей есть свои излюбленные «медвежьи углы». Это чаще всего трудно-проходимые, заросшие участки леса. В горах – глухие склоны с естественными пещерами. Их любят медведи Алтая, Восточных Саян, Тянь-Шаня и Аляски.

Иногда медведи залегают в самых невероятных местах. Нет ничего необычного в том, если зверь зазимует под выворотнем, корнями деревьев, посреди густой сосновой поросли, а то и просто в снежной яме под деревом. А. А. Ширинский-Шихматов пишет о берлогах вблизи деревень. Однажды ему пришлось стрелять медведя в 125 саженях от деревни в 25 дворов. В другом случае медведица с четырьмя лончаками лежала под горой на расстоянии не более 200 сажен от деревни, стоявшей на горе, причём каждый день местные дворняги бегали на берлогу и облаивали спящих мишек.

Ещё более оригинальный случай описывает Н. А. Мельницкий. Медведь забрался в ограду одиноко стоявшей церкви на высоком и крутом берегу реки Шексны вблизи Гарецкого монастыря и, пролежав всю зиму под ёлками, растущими у церкви, вышел из своей берлоги в пасхальную ночь.

Однако рекорд побил некий медведь на Печоре, который зазимовал в кабине брошенного посреди тайги КамАЗа-лесовоза, натащив туда предварительно сухой травы.

Медведь зимует в сугробе под деревом.

Сам я, отыскивая медвежьи укрытия на территории Восточной Сибири, встречал только земляные берлоги. Всего мне посчастливилось найти сорок шесть таких убежищ. Ни на Чукотке, ни на Колыме, ни на побережье Охотского моря я не нашёл ни одной берлоги, устроенной в скалах или расщелинах. Только однажды, в Северном Приохотье, мне пришлось услышать о медведях, зимующих в каменных трещинах.

Медведь в скальной нише.

Тут, наверное, следует заметить, что медведь – копатель первостатейный. Берлоги, которые он роет в тундрах Чукотки, достойны всяческого уважения – это настоящие норы длиной два с половиной – три метра, с полукруглой камерой в конце хода. Диаметр хода

колеблется от сорока до семидесяти сантиметров, камеры – от полутора до двух метров. И всё это выкапывается в так называемом мелкообломочном грунте, который на одну половину состоит из крупного песка или гравия, а на вторую – из камней самого разного размера – от голубинового яйца до лошадиной головы. Причём медведь лишён возможности дважды воспользоваться своим убежищем – вешние воды каждый год обваливают потолок его берлоги и он снова вынужден сооружать новое зимнее жилище.

Медведи начинают копать берлоги заблаговременно, в августе-сентябре.

Если какое-нибудь место полюбилось медведю, то он будет из года в год строить там новую берлогу, так как за лето тонкий потолок норы, бывшей в употреблении, обычно обваливается. Как-то мой отец в долине Колымы на одной сухой гриве обнаружил шесть берлог разной степени свежести.

Не всегда медведи жируют в непосредственной близости от берлоги. Тогда медведям приходится совершать кочёвки, иногда и довольно протяжённые. Перед залеганием нам приходилось проследживать медведей на расстояние до сорока километров и более. Когда выпадает первый октябрьский глубокий снег, долины рек прочерчивают извилистые корявые пунктиры медвежьих следов, ведущих к зимним укрытиям.

Поиск берлог – это особое искусство, которым владеет считанное количество охотников-медвежатников и натуралистов. В условиях Восточной Сибири, где медведи живут на огромных участках, поиск берлог затруднён ещё и тем обстоятельством, что место зимнего залегания удалено от участка летнего обитания порой на десятки километров. В конечном счёте единственный верный способ поиска обитаемой берлоги – это поиск её по следам идущего на берлогу медведя – тропление. Этот способ хорош ещё и тем, что охотник с большой степенью вероятности знает, какой зверь лежит в найденной им берлоге.

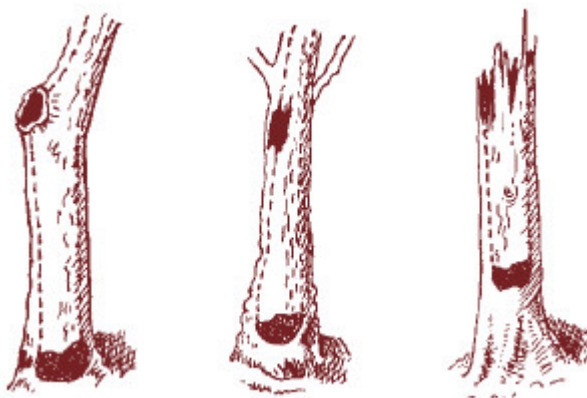
Место выхода медведя из берлоги.

Существует точка зрения, что медведи на Дальнем Востоке совершают настоящие массовые перекочёвки от мест осеннего нагула до берлог. Я не знаю, насколько это характерно для Уссурийского края и Сихотэ-Алиня (Алексей Костыря – специалист, занимавшийся радиомечением медведей в этом районе, утверждает, что таких перекочёвок как массового явления не существует. – М. К), но на севере Восточной Сибири – на Чукотке, Колыме и Охотском побережье – таких перекочёвок точно не наблюдается.

С. Устинов, специалист, изучавший бурых медведей Прибайкалья, утверждает, что сибирские медведи, в отличие от медведей Европейской России, направляясь к берлоге, специально следы не запутывают. Медведи севера Дальнего Востока, в свою очередь, более склонны к тому, чтобы всячески затруднить человеку и зверю поиски их зимних убежищ. Я наблюдал у медведей Чукотки и Колымы все классические трюки запутывания следов,

описанные у А. А. Ширинского-Шихматова для медведей Новгородской и Псковской губерний, – петли, скидки и даже проходка в пяту (это когда медведь пятится задом, а затем прыгает в сторону). Поиски берлог на Севере занимают не один день и являются довольно тяжёлым предприятием. Мало того, что сам зверь старается устроить своё зимнее логово в труднодоступном месте, порой – посреди высокого скалистого склона, или под завалом из брёвен в русле старой глухой протоки. Нет, тропить зверя, идущего «на берлогу», приходится в самое сложное время – предзимье. В этот период свежий снег скрывает все незначительные препятствия на земле, лыжи ещё не могут служить помощником, мороз выдавливает воду на поверхность в любой впадине на земле, день становится короче, а ночи – холоднее. В конце концов, в какой-то момент случается снегопад, который приковывает человека к дому на несколько дней. И именно в это время медведи уходят на берлоги.

Южнее зоны вечной мерзлоты бурые медведи выкапывают берлоги, которыми пользуются многие годы, если не десятки лет. Некоторые из таких берлог имеют специальные устройства – «предохранители» на случай посещения незваными гостями. Так, многолетняя копаная берлога в южном Сихотэ-Алине имеет Г-образную форму – «зимовальная камера» располагается за поворотом. Как вы догадываетесь, за поворот никто заглянуть не решается... На юге Дальнего Востока медведи ложатся и в естественных гротах, и в глубоких щелях в скальниках.

Берлога белогрудого (гималайского) медведя в дупле.

Спать в берлогу медведи Восточной Сибири обычно ложатся где-то во второй декаде октября. К этому времени полностью заканчивается ледостав на озёрах и многих реках и выпадает первый, обычно ещё совсем неглубокий снег. Некоторые звери, однако, продолжают бродить почти до середины ноября.

Говоря о феномене зимнего сна у медведей, нельзя не упомянуть о том, что именно тогда и происходит у нашего героя великое таинство рождения детёнышей.

По поводу сроков появления медвежат на свет у разных авторов существует значительный разнобой мнений. Однажды в Карелии слепых медвежат извлекли из тёплой берлоги аж 4 января. Самые поздние случаи датируются у охотников 3 марта. В Ленинградском зоопарке медвежонок однажды появился 25 декабря.

Зимовочное дупло гималайского медведя.

Как ни удивительно, новорождённые медвежата весят около 500–600 граммов. Прозревают они где-то через месяц после рождения. Однако к моменту выхода из берлоги они успевают увеличиться в размерах более чем в десять раз. У медведя может одновременно родиться от одного до четырёх медвежат. Тройни у дальневосточных медведей отнюдь не редки. А четверни несколько раз регистрировались на северо-западе России. О помёте в пять медвежат писал в 1915 году выдающийся русский медвежатник Н. Мельницкий. В Карелии в середине января 1966 года была добыта медведица с пятью недавно родившимися медвежатами. Ещё охотник Ю. Смирнов сообщил о том, что он в Бокситогорском районе Ленинградской области встречал медведицу с пятью медвежатами. Вот, наверное, и все эпизоды, когда медведица могла рассчитывать на получение ордена «Мать-героиня». Правда, А. А. Ширинский-Шихматов упоминает о том, что однажды на Валдае была добыта медведица с шестью (!) эмбрионами. Однако этот случай носит совершенно исключительный характер.

Заговорив о рождении, разумно вспомнить и о сроках жизни бурого медведя. В книге П. Данилова, О. Русакова и И. Туманова «Хищные звери Северо-Запада СССР» говорится, что в природе медведи редко доживают до 20 лет, в неволе же предельный возраст составляет 34 года. В Ленинградском зоопарке самец Гриша перенёс годы блокады и дожил до 29 лет, а затем был «выбракован по старости», т. е. попросту убит.

Б. Завацкий отметил предельный возраст медведя в Енисейской тайге – это оказалось 27 лет. Сам я определял предельный возраст для медведей бассейнов рек Колымы и Анадыря: самца – 27 лет, а самки – 32 года.

Глава 6 Самый большой медведь

Человеку всегда было свойственно интересоваться всем самым большим на свете. Самой высокой горой, самым глубоким морем, самым длинным червяком и т. д. Из этого интереса родилась и всемирно известная «Книга рекордов Гиннесса». Понятно, что мимо нашего внимания не мог пройти незамеченным самый большой наземный хищник. И хищник этот – медведь.

Кандидат на роль самого большого медведя *Arctodus simus*.

Другой вопрос, каким медведем он оказался – бурым или белым, продолжает до сегодняшнего дня волновать специалистов, охотников, любителей природы и просто досужих зевак, любителей всего самого большого. Чуть ниже мы попытаемся дать ответ на этот вопрос.

Пальму первенства в размерах оспаривают между собой гигантский бурый медведь кадык и белый медведь – все остальные представители отряда хищных держатся от них поодаль.

Размеры бурого медведя – самая болезненная тема для охотников, зоологов-медвежатников и любителей рекордов среди животных.

Средний медведь таков. Взрослая самка весит около 100–150 килограммов. Самая большая медведица, которую доводилось взвешивать лично мне, тянула на 200 килограммов, но это был совершенно выдающийся экземпляр. Взрослый самец на востоке России весит от 150 килограммов и больше...

Насколько может быть больше – вот в чём вопрос!

Взвешивание большого медведя на Аляске.

Взвешивание медведя – всегда очень большая морока.

Прежде чем начать серьёзный разговор о медвежьих габаритах и их пределах, я объясню самый простейший способ определить размеры зверя «на природе». В нём нет ни головоломных научных терминов, ни умопомрачительных формул, ни километровых лент с расчётами. Любой юный натуралист способен им воспользоваться. Способ этот был известен ещё предкам Чингачгука. Это определение по следам.

Размер зверя всегда можно определить по его следу.

Известно, что ширина следа передней лапы медведя, обитающего в северной тайге, прямо зависит от его размеров, в частности веса тела.

Ширина отпечатка передней лапы от 5 до 7 сантиметров указывает на то, что эти следы принадлежат медвежонку, родившемуся в этом году. Для медвежонка-годовика, или лончака (на охотничьем жаргоне), она равна 6–9 сантиметрам. Одиноким медвежьим самкам и молодым самцам, уже обретшим самостоятельность, но не собственными территориями и отовсюду изгоняемые, имеют следы шириной от 10 до 15 сантиметров. А следы крупного самца – хозяина угодий, или, как принято выражаться в среде биологов, самца-резидента, могут достигать ширины 19,5 сантиметра. Сразу же оговорюсь, что лапу такого размера я имел честь «пожать» всего один раз. Это позволил мне один убитый медведь в среднем течении Анадыря. Весил он не менее 400 килограммов. Обычная ширина лапы взрослого самца колеблется от 16 до 18 сантиметров.

Для определения величины и социального статуса медведей Карелии, Северного Урала, Сибири, Дальнего Востока и Аляски этот способ подходит очень хорошо.

Однако медведи Кавказа и гор Средней Азии не считают необходимым держаться этого правила. Нет-нет да и подкинут учёному загадку (а то и свинью) мелкие большеногие медведи и крупные самцы с «женским размером» лапы.

Очень большой медведь (420 кг).

Разумеется, данные о размерах зверей – не догма. Прежде всего приходится помнить, что пружинные весы, которыми обычно «вооружены» русские зоологи, не очень точны. Большое значение имеет, когда и в каком состоянии был добыт зверь. Осенний вес может быть на добрую треть выше, чем у того же медведя летом, – из-за накопленного на зиму жира. Желудок зверя вмещает около 20 килограммов пищи, так что вес голодного и плотно пообедавшего медведя тоже довольно сильно различается.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что основная масса людей, не вдаваясь во всякие ухищрения профессионалов-систематиков, делит бурых медведей условно на две расы – на тех, что живут западнее Урала, и тех, что восточнее. Согласно тем же таинственным традициям народной зоогеографии, медведи, живущие в Европейской России, несравненно меньше медведей сибирских и тем более дальневосточных. Камчатских каких-нибудь.

В качестве справки я отмечу, что долгое время мировой рекорд по размерам добытого бурого медведя держал не кто иной, как экс-диктатор Румынии Чаушеску. Абсолютно точно я не смогу указать место отстрела этого медведя, но одно знаю совершенно достоверно – дело было в Румынии! Естественно, западнее Урала. За другими сведениями я отсылаю к руководителям той спецслужбы, которая охраняла жизнь президента во время этого ответственного предприятия.

Бурые медведи Карелии достигают максимального веса более 250 килограммов. Причём это, по-видимому, не предел для европейских мишек. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» сообщалось о медведе из белорусских лесов, которого держали в одном из местных зверинцев. Этот медведь дожил до вполне преклонного медвежьего возраста в 35 лет и весил 420 килограммов. Конечно, определённую скидку здесь надо сделать на зоопарковское кормление, но всё равно можно уверенно сказать, что этот медведь и на вольном выпасе выглядел бы весьма внушительно. О больших медведях, добывавшихся в Новгородской и Вологодской губерниях, пишет князь-охотник А. А. Ширинский-Шихматов.

За Уралом средоточием громадных медведей издавна считаются Приморский край и Камчатка. Ещё в середине прошлого века о Камчатке писалось: «Чёрные медведи водятся по всей Камчатке в огромном количестве, и без всякого сомнения они давно бы уже истребили жителей, если бы они не были так смирны и миролюбивы, как нигде». «Огромные медведи попадаются вдоль берега залива (Петра Великого. – М. К.) на каждой версте, приводя сол-

дат в ужас своим ростом и мохнатым видом». «Гигантские медведи Камчатки мирны и травоядны...» «Встреченные мной здесь медведи без сомнений относятся к самому великому и устрашающему племени этих животных, рядом с коими медведи Тюрингии казались бы коккер-спаниелем между ног волкодава...»

Самое удивительное во всех этих байках то, что в научной литературе мы не находим подтверждения столь ярким впечатлениям путешественников прошлого. В самой исчерпывающей сводке «Наземные позвоночные Восточной Камчатки» вдумчивый исследователь Юрий Аверин приводит промеры для более чем двадцати убитых медведей. Самый большой вес камчатского медведя, по его данным, составлял 185 килограммов, самки – 176. На юге Дальнего Востока подробная работа, посвящённая медведям – бурому и белогрудому, – была выполнена Гордеем Фёдоровичем Бромлеем. У него самый большой самец потянул на 321 килограмм, самка – на 199.

Немаленькие медведи поселились на континентальной Чукотке. Ваш покорный слуга дважды отмечал для медведей Анадыря вес самцов свыше 300 килограммов. К слову сказать, самого большого медведя взвесить мне так и не удалось! Однако его шкуру вместе с головой, лапами и несколькими кусками жира я всё-таки зацепил за безмен. Её масса составляла 120 килограммов! Длина тела этого гиганта от носа до кончика хвоста была 268 сантиметров.

Размеры приморских медведей уточнил Виктор Юдин. Его «самый большой медведь» весил 416 килограммов. У него же мы находим и известие о самке в 362 килограмма! Видимо, для особей женского пола эта цифра – абсолютный рекорд. Кстати, глубокоуважаемый Виктор Георгиевич переносит центр «крупности» бурых медведей в хребет Сихотэ-Алинь.

У профессора В. Г. Гептнера в его «Определителе фауны СССР» мы находим цифру, обозначающую максимальный вес бурого медведя в 750 килограммов, но эта цифра из-за лаконичности изложения специального текста ничем не подкреплена.

Вообще-то, у зоологов-систематиков не очень принято судить о «кондициях» того или другого животного на основании такой зыбкой величины, как вес. Первая причина заключается в вышеупомянутой неточности этого параметра. Вторая – в том, что... А впрочем...

Попробуйте-ка измерить точный вес зверя, который вдвое тяжелее вас, когда под ногами хлупает талый снег или вода, лицо сжигает мелкий беспощадный гнус, а сама добыча завалилась в какую-нибудь яму или шлёпнулась на берегу реки, где до ближайших деревьев, за которые можно зацепить безмен, – метров триста и вы ещё вдобавок пребываете один на один с объектом ваших исследований!

Здесь любой фанатик науки подумает, так ли уж нужен этот проклятый вес и чем его можно по возможности заменить!

Заменять его принято такой частью животного, как череп. Практически вся современная систематика млекопитающих построена на бесчисленном множестве промеренных черепов. Черепом, бережно хранящимся в музейной коллекции, может пользоваться не одно поколение исследователей. Вы можете привезти череп хоть с Тибетского нагорья, хоть с Марса, хоть из Антарктиды. Это тоже может оказаться довольно муторным мероприятием, но уже не имеет ничего общего с описанной ранее радостью.

Поэтому неудивительно, что по черепам принято судить обо всех зверях на свете – от землеройки до африканских слонов. В том числе и о медведях.

В итоге, согласно промерам черепов из коллекций музеев мира зоологи установили, что самые крупные медведи обитают на побережье Аляски и в Приморском крае. Чуть меньше черепа медведей Камчатки, промежуточное положение между ними занимают черепа медведей Анадырского края.

Тяжёлый массивный череп – главная визитная карточка этого зверя.

Крупным хищникам вообще очень везёт на ореол легенд, складывающийся вокруг них самих, их поведения и образа жизни. Достаточно вспомнить ставшие совершенно хрестоматийными примеры со львом, тигром и леопардом.

Бурый медведь занимает в этом ряду своё достойное место. Но больше всего в этом отношении повезло тем бурым медведям, которые обитают на североамериканском континенте и которые знакомы обывателю под загадочным псевдонимом «гризли».

Должен сразу вас огорчить: «гризли» – это всего-навсего американский жаргон. Правда, освящённый традицией, опять-таки американской.

В переводе слово grizzly означает «седой». Правда, изредка его путают с созвучным ему выражением «ужасный», однако пишется оно иначе – grisly. Однако доподлинно известно, что авторы этого названия – капитаны Мерриуэзер и Кларк – имели в виду первое значение.

Ни по размерам, ни по сложению тела, ни тем более по цвету шерсти американский бурый медведь не отличается от своего евразийского собрата. Действительно, на севере Аляски и в Скалистых горах нередко встречаются светлые, почти жёлтые звери, но такие же «блондины» обычны на Чукотке и в Средней Азии – местах, примерно соответствующих по условиям хребту Брукса и Йеллоустону.

К слову сказать, медведи, обитающие на границе области распространения, отличаются гораздо большими отклонениями в окраске, чем наши обычные северотаёжные бурые мишки. Тундровые медведи Чукотки и Южного Таймыра, горные медведи Тибета, Средней Азии и Кавказа гораздо светлее и меньше по размерам своих сородичей из вятской и енисейской тайги.

Среди бурых иногда попадаются даже медведи-альбиносы. Дважды в Средней Сибири таких «белых» зверей встречали известные специалисты-медвежатники А. Грачёв и Б. Завацкий. Мне самому экипаж вертолётана Анадырского авиаотряда рассказывал о том, что в центре Корякского нагорья они в 1978–1979 годах встречали одну и ту же медведицу белого цвета, возле которой держался бурый малыш.

Бурые медведи проникли в Новый Свет сравнительно недавно – они пересекли сухопутный перешеек (так называемый Берингийский мост) между Азией и Америкой в течение

последнего оледенения – около 30 тысяч лет тому назад. Первоначально эти звери освоили территорию современной Аляски, а на юг они двинулись, только когда протаял проход в Кордильерском Ледяном Щите (огромном леднике, отделявшем Аляску от остальной части Северной Америки. – М. К.). Было это около 13 тысяч лет тому назад. Заметим попутно, что задолго до бурых Америку заселили предки современных чёрных медведей – барибалов.

Первыми англосаксами, сделавшими детальное описание гризли и собравшими коллекционные экземпляры, были капитаны Льюис и Кларк во время своей знаменитой экспедиции к Тихому океану. Они посетили берега Миссури в 1804–1806 годах.

«Вчера отряд был атакован двумя белыми (здесь в смысле «светлыми». – М.К.) медведями, которые преследовали наших людей, вышедших разбивать лагерь. Один из медведей был убит Льюисом, но даже смертельно раненный он пытался добраться до нас. Индейцы сообщили нам, что этот род медведей считается у них самым ужасным – этот зверь заходит прямо в их лагерь и похищает не только детей и женщин, но даже и взрослых воинов».

Флаг американского штата Калифорния.

Однако ранее, в 1666 году, о существовании некоего ужасного медведя сообщил французский иезуит Клод-Жан Аллойз, живший некоторое время вместе с индейцами у реки Ассинибойн. А Генри Келси из компании Гудзонова залива (Fur Trade and Hudson's Bay Company – компании, занимавшейся скупкой и заготовкой мехов в Северной Америке. – М. К.) 20 августа 1691 года уже видел гризли и бизонов, пасшихся в прериях Манитобы.

Американская литература, ревниво следящая за приоритетом англосаксов, как правило, умалчивает о том, что первыми белыми людьми, столкнувшимися с бурым медведем на американском материке, были испанские конкистадоры из экспедиций Вальдеса и Коронадо, задолго до англосаксов обследовавшие юго-запад современных Соединённых Штатов.

Бурый медведь до начала европейской экспансии заселял практически весь запад континента – от мыса Лисбурн на севере Аляски до пустыни Сонора в Мексике. В Калифорнии медведь был настолько обычен, что попал на герб и флаг штата. Это не помешало благодарным калифорнийцам полностью стереть свою живую эмблему с лица Земли. Последний дикий гризли в Калифорнии был убит в 20-х годах XIX века.

В качестве примера традиционного описания гризли, или, как его ещё называют, серого медведя, сделанного в середине XIX столетия, можно привести выдержку из монументального труда географа Гартвига «Природа и человек на Крайнем Севере», изданного в Москве в 1863 году.

«Тогда как богач не постыдится носить шубу американского медведя (барибала. – М. К), мех бурого идёт только на санные полости. Тождествен ли американский бурый медведь с европейским, ещё достаточно не разъяснено; во всяком случае, они очень близки. Летом он доходит до берегов Полярного моря и нападает на других животных гораздо чаще своего чёрного собрата. Говорят, когда он очень голоден, то нападает даже на человека; но все медведи, которых видел Ричардсон, при появлении его немедленно обращались в бегство. Серый медведь, миссурский, поднимается в Скалистых горах до 61 градуса с. ш. В пушной торговле этот зверь имеет малое значение, но заслуживает упоминования, потому что он больше, хищнее и независимее всех других медведей, он одолевает даже мощного бизона. Он иногда достигает громадной длины 9 футов и относительно высок и широк... Такого мед-

ведя мы напрасно будем искать в Африке, Азии или Европе, и американцы с гордостью указывают на серого медведя, когда говорят им, что в их отечестве менее проявляется силы и хищности, чем в восточном полушарии».

Здесь заметим, что та длина, которая казалась громадной европейскому географу Гартвигу (около 2,7 м), отнюдь не является привилегией медведей Нового Света. Нисколько не меньших медведей мы встречаем на Дальнем Востоке, в Сибири, на Камчатке, в Анадыре. В середине прошлого века шкура почти трёхметрового медведя была выставлена в музее г. Барнаула. Изредка медведи подобных размеров отстреливались и в Олонецкой губернии – современной Карелии. Известный современный американский зоолог Р. Рауш утверждал, что хотя ему довелось лично промерить более ста медведей, только некоторые из них достигали веса в 400 килограммов. Эти же сведения подтверждает А. В. Ф. Бэнфилд в своей мемуальной сводке «Млекопитающие Канады», где говорит, что вес североамериканского гризли колеблется между 136 и 526 килограммами. При этом замечает, что максимальный вес принадлежит старому медведю из зоопарка.

В принципе все более поздние исследователи сходятся на том, что гризли представляет собой один вид с бурыми медведями Старого Света и отличается от них примерно так же, как карельский медведь отличается от забайкальского. Откуда же взялась тогда легенда о необычайной свирепости и размерах серого американского медведя? А то, что мы имеем дело с легендой, сомневаться почти не приходится.

Наиболее вероятным дело представляется так. Люди, заселявшие североамериканский континент, по преимуществу – англосаксы и французы, у себя дома с медведями вообще не сталкивались. За их отсутствием. На большей части Западной Европы бурый медведь исчез ещё до начала религиозных войн. Уже оказавшись в Америке и пробираясь сквозь лесные районы восточного побережья на запад, они встречали на своём пути небольших растительоядных чёрных медведей. Эти встречи и создали у них некий безобидный стереотип. Но столкнувшись в Скалистых горах и канадских прериях с «настоящими», бурыми медведями, эти люди испытали просто душевное потрясение. Вдобавок ни с какими другими «серьёзными» хищниками североамериканские поселенцы более не встречались. Ни пумы, ни красные рыси, ни оцелоты не представляли для людей серьёзной опасности. Таким образом, психологически легко объяснимо, что этот медведь отпечатался в их сознании, как «самый из самых» известных человеку хищников. Далее мы ещё будем встречать этот феномен на страницах нашей книги. Бурый медведь на самом деле часто оказывает сильное впечатление на восприятие встречающих его людей.

Здесь же ещё я замечу, что русские поселенцы в Америке, начавшие заселять Аляску, т. е. самые «медвежьи места» американского континента, отнюдь не вынесли о тамошних мишках такого сакраментального мнения, как французы и англичане о медведях Скалистых гор. А уж русские-то поселенцы медведей за свою жизнь понавидались – каких хотите! Однако, как это обычно бывает, к их, в данном случае самому компетентному мнению, не прислушались. Однако именно в их руках, если так можно выразиться, и находился ключ к разгадке тайны «самых больших медведей».

В конце прошлого века на трёх островах у побережья Аляски – Кадьяк, Афогнак и Шуяк – был описан самый крупный бурый медведь, названный по имени одного из островов «кадьяком». Именно кадьякский медведь, вес тела которого в отдельных случаях превышает тонну, является на сегодня самым большим наземным хищником. Содержавшийся, наконец, в Берлинском зоопарке экземпляр этого хищника завоевал бурому медведю лавры крупнейшего – он весил почти 1200 килограммов!

Но на этом заканчивается, так сказать, официальная история «самых больших медведей». Далее я попытался сделать краткий очерк нескольких теорий, выдвинутых как профессиональными зоологами, так и любителями-энтузиастами.

Случилось так, что Аляска и восток России стали ареной ожесточённых споров между профессионалами-зоологами и дилетантами-энтузиастами о существовании здесь некоего «самого большого медведя».

«...Он взглянул туда, и кровь застыла в его жилах – там, на гребне холма, на расстоянии броска камня от того места, где он должен был выйти из каньона, стоял акла, огромный медведь северных пустынь!

Акла, страшный бурый зверь, ростом вдвое выше белого полярного медведя; это таинственное чудовище, о котором мало кто из белых людей слышал; свирепое животное, оставляющее на песке следы длиной в половину руки человека; акла, чьё имя однозначно со словом „ужас“ на языке эскимосов!

Встречается он так редко, что многим ихалмютам никогда не доводилось видеть даже его следов, чему они очень рады. И всё-таки он существует, этот гризли Барренс».

Ф. Моуэт. Люди оленьего края

Я думаю, что дискуссия о том, в чьём краю водятся «самые большие медведи», ведёт своё начало с диспута у костра некоего первобытного становища, когда решающим аргументом служила палица предводителя, разнимавшего хвастунов.

Идея поисков «самого большого медведя» принадлежит писателю Олегу Куваеву, получившему известность своим романом «Территория», в основу сюжета которого легли поиски золота на Чукотке в эпоху крушения сталинского режима. Какое-то время его называли даже «Джеком Лондоном советского Севера».

Профессиональный геолог в прошлом, О. Куваев в начале 70-х годов предпринял ряд собственных географических изысканий. В их основе лежали поиски нескольких сенсационных объектов, сведения о которых он получил у местных оленеводов. В их числе оказался и некий очень большой медведь. «Мы слышали много интересных вещей... О гигантском горном медведе, который изредка встречается в глухих долинах Анадырского нагорья.

Северные олени – вот традиционный обитатель чукотской тундры и поставщик корма медведям.

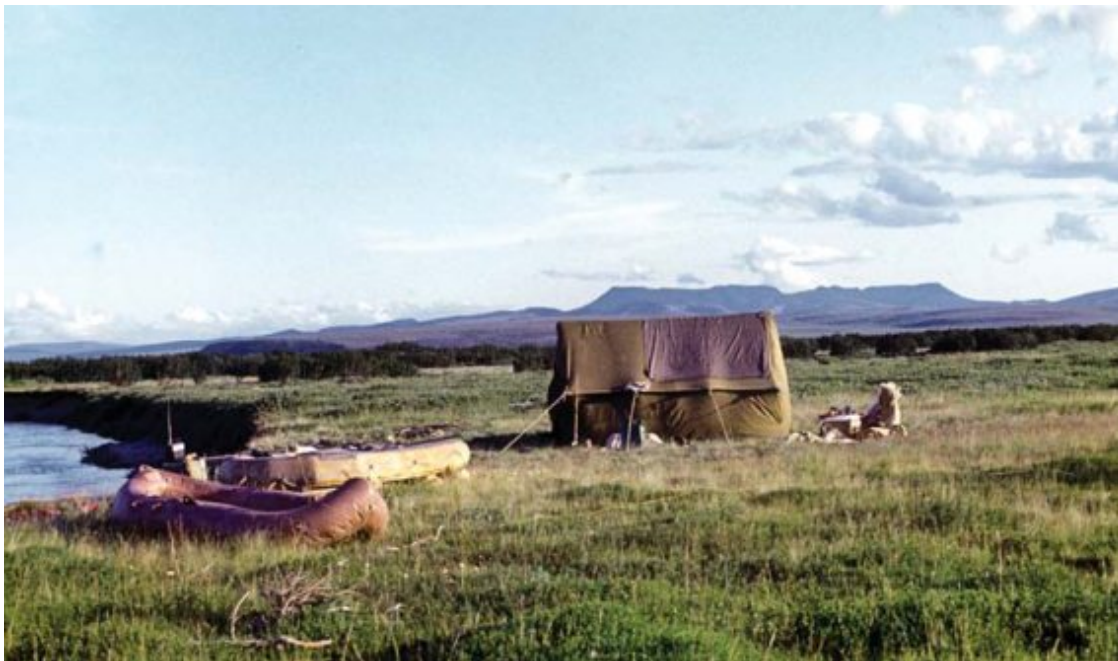
Медведь тот настолько велик и свиреп, что при виде даже его следов (пастухи показывали руками размер следов) ударяются в бегство и люди и олени. Медведь этот, однако, весьма редок, и не каждому пастуху, даже всю жизнь проводшему в горах, удаётся его увидеть».

О поисках этого монстра писатель опубликовал очерк под названием «Самый большой медведь» в журнале «Вокруг света».

В качестве отправной точки для поисков самого большого медведя О. Куваев выбрал окрестности озера Эльгыгытгын – гигантского метеоритного кратера в центре Анадырского нагорья. Причины, по которым Куваев решил искать именно здесь, сформулированы следующим образом:

«Район озера Эльгыгытгын... один из самых глухих на Чукотке. Даже геологические экспедиции здесь бывали краем: по перспективности район не относится к первоочередным.

Но с давних пор он был Меккой оленеводов. Детом здесь холодно, в отдельные годы на озере даже не исчезает лёд, о чём говорит перевод названия: Нетающее озеро. Детом для спасения от овода и комаров сюда испокон веку прикочёвывали стада. Я рассчитывал, что найду здесь достаточное количество пастухов для сбора сведений. И если где-то бродит канадский аклу или кадьак, то и чукотский аклу запросто мог сохраниться среди сотен глухих горных долин, окружающих озеро Эльгыгытгын. Надо сказать, что само озеро числилось у чукотских старожилів легендарным. Ходили слухи о невероятных рыбах, обитающих в нём. О стадах медведей, пасущихся на его берегах. Даже магнитное поле Земли вело себя здесь неразумно: отклонялось на 17 градусов...»

Лагерь зоологов в верховьях р. Анадырь.

Окрестности озера, как, впрочем, и оно само, многократно описаны различными арктическими исследователями, но я имею возможность не повторять чьё-то мнение, а высказать своё: на берегах этого озера ваш автор провёл три полновесных полевых сезона, в то время, когда Институт биологических проблем Севера занимался дикими северными оленями Чукотки.

Озеро Эльгыгытгын представляет собой чашу почти идеально круглой формы на холмистом плато Анадырского плоскогорья. Оно произвело на меня довольно мерзкое впечатление.

Озеро Эльгыгытгын – отправная точка всех поисков «самого большого медведя».

Впервые я увидел его 14 июля. Озеро практически полностью было покрыто ноздреватым рыхлым синеватым ледяным панцирем. Нас, высадившихся на берег в относительно ясную погоду, сразу же до костей пронизало ледяным ветром.

Холмистые берега с выходами скальных останцов были все испещрены пятнами нерастаявших сугробов, называемых в просторечии «снежниками», которые дожили до самой середины лета. Кустарники, произраставшие в этих местах, не поднимались выше голенища кирзового сапога, только в особо укромных местах доставая до колена исследователя. По местным меркам это были настоящие «джунгли». Даже в относительно яркие солнечные дни в пейзаже главенствовали серый и бурый цвета. На горизонте, под северным берегом, со стороны Чаунской низменности и Северного Ледовитого океана маячили свинцовые клочья лёгких кучевых облаков. Над озером стоял постоянный шелест ломающегося оседающего льда.

Немного попозже нам пришлось на себе испытать, что означают эти маленькие облака с севера. Дело в том, что озеро располагается на высоте 500 метров над уровнем моря – величина ничтожная для Кавказа или Средней Азии, но для Заполярья, где один метр превышения идёт за десять в субтропиках, весьма чувствительная. Это высота, на которой обычно двигаются облака со стороны полярных льдов и Северного океана. На уровне озера, где расположился наш лагерь, облака превращались в туман, в котором иногда нельзя было отличить бочку из-под бензина от заблудившегося оленя на расстоянии прямого ружейного выстрела.

Именно в этом месте О. Куваев, а за ним ещё две экспедиции искали своего «самого большого медведя».

Так зоологи кочевали вдоль рек по тундре.

Вопреки утверждениям Куваева оленеводы уже давно не подкочёвывают к этому озеру, и в весеннее время все его окрестности заполняются огромным количеством диких северных оленей. Начиная с конца мая они собираются в северной части Анадырского нагорья, которое служит диким оленям Чукотки таким же родильным домом, как горы Дрем-Хед для белых медведей острова Врангеля. Самки северных оленей, именуемые на туземный манер «важенками», рассыпаются небольшими группами по проталинам. На этих едва оттаявших мокрых бурых полосках земли появляются на свет божий длинноногие маленькие большеглазые дрожащие оленята – дальние родственники знакомого нам с детства Бемби.

В это время здесь и собираются бурые медведи, привлечённые лёгкой добычей. Правда, они не объединяются в стаи, да и вообще существование таковых надо отнести за счёт творческой фантазии пастухов-олeneводоов. Медведи подходят сюда из кустарниковых

долин рек Чаун и Юрумкувеем и из леса-уремы поймы Анадыря. Конечно, есть среди них и те медведи, которые живут непосредственно в тундровой зоне, т. е. те, которые в ней родились, размножились и умрут. Но это совсем не те устрашающие гиганты, которые описаны у Ф. Моуэта, и не те, которые фигурировали в подслушанных Куваевым рассказах пастухов. Это преимущественно небольшие, весом не более 150–200 килограммов, светло-бурые или вовсе рыжие звери. В период отёла оленей медведи, не торопясь, бродят по тундровым угольям, где они распугивают осторожных важенков и находят мокрых, ещё не способных двигаться оленят, которых тут же на месте съедают.

Так пятнадцатитысячное стадо «дикарей» платит свою весеннюю дань нескольким десяткам медведей.

Большого оленя медведь может поймать разве что случайно. Мне приходилось в бинокль наблюдать сцены, вполне достойные библейской мечты о львах, возлежащих рядом с ягнятами. Крупный мишка, неторопливо покачиваясь, проходил в ста метрах от пасущихся оленей, которые при его приближении спокойно отходили в сторону.

Летом ситуация с пищей коренным образом меняется. Медведю не удаётся построить своё благополучие на одних оленях. Тем более что «дикари» – истые кочевники и быстро перемещаются в пространстве. Там, где сегодня паслись тысячные стада этих зверей, с завтрашнего дня в течение месяца можно не увидеть ни одного, что не подходит для такого оседлого зверя, как наш герой.

Тут и вступает в действие фактор, который, с одной стороны, мешает безгранично увеличиваться численности медведей (словами О. Куваева – «собираться в стада»), с другой – препятствует увеличению размеров животных до беспредельно гигантских.

Словом, не допускает того, чтобы именно в тундре жили «самые большие медведи».

Этот фактор – пища. Здесь просто нечего есть. Чукотская тундра настолько скудна, что оказывается не в состоянии кормить большого оседлого зверя. Потому чукотские медведи... Правильно – мелкие.

Небольшие жёлтые пузатые медведи Чукотского полуострова – вот и всё, что тундра способна произвести среди медвежьего племени. Родить на своих просторах «аклу» устрашающих размеров она уже просто не в состоянии.

Таким образом, существование гигантского бурого медведя в чукотских тундрах выглядит нереальным не только с точки зрения современной науки, но даже – здравого смысла. К чести О. Куваева, он не поддался искушению сострять какую-нибудь дешёвую сенсацию и закончил свой очерк вполне пессимистично. Однако, хотел он этого или нет, он проложил путь позднейшим исследователям-любителям двумя отправными точками для поисков.

Во-первых, он предположил, что «самый большой медведь» является представителем какого-либо вымершего вида (в исполнении автора он вполне мог быть пещерным медведем). Впоследствии сам Куваев отказался от этой довольно нелепой гипотезы, но у неё оказалась собственная долгая жизнь.

А во-вторых...

Главной отправной точкой для последующих искателей было непосредственно само озеро Эльгыгытгын. Дело в том, что из озера вытекает довольно протяжённая (около 300 км), быстрая и одновременно безопасная река Энмываам (в переводе с чукотского – «река со скалистыми берегами»).

Энмываам – один из самых живописных водных путей Северо-Востока. Последующие исследователи разыскивали «самого большого медведя» преимущественно по берегам этого водотока, проводя перед этим несколько дней на берегах самого озера.

Первым из последователей Олега Куваева был корреспондент всё того же журнала «Вокруг света» Владимир Орлов. Владимир Орлов, кроме уже упоминавшейся версии о

сохранившемся пещерном медведе, параллельно разрабатывал ещё две – на этот раз сугубо оригинального производства: «самый большой медведь» является путешествующим посуху в летнее время белым медведем или является гибридом белого и бурого медведей.

Медведи в тундре, по определению О. Куваева, – «пузатые и мелкие».

Поводом для первой из них послужили бытующие среди коренного населения Чукотки легенды о белом бродячем медведе-людоеде – «къочатко». В исполнении чукотских боянов это белый медведь чудовищных размеров, используемый «на посылках» ещё одним персонажем местного демонического пантеона – Древоветыкающей Женщиной. Къочатко обречён всю жизнь бродить в пурге, подстерегая заблудившихся охотников. Он беспощаден, злобен и способен на подлости, как всякий нормальный злой дух. В. Орлов, видимо, забыл, что если принимать легенду о къочатко за реальность, то за реальность приходится принимать, кроме его гигантских размеров, и прочие особенности его морфологического строения, например наличие у него пяти пар лап.

Реальной подоплёкой для этой гипотезы послужили имевшие на самом деле в конце 70-х годов несколько зимних заходов белых медведей вглубь континентальной Чукотки.

...Это произошло в год с тяжёлой ледовой обстановкой. Тюленьи стада откочевали из ближайших морей Ледовитого океана. Так белые медведи остались без пищи и стали усиленно её искать, при этом некоторые из них предприняли довольно длительные, хотя, похоже, и безуспешные, сухопутные вояжи. Практически все звери, попавшие в незнакомую обстановку, вышли к человеческому жилью, к помойкам на окраинах посёлков, рыбалкам, стойбищам оленеводов – и были перебиты. Три из установленных шести убитых белых медведей были убиты прямо в посёлках, а не в стойбищах. Про стойбища как раз данные все неофициальные – «аборигены», не будь дураки, скрыли от властей эту информацию.

О том, как туго им пришлось, можно судить по тому, что последний бродяга-медведь, убитый у Вакаревой рыбалки на реке Майн (об этом случае мы позднее расскажем подробно – тогда был серьёзно покалечен человек), громадный самец, так отошал, что весил всего 130 килограммов.

Гибридов между этими двумя видами (белыми и бурыми медведями) в природе не существует. Это связано, в первую очередь, с особенностями гона (у белых медведей он проходит с середины марта по середину апреля, у бурых – в первую половину лета), кроме того, места обитания этих зверей практически не пересекаются.

Тем не менее корреспондент Орлов для проверки все этих трёх версий проделал в составе экспедиции нашего института ставший уже традиционным путь из Эльгыгытгына

по Энмывааму (спустя десять лет его был вынужден проделать и ваш покорный слуга), потерял на порогах всю свою аппаратуру, однако, несмотря на все трудности и опасности пути, сумел по дороге лицезреть мелкого медведька не бурого, а какого-то светлого оттенка (к цвету шкуры у медведей мы ещё вернёмся) и укрепился в убеждении, что медведи на Чукотке «какие-то не такие».

Тем же традиционным маршрутом в поисках «самого большого медведя» воспользовался магаданский прозаик Альберт Мифтахутдинов. Кстати, этот путешественник своего «самого большого медведя» нашёл!

«И тут мы увидели его! На середине склона пасся медведь. Мы переплыли ручей, вышли к склону. Это был гигантский чёрно-бурый экземпляр со светлыми подпалинами на подбрюшье и боках. Величиною с полторы-две коровы. Что-то невообразимое. Он мирно поедал траву и ягоды...

Я видел бурых камчатских медведей, встречался с ними нос к носу, участвовал в экспедиции по отлову и мечению белых медвежат на острове Врангеля, но такого мне не приходилось видеть даже среди белых.

...Биологи приняли во внимание результаты наших поисков самого большого медведя».

Трудно понять, что в данном случае подвело магаданского прозаика – наблюдательность или вкус? Куваев же не случайно оставил открытым конец своей эпопеи, придав ей тем самым откровенно ритуальный характер, понимая, что бездоказательные утверждения в счёт не идут. Осмелюсь только напомнить, что автор, собирая в течение десяти лет материалы по медведям в тех самых местах, промерил несколько сотен следов различных зверей и не встретил за всё время отпечатка шириной более 19,5 сантиметра. Не думаю, что в число разных чудесных качеств этого зверя входит умение летать по воздуху.

Таинственный медведь Родиона Сиволобова.

Однако после того, как в результате открытия А. Мифтахутдинова страсти по медведю в Магаданской области несколько поуспокоились, призрак «самого большого медведя» посетил Камчатку. Теперь уже речь пошла о Корякском нагорье. На этот раз решили, что тамошний «самый большой медведь», встреченный местным жителем Родионом Сиволобовым, есть не кто иной, как короткомордый медведь ископаемой фауны – арктодус. Как обычно, последовали усиленные поиски энтузиастов, в результате которых были убиты медведи. Несколько раз поступали сведения и о добыче «истинного арктодуса». Но с его останками продолжали происходить чудеса, характерные для подобных существ при их жизни. Шкуры гнили, мясо вперемешку с костями сжигалось адептами командно-административной системы, черепа воровали таинственные коллекционеры или их не выдавало коренное население под предлогом отправления религиозных культов...

Словом, арктодуса ищут до сих пор.

Глава 7 «Другие» медведи

На свете, кроме бурого, существует ещё шесть видов медведей. С тремя из них людям приходилось общаться довольно часто. Интересно, что эти звери имеют в своём русском названии приставку, обозначающую цвет шкуры. Я говорю о белом и двух чёрных медведях – дальневосточном, которого во избежание путаницы принято называть «гималайским», а также чёрном североамериканском медведе – барибале. Каждый из этих зверей сам по себе настолько интересен, что заслуживает отдельного рассказа.

Начнём с барибала.

Как это ни парадоксально, американский чёрный медведь отнюдь не является родным братом восточно-азиатского чёрного медведя. Скорее, он его кузен или даже двоюродный внук. По науке он выделен в отдельный род, т. е. со своим гималайским близнецом он находится в такой же семейной связи, что и с бурым и белым медведями.

Предки барибала перебрались в Северную Америку через Берингийский мост гораздо ранее предков современного бурого медведя. Там, изолировавшись от всех остальных представителей медвежьего семейства, барибал был вынужден эволюционировать самостоятельно.

Сегодня принято считать, что в Америке всего много. Гораздо больше, чем в России. Так вот, барибал – это самый многочисленный медведь мира. В начале XX века в Северной Америке было полмиллиона барибалов. Но и сегодня в Канаде и США (без учёта Аляски) их 160–170 тысяч.

Как и другие медведи, барибал – индивидуалист, т. е. зверь, обитающий на определённой территории и защищающий её от вторжения своих собратьев (конечно, если он в состоянии это сделать). Индивидуальный участок барибалов колеблется от 0,5 до 1,3 кв. километра.

Барибал – медведь сравнительно небольшой. Вес взрослых зверей колеблется от 68 до 113 килограммов, отдельные, особо крупные самцы могут весить около 200 килограммов. Канадский зоолог Бэнфилд приводит максимальный вес в 270 килограммов. Самые крупные барибалы заселяют острова архипелага Александра у западного побережья Канады.

По сравнению с привычным нам бурым медведем барибал выглядит несколько стройнее. Холка, столь заметная у нашего мишки, у барибала почти не выдаётся за лопатками. Морда его чуть-чуть одутловата, так что при рассмотрении сбоку он приобретает почти римский профиль. Изогнутые острые когти, наряду с небольшим весом и стройной фигурой, позволяют барибалу с лёгкостью лазать по деревьям даже в зрелом возрасте, что практически невозможно для нашего топтыгина.

Несмотря на то что в названии этого медведя написано «чёрный», окрас шкуры барибала может варьироваться так же сильно, как и у обыкновенного бурого медведя. От иссиня-чёрного она изменяется через различные оттенки бурого и светло-коричневого цветов до практически белого. Однако у барибалов любых цветов конец морды неизменно остаётся желтоватым или буроватым, а на груди обязательно присутствуют белые полосы или пятна.

На северо-западе канадской провинции Британская Колумбия существует весьма специфическая цветовая вариация барибала – белая, а точнее, жёлтая. Тамошние медведи не

полные альбиносы, глаза у них не красные, а тёмные, губы, нос и подошвы лап серые или бурые, тогда как при альбинизме им полагается быть розовыми или красными. Больше всего их живёт на Кермодеком полуострове и по месту обитания их называют «кермодами».

Эта территория сама по себе достаточно своеобразна и славна как раз обитающими на ней светлыми формами различных животных. Медведи отнюдь не обладают монополией на этот тип окраски. На Кермодском полуострове обычны белые норки, россомахи и другие виды зверей.

Интересно, что барибалы в качестве берлоги для зимнего сна предпочитают использовать дупла. Замечательные, не идущие в сравнение ни с одним лесом Евразии чащи Нового Света предоставляют для этого все возможности. Подходящие для зимовки дупла барибалы находят в перестойных деревьях красного клёна, дуба, жёлтой берёзы, тсуги. Там, где коренные леса подвырублены, чёрные медведи приспособились зимовать в различных наземных укрытиях (в пещерах, под валежником и выворотнями). Иногда они выкапывают и земляные берлоги, как простые русские медведи.

Барибал – американский чёрный медведь (*Ursus americanus*).

© Фото blickwinkel / Alamy Images.

Сроки залегания барибала в берлогу очень сильно зависят от климата местности, в которой тот или иной зверь изволит проживать. Если аляскинские и северо-канадские барибалы залегают в сентябре-ноябре, чтобы проснуться лишь в апреле-мае, то их флоридские и

луизианские собратья, обитающие в субтропиках, могут бодрствовать практически в течение всей зимы, лишь иногда укладываясь вздремнуть на несколько особо неприятных дней.

Свадьбы барибалов проходят в июне-июле. Эти медведи куда более многодетны, чем их бурые родственники. Им случается приносить три-четыре, а иногда и пять детёнышей. Первую зиму они переживают вместе с матерью. Однако в полтора года медвежата начинают проявлять медвежий характер. Так что несмотря на всю многодетность, а может быть и поэтому, медведицы быстро теряют инстинкт материнства. Если медвежата ходят с матерью, то она, не задумываясь, бросается на любого приближающегося к ним медведя, но достаточно им обрести независимость, как родные дети подпадают под статус «чужого зверя».

В принципе статус «чужого зверя» среди барибалов по отношению к соплеменникам весьма уместен. Барибалы обожают полакомиться друг другом, т. е. являются обыкновенными каннибалами. Особенно не прочь закусить детёнышами своих родственников, а может и своими собственными детьми, взрослые самцы.

Дело доходит до того, что, если где-то начинают выбивать крупных самцов барибалов (как это проверялось на практике американскими охотниками), общая численность этих медведей начинает вдруг резко расти.

Барибал не только самый многочисленный, но, наверное, и самый промышляемый медведь мира. Его охотничья ценность выяснилась ещё на заре освоения Северной Америки, когда большую часть её территории осваивало храброе и безжалостное племя охотников за пушниной. Вот выдержка из одного географического исследования середины XIX века, касающаяся нашего героя:

«К самым драгоценным зверям Гудзонбайских стран принадлежит чёрный американский медведь, который, как известно, не водится ни в Азии, ни в Европе. Хотя он принадлежит к числу самых мелких медведей, но нежный и блестящий долговолосый мех его даёт ему место в пушной торговле, которого не занять его собратиям как Старого, так и Нового Света. Кроме жёлто-буро-го пятна с каждой стороны длинной морды он весь чёрного цвета. Американский медведь живёт в лесной области и питается преимущественно плодами, ягодами, кореньями, птицами, яйцами и мёдом. Он нападает на других четвероногих, только когда очень голоден, и редко наносит вред человеку, разве для собственной защиты. Он очень быстро лазает по деревьям и скалам, и так как он очень осторожен, то летом весьма трудно подойти к нему. Но именно излишняя осторожность иногда вовлекает его в беду, и из его примера мы можем видеть, что во всём вредно доходить до крайности. Из боязни всех возможных опасностей американский медведь при малейшем шорохе поднимается на задние лапы, чтобы посмотреть сквозь кусты и в это время падает от пули, которой старался избежать. Зимой, когда на снегу остаются следы, чаще стреляют американского медведя, тем более что в это время года мех его лучше, а жир вкуснее. При отыскивании его следов индейцы выказывают необыкновенную ловкость, какой можно ожидать от острых чувств этих испытанных охотников. Индейцы, убившие медведя, перед тем, как сдирать шкуру, тысячу раз извиняются перед „бабушкой" (так зовут они его)».

В этом отрывке уже указывается (а мы это ещё раз подчеркнём), что барибал, как, впрочем, и гималайский медведь, куда больший вегетарианец, чем гризли, и уж тем более – белый медведь. Обеспечивать себе питание ему очень помогает умение «профессионально» лазать по деревьям. Оно позволяет ему добывать плоды диких фруктовых деревьев, каштаны, жёлуди, а также различные орехи непосредственно с древесных крон.

Другой чёрный медведь – гималайский, или белогрудый, обитающий в Юго-Восточной Азии – от Афганистана и северной Индии до острова Тайвань и Японии, – на территорию нашей страны заходит крайней северо-восточной частью своего ареала. Он занимает практически всё Приморье и небольшую часть Хабаровского края.

В древности ареал этого вида занимал большую часть Евразии, а затем сильно сократился. Из ныне сохранившихся видов медведей белогрудый, безусловно, может претендовать на самый почтенный возраст.

Это подтверждают и палеонтологические данные, и ряд архаичных черт в строении его черепа.

Гималайский медведь (*Ursus thibetanus*).

© Фото Виталия Созинова / ИТАР-ТАСС.

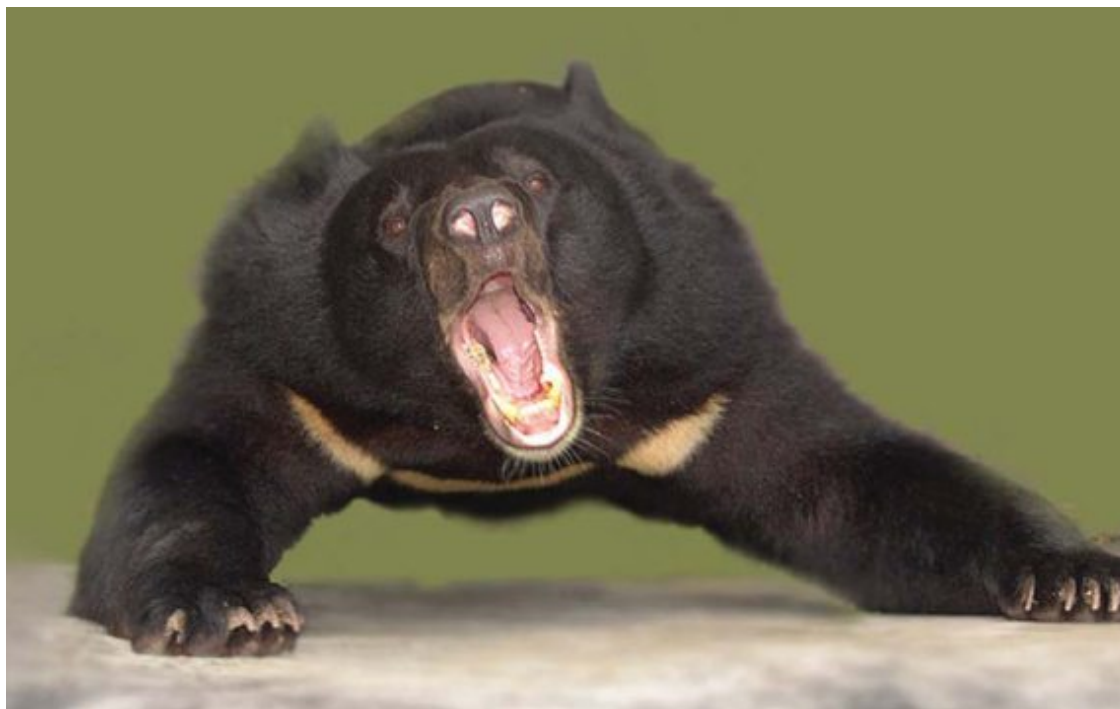
Белогрудый медведь по размерам приближается к своему североамериканскому собрату – средний вес колеблется между 80 и 120 килограммами. Самый крупный из белогрудых медведей, осмотренных профессором Г. Ф. Бромлеем, известным исследователем Приморья, весил 192 килограмма, натуралист В. П. Сысоев добыл самца, весившего 220 килограммов. Известному зоологу С. П. Кучеренко не попадались звери, весившие более 180 килограммов. Зоолог Владимир Арамилев застрелил медведя, весившего 260 килограммов, что на сегодняшний день является абсолютным рекордом.

По сравнению с другими медведями белогрудый имеет наиболее стабильную окраску. Он является, так сказать, самым чёрным из всех медведей – чёрных и бурых. По крайней мере, мне не попадались сведения о значительных отклонениях в окраске этих зверей в книгах самых различных исследователей. Цвет его шкуры, как правило, смоляно-чёрный, на

груди расположено большое V-образное белое пятно, и ещё одно белое пятнышко – на нижней челюсти. У него крупные округлые уши, узкая, коническая острая морда на крупной голове. Передние лапы гораздо сильнее задних – что понятно, если учесть склонность белогрудого медведя к древесному образу жизни.

Белогрудый медведь на нашей территории залегает в берлогу в ноябре, а выходит из неё в начале апреля. Впрочем, для него, как и для барибала, слово «берлога» прежде всего означает дупло в перестойном дереве. Изредка он укладывается зимовать в расщелинах среди камней или в земляных углублениях. Бывает, что вход в дупло облюбованного дерева или мал, или вовсе отсутствует. Тогда зверь прогрызает дырку нужных ему размеров.

Очень тщательно подготавливают берлогу беременные самки и мамы с медвежатами. Вход в такое «медвежье гнездо», по свидетельству С. П. Кучеренко, всегда располагается сверху. Самец же вполне может «угнездиться» кое-как, иногда его бок можно усмотреть прямо «с улицы».

И это тоже гималайский (белогрудый) медведь... фото IGOR AK. (keshouan@mail.ru).

По рациону белогрудый медведь преимущественно вегетарианец, чем отличается от медведя бурого. В частности, ему совершенно несвойственно хищничество. Даже в весеннее, самое тяжёлое для медведей время он не преследует диких млекопитающих и не нападает на домашних животных, чем, с точки зрения последних, в выгодную сторону отличается от бурого медведя. Животные в диете белогрудого медведя больше мелкие – всякие муравьи (одно из местных названий этого медведя – «муравьятник»), личинки различных насекомых, моллюски, лягушки, змеи, мыши. Летом звери в основном едят ягоды черёмухи, актинидий, жимолости, малины, смородины и голубики. Когда с дубов начинают осыпаться жёлуди, медведи переключаются почти исключительно на них.

Однако, несмотря на общий синдром вегетарианства, белогрудый медведь славится самым конфликтным зверем на юге Дальнего Востока России. При неожиданной встрече с человеком именно «белогрудка» склонен, не задумываясь, переходить к нападению. Именно этот зверь пометил своими когтями многих охотников Приморья и юга Хабаровского края.

Гон у гималайских медведей проходит в июне-июле. Протекает он, как утверждают зоологи, в довольно спокойной форме, однако скверный медвежий характер всё же даёт о

себе знать, и потому драки между самцами – обычное дело. Но и они не ведутся с таким ожесточением, как у бурых собратьев.

В отличие от барибала самка белогрудого медведя ходит с детёнышем два года. Способными к самостоятельному размножению они становятся на четвёртом году жизни.

Как и другие медведи, белогрудые мишки – индивидуалисты, «личные территории», которыми они обладают, колеблются от 2 до 6 кв. километров. Но на участках леса с обильным урожаем желудей или орехов может собираться до десятка медведей на квадратном километре.

В качестве основных врагов белогрудого медведя, кроме человека, можно назвать тигра и бурого медведя.

Тигр является самым постоянным и злейшим врагом этого зверя. Кое-кто утверждает даже, что медвежатину он предпочитает другому мясу. Но значительную долю в этой его органической неприязни занимает, конечно, врождённая ненависть к любым крупным хищникам, которые кажутся ему возможными конкурентами и просто врагами. Тигры обычно ловят медведей в мелколесье, на полянах и в других местах, лишённых крупных деревьев, на которых медведь привык искать своё спасение.

Во время учёта тигра зимой 2005 года в южном Сихотэ-Алине учёный Виктор Гапонов обнаружил двух тигров, которые целенаправленно занимались поиском белогрудых медведей, лежащих в берлогах. Этих медведей тигры в буквальном смысле слова «выгрызали» из берлог, убивали и ели. В первый момент эта история мне показалась совершенно невероятной – белогрудый медведь обычно ложится в дупле живого дерева, и его отделяет от внешнего мира кольцо из 20–25 сантиметров сырой замороженной древесины. Это дерево с трудом поддаётся топору, а не то что зубам и когтям зверя. На поверку же выяснилось, что тигры воспользовались очень специфическими условиями, которые сложились в результате пожара на одном из отрогов Сихотэ-Алиня. Кедровый лес на этом отроге после пала засох на корню, и от многих деревьев, потом сгнивших, осталась лишь основа в виде тонкой пустотелой «дудки» с толщиной стенок около пяти-десяти сантиметров. С этой защитой тигры справлялись уже легко. Учёные обнаружили одного гималайского медведя, сидевшего на дереве с оторванной ступнёй, а под деревом – следы двух крупных амурских тигров. На следующий день исследователи вернулись к этому месту, но обнаружили только следы пиршества полосатых хищников. Местные же охотники утверждают, что это не первая медвежья охота «полосатой парочки».

Исследователи Дальнего Востока, такие как Н. Байков и С. Кучеренко, считают амурского тигра одним из основных врагов белогрудого медведя. Но такой случай «бригадной специализации» полосатых хищников при охоте на мишку был отмечен впервые.

В России считается, что чёрный медведь панически боится даже следов тигра. Один дрессировщик утверждал, что если на цирковой арене «поработали» тигры, то гималайские медведи после этого категорически отказываются на ней что-либо делать довольно долгое время, даже если ковёр обработан опилками с нафталином.

Однако в Индии гималайский медведь не очень-то робеет перед полосатыми кошками и, случается, обращает их в бегство. По крайней мере, об этом с уверенностью пишет такой известный охотник и знаток фауны, как Джим Корбетт. Хотя допускаю, что бенгальский тигр не внушает такого почтения (с медвежьей точки зрения), как его уссурийский собрат.

Бурые медведи при встрече в тайге также предпочитают не вспоминать, что произошли с белогрудым от некоего общего предка. Похоже, что крупные самцы используют любую возможность, чтобы при случае полакомиться мясом своего родственника (как, впрочем, и любым другим мясом).

Считается, что белогрудых медведей в России где-то 8-10 тысяч. Однако некоторые специалисты полагают, что их может быть вдвое и даже втрое больше.

В отличие от двух чёрных медведей, каждый из которых, если так можно выразиться, был один растительнее другого, белого медведя трудно обвинить в вегетарианстве. Белый, или полярный, медведь по своему призванию – хищник и трупоед.

Белый медведь (*Ursus maritimus*). По книге И. Херана «Медведи и панды».

Сами условия его обитания – мир полярных пустынь, льда и снега, в котором практически не встречается никакой растительности, – толкают его на это.

Белый и бурый медведи очень близки друг другу – об этом говорят замечательные специалисты по истории фауны Б. Куртен и Н. К. Верещагин. Все исследователи с большей или меньшей степенью вероятности считают, что белые медведи отделились от бурых и ушли во льды где-то в середине плейстоцена. Самые древние ископаемые останки этого зверя относятся к периоду около 80 000 лет назад и были обнаружены близ Лондона. Более поздние находки, датируемые где-то 10 000 лет до н. э. и относящиеся уже к послеледниковому времени, обнаружены в Дании и на побережье Балтийского моря.

Как ни странно, бурые и белые медведи до сих пор не очень сильно отличаются и в чисто биологическом плане. Так, исследователями установлено, что у обоих видов сходный состав белков крови, а также то, что в неволе их можно успешно скрещивать – причём гибриды плодовиты – по крайней мере, до второго поколения.

Белый медведь – зверь, который зарекомендовал себя одним из самых «конфликтных» видов медведей по отношению к человеку, поэтому здесь есть смысл на нём остановиться поподробнее.

Наряду с кадыком белый медведь считается самым крупным наземным хищником. При этом зачастую его предельный вес указывается в тонну. Я перевернул уйму самой разной литературы по этому поводу – от сугубо научной до мемуаров известных арктических путешественников – и со всей определённоностью установил: никто ЛИЧНО медведя весом в 1000 килограммов не взвешивал. Обычные описания таких гигантов выглядят следующим образом: «Этот медведь был необычайно велик и потому весил, наверное, с тонну». Мне это понятно, тем более что я сам многократно был свидетелем, как подобным образом «на глазок» устанавливался вес других животных, в частности медведей бурых.

Если проверка не производилась, этот вес приобретает такое замечательное свойство, как способность к самостоятельному росту в зависимости от даты охоты. Чем старше воспоминания, тем крупнее размеры добытого зверя.

Р. Перри, автор переизданной в нашем Гидрометеиздате популярной монографии «Белый медведь», подробно остановился на вопросе «сколь велик он может быть», зная, как подобного рода данные интересуют широкую публику. «Как по размеру, так и по весу белые медведи почти так же огромны, как гигантские бурые медведи на Аляске и острове Кадык. В качестве рабочей гипотезы можно принять следующий вывод: длина среднего самца —

2,4 метра, вес – 360–450 килограммов и даже больше; для медведицы соответствующие цифры составляют 1,8 метра и 317 килограммов, причём даже самая крупная самка никогда не достигает размеров крупного самца».

Далее британский автор даёт подробный обзор сведений о размерах белых медведей, приводимых разными полярными исследователями, начиная от экспедиции Виллема

Баренца в 1596 году. Он перечисляет герцога Абруццкого, убившего на Земле Франца-Иосифа медведей, длина которых достигала 2,8 метра; норвежцев, утверждавших, что ими на Шпицбергене были добыты животные длиной 2,9 метра; канадца Трэмблея, застрелившего на архипелаге медведя длиной 2,9 метра и весом 810 килограммов. Однако право, верить или нет этим сведениям, Перри целиком оставляет читателям.

Арктика. Белые медведи вблизи островов Земли Франца-Иосифа.

© Фото Льва Федосеева / ИТАР-ТАСС.

Если кто и заслуживал почётного звания «бродяги Севера», так это самец белого медведя. Он обитает в торосах и дрейфующих льдах прибрежной кромки материкового берега. Хотя едва ли найдутся такие пространства полярных морей, на которые не ступала бы лапа этого зверя.

Но всё-таки будет ошибкой думать, что областью его распространения является весь без исключения бассейн Северного Ледовитого океана. В регионе, где белый медведь изучен наиболее подробно, т. е. в Канадском секторе Арктики, северной границей его странствий во льдах считается 73-я параллель – где-то 270–360 километров от берега. По утверждению канадского полярника Стефанссона, медведи редко посещают участок полярного бассейна в районе так называемого полюса недоступности. Как считает названный автор, разводья и сопутствующие им тюлени появляются в этих морях слишком редко, чтобы там могли постоянно обитать белые медведи. На станции СП-1 под руководством Ивана Дмитриевича Папанина 1 августа 1937 года видели медведицу с двумя медвежатами в 630 километрах от ближайшей суши, под 88-й параллелью.

Один из претендентов на достижение Северного полюса, Р. Пири видел следы белого медведя в районе 80 градусов северной широты, а самый известный исследователь полярного бассейна Ф. Нансен видел его следы севернее 83 градусов.

Но, наверное, рекордсменом среди всех белых медведей (по длине пройденного расстояния и по трудности осуществлённого предприятия) будет тот белый медведь, который,

судя по всему, пересёк ледяной щит Гренландии и был застрелен Хейг-Томасом уже после окончания этого путешествия. Медведь был предельно истощён, а грубая кожа подушечек лап была стёрта совершенно. Следы его вели прямо через ледяной щит – ту самую негостеприимную область Арктики, о которой Пири пишет, что путешественник, попавший сюда, наблюдает только три явления: «бесконечные просторы замёрзшей равнины, бесконечный купол холодного голубого неба и холодное белое солнце; целыми днями, а то и неделями он может двигаться, не видя ничего, кроме чёткой голубой линии горизонта». Естественно, ни о нерпах, ни о лахтаках – столь привычных для белого медведя видов пищи, говорить не приходится на высоте 1500 метров над уровнем моря. Как считает Хейг-Томас, этот зверь мог пройти от 400 до 1200 километров, пока в самом конце своего пути не нашёл смерть от пули.

Благодаря своим превосходным физическим данным белые медведи могут позволить себе бодрствовать в самое тяжёлое время в Арктике – полярную ночь, когда «полдень походил на сумерки, на небе видны звёзды и луна. Обычные подразделения времени исчезают. Всё обращается в нескончаемую темноту, будь то полдень, полночь, утро или вечер» (Ф. Кук. Моё обретение полюса).

Обязательно ложатся в берлоги лишь медведицы, и то лишь те, которые должны принести потомство. И для самцов, и для пустующих самок эта процедура является совершенно необязательной. Андерсон и Стефансон утверждают, что медведи-самцы никогда не залегают в Канадском секторе Арктики. Советский охотовед Савва Успенский в своём сочинении, посвящённом белому медведю, очень много рассуждает об устройстве берлог беременных самок, при этом деликатно опуская вопрос о зимовке взрослых самцов.

В Арктике имеются особые места, которые издавна принято считать своеобразными «родильными домами» белых медведей, в том числе на Земле Франца-Иосифа, севере полуострова Таймыр, в Канадской Арктике... Но самый широко известный пример, который обошёл страницы огромного количества иллюстрированных изданий, экраны кинотеатров и телевизоров, – остров Врангеля. Именно там, в горах Дрем-Хеда, располагается самая известная на сегодняшний день залёжка самок белых медведей.

Время свадеб белых медведей растянуто примерно на месяц – с середины марта до середины апреля. Вообще, обычно во время гона медведи держатся парами, однако иногда самку сопровождают несколько самцов, образуя своеобразную «свадьбу». В такой «свадьбе» бывает до семи-восьми зверей, они следуют друг за другом на некотором расстоянии.

Медведи, как и люди, уделяют на свадьбе особенно много времени разборкам между собой. Звери часто ревут и рывкают, а драки между самцами – это уж самое обычное дело.

Беременные медведицы осенью выходят на сушу и проводят зиму в снежных берлогах. Эти укрытия строятся чаще всего вблизи морских побережий. Особенно охотно звери «заселяют» крутые склоны гор, на которых ветер надувает мощнейшие сугробы в несколько метров толщиной.

Сами берлоги представляют собой овальные камеры длиной и шириной 1,5 метра и около метра высотой. Иногда эти инженерные сооружения усложняются тем, что имеют ниши различной глубины, туннели и даже несколько камер. Земляные берлоги вроде тех, что приняты у бурых мишек, учёные обнаружили лишь в Канаде – на юге Гудзонова залива.

Весной, выходя из берлоги, медведица прокапывает наружу лаз, имеющий обычно наклон книзу. Так тёплый воздух, не выходя из камеры, скапливается под её сводом.

В принципе снежная берлога белого медведя – сооружение довольно тёплое (особенно, если сопоставить температуру внутри неё с окружающей средой). Успенский говорит, что в нескрытой берлоге воздух согрет до минус 9,9 градуса, при «уличной» температуре минус 30 градусов по Цельсию.

Именно температура, а не подросшие дети стимулирует медведицу покинуть своё снежное убежище. На острове Врангеля, как свидетельствует русский исследователь Бели-

ков, массовое вскрытие берлог начинается при повышении температуры до минус 15–20 градусов и с началом устойчивой весенней безветренной погоды.

Возле взломанной берлоги семья медведей держится не более 4–5 дней, хотя в принципе если их застает пурга, то срок этот естественным путём удлиняется.

В зоопарках медвежата рождаются в ноябре или декабре, а на воле – тут учёные никак не могут прийти к согласию – между ноябрём и февралём. Большинство у медведицы рождаются двое медвежат, в редких случаях – трое и чрезвычайно редко – четверо. Гренландские эскимосы утверждают, что ещё ни один из них не видел за свою жизнь медведицу с тремя медвежатами.

Только что родившийся детёныш белого медведя по размеру не больше крысы или морской свинки – длиной от 20 до 30 сантиметров, весит 450–900 граммов. Однако к выходу из берлоги – через два – два с половиной месяца один детёныш весит до 16 килограммов.

Выкармливание детёнышей – занятие достаточно изматывающее даже для белого медведя. Практически все медведицы с медвежатами, которых различные полярные исследователи встречали (читай – стреляли) в марте, были сильно истощены. Взрослая медведица, застреленная Кеттлицем, спутником Джексона, на Земле Франца-Иосифа, весила 176, а другая – и вовсе 136 килограммов.

Считается, что сразу после выхода из берлоги медведицы сперва нарушают свои привычки закоренелых хищниц и находятся на вегетарианской диете и питаются в основном лишайниками. Только много времени спустя звери приступают к более привычной для них охоте на тюленей. Интересно, что так же ведут себя после выхода из берлоги бурые медведи в приполярных областях, в частности на Аляске.

Охота, а значит – и питание этого зверя, связана почти исключительно с тюленями. Чаще всего их добычей является вездесущая кольчатая нерпа, которая нам больше известна по надписям в книжках и табличкам в зоопарках как «обыкновенный тюлень».

Тюлени не имеют возможности дышать под водой и поэтому вынуждены по несколько раз за час выныривать на поверхность, чтобы набрать в лёгкие воздух для очередного нырка. Тут-то их и подкарауливает коварный полярный медведь. Летом и осенью, когда лёд ещё так плотен, тюлени, чтобы отдышаться и осмотреться, всплывают в трещинах и разводьях. Вокруг этих мест всё обычно утоптанно следами многочисленных медведей-охотников, которые сами стараются держаться как можно незаметнее.

Норвежский исследователь Педерсен пишет, что если на солнечной стороне фьорда снег девственно чист, то теневая сторона его буквально истоптана бесчисленными медвежьими следами.

Когда лёд становится прочным и толстым, тюлени прекращают свои кочёвки и держатся в строго определённом районе, где они поддерживают в незамерзающем состоянии несколько лунок. Возле этих лунок или «продухов», как их называют русские поморы, их и караулит белый медведь. Он разламывает лапами ледяной купол, который намерзает над лункой, и давит вылезшего отдохнуть тюленя. Другие морские звери, в частности моржи, становятся его жертвами гораздо реже.

Тот же Педерсен утверждает, что медведь не может убить моржа-самца и нападает только на самок и детёнышей. Однако эскимосы рассказывают, что медведь прыгает на моржа с верха ледяного выступа. Схватив моржа зубами за загривок, медведь проламывает ему череп ударом лапы.

Среди эскимосов также широко распространены истории, что белый медведь способен проломить моржу череп куском льда, отломив его предварительно от тороса.

Российский исследователь Анатолий Кочнев, правда, считает все эти рассказы образцами мифов, сборником которых, по его словам, и является книга Перри. Однако сам он лично наблюдал несколько успешных охот белого медведя на моржа.

Как и все остальные медведи, полярные мишки не брезгают мясом собственных сородичей, ни даже детёнышами своего же вида, будь они так неосторожны, что попадутся на расстояние успешного броска от одинокого «папаша». Зоолог Хейг-Томас пишет, что самец может пытаться даже подманить медвежат, идущих за матерью, пользуясь их природным любопытством, размахивая лапами и катаясь по снегу. В конечном итоге эти ухищрения служат для того, чтобы сожрать собственных отпрысков. Нансен непосредственно видел, как белый медведь изловил и съел двух годовалых медвежат. В той части книги, где пойдёт речь о мамашах медвежьего племени и почему они так опасны для человека, мы ещё вернёмся к этому явлению.

То, что белые медведи могут предпринимать в отдельные годы значительные кочёвки по земле вглубь материка, было известно довольно давно. Перри говорит о некоем медведе-рекордсмене, достигшем форта Маккензи, пройдя 180 километров вверх по реке Маккензи, по пути вламываясь в мясные склады и убивая собак.

Самая южная точка, где на морском побережье Евразии отмечен белый медведь, – побережье Кроноцкого полуострова Камчатки. Этот случай отмечен таким внимательным и щепетильным исследователем, как В. Аверин, которого трудно обвинить в склонности к преувеличениям ради сенсации.

Из прочих медведей я только вскользь упомяну малайского медведя, которого местные жители называют бируангом, медведя-губача, обитающего в тропической Индии, а также южноамериканского очкового медведя. Всё это звери небольших размеров (и даже очень небольших – по сравнению с бурыми и белыми гигантами). Самый мелкий и самый неизученный из них – это бируанг, который весит самое большее 65 килограммов. Он коренаст, силен и покрыт гладкой чёрной шерстью.

Населяет он обычно горные и равнинные тропические леса Бирмы, Индокитая, Малакки, а также Суматры и Борнео.

Бируанг – малайский древесный медведь (*Helarctos malayanus*).

© Фото Peter Fakler / Alamy Images.

Бируанг – самый «древесный» из всех медведей и буквально сутками может не покидать кроны. На деревьях он находит пищу и спит, принимая своеобразные солнечные ванны.

Он поедает нежные ростки кокосовой пальмы, фрукты и листья. Как и бурый медведь, он не прочь полакомиться муравьями, а также другими общественными насекомыми – термитами. Своими сильными лапами и когтями он разрушает их прочные жилища и извлекает съедобный объект длинным тонким языком и подвижными губами.

Приносит самка малайского медведя обычно двух медвежат, которые рождаются в каком-нибудь уединённом месте на земле и несколько месяцев живут с родителями. В спячку этот зверь, естественно, не впадает.

Медведь-губач крупнее бируанга и весит уже до 140 килограммов. У этого медведя довольно стройное тело на высоких ногах, огромные когти и длинная острая морда. Он покрыт удивительно лохматой жёсткой шерстью, обычно чёрного цвета, иногда с рыжеватым оттенком.

Как и большинство других медведей, губач является типичной «совой». Днём он спит где-нибудь в траве, кустах или неглубокой пещере, при этом удивительно громко храпит – так, что это нашло своё отражение даже в научной литературе. Его пищей по преимуществу

служат беспозвоночные, падаль и разная тропическая растительность. Устрашающие когти нужны этому лохматому мишке не для «кровопролитиев», а для того, чтобы ломать гнилые стволы деревьев и термитники. Оттуда он добывает разных насекомых, ради чего приводит в действие удивительный естественный насос. Дело в том, что губач, как явствует из его названия, обладает длинной мордой с очень подвижными голыми губами, которые могут сильно вытягиваться наподобие трубки. Ноздри при этом у зверя смыкаются. Два передних зуба у губача отсутствуют, из-за чего впереди образуется щель. Нёбо у него полое. Эти особенности позволяют губачу действовать своей мордой, как насосом, – сперва выдувать насекомых из их разрушенных убежищ, а затем втягивать их внутрь. Возникающий при этом шум бывает слышен очень далеко – более чем за сто метров – и иногда может стоять медведю жизни, привлекая к нему внимание охотников.

Детёныши у губачей рождаются в земляном убежище наподобие берлоги. Их может быть от одного до трёх.

В первое время самец опекает потомство вместе с самкой, что совсем несвойственно остальным видам медведей.

Очковый медведь – единственный во всей фауне южно-американского континента. Это небольшой зверь, весящий не более 140 килограммов. Он населяет горы от Колумбии до Северного Чили.

Шерсть у него лохматая, чёрная, иногда с буроватым оттенком, за исключением больших белых кругов вокруг глаз, каковым он и обязан своим названием. Очковый медведь живёт по большей части в горных лесах, но иногда появляется и на открытых луговых склонах. Считается, что этот медведь – самый растительноядный в семействе. Он питается листьями, плодами, корнями, молодыми проростками. Местами он вредит посевам кукурузы. Однако ни о каких конфликтах наподобие тех, что случаются с нашими мишками, здесь не может быть и речи.

Медведь-губач (*Melursus ursinus*) – обитатель индийских джунглей.

© Фото Людмилы Пахомовой / ИТАР-ТАСС.

Британский киносценарист М. Эндрюс во время своего путешествия в Эквадор сделал попытку снять на плёнку этого редчайшего и осторожного зверя. Несколько дней он провёл на склонах горы Антисана, но при этом даже не смог увидеть ни одного медведя. Однако его гид, местный житель Хулио, пеон с асиенды, утверждал, что ему доводилось стрелять этого зверя, несмотря на то, что он занесён в международную Красную книгу. Впрочем, пеон скорее всего об этом не имел никакого понятия.

Когда-то очковые медведи являли собой возжеленную мечту каждого охотника. Ещё бы – наряду с ягуаром это один из крупнейших хищников континента! (Правда, мы уже знаем, что назвать «хищником» очкового медведя можно только с большой натяжкой.) В основном медведей стреляли во время их сезонных миграций с гор в затопляемые поймы перуанских рек.

На сегодняшний день, по мнению Эндрюса, наибольшую опасность для медведей представляют не охотники, а владельцы больших асиенд, интенсивно занимающиеся сельским хозяйством. Теперь причиной убийства служит порча посевов на полях, о чём я уже упоминал выше. Конечно, происходит и браконьерский отстрел самок с целью отлова детёнышей для зоопарков. Получается так, что медведи могут чувствовать себя в безопасности, только находясь на заоблачных, покрытых лесами склонах гор, которые контролирует знаменитая латиноамериканская наркомафия. Там-то уж мишкам ничто не угрожает.

Очковый медведь (*Tremarctos ornatus*) – обитатель Южной Америки.

© Фото Trevor Bryan / Alamy Images.

Американский зоолог Берни Пейтон с 1977 года изучал этого зверя в труднодоступных районах Перу, однако за пятьдесят четыре поездки ему довелось встретить всего шесть медведей.

Как ни странно, самыми опасными существами здесь оказались не медведи, а люди. Когда я повстречал Берни во время Десятой Североамериканской конференции по пробле-

мам медведей, то обратил внимание, что его лицо изуродовано жуткими шрамами. Когда я спросил о том, как он ухитрился их получить, Берни попросту ответил: «Марксисты».

Оказывается, во время своих медвежьих странствий Берни попал в лапы какой-то марксистской радикальной организации. Они повесили его вниз головой и начали с живого снимать кожу.

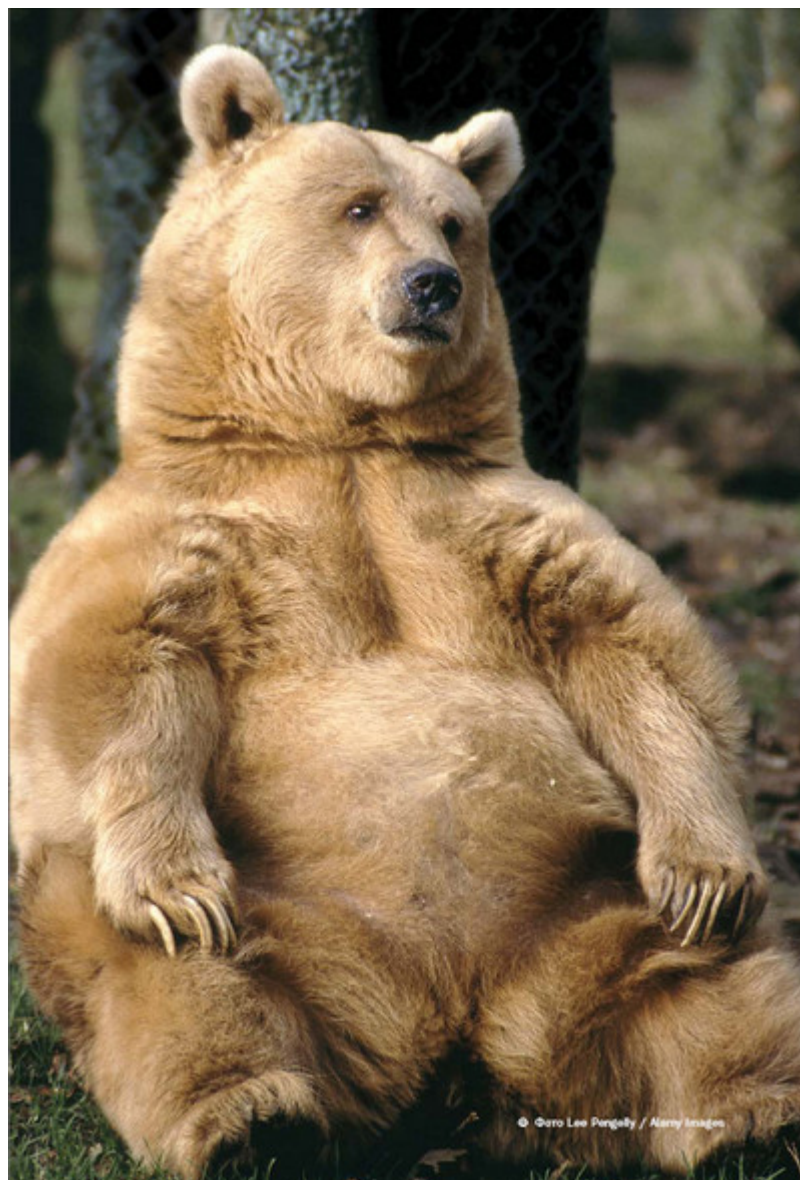
Но... Крики Берни слышали боевики наркомафии, которые сменяли патрули на какой-то из кокаиновых плантаций. И они спасли его и даже предоставили медсестру, которая выхаживала его несколько недель.

«Сегодня у меня язык не повернётся сказать об этих людях дурное слово. Кроме того, они своим режимом устанавливают настоящие зоны покоя в джунглях, где находят убежище и медведи, и другие экзотические животные. Они, конечно, плохие люди в общем понимании этого слова. Но для охраны природы они делают больше, чем многие природоохранные фонды».

Раньше зоогеографы считали, что очковый медведь заселил Южную Америку, проникнув по Карибскому сухопутному мосту на территорию современной Венесуэлы, – только тогда это был скорее не сам очковый медведь, а первобытный барибал – медведь, который первым проник на Американский континент триста тысяч лет тому назад. Однако наш зверь напоследок подкинул исследователям «вкуснейшую» загадку: согласно генетическому анализу его ближайшим родственником оказался не барибал, а малайский медведь бируанг! Что бы это значило?..

Теперь оставим влажные тропические леса, куда мы забрели, рассматривая других представителей медвежьего семейства, и перенесёмся в нашу хмурую северную тайгу.

Часть II Мохнатый бог

Глава 8 Мохнатый бог

Все мы, безусловно, боимся темноты. Но не той голубой ночной кисеи, усыпанной россыпями звёзд, и не сумрака комнаты с колышущимся отблеском скрытого светильника. В каждом из нас спит ужас перед абсолютным мраком ночного кошмара.

Тьма нашего подсознания густо населена. В ней бродят самые причудливые образы мировой демонологии, собранные современным человеком за всю историю цивилизации. От первого неизвестного хищника, разогнавшего у погасшего костра семью рамапитеков, до оскаленного механического черепа Терминатора.

Бурый медведь занимал в кошмарах наших предков столь много места, что человек создал настоящую религию, посвящённую ему, – строго говоря, множество разных религий, возникших в разное время и в разных местах. Древнее медвежьего культа может быть только захвативший всю Евразию культ лося и северного оленя.

Этнографы считают, что впервые наши предки усмотрели божественный лик в оскаленной медвежьей морде ещё в неандертальскую эпоху. С материалистической точки зрения именно охота на крупных животных усиливала родственные связи. А так как охота на медведей была одной из самых опасных и трудных (и остаётся таковой во многом и в настоящее время), то своей эволюцией мы должны быть обязаны как раз медведям.

Временем зарождения первых религиозных представлений, по мнению археологов, следует считать мустьерскую эпоху, или средний палеолит. Именно этим периодом датируются найденные в Германских Альпах захоронения медвежьих черепов из пещеры Драхенлох, что означает «Драконова дыра».

Вот он – один из первых богов человечества!

Человек мустьерского времени, как считает академик Б. А. Рыбаков, жил 35-100 тысяч лет тому назад и был по сравнению с питекантропом вполне цивилизованным. Он был хорошо знаком с огнём и оставил нам следы как временных охотничьих стоянок, так и особых мастерских. Он уже умел строить хижины. Мустьерцы охотились практически на всех крупных и опасных животных.

Венцом мустьерской культуры было, как и полагается всякой порядочной цивилизации, изобретение чудо-оружия – им оказался привязанный к тонкой прямой палке острый каменный наконечник. Это было копьё, которое позволяло вступать в ближний бой не только со зверем, но и с человеком.

В мустьерских «медвежьих» пещерах кости наших героев – медведей – составляли большую часть всех звериных останков, а количество убитых зверей в одном месте достигало восьмисот и даже тысячи!

Культ медведя, по мнению археолога Б. Васильева, относится к так называемому дошаманскому периоду религиозных воззрений, т. е. к тому времени, когда каждый человек считал себя в силах обратиться к своему богу безо всяких посредников, даже если этим богом был угрюмый мохнатый лесной отшельник.

В конце каменного века медвежий культ был занесён первопоселенцами и в Северную Америку.

О настоящих «медвежьих склепах» каменного века рассказывает нам А. Д. Столяр. Он утверждает, что среди пещер, в которых, вообще-то, встречаются самые разные останки, есть пещеры, занятые почти исключительно медвежьими костями. Они труднодоступны, и, похоже, неандертальцы только бывали в них, но не жили постоянно. Хоронили в пещерах не медведей целиком, а только черепа и кости их лап.

Могила, созданные для медведей людьми в карстовой пещере Драхенлох, расположены в альпийской зоне на высоте около 2,5 километра. Черепа и кости лап медведей хранились в специально огороженном камнями отсеке пещеры.

В пещере Регурду на Кавказе кости медведя были захоронены в яме и прикрыты массивной каменной плитой. В Ильинской пещере (возле Одессы) кости медведей находились за специальной каменной оградой; череп медведя был обложен камнями. Можно резонно предположить, что эти могилы служили нашим предкам для магических целей. То ли мёртвые медведи приманивали к племени живых, то ли, наоборот, отгоняли от охотников хищников. А может, древние маги «оживляли» убитых чудовищ и использовали их в своих целях?

Ритуальные захоронения пещерных медведей мы находим в горах Гарца, в Оверни, в Тюрингских Альпах. Рисунки с изображением медведя, явно ритуального характера, обнаружены и в некоторых памятниках кроманьонской эпохи. Амулеты, обереги и талисманы из медвежьих когтей, клыков и фаланг пальцев известны на всей территории древнейшей Ойкумены. Не будет преувеличением сказать, что, с точки зрения атеиста, всё современное религиозное сознание выросло из культа медведя.

Одновременно с этим культ медведя, как и любого другого священного животного, постепенно обрастал многочисленными запретами, табу и эзотерическими обрядами. О некоторых из них мы можем судить по этнографическим сведениям из не столь далёкого прошлого.

Мужчины-лапландцы, принимавшие участие в охоте на медведя, считались «нечистыми». На протяжении трёх дней они должны были жить в специально построенной хижине (юрте), где они разделявали и поедали тушу медведя. Прежде чем войти в предназначенную для них юрту, охотники снимали с себя одежду, в которой они охотились, и жёны плевали им в лицо красным соком ольховой коры. В юрту они проникали не через обычную дверь, а через отверстие сзади. Двое мужчин с частью уже приготовленного мяса отряжались для того, чтобы отдать его женщинам, которым запрещалось приближаться к мужской юрте. Эти мужчины притворялись иноплемениками, которые принесли подарки (или дань) из далёкой страны. Медвежатину нельзя было передавать женщинам через дверь юрты: необходимо было просунуть мясо через отверстие, образованное откинутым краем полога.

По окончании трёхдневного заключения мужчинам разрешалось вернуться к жёнам. Однако, прежде чем выйти из юрты, они один за другим обегали вокруг очага, держась за цепь, на которой над костром подвешивают горшки. Эта беготня рассматривалась как некий обряд очищения. После этого охотники получали право покинуть юрту через обычную дверь и присоединиться к женщинам. Однако вождь охотничьей партии должен был исполнять обет воздержания ещё в течение двух дней.

Приволжские народы имя медведя связывали с могущественным духом Кереметом. У удмуртов и марийцев это бог зла, который имеет свойство превращаться в медведя. Встреча с медведем на дороге у них же сулила бурю.

У племени огузов их родоначальник, Огуз-хан, имел медвежьи плечи и руки, соответственно и медведи почитались этим народом за родственников.

Верховный бог манси Нуми-Торум имел когти и медвежьи лапы, его родственник и ближайший помощник Консыг-Ойка (который и был собственно медведем) положил начало целому клану Пор.

Манси считали, что Консыг-Ойка был сыном Нуми-Торума и жил с ним в одном доме на небе. В те времена люди были ещё примитивнее медведей, им недоступен был ни огонь, ни примитивнейшие орудия. С неба медведю понравилась земля, особенно то, что она меняет свой наряд с белого на зелёный. Хорошая жизнь всегда грешит некоторым образом, поэтому медведь уговорил своего родственника отпустить его на землю. Нуми-Торум после долгих уговоров спустил медведя в люльке на землю. Но медведю жизнь на примитивной земле не показалась сахаром и он снова стал проситься обратно. Но в мансийский рай мишку не пустили, а дали лук, стрелы и огонь, чтобы было чем поддерживать своё существование. От тяжёлой жизни, в конце концов, медведь сильно опустился, озверел и дошёл до своего нынешнего состояния – стал пакостить, и допакостился до того, что один из семи братьев-охотников среди людей заколол его. Он и забрал себе лук, стрелы и огонь, а также научил всех других людей ими пользоваться.

Менквы – дети медведя и человека – страшные древолюди.

Медведица, положившая начало мансийскому клану Пор, поступила ещё проще – для того, чтобы родить первого «медведе-человека», ей было достаточно съесть зонтичное растение порых.

Это, однако, её не уберегло от стрел охотников, которые взяли её дочь с собой. Перед смертью медведица передала дочери обряд почитания зверя. В результате то ли неизгладимой психической травмы, полученной в детстве, то ли искусственного зачатия дитя вышло не очень удачным. Первые Пор-люди (называвшиеся также «менквами») были страшны на вид (остро- и многоголовые), злобны и человекоядны.

Медвежий праздник, или «медвежьи пляски», у народа манси проводился после удачной охоты на медведя с целью задобрить своего грозного предка.

Убивший медведя охотник просил прощения у головы медведя, водружённой на стол. Он вставал и, кланяясь, заявлял морде: «Ты прости, это не я тебя убил, это ружьё моё убило, а его, ты же знаешь, сделали не мы. Так что убили Тебя нечаянно, больше такого не случится». Вступались за своего друга и другие охотники. Шаман пел длинную протяжную песню, а затем три охотника исполняли свой танец. Из их пантомимы зрители узнавали про медвежье житьё-бытьё на небе и на земле, обо всех перипетиях охоты – как выследили и подстерегли зверя, как убили его почему-то семью стрелами.

Очень показательно, что в среде многих примитивных народов бытовало поверье, что можно избежать медвежьей мести или божьего гнева за убийство животного, попытавшись свалить вину на кого-нибудь другого. Тон в этом поверье задавали финны, пытаясь убедить убитого медведя, что он пал не от их руки, а попросту свалился с дерева.

Как и всё на свете, медвежий ритуал делится учёными людьми на «восточный» и «западный» толки. «Западный» ритуал является охотничьим культом. Целью его было вымолить у зверя прощение за его добычу и последующее съедение. Этим культом «грешили» таёжные охотничьи племена, разбросанные по северной приполярной области Сибири, – обские угры, кеты, эвенки и эвены.

Приобские кеты имеют два мощных родовых объединения, у истоков которых стоят могущественные духи Кайгусь и Койотбыль.

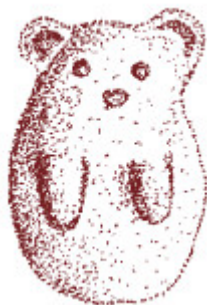
Кайгусь, приняв решение жениться, не нашёл ничего умнее, как перед браком принять облик здоровенного медведя, и утащил понравившуюся ему девушку. Естественно, весь народ всколыхнулся и кинулся в погоню. В итоге неразумный дух был убит, но перед смертью объяснил своей жене (а та передала дочке – полумедведице), что его можно воскресить с помощью специального обряда. Этот обряд и стал позднее медвежьим праздником.

Дух Койотбыль был в представлении кетов сыном мужчины и медведицы. Последняя нашла в своей берлоге мёртвого мужика и с помощью различных ухищрений сперва воскресила, а потом и оженила его на себе.

Эти северные народы медведя не откармливали специально, как на Амуре и Сахалине, но, когда зверя убивали на охоте, устраивали праздник, который длился несколько дней.

Считают медведя своим предком и современные корейцы. По их легенде, сын бога Тангун сошёл на землю в районе священной корейской горы Пэктусан, за неимением женщин сошёлся с медведицей (судя по всему – гималайской – почернее волосом и поизящнее), и от этого причудливого брака пошёл по миру корейский народ.

У айнов тоже был миф о женщине, которая родила сына от медведя, и многие айны, живущие в горах, гордятся тем, что происходят от медведя. Таких людей именуют потомками медведя, и они с гордостью говорят о себе: «Что до меня, то я дитя бога гор. Я происхожу от бога, который правит в горах», – имея в виду медведя.

Гартвиг указывает: «Немало расточают якуты похвал и медведю. Никогда не забудут они низко поклониться, проходя мимо его берлоги, и прозой и стихами восхваляют храбрость и благородство любимого „дядюшки"».

Д. Фрэзер приводит примеры самых разных проявлений поклонения медведю у первобытных народов: «Алеуты уверены, что они наносят оскорбление душе страшного полярного медведя, если не соблюдают относящиеся к ней табу. Душа медведя задерживается у того места, где она покинула тело на три дня. По их поверью, человек, который нанёс обиду душе медведя, наказание постигает куда быстрее, чем тот, кто обидел души заурядных морских зверей».

Гренландские эскимосы также почитали «нанука» – как они называли белого медведя. Вот что рассказывает об этом полярный исследователь Фредерик Кук.

«Собаки исполняли вокруг поверженного медведя дикую пляску, однако у того ещё было достаточно сил. Он выбрасывал вперёд лапы, да с такой силой, что держал в полном бездействии всю свору. Подросли другие эскимосы, впереди них тоже мчались собаки. Тотто (один из эскимосов, сопровождавших Ф. Кука в его путешествии к Северному полюсу. —М. К.) подросел первым и погрузил копьё медведю под лопатку. Зверь принадлежал ему.

Молодой эскимос приумножил свои победы, завершив тем самым перечень деяний, закреплявших за ним право считаться настоящим мужчиной. Он уже успел обзавестись двенадцатилетней невестой, однако без убитого медведя помолвка не могла считаться нерушимой. Он принялся танцевать от радости, переполнявшей его любящее молодое сердце...»

Интересно, что отголоски обряда посвящения в мужчины привились у первопоселенцев Юкона. В период «золотой лихорадки» среди старожиллов Аляски бытовала такая побасёнка: «Гражданином штата может считаться тот человек, который помочился в Юкон, познал любовь индианки и убил медведя гризли». Однако, добавляли мудрые старожилы, нельзя вносить путаницу в два последних пункта и будущий гражданин не должен стремиться убить индейскую женщину и познать любовь медведицы.

Бурый медведь был одним из самых почитаемых животных у эвенков. Культ медведя отражён в наскальных рисунках на Ангаре, Токко, Мае. Много скульптур медведя в археологических памятниках с неолита вплоть до Средневековья. Они найдены в могильнике Самусь у г. Томска, на стоянке Берёзовская, в поселении Кондон и во многих других местах. Культ медведя дожил в запретах, оберегах, поверьях, преданиях и обрядах до наших дней.

Эвенкийское божество Сингкэн, по некоторым сведениям, имело образ старых медведей, медведя и медведицы, одетых в национальный эвенкийский костюм. «Я несколько раз посещал их жильё-берлогу во время своих камланий, – рассказывал 80-летний эвенк Р. П. Архипов этнографу С. И. Николаеву, – но они всегда встречали меня по-медвежьи, высунувшись по пояс из берлоги».

Существует несколько вариантов эвенкийских легенд о родстве медведя с человеком: то женщина, заблудившись, превращается в медведя, то от интимного общения медведя с

женщиной появляется зверь-ребёнок. Медведю приписываются способности предугадывать мысли и намерения охотника.

С. И. Николаев записал от охотника Д. П. Гермогенова рассказ об одной обрядовой охоте: «Закупорив берлогу пробкой (здесь – затычка, состоящая из длинной жерди, обвязанной пучком прутьев), наш предводитель, старый эвенк, обратился к медведю: „Успокойся, дедушка, твои сироты беспокоят“. В других случаях принято ещё говорить: „Это не мы, дедушка, это якуты пришли“.

Убитого медведя вытащил из берлоги старший сын предводителя. В других случаях в берлогу за убитым медведем нередко спускали самого юного из охотников. Объясняли это тем, что когда к убитому медведю входит новичок, у него появляется смелость. Как только убитого медведя вытащили из берлоги, все участники охоты, робко и нестройно, по одному разу каркнули по-вороньи. Потом принялись снимать шкуру, приговаривая: „Дедушка, комарно“. Причём все обдирщики, немало мешая друг другу, встали только с одного бока медведя. Оказалось, что по старым обычаям запрещалось стоять по обеим сторонам от туши, ибо „следующий медведь будет бить с обеих сторон“.

Медвежий шаман.

Далее, перед тем, как вспороть брюхо мёртвому зверю, один из охотников выстрегал из дерева небольшого ворона с резными глазами и клювом. Чёрная краска ворона передавалась через чёрные угольные полосы вокруг туловища. На клюв ворона нанизали несколько кусков медвежьего мяса, а рот и туловище были обмазаны кровью. Так охотники обеспечивали себе алиби, оставляя вместо себя мнимого виновника, у которого все следы преступления были налицо: клюв в крови, а во рту куски мяса.

На эвенкийском пиру очень большое внимание уделялось медвежьей голове. Прежде всего осторожно вынимались глаза и подвешивались к стволу дерева около чума. Ствол этого дерева был украшен чередующимися полосками угля и крови. Тщательно очищенный череп устанавливался на дереве по соседству (на него же после праздника навешивались все кости, обёрнутые в связку прутьев).

Совэн – оберег удэгейского народа.

Пир начинался с трапезы. По кругу передавался котёл с варёным медвежьим мясом. Каждый, набрав ложку мяса с жиром, кричал: „Кук!“. Более молодые ограничивались одним выкриком, а старшие добавляли: „Мы воронята, гнездящиеся на нижнем суку алкудук дерева. Что за зверь оставил нам свою недоеденную жертву? Вот так удача воронья! Кук! Кук!“.

В отличие от более цивилизованных и хвастливых европейских охотников эвенки всё время старались подчеркнуть свою непричастность к добыче зверя. Убитому медведю внушалось, что эвенки не виноваты в его гибели (тут и ссылка на якутов, с которыми у эвенков изначально были натянутые отношения), а под конец разыгрывается даже настоящий маленький спектакль на тему о „стае воронов“».

Интересную иллюстрацию этого обряда оставил современный этнограф А. И. Мазин.

«Оленье стадо преследовала медведица с двумя медвежатами, она давила молодняк. Н. Абрамов и А. Урканов – оленеводы из посёлка Усть-Нюкджа – решили перегнать стадо на другой берег р. Кураннах, чтобы избавиться от медведицы. Вместе с ними была собака-лайка. Не доходя до стада, собака быстро убежала вперёд и через некоторое время залаяла. Оленеводы увидели следующую картину: на небольшой полянке медведица гоняется за собакой, а та бежит кругами, увёртываясь от неё. Н. Абрамов улучил момент, выстрелил и убил медведицу. Подойдя к медведице, он произнёс: „Не я тебя убил – русский“. Л. Урканов сказал: „Это я – ворон“. Затем он стал упрекать Абрамова, что тот поступил плохо и его слова могут накликать на русского парня беду. Николай ответил, что, поскольку русский всё равно в это не верит, с ним ничего и не случится, но всё-таки при этом сказал „Кук“».

После того как эвенки-кочевники собирались отъезжать, место, где обдирали медведя, тщательно забрасывали ветками. По краям ставили четыре оберега – чтобы враждебные духи не надругались над останками зверя. Первым в путь трогался караван. Охотник же, который убил медведя, оставался, затем, пятясь задом, делал на деревьях девять затёсов. Восемь из них он замазывал кровью, затем говорил: «Приду в следующий раз», – после чего поворачивался и нагонял караван.

Другой, родственник эвенкам таёжный народ, промышлявший охотой и разведением оленей, эвены, или ламуты, придерживался очень похожего охотничьего ритуала.

«У эвенов Магаданской области, – пишет исследовательница этого древнего народа Устинья Попова, – в числе других пережитков прошлых первобытно-родовых представлений и обычаев сохранился до наших дней древний обычай коллективного поедания мяса убитого медведя с особым ритуалом угощения – уркачак, известный в обиходе как медвежий праздник, который в иносказательной форме называют „старикова (старухина) свадьба“.

В Ольском районе такой обряд над убитым медведем был совершён в одной из отдалённых оленеводческих бригад колхоза „Рассвет“ в 1953 году. Сообщил об этом колхозник Н.А. Канаев. Последний отголосок былых медвежьих праздников был отмечен в Билибинском районе около реки Омелой в бригаде совхоза „Ануйский“. Об этом рассказала учительница-эвенка У. В. Дельянская».

В статьях и книгах У. Поповой мы находим множество интереснейших сведений о медвежьем празднике среди приохотских эвенов. В частности, получается, что настоящее имя медведя – «накат» – среди эвенов было табуированным, вместо него в речи употребляли различные иносказания.

Старые и пожилые эвены в разговоре называли медведя в иносказательной почти-тельно-иронической форме. В Ольском районе употребляли следующие названия: «амика» – батюшка, «мэмэкэ» – страшный, «кэки» – старшенький или крёстный, «этыкэн» – старик, а то и русское слово «дедускэ». В Северо-Эвенском районе медведя именовали «этыкэн» – старик, медведицу – «атыкан» – старуха, в Билибинском районе – «мамэчан» – свежати́на (свежее мясо). В других районах медведя называли «ялран» – тёмный, чёрный, «абага» – дядюшка, «агды» – гром издающий, «хигэмнгэ» – свежесъевший и др.

Далее У. Попова описывает медвежью охоту у эвенов и эвенский праздник «уркачак»:

«Эвены, как и эвенки, охотились на медведя в определённое время года – поздней осенью, при выпадении первого снега, и в конце зимы, когда снег не начинал ещё таять. В это время охотиться на медведя было правомерным. Случайная находка медвежьей берлоги в эти периоды почиталась за счастье, тем более что к зиме мясо медведя было жирным, вкусным, а к весне при окончании запасов продуктов оно приходилось весьма кстати. Поздней весной и летом старались всячески избежать встреч с медведем... Охотник, нашедший берлогу, обойдя её кругом, подходил к ней и приговаривал, обращаясь к медведю, спящему в берлоге,

с просьбой: „Не подавай голоса“. Придя домой, он принимался за приготовления к охоте, никому вслух не сообщая о ней: приводил в порядок лыжи, точил ножи, прочищал ствол ружья и т. д. Молчание было предосторожностью, чтоб не узнали женщины. Сосед, зашедший его навестить после охоты, как положено по традиции, увидев его в юрте за тщательными приготовлениями, догадывался, что тот нашёл медвежью берлогу. Ничего не говоря, он уходил и тоже принимался за приготовления. На следующий день на рассвете охотник, нашедший берлогу, уходил обратно в тайгу. К нему при его молчаливом согласии присоединялись в помощь его товарищ и ещё двое-трое, тоже ближайших друзей... Добычу укрывали и уходили до следующего дня. Возвратившись с охоты домой, старались ничем не

выдать своего успеха женщинам. Об убитом медведе громко не сообщали, это запрещалось. Охотник, нашедший берлогу, немного отдохнув, заходил к старейшему в стойбище мужчине. Улучив подходящий момент, он со всеми предосторожностями сообщал ему о добыче и предлагал принять в дар (в нимат) убитого медведя. Отказываться от такого дара не полагалось, считалось грешным, неприличным, недостойным старого человека. Предложение в нимат добытого медведя было оказанием большой чести старшему со стороны более молодого охотника. Принявший в нимат добытого зверя именовался нимаком, он был обычно наиболее опытным из соседей, чаще всего из сватов. Нимаком и все участники охоты на следующее утро отправлялись к месту добычи для разделки туши убитого медведя. Нимаком снимал шкуру и руководил всей работой по обработке туши. Разделка туши убитого медведя сопровождалась традиционным приговариванием и пением. В зависимости от каких частей туши снималась шкура, нимаком произносил соответствующие звуки.

Нимаком строго следил за тем, чтобы ни одной капли крови не упало на землю. Часть добычи: голову, внутренности, переднюю часть туши, конечности после разделки убитого медведя увозили в стойбище в тот же день, когда разделывали, а остальную часть – на следующий день. По возвращении домой после разделки нимаком готовился к устройству общемужского пира-праздника уркачак. Женщины, заметив эти приготовления и догадавшись о добыче, уходили из юрты нимака, уркачак был внутренним праздником мужчин одного стойбища, одного рода. Охотнику, нашедшему берлогу, нимаком отдавал желчь медведя, которая использовалась как лекарство, желая ему терпения и стойкости. Всё медвежье мясо полагалось съесть за три дня. Впрок медвежатина не заготавливалась. Собакам грызть кости и лизать капли крови медведя строго запрещалось. Всех их уводили подальше и привязывали.

Когда мясо было готово, все мужчины собирались в юрте нимака, усаживались вокруг очага строго по старшинству.

На почётном месте рядом с самым старшим, нимаком, справа от него садился охотник, нашедший берлогу. Нимаком вынимал мясо, разрезал его на кусочки и подавал всем по очереди на кончике ножа. Нимаком, медленно отрезая по кусочку, подавал всем по очереди, соблюдая старшинство. Мясо из передней части туши было наиболее священным, его ели не спеша, благоговейно. По окончании обряда поедания мяса убитого медведя устраивали спортивные состязания, боролись и веселились. Старики говорили, что медведь не терпит неуважения, а кто грызёт его мясо, ест со смехом, вольничает, того <он>, медведь, обязательно накажет при случае.

На рассвете мужчины, оставшись в юрте нимака, устроителя праздника уркачак, готовились к заключительной его части – похоронам черепа и скелета медведя. Кости убитого и съеденного медведя собирались в анатомическом порядке. Бросать их, небрежно кидать не полагалось. Хоронили медведя так, как в старину хоронили людей: на деревьях, стоящих близко друг к другу, устраивали специальный помост-площадку, куда складывали весь скелет и череп. Сначала устраивали обряд наряжения – анигадык.

Если убитый медведь был самец, на глазные впадины черепа делали подобие очков, из коры, на ушные отверстия прикрепляли деревянные серьги. Запястья обёртывали браслетами из коры. Если это была медведица, то череп, кроме серёг и очков украшался чем-то вроде ленты из коры, к затылку привязывалась коса из той же коры».

«Восточный» культ заключался в жертвоприношении (т. е. убиении) медведя, обставленном особым образом. Назначенного в жертву медведя ловили живьём в лесу, содержали (иногда довольно долгое время – до нескольких лет) специальным образом, а затем с большой помпой отправляли на тот свет.

Наверное, лучше всего этот культ и сопутствующий ему медвежий праздник описаны в сказаниях первых русских землепроходцев для полувымершего народа айнов – «мохнатых курильцев», – ставшего позднее жертвой чудовищного геноцида со стороны японцев.

Айны сегодня – крохотный народец, обитающий на севере острова Хоккайдо и ещё чуть-чуть на Сахалине и Курильских островах. Происхождение его, как у всякого уважающего себя народа, окутано тайной, но некоторые исследователи относят айнов к протоавстралоидам, т. е. одним из самых древних человеческих рас.

Территории, заселённые айнами, отнюдь не были раем на земле, особенно это касалось крупных зверей – самого доступного источника мясной пищи для племён охотников и собирателей. Из крупных млекопитающих самым многочисленным зверем на островах был наш герой – бурый медведь.

Медвежатина действительно служила аинам главной пищей: они употребляли её как в сыром, так и в солёном виде. Кроме того, медвежьи шкуры служили им в качестве одежды и убранства жилища. Поэтому не было ничего удивительного в том, что для них важнейшим предметом культа был убитый медведь. По приведённым выше резонам айны убивали медведя при первой возможности, но при разделке туши старались умиротворить божество, представителя которого они убили, с помощью целой системы челобитий и просительных обращений. Подобно нашим старым знакомым, эвенкам, убив медведя, айны усаживались, свидетельствовали ему своё почтение, отвешивали поклоны и приносили дары. Если медведь попадался в ловушку и ранился, охотники справляли покаянный, искупительный обряд.

Медведь в удэгейской одежде.

Черепами убитых медведей айны украшали свои дома, они висели на почётных местах, их устанавливали также на священных столбах, находящихся снаружи. Обращались с этими черепами весьма почтительно: айны совершали в их честь возлияния пивом и саке, называли их божественными хранителями и дорогими божествами. Эти трофеи также считались магическим средством против злых духов и оракулами.

Интересно, что живые медведи (и особенно медведи на воле) совершенно не служат объектами культа у этого народа; айны скорее избегали их, совершенно справедливо считая их коварными и вероломными животными.

Для праздника айны в конце зимы ловили и приводили в селение маленького медвежонка. Если он был совсем мал, находилась женщина, которая выкармливала его своим молоком; если же подходящей кормилицы не оказывалось, медвежонка кормили из рук пережёванной пищей. Когда медвежонок подрастал, его помещали в крепкую деревянную клетку и, как правило, выдерживали в ней два-три года, кормя рыбой и пшённой кашей. Продолжалось это медвежье пленение до тех пор, пока не наступал черёд убить и съесть зверя. Но интересно, что его откармливали не просто ради хорошего мяса: его почитали как кумира и даже как некое подобие высшего существа. На Хоккайдо медвежий праздник приходился, как правило, на сентябрь или октябрь. Перед его началом айны извинялись перед богами и уверяли, что они, насколько хватало их сил, хорошо обращались с медведем, что не могут больше позволить себе роскошь его кормить и вынуждены его убить.

Учредитель медвежьего праздника приглашал на него своих родственников и друзей. Если он жил в маленьком поселении, то участие в празднике принимали все его жители. Приглашения отправлялись со специальными гонцами и случайными okazиями во все окрестные деревни, и гости собирались, привлечённые дармовым угощением и выпивкой.

Когда приглашённые собирались перед клеткой, специально выбранный оратор обращался к несчастному медведю с речью, в которой сообщал, что его скоро отошлют к праотцам. Он молил медведя простить им этот грех, выражал надежду, что тот не рассердится, и подбадривал медведя уверением, что вместе с ним в длинное путешествие отправятся обстру-

ганные палочки инао, а также много пирогов и вина. С точки зрения туземцев, такое дополнение должно было ободрить обречённого зверя.

Потом медведя связывали внутри клетки, выволакивали наружу и доводили его до бешенства, стреляя в него палочками из луков. Затем выбившегося из сил зверя привязывали к колу, завязывали пасть и с помощью двух палок душили зверя, как в гаротте¹.

Задушенного медведя свеживали, голову отрезали и ставили на окно, выходящее на восточную сторону. Перед черепом раскладывали кусок сырой медвежатины, варёное мясо, клёчки из проса и вяленую рыбу. Дж. Дж. Фрэзер рассказывает:

«К мёртвому медведю обращаются с молитвами; иногда, кроме всего прочего, его просят после посещения своих родителей возвратиться на землю, чтобы его можно было вновь откормить и принести в жертву. После того как медведь, по мнению айнов, вдоволь наелся собственным мясом, председательствующий на пиру человек берёт миску с варёным медвежьим мясом, благословляет её и раздаёт присутствующим её содержимое: все участники трапезы без различия возраста должны отведать медвежатины. Впредь миску, которую приставляли к голове мёртвого медведя, именуют дароносицей. Остаток варёного мяса также распределяют среди участников пира. Для айна не принять участие в этой трапезе равносильно вероотступничеству и связанному с ним отлучению от остальных членов общины».

Далее профессор Фрэзер рассказывает:

«10 августа на церемонии умерщвления медведя в селении Куннуи (на берегу Вулкановой бухты, на острове Йезо) присутствовал доктор Б. Шейбе. На его описании стоит вкратце остановиться, потому что оно содержит ряд интересных деталей, о которых ничего не говорится в предыдущем сообщении. Войдя в хижину, доктор Шейбе застал в ней около тридцати одетых в лучшее платье айнов: мужчин, женщин и детей. Сначала хозяин дома совершил у очага возлияние богу огня, и гости последовали его примеру. Затем в священном углу дома было совершено возлияние богу дома. Всё это время молчаливая и грустная хозяйка дома, вскормившая медведя, просидела в одиночестве, время от времени заливаясь слезами. Горе её было совершенно искренним и по ходу праздника всё более усугублялось. Затем хозяин с несколькими гостями, выйдя из дома, совершил возлияние перед медвежьей клеткой. Медведю поднесли в блюдце, которое он тут же опрокинул, несколько капель воды. После этого женщины и девушки начали танцевать вокруг клетки: не отводя глаз от клетки, они слегка сгибали ноги в коленях и подпрыгивали на носках. При этом они ударяли в ладоши и пели что-то заунывное. Хозяйка и ряд других женщин старшего возраста, выкормивших много медведей, танцевали с полными слёз глазами, протягивая к медведю руки и называя его всякими нежными именами. Раздражённый шумом, медведь начал метаться по клетке и жалобно рычать. Медведя с верёвкой на шее выпустили из клетки и стали прогуливать вблизи хижины. В это время мужчины во главе с вождём выпустили в животное стрелы с деревянными пуговицами вместо наконечников. Выстрелить из лука пришлось и самому Шейбе. Затем медведя подвели к священным инао и всунули ему в рот палку. Девять мужчин опустились перед ним на колени и придавили его шею к столбу. Минут через пять животное, так и не издав ни единого звука, испустило дух. Тем временем женщины и девушки плясали, причитали за спинами мужчин, которые душили медведя, и колотили их. Тушу медведя положили на подстилку перед инао и, сняв с палок меч и колчан, повесили их на шею животного. Так как убили медведицу, то её шею украшали ожерельем и серьгами. Перед убитым медведем поставили лепёшки из пшена и бульон из пшена и sake. Мужчины расселись перед тушей на подстилках, совершили возлияния и крепко напились.

¹ Гаротта – станок для казни удушением.

Мужчины с жадностью пили кровь, стекавшую в чаши, женщины и дети почему-то кровь не пили, хотя обычай им этого не запрещал. Окончился праздник попойкой с участием женщин».

Айны с острова Сахалин, как утверждает Дж. Фрэнгер,

«...рассматривают медведя не как бога, а всего лишь как посла, которого они посылают к богу леса с разными поручениями. Животное приблизительно два года держат в клетке, после чего умерщвляют во время праздника, который устраивают обязательно зимой и обязательно ночью. Предпраздничный день проходит в причитаниях: сменяя друг дружку, старухи предаются плачу перед медвежьей клеткой. Посреди ночи или перед рассветом кто-нибудь из айнов обращается к животному с длинной речью, в которой напоминает ему, что жители селения о нём заботились, кормили его вкусной пищей, купали в реке, держали в тепле и холе. „И вот, – продолжает он, – мы устраиваем в твою честь великий праздник. Не бойся, мы не причиним тебе никакого вреда. Мы только убьём тебя и пошлём к богу леса, который любит тебя. Сейчас мы покормим тебя лучшей пищей, какую ты когда-либо получал от нас. Все мы будем оплакивать твою кончину. Убьёт тебя лучший среди нас, айнов, стрелок. Вот он, смотри, он плачет, он просит тебя о прощении. Это произойдёт так быстро, что ты ничего и не почувствуешь. Тебе не нужно объяснять, что мы не можем кормить тебя вечно. Мы достаточно сделали для тебя – теперь твоя очередь пожертвовать собой ради нас. Попроси бога зимой послать нам в изобилии выдр и соболей, а летом тюленей и рыбу. Не забудь наших наказов, ведь мы любим тебя, и дети наши тебя никогда не забудут". После того как медведь при общем возбуждении зрителей заканчивал свою последнюю еду, старухи вновь заливались слезами, а мужчины издавали сдавленные рыдания, с трудом и опасностью для жизни связывали медведя, выпускали его из клетки и в зависимости от расположения духа животного трижды проводили его на поводу или протаскивали вокруг клетки, вокруг дома хозяина и, наконец, вокруг дома айна, обратившегося к нему с речью. После этого его привязывали к дереву, и оратор вновь обращался к нему с продолжительным увещанием, которое иногда длилось до рассвета. Медведь выслушивал эту речь без особой радости, он всё больше сердился, в возбуждении ходил вокруг дерева и жалобно завывал, пока при первых лучах восходящего солнца лучник наконец не выпускал ему в сердце стрелу. После этого стрелок отбрасывал лук в сторону и бросался на землю, его примеру с плачем и причитаниями следовали старики и старухи. Мёртвому животному давали „поесть" риса и дикого картофеля и со словами жалости и благодарности за всё, что он совершил и выстрадал, отрезали ему голову и лапы, которые хранили как священные реликвии. После этого айны пили кровь и ели мясо медведя. Кровь все присутствующие пьют ещё тёплой, мясо же едят в варёном виде, потому что обычай запрещает его жарить. По окончании праздничной трапезы голову уносят вглубь леса и кладут на кучу выцветших медвежьих черепов, этих разлагающихся останков прошлых празднеств».

«Медвежья хижина» у народов Приамурья.

По книге И. Херана «Медведи и панды».

Сходный медвежий праздник был распространён и среди других дальневосточных народов – нанайцев, нивхов, орочей. По большей части это было то же отослание духа убитого медведя к верховным божествам с целью выпросить какой-нибудь толики материальных благ. Это, конечно, не исключало и чисто гастрономических интересов участников обряда – так, нивхи, одни из наиболее стойких «медведепоклонников», считали, что мясо медведя, выкормленного рыбой в неволе, является изысканным деликатесом. (Ещё раз – о вкусах не спорят.)

У орочей охотник, поймав медвежонка, считал своим долгом в течение трёх лет выращивать его в клетке, чтобы по истечении указанного периода публично предать его смерти и вместе с друзьями съесть. Так как эти ежегодные праздники носили общественный характер, орочи старались, чтобы каждое село, когда подойдёт его очередь, устраивало подобный праздник. Выведенного из клетки медведя на верёвках проводили по всем домам в сопровождении людей, вооружённых копьями, луками и стрелами. В каждом доме медведя и поводырей угощали едой и выпивкой. Эти визиты длились несколько дней, и эти дни проходили в забавах и шумном веселье. После этого медведя привязывали к дереву или деревянному столбу и толпа расстреливала его из луков.

Нивхи в своём обряде довольно точно следовали айнским образцам: убивали старую медведицу, медвежонка которой выкармливали в селении. Когда медвежонок подрастал, нивхи вытаскивали его из клетки и силой водили по селению. Сначала его отводили на берег реки, потому что таким образом вызывался богатый рыбный промысел. Затем его приглашали в каждый дом, где хозяева угощали его выпивкой и закуской. Некоторые особо усердные нивхи в своём религиозном рвении простирались перед медведем ниц. Считалось, что подобное «гостевание» приносило счастье обитателям туземных хижин.

Обряд предписывал нивхам непременно приставать к животному, дразнить его и всячески злить. Естественно, что после обхода деревни медведь становился угрюмым и озлобленным. Тогда сердобольные нивхи привязывали его к столбу и расстреливали из луков.

После этого убийства следовал пир, на котором отрезанную голову медведя украшали стружками и ставили на стол в качестве участника трапезы. Собранный за столом народ

просил у мёртвой головы извинения и наваливался на совсем недавно принадлежавшее ей мясо. Медвежатину к столу подносили в особых деревянных сосудах, покрытых тонкой резьбой. По окончании мясоедения череп, в праздничном убранстве из опилок из стружек, насаживали на дерево перед домом. В заключение обряда все присутствовавшие плясали специальный «медвежий» танец, ворча и переваливаясь по-медвежьи.

Российский путешественник Л. фон Шренк был свидетелем такого медвежьего праздника в нивхском селении Тебах. Он оставил нам почти каноническое описание этого обряда.

«Оказывать животному знаки уважения начинают сразу же после его пленения. Медведя торжественно вводят в селение и сажают в клетку, в ней пленника по очереди кормят все жители селения. Медведь – даже если его купил или поймал один человек – является в некоторой степени общественной собственностью. А так как мясо его пойдёт на общий праздничный стол, то и принимать участие в уходе за ним должны все жители селения. Длительность пребывания медведя в плену зависит от возраста пойманного зверя. Матёрых медведей держат не более нескольких месяцев, а медвежат – до тех пор, пока те не вырастут. Праздник обычно справляют в январе-феврале, когда медведь покрыт толстым слоем жира. В частности, праздник, на котором побывали русские путешественники, растянулся на много дней – на нём было убито и съедено три медведя. Этих животных в сопровождении процессии по несколько раз обводили по всему селению и насильно затаскивали в каждый дом, жители которого считали за честь для себя угостить дорогих гостей. Однако прежде чем начать обход селения, гиляки (нивхи. – М. К.) в присутствии животных играли в скакалку».

Фон Шренк был склонен полагать, что через верёвку они прыгали в честь зверей. В ночь перед расправой всех трёх медведей при лунном свете долго водили по льду замёрзшей реки. В эту ночь жителям селения запрещалось спать. На следующий день медведей ещё раз спускали с крутого берега реки и трижды обводили вокруг полыньи, из которой черпали воду женщины. После этого их приводили на заранее выбранное место неподалёку от селения, где медведей расстреливали из луков. В знак того, что место жертвоприношения было священным, его обносили палочками, с концов которых, подобно завиткам, свешивались стружки.

Приведя в порядок дом, выбранный для собрания гостей, и украсив его, нивхи вносили в него через окно медвежьи шкуры с приделанными к ним головами. Приготовление медвежатины у нивхов, как и у эвенов, было чисто мужским делом. К нему приступали неторопливо и осмотрительно, с торжественностью. На празднике, на котором присутствовали русские путешественники, старики начали с того, что обвили котёл плотным венком из стружек и наполнили его снегом, потому что пользоваться обычной водой для варки медвежатины запрещается. Варёное мясо выуживали из котла железным крюком и опускали в корыто, стоящее перед медведями, чтобы те могли первыми отведать собственного мяса. Медвежий жир, нарезав ломтями, вывешивали перед медведями, а потом складывали в небольшое деревянное корыто, стоящее рядом с ними на земле. В это время женщины занимались изготовлением повязок из разноцветных тряпок, которыми после захода солнца повязывали медвежьи морды чуть пониже глаз, «чтобы высушить вытекавшие из них слёзы». По окончании церемонии утирания слёз, текущих из глаз бедных мишек, все собравшиеся с рвением приступали к поеданию мяса. Бульон, в котором варилось мясо, к этому времени был уже выпит. Деревянные чашки, блюда и ложки, которыми нивхи пользовались для медвежьей церемонии, были украшены резными фигурками медведей и орнаментами, имеющими отношение к медведю и медвежьему празднику. Нивхи никогда никому не передавали эти предметы. Обглоданные кости участники праздничной трапезы клали обратно в котёл, в котором варилось мясо.

По утверждению фон Шренка, старики торжественно относили обглоданные кости и череп медведя на особое место в лесу, расположенное неподалёку от селения. Там они зарывали все кости, за исключением черепа. После этого срубали молоденькое деревцо, расщепляли пень и вставляли череп в расщелину. Согласно нивхским поверьям, по мере того, как это место зарастает травой, череп скрывается из виду и медведю приходит конец.

Глава 9 Медведи и Западная Европа

В Западной Европе «с медведями всегда было слабо». Традиций, связанных с этими зверями на её территории, было гораздо меньше, чем в славянских странах. И это легко объяснимо, потому что со времён античности количество людей здесь постоянно увеличивалось, а медведей – столь же постоянно сокращалось.

Естественно, в первую очередь исчезли медведи, обитавшие на ограниченных территориях – островах. Согласно саксонским хроникам, последний медведь в Англии был убит за десять лет до завоевания её Вильгельмом Нормандским – в 1057 году. Судя по литературным источникам, в горной Шотландии эти звери продержались подольше – но не надолго – лет на сто. В равнинной Франции медведи исчезли ещё лет на двести попозже. Однако в горных окраинах этой страны – массивах Альп и Пиренеев они сохранились по сегодняшний день. В середине XVI века на пиренейских медведей Наварры охотился весёлый король Генрих – будущий великий государь Франции.

О сокращении численности медведей на территории бывшей Римской империи можно судить даже по количеству упоминаний о них в литературных и фольклорных источниках, а также в произведениях искусства. Если такие звери, как лев, леопард, тигр, слон, и даже такая относительная экзотика, как крокодил, упоминаются многократно и в пророчествах Мерлина, и в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, присутствуют на вышитых шелках и фасадах соборов, в эмблемах городов и рыцарских гербах, то медведю во всём этом многообразии досталось гораздо более скромное место.

Это сказано о количестве упоминаний, но не о месте медведя в культурологической иерархии животных. Достаточно сказать, что «Медведем» – Артосом звали легендарного предводителя британцев, которого позднее прозвали Артуром, впоследствии основателя британской государственности.

Не очень часто медведь упоминается уже в древней мифологии. Скорее всего это связано со старинной традицией, восходящей ещё к временам зороастризма, – считать нечистым жирное и всеядное животное. (Позднее эта традиция будет поднята на щит мусульманами, у которых этот зверь вместе со свиньёй и собакой попадёт в число обязательных пищевых запретов для правоверных.)

Возможно, дело в моей недостаточной эрудиции (ведь автор является прежде всего зоологом, а не специалистом по культуре), но кажется, что у римлян этот зверь использовался в основном для цирковых сражений. Изображения медведей и их травли гладиаторами встречаются на ювелирных изделиях и стенках сосудов, мозаиках вилл и стенах бестиариев. География доставки этих зверей тоже была весьма обширна. Медведей для боёв привозили из ближних Апеннин и дальних Пиренеев, из лесной Паннонии и совсем уж таинственной Британии. Однако в этом вопросе римляне были готовы превзойти кого угодно, в том числе и самих себя, поэтому в I веке н. э. Кальпурний в своей переписке с Плинием Старшим упоминает о том, как белых медведей стравливали с тюленями. По мнению Перри, это, пожалуй, первые сведения о белых медведях в исторических документах.

Совершенно исключительный интерес представляют для нас древнегреческие весёлые медвежьи праздники, носившие название «комедия». От этих карнавальных действий получила своё название позднейшая античная комедия, а само слово «комедия» дошло практически без изменений до самых наших дней. Так что, устраиваясь в партере театра перед современной комедийной постановкой, вы опосредованно соприкасаетесь с древней традицией медвежьего праздника.

Смысловое и лингвистическое единство комедий античного мира и славянских «комоедиц» не подлежит сомнению. Следовательно, возникновение подобных медвежьих праздников на территории Европы можно отнести очень далеко в глубь веков. Медведица в античной мифологии была связана с Артемидой. Артемиде был посвящён месяц Артемизион – март, время, когда медведи в Южной Европе выходят после зимней спячки. Праздники «комедии» проводились тоже в марте, месяце Артемиды, и скорее всего послужили прообразом позднейших славянских празднеств, а в конечном итоге – Масленицы. Жрицы Артемиды-Бравронии исполняли ритуальные пляски в медвежьих шкурах.

Общий закон эволюции древнейших охотничьих культов – от мезолитического культа оленя (у славян – лося) к позднему культу медведя сказался и на мифологии Артемиды. Мы видим здесь как оленей (ланей), так и медведей.

Култ медведя, и в частности медвежьей лапы, широко распространён в археологических материалах и фольклоре Скандинавии. Медвежьи лапы и когти упомянуты также в литовской летописи при описании похорон легендарного князя Свенторога.

По фольклорным материалам мы можем обратиться к древним рунам «Калевалы». В 46-й руне мы видим обряд захоронения медвежьего черепа:

Ни на льду его не бросил,
Ни в снегу не закопал я:
Рвали б там его собаки,
Замарали б скоро птицы.
Не сложил его я в топи,
Не зарыл в песок глубоко:
Там его проели б черви,
Муравьи бы повредили.
Вот куда я снёс добычу,
Эту маленькую долю:
К золотой холма вершине,
На вершину горки медной.
Там на дереве повесил,
На сосне, на стоветвистой,
На ветвях её крепчайших,
На верхушке на широкой,
Человеку на усладу
И прохожему на радость.

Здесь надо сказать, что в старинных сагах упоминание о медведях обычно носит не очень дружественный характер: в известном сне императора Карла Великого, который описывается в «Песне о Роланде», под медведем подразумевается предатель рыцарь Ганелон, погубивший часть франкского войска.

Отчасти сведения о медведях присутствуют и в библейских документах. В частности, упоминается, что дети, оскорбившие пророка Елисея, были растерзаны двумя медведицами.

В книге А. Б. Лакнера «Русская геральдика» указано, что в западноевропейской геральдике «медведь, за то, что он предвидит погоду, умеет вовремя скрыться в берлогу, где готовит своё логовище, считается символом предусмотрительности и почитается проходящим (passant), когда идёт, и поднявшимся (leve), когда стоит на задних лапах».

Герб финской провинции Сатакунты.

Герб Берлина.

Герб кантона Берн в Швейцарии.

Но не только символом предусмотрительности считался медведь у западноевропейского обывателя. Медведь (уж неизвестно почему) был ещё и символом похоти и непристойного поведения.

В государственных гербах медведь не занимал значительного места – мы можем привести в пример только один из ранних вариантов герба Финляндии под властью шведской династии Вазы – чёрный медведь, поднятый на дыбы с саблей в лапах.

Медведь сохранился в гербе столицы Германии Берлина, само название её, по некоторым сведениям, происходит от нем. *bar* – медведь. Столица одного из кантонов Швейцарской Конфедерации, Берн, тоже носит в своём названии отзвук медвежьего имени.

Упоминание о медведях и, возможно, отзвуки неких верований, напоминающих по содержанию сибирские, содержатся в некоторых старинных фамилиях Южной

Франции и Италии. В частности, туда можно отнести фамилию одного из хронистов мрачного периода Столетней войны Юрсена, или Урсена (он выведен А. Дюма в качестве

одного из действующих лиц романа «Изабелла Баварская»). А в Италии одна из самых влиятельных семей, из которой вышли многие государственные и церковные деятели (в частности, папа Иннокентий XII), носила фамилию Орсини, что в дословном переводе означало «Рождённый медведицей».

Присутствовали медведи в качестве карнавальных масок и украшений на различных церемониях Средневековья, носивших более или менее мирской характер, – такие костюмы описаны у Фруассара в описании бракосочетания Карла и Изабеллы.

Тактика «замалчивания» медведей продолжается в западноевропейском искусстве практически до начала XX века, когда реалистические традиции уступили место модерну. Тяготеющий к батальным и охотничьим сценам Делакруа оставил нам несколько «Охот на львов», «позабыв» при этом медведей. В такой весьма специфической области искусства, как украшение охотничьего оружия, художники отдавали предпочтение львам и орлам и даже вовсе несуществующим драконам и грифонам. Даже в охотничьих жанровых сценках преобладают гравюры с весьма распространённой в Средневековье парфорсной охотой на оленей и кабанов.

Совершенно иное отношение к медведям мы встречаем у обитателей Восточной Европы, и в частности России.

Глава 10 Медведи в России: историческая ретроспектива

Понятия «Россия» и «медведи» неразделимы. Жители всех северных стран так или иначе, как это уже показывалось в предыдущих главах, оказывались связанными с бурыми медведями, но ни одна страна со своим населением не отождествлялась с ними в такой мере, как Россия и русские. Из самых первых западных источников, упоминающих о славянских землях, мы узнаём о населяющих их медведях. Викинги, предпринимающие походы в Гардарику, уже в X веке говорят о ней как о стране людей и медведей. Термином «медвежий край» в равной степени пользуются польские наёмники Лжедмитрия, голландцы Петра I и гвардейцы Наполеона Бонапарта. Уже в XX веке премьер-министр воюющей Великобритании Уинстон Черчилль в переписке со своим военным министром Иденом использует слово «медведь» как кодовое обозначение Советского Союза. И совершенно естественным показался выбор бурого медведя в качестве эмблемы Олимпийских игр, проводившихся в 1980 году в Москве. В культуре России и её фольклоре медведи тоже играли вполне заметную роль.

Уже в каменном веке охота на медведя и медвежий культ являются фактической монополией центральной и южной половины Восточной Европы – практически России и славянских стран.

Медвежье капище.

Несмотря на то что праславяне в известный нам исторический период были уже совершенными земледельцами, медвежий культ или отдельные его элементы сохранялись ещё долгое время, что само по себе говорит о его глубокой древности. Мы хорошо знаем, в чём смысл табу – запрета на произнесение имени. Запрещались обычно имена могучих, сильных животных, хищников, представлявших опасность для первобытных племён. Позднее под таким же запретом были имена особо злобных духов. У славян до сих пор название медведя осталось в древней, зашифрованной, иносказательной форме: «медведь» – «мёд ведающий».

Традиции запрета имён у славян уже тогда были настолько прочны, что до сегодняшнего дня «истинное» имя медведя до нас так и не дошло. Мы можем только догадываться, что исконная форма была, очевидно, близка к североиндоевропейской форме (нем. *bar*). На это указывает и то, что зимнее жилище медведя повсеместно в России называют «берлогой», т. е. «логовищем бера».

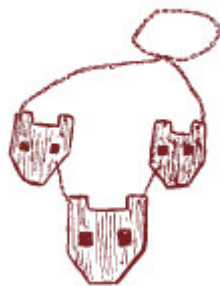
Могила медвежьих лап, олицетворявших в сознании первобытного охотника такую необходимую ему мощь и силу, были, возможно, первым обращением праславянина к магии и заклинаниям. Не будет преувеличением сказать, что славянство пришло к Церкви через культ медведя. Культ отрубленных медвежьих лап известен на территории России на протяжении многих тысяч лет – с позднего каменного практически до железного XIX века. В окрестностях Новгорода в неолитических слоях часто встречались «пальцевые кости медвежьей лапы, зарытые в одну яму с костями человека».

Ритуальные могилы медведей раскопаны археологом Д. А. Крайновым в Волго-Окском междуречье. Там же лежали и амулеты из медвежьих костей или имитирующие медвежьи когти.

Средние века нам многое рассказали о культе медвежьих лап. Глиняные модели медвежьих лап находились в славянских курганах Поволжья и Приладжья; в некоторых могилах, где русичи сжигали трупы павших витязей, найдены кости медвежьих лап с когтями.

Некоторый интерес представляют раскопанные археологами на общинных кладбищах бронзового века одновременные находки моделей человеческих половых органов и медвежьей кости пениса. Знатоки старины утверждают, что на Руси был древний обычай называть новобрачных «медведями», придавать медвежьему святочному или масленичному празднику эротический характер.

Как мы ещё убедимся, в фольклоре существует большой пласт сказок, где главным героем является полумедведь-получеловек, получившийся от совокупления человека со зверем. Причём известны оба возможных варианта этой ситуации: отец – медведь, а мать – женщина, или же мать – медведица, а отец – человек (поп, крестьянин). Признаки в этом детёныше тоже вполне смешанные: либо у медвежьего сына «кожа медвежья, лицо человеческое», либо он «до пояса человек, а от пояса медведь». Иногда у него медвежьим остаётся только ухо. Зачастую полумедведь-получеловек убивает своего звериного родителя и, как правило, не испытывает никаких угрызений совести по этому поводу.

Иногда в древних могилах можно встретить скелеты людей, положенных туда в скорченном состоянии. Академик Б. Рыбаков, известный русский историк, утверждает, что таким образом наши далёкие предки готовили тела умерших к позднему воскресению. А поскольку в этих же могилах встречаются и знакомые уже кости медвежьих лап, то позволено думать, будто наши предки рассчитывали, что чудовищные медведи-оборотни восстанут из могил защитить Россию.

Здесь снова можно вспомнить сказки об оборотнях, людях-полуживотных или людях, понимающих язык животных. Постоянный мотив многих сказок – это мысль о том, что были времена, «когда ещё люди звериный язык понимали». Косвенно это тоже связано с возможностью для человека воплотиться в зверя, а после перемены тех или иных обличий – снова в человека. Такой «круговорот душ» должен был соответствовать взаимопониманию человека и природы.

Встреча с медведем в лесу.

Культ медведя оставил свои следы на горе Сленжа, или Собутка, замечательном памятнике культуры на западной окраине праславянского мира, близ Бреслау в Силезии (ныне – Западная Польша). Вокруг этой священной горы славянского племени силезян расположен целый комплекс языческих сооружений, в которых медвежий культ занимал не последнее место. Археологи считают, что это была самая древняя эпоха славянского мира – так называемая эра Сварога, начало железного века.

Сленжа – весьма живописная гора совершенно конической формы, достигающая высоты почти 500 метров над равниной. В вершину Сленжи часто ударяют молнии. В XVIII столетии правоверные католики решили очистить гору от приписываемой ей нечисти и

построили на вершине костёл. Старые боги оказались сильнее – костёл был разрушен ударом молнии.

Путь на священную вершину Сленжи обозначен доисторическими скульптурами из камня, среди которых много изваяний в виде медведей.

Контакты праславян со скифами внесли некоторые коррективы в знаменитый скифский «звериный стиль».

Фигурки медведей, которые, как известно, в степях не водились, появляются после походов скифов в леса роксоланов. Медведи возникают среди ритуальных фигурок. Жертвенный нож из Киева, навершие которого увенчивает изображение медвежьей шкуры, может быть отнесён к искусству скифов-сколотов.

Исследователь медвежьего культа Н. Воронин установил у восточнославянских народов (хранителей сказок о богатыре-медведе) следы медвежьего праздника. Слабым отголоском медвежьих действий являются, в частности, медведи-ряженные на Святках.

Голова медвежьего жезла.

Записи середины XIX века на территории Белоруссии донесли до нас облик настоящего медвежьего праздника – так называемых комоедиц. Он праздновался накануне христианского Благовещения, 24 марта, как весенний праздник пробуждающегося после зимней спячки в берлоге медведя. К этому дню пекут специальные кушанья, а в самый медвежий день надевают вывороченные шерстью вверх шубы и тулупы и исполняют особый танец, воспроизводящий движения просыпающегося медведя. Здесь нет признаков ритуального убийства медведя, но и смысл этого весеннего праздника иной. Комоедицы вплотную прилегают к весеннему равноденствию и к древней дохристианской Масленице. Может быть, именно с этого эпизода пробуждения природы и начинался сложный масленичный цикл. Признаком олицетворения природы здесь был медведь.

«Борьба царского пса с медведем». В. М. Васнецов.

Старое охотничье мировоззрение дожило у непосредственных соседей славян до I тысячелетия н. э. В святилище «Благовещенская гора», раскопанном академиком Б. Рыбаковым, у полукруга деревянных идолов найдено жерло большого ритуального сосуда, оформленного в виде медвежьей головы. Необычный сосуд, как полагает академик, предназначался для жертвенной крови и, по всей вероятности, именно медвежьей.

Следы архаичного медвежьего культа у праславян найдены на городище Тушемля под Смоленском. Они датированы VII–VIII веками н. э., когда славянская экспансия продвигалась в толщу балтийских и угро-финских племён. Небольшое овальное городище было застроено по всему периметру деревянными клетями, а внутри двора, около одной из его сторон, находилась небольшая ограда, посреди которой был обнаружен вертикально врытый столб, увенчанный сверху черепом медведя. Учёные-археологи сочли, что главным святилищем данного городища была голова медведя или шкура, облекавшая столб. Отголоски древних запретов слышатся и в некоторых средневековых литературных памятниках Руси, например, в «Вопрошаниях» Кирика учёный математик спрашивает епископа, нет ли греха в ношении медвежьих шкур. Тут нелишне ещё раз вспомнить, что медведь у многих народов считался нечистым животным и у мусульман, в частности, презирался наряду со свиньёй.

Академик Б. Рыбаков утверждает, что медвежья тема в археологии и фольклоре очень часто сопряжена с именем славянского языческого бога Волоса-Велеса. Неолитические следы медвежьего культа обнаружены у села Волосова; ритуальный топор с головой медведя был найден в центре города Ростова, где, как известно, долго сохранялось капище Волоса.

Звёздное скопление Плеяды, имеющее русское народное название «Волосожары», или «Волосыни», предвещает удачную охоту на медведя, как пишет исследователь медвежьего культа Н. Воронин.

Особенно сближает Волоса-Велеса с медведем наименование медвежьей лапы, оберегающей крестьянский двор. В народе её нарекли «скотным богом». А именно так и обозначался Велес в русских летописях.

Вероятно, считают историки, Волос – древнейшее из всех славянских божеств, корни представлений о котором открываются с мустьерского медвежьего культа неандертальцев.

Слово «Волос» обозначает «волосатый», «волохатый». Может быть, предполагает Б. Рыбаков, тогда и «волхв» – славянский жрец – одет в медвежью шкуру?

Обращает на себя внимание тот факт, что сведения о связи Волоса с культом медведя идут с самого севера славянского мира, из ярославского Поволжья, расположенного на границах европейской тайги, где постоянное соприкосновение с этими крупными хищниками накладывало значительный отпечаток на быт поселенцев тамошнего края.

«Скотный бог» Волос, вероятно, трансформировался в хозяина и покровителя лесного зверья. И, возможно, этим первобытным хозяином и покровителем был как раз самый могучий лесной хищник – медведь.

«Отдых Великого князя Владимира Мономаха после охоты», в. м. Васнецов.

После принятия христианства двойником древнего Волоса стал святой Власий Севастийский, что, конечно, произошло по созвучию имён: Волос – Влас.

Считается, что моления Волосу начинались с нового года и продолжались все первые шесть дней января, которые отмечены «разгулом нечисти». В пользу этого говорят, по утверждению того же Б. Рыбакова, болгарские новогодние обряды, в которых участвовали 12 «старцев», одетых в звериные и скотские маски и обвешанные по поясу коровьими бубенцами-боталами. Этих старцев-сурватаров называли ещё и «медведями». Последним днём Святка у болгар было 7 января, когда вожак колядников угощал свою дружину, являвшуюся в масках. Среди них маска медведя была обязательной.

Старинный герб Перми (1783 г.).

Современный герб Пермской области (1995 г.).

Старинный герб Ярославля (1778 г.).

Герб Рыбинска (1778 г.).

По всей вероятности, Святки ранее делились на две половины: первая была посвящена будущему урожаю и гаданию о замужестве, а вторая (начиная с новогодней ночи) была связана со скотом и зверьём и представляла собой «Велесовы дай». Велес мог выступать как в виде тура-хозяина, так и медведя – «лесного царя».

В Михайловских курганах возле Ярославля сделано очень много находок, свидетельствующих о культе медведя. Чаще всего это были ожерелья из медвежьих клыков, слепки лап, ритуальные статуэтки. До самого недавнего времени в Поволжье бытовали многие пове-

рья, связанные с медведями. В частности, если дорогу (в отличие от чёрного кота) перебежит медведь – жди удачи. Вспомнишь же медведя в море или озере – ожидай бури.

Пермская земля в своё время являлась средоточием медвежьего культа. При раскопках на Верхней Каме найдено очень много фигурок медведей из бронзы. Гляденовское кострище, раскопанное неподалёку от Перми, сплошь состоит из остатков жертвоприношений. В числе находок – медвежьи клыки очень крупных размеров и множество фигурок, где медведь изображён в самых различных положениях.

Раскопки позволили сделать вывод, что во всей Восточной Европе именно в Пермской и Ярославской землях медведь почитался особенно.

Имея столь прочные корни в народном сознании, бурый медведь не мог не перекочевать оттуда на многочисленные памятники материальной культуры – картины, лепнину, ювелирные украшения, эмблемы и гербы городов.

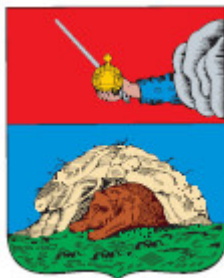
Бурый медведь отражён на гербах Ярославской и Пермской губерний, причём во втором случае это изображение весьма отчётливо перекликается с существовавшим в верхнем Прикамье медвежьим культом и восторжествовавшим над ним христианством. Если в 1666 году в указе Алексея Михайловича упоминается лишь «печать Пермская, на ней медведь идущий», то в более позднем «Титулярнике» на спину медведя поставлено Евангелие, а для пущей верности водружён ещё и крест.

Герб Новгорода (1781 г.).

Герб Новгородской области (1995 г.).

Старинный герб Сыктывкара (Усть-Сысольска, Коми) (1780 г.).

Современный герб Сыктывкара (1993 г.).

Фигура медведя включена в эмблему Ярославля, описанную в большой государственной книге, составленной по распоряжению Алексея Тишайшего в 1672 году.

На зелёной траве, на опушке леса, стоит на задних лапах медведь. На правом плече он держит воздетый протазан, левая лапа чуть приподнята. Всё это изображение заключено в овальную рамку из стилизованных листьев. В рамке над головой медведя славянской вязью выполнена надпись: «Ярославский».

Современный герб Кудымкара (Коми-Пермяцкий АО).

Герб московского района Южное Медведково (2004 г.).

Современный герб Карелии (1993 г.).

Белогрудый медведь на гербе Хабаровского края (1994 г.).

В ярославских землях до недавних пор существовало предание, связанное с историей основания города. Ярослав Мудрый шёл с дружиной, обозревая ростовские земли. Дорога была глухой, пустынной, местность, заросшая лесом, – дикой. Князь отстал от дружины в дремучем лесу на правом берегу Волги, недалеко от места слияния с ней речки Скоростей. Вдруг из оврага появился медведь и бросился на князя. Не растерявшись, тот ударил зверя секирой. В память о чудесном избавлении от опасности, князь распорядился на этом месте построить часовню, а окрестности, видимо на пакость медведям, заселить людьми – переселенцами из Ростова.

При Петре I герб был немного изменён, вместо протазана в лапы медведю вставили секиру. При Екатерине Великой тоже последовали кое-какие изменения: лес и трава убраны, другими стали рамка и положение медведя. В последний раз герб пересматривался в царствование Николая I.

Медведь присутствует и в гербах других российских городов, например Рыбинска. Его герб описывается следующим образом: «На красном щите – река; к её берегу ведут две массивные лестницы, обозначающие пристань; из-за реки выходит медведь с золотой секирой в левой лапе; внизу видны две стерляди, свидетельствующие об изобилии рыбы».

В новгородском гербе медведь тоже занимает заметное место. Ещё в «Печати наместника Великаго Новгорода» (XVI в.) одной из фигур, наряду с рысью (барсом?), был медведь. В «Титулярнике» (XVII в.) новгородский герб представлен уже несколько иначе, но медведь не только не выведен из него, а даже рысь на древнем гербе заменена вторым медведем. С тех пор герб города стал носить на щите изображение двух медведей.

Новгородцы к медведю вообще испытывали давнее и подчёркнутое почтение. Подобно тому как носы кораблей викингов – драккаров – украшались головами змей и драконов, нос новгородской ладьи – «ушкуя» – выполнялся в виде головы медведя – наверное, как самого грозного зверя, известного в то время новгородцам. Правда, это было скорее всего изображение головы белого медведя, до сих пор сохраняющего на поморском Севере название «ошкуй», или «ушкуй».

В Карелии, «Стране непуганых птиц», если верить М. М. Пришвину, ещё в начале XX века сохранялось множество суеверий, связанных с медведями. В принципе у местных жителей считалось, что «зверь», или «звирь» (так назывался в то время медведь в лесных областях Карелии, и нельзя в этом иносказании не увидеть отголоска языческих верований), подчинён человеку. «Господь покори́л его человеку», – говаривал писателю полесник Филипп. Однако такое подчинение имело и свои обратные стороны – по мнению лесных жителей, этим могли пользоваться колдуны, и они натравливали медведей на скотину. Разумеется, если её хозяева не оказывали колдунам должного почтения. Правда, на этот случай существовали другие колдуны, «отпускавшие» скотину от нападения медведей. Слепой колдун Микулаич поделился с писателем опытом подобного «отпуска», или «заговора», скотины – как самим текстом, так и описанием процесса.

«Бывало, троица подходит, со всех мест шлют, успевай только ездить и отпускать. Приедет в деревню, а там уж ждут, скотина в поле, в загоне, пастух с трубой. Микулаич ставит в землю батожок и даёт пастуху записку с отпуском. Если пастух грамотный, то читает её, обходя скотину три раза вправо от батожка; если неграмотный, то за ним идёт кто-нибудь и читает отпуск. После этого Микулаич берёт хлебный колосок, режет его на кусочки, чтобы каждой скотине досталось.

Я упросил старика дать мне отпуск. Он достал из сундука бумажку и заставил меня три раза прочесть вслух. И нужно было видеть торжественное лицо старика, когда я читал. Он словно благословлял меня.

– Это отпуск хороший, – говорил он, – этим отпуском сто коров отпущено и сорок лошадей. Теперь пиши, верно пиши.

ОТПУСК

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Выйду я, раб Божий, пастырь (имярек), благословясь из двери в дверь, из ворот в ворота. Стану я лицом на восток, хребтом на запад и помолюсь Христу небесному. Господь сотворил небо и землю, реки и озёра, и земную тварь, и человека, и меня, раба Божия, с моим любимым скотом, любимым животом, со скотинкой разношёрстной, доморощенной и новоприведённой, с коровами, быками, с тёлками рогатыми и комлатыми. Праведное солнце и праведный Господи! Поставь вокруг моего стада тын железный от земли и до неба и к тому тыну поставь двери стальные, ворота хрустальные, замки булатные, ключи золотые, чтобы не мог никакой дикий зверь видеть моего любимого стада, чтобы казалось моё стадо рысю, волку и широколапому медведю диким серым камнем. И как катится солнце праведное с лучами ясными с утра до вечера всякий день и час, так чтобы и катилось моё любимое стадо по всей поскотине на мою трубу и на мой голос. И как собирается в Божью церковь народ к пению церковному и ко звону колокольному и как муравьи сбегаются в свой муравейник, так и чтобы моё любимое стадо собиралось к своим дверям во всё красное лето отныне и до века. Аминь».

Современному читателю, привыкшему к бетонным фермам и ежегодной заготовке кормов, трудно представить себе, какую опасность представляли крупные хищники, в том числе и медведи, для мелких отдельных крестьянских стад, выпасавшихся на лесных полянах.

Как утверждает русский натуралист В. Шнитников, медведи в одной вологодской деревне за лето уничтожили 50 голов скота; в другом случае один-единственный медведь в шести соседних деревнях зарезал свыше 80 домашних животных.

Зоолог П. И. Данилов пишет о том, что в конце прошлого – начале нынешнего столетия основными жертвами медведя в Олонецкой губернии были как раз домашние животные. В 1906 году медведи задрали здесь 157 лошадей, 55 жеребят, 385 коров и быков, 57 телят и 59 овец.

При этом за период 1966–1976 годов было известно лишь 11 датированных нападений медведя на коров и лишь 4 из них закончились успешно для хищника.

В Восточной Сибири на сегодняшний день угроза нападения медведя на домашний скот гораздо выше, чем в Европейской России. Например, в 1983 году в Забайкалье было весной задавлено медведями 80 голов крупного рогатого скота, 5 лошадей, 15 овец и 31 свинья. В Прибайкальском районе (с. Петровка) медведь за одно нападение задрал 5 коров, 15 загнал на скалу, с которой коровы упали и покалечились.

В давние времена в России существовала такая форма народного цирка, как «медвежья забава». Ручных медведей водили по деревням, дворянским имениям и маленьким городишкам так называемые медвежатники.

Как пишет об этом уже упоминавшийся В. Шнитников, ходили с медведями чаще всего крестьяне из лесных губерний Поволжья, татары или цыгане. Обычно ходили вдвоём: один

изображал так называемую козу, а другой выступал в качестве музыканта. В качестве музыкальных инструментов русскими использовался барабан, а цыганами и татарами – скрипка.

В однообразной дремотной серой жизни российских городов и деревень приход скорморохов с медведями рассматривался как настоящее событие – сродни драке или пожару. Представления с медведями смотрели и стар и мал – а ведь только такая популярность могла позволить поводьям прокормить не только себя, но и столь прожорливого «артиста», как медведь.

Представление состояло из двух отделений – пляски медведя с «козой» и разных «штук», которые медведь проделывал один. Костюм «козы» представлял собой мешок и несколько скреплённых вместе палочек, которые должны были изображать мордочку и рожки козы, причём воображаемая «коза» могла даже щёлкать воображаемыми «зубами».

Содержание ручных медведей было, судя по всему, довольно распространённым явлением на Руси, о чём мы можем судить хотя бы по классике русской литературы – известной со школьной скамьи повести Пушкина «Дубровский» и поэмы Некрасова «Генерал Топтыгин».

Описание охот государя императора Александра II.

Некоторые русские цари, как и древние римляне, использовали медведей для подобию гладиаторских боёв. Основоположник государственности и державности Иоанн Грозный натравливал медведей на опальных монахов, причём последние не имели никаких шансов на спасение.

Иван Грозный травит медведями подданных.

Из анекдотов, дошедших до нас из «славных дней Екатерины», мы узнаём, что в городе Елабуге медведь сорвался с цепи перед трактиром и двинулся по главной улице, гоня прохожих, пока перед зверем не оказался некий неустрашимый дьякон, возвращавшийся с церковной службы. Сей дьякон медведя усмирил и доставил обратно к трактирщику, который, однако, попытался вчинить дьякону иск и получить с него штраф за повреждённую у зверя лапу.

История о проказе молодого Пьера Безухова, привязавшего городского к спине приучённого медведя и высланного за это из столицы, также взята Львом Толстым из реальных рассказов очевидцев. Правда, история приписала этот подвиг гусару Каверину, будущему сподвижнику Дениса Давыдова.

Правда, русские власти не были бы сами собой, если бы время от времени не запрещали что-нибудь – хоть бы и медведей. Гаршин подробно описывает в рассказе «Медведи» трагедию на окраине скромного губернского города, куда цыгане привели медведей, которых должны были немедленно уничтожить.

Вообще, трудно сказать, что отношение к медведям в России было снисходительным. В уже приводившихся выше сказках постоянно раздаётся то «давай, мужик, я тебя съем», то «давай, мужик, я тебя заломаю», то «давай, медведь, заporю-ка я тебя рогатиной». Согласитесь, что такие отношения трудно отнести к идиллическим, какими сейчас принято характеризовать «старые добрые времена». Старые – это уж точно, но судить об их доброте представим современникам тех лет. Пусть даже и в сказках.

Охота царя Михаила Романова.

Тем не менее приезжающие в Россию иностранцы почти постоянно убеждались в той истине, что эта страна – подлинно «страна медведей». Даже если они оставались гостями чопорного Санкт-Петербурга и хлебосольной Москвы, из окрестностей которых медведи исчезли ещё в XVIII веке.

Медведи в России присутствовали почти повсеместно – на лепных фронтонах дворянских усадеб, на узорчатом шитье, в ледяных скульптурах перед русским Рождеством, на ярмарках и в цирках, их проводили перед гостями цыгане и потешники–скоморохи, а во время обильных возлияний за русским хлебосольным столом ноги чужестранцев по щиколотки утопали в медвежьих шкурах.

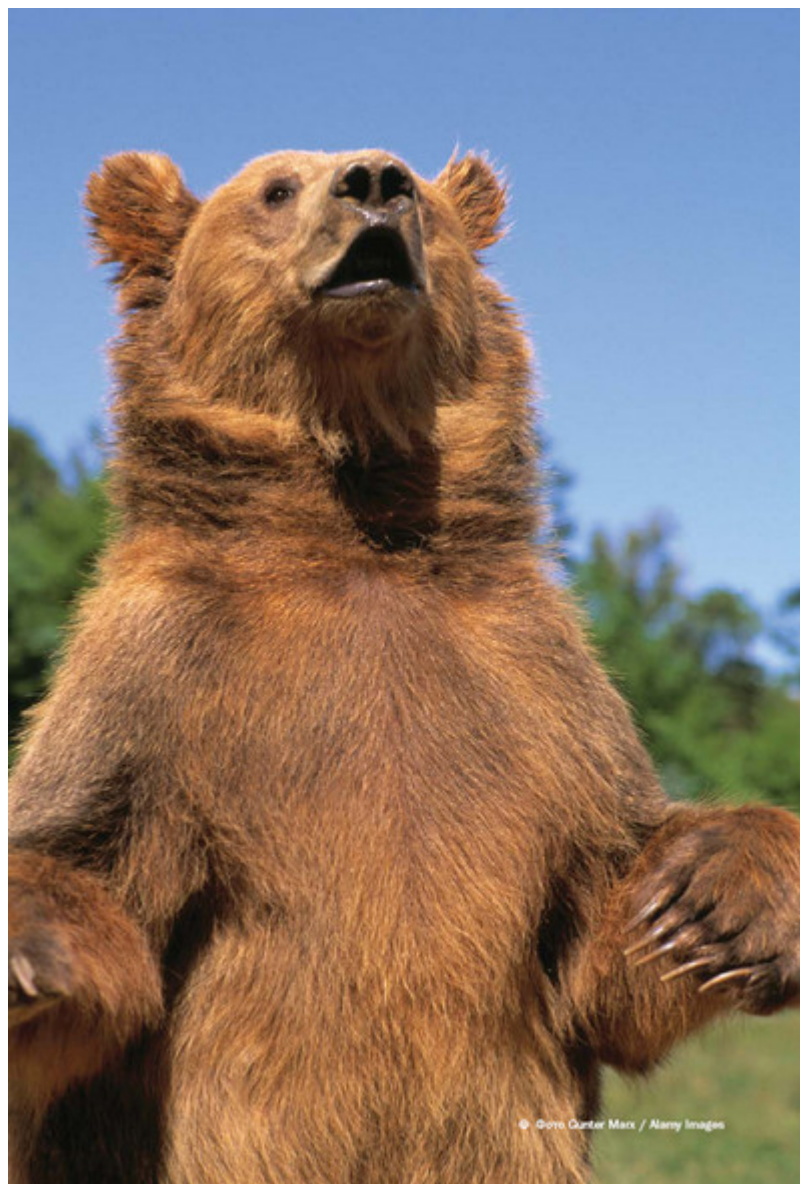
«Утро в сосновом лесу». И. И. Шишкин (медведи написаны К. А. Савицким).

Из того времени нам известно и о таком забытом предмете туалета, как шуба из медведя. Общеизвестно, что мех этих зверей хоть и тёплый, но достаточно грубый и, главное,

тяжёлый. Поэтому традиционно он использовался для изготовления санных полостей, в крайнем случае предметов солдатской формы.

Но из всех упомянутых медвежьих забав самой распространённой, самой легкодоступной и самой опасной оставалась охота.

Часть III Охота на медведей

Глава 11 Старинные охоты

Общеизвестно, что со времени совместного появления на естественно-исторической сцене людей и медведей отношения между ними приняли характер активного противоборства. Кроме подстерегающего врага, разорителя пасек и поедателя запасов медведь, с другой стороны, в понимании первобытного человека был и объектом охоты, пищей, шатающейся невесть зачем по лесу.

Таким образом, их взаимное общение приняло законченный вид отношений охотника и дичи. Правда, этот случай был несколько своеобразен, потому что охотник и дичь временами менялись ролями.

Бурый медведь, как уже отмечалось, сильно отличался от неповоротливого и уязвимого своего собрата – медведя пещерного. Пока на земной поверхности обитали оба этих вида, у человека была определённая свобода в выборе объекта. Однако пещерный медведь вымер, и человек, приложивший к его истреблению руку, лишился такого удобного объекта гарантированной охоты.

Попытка заменить пещерного медведя на бурого стоила человечеству, вероятно, нескольких тысяч раздробленных черепов и при этом ни к чему хорошему не привела. Людям пришлось переключиться на разнообразных тарпанов, оленей, сайгаков, туров и бизонов. Несмотря на весь накопленный человечеством опыт в убийстве животных, бурый медведь оставался серьёзным противником под стать самому человеку.

Некоторые исследователи, например уже упоминавшийся Бьорн Куртен, считали, что бурые медведи наряду с пещерным составляли значительную часть в добыче и соответственно рационе первобытного человека. Другие же, как, например, Н. К. Верещагин, утверждают, что для подобного умозаключения нет достаточных оснований. Резон в их рассуждениях, безусловно, есть. Выбирая добычу между неуклюжим, стеснённым в движениях и преимущественно растительоядным пещерным гигантом и юрким подвижным ловким лесным хищником, кого бы вы предпочли в первую очередь? Косвенно свидетельствуют об этом неолитические памятники Приохотья и Камчатки, обследованные археологом Н. Н. Дико-

вым. Их древние обитатели при окружающем медвежьем изобилии отнюдь не сделались заядлыми «пожирателями медведей» – об этом свидетельствует скудность останков последних на первобытных стоянках. Да и медвежьи культы прочих народов свидетельствуют о трудности и опасности охоты такого рода. Нет, ни у одного племени бурые медведи не могли стать основой материального благополучия.

Тем не менее люди не могли смириться с тем, что подобный запас мяса, жира, и впридачу прикрытый хорошей шкурой, продолжает встречаться в лесах, оставаясь недоступным для людей. И при каждой встрече последние пытались этот запас прибрать.

Для начала люди использовали на этой охоте самые традиционные средства добычи – лук и стрелы, иногда (но неохотно) копье. Самое удивительное, что многие народы обходились этими приспособлениями при охоте на медведя до самого недавнего времени.

Австрийский натуралист и писатель Герхард Гартвиг указывает, что остяки бьют медведя стрелами, которые «длинные, имеют на конце треугольный железный наконечник или острый кусок стали, имеющий форму ножа, или же два тонких острия, имеющих вид раздвоенного хвоста ласточки».

Такие же стрелы использовались коряками и чукчами в междоусобных войнах. Можно предположить, что оружие против медведя и человека не очень сильно различалось между собой.

Русский натуралист Н. Сокольников описывает весьма рискованный и, видимо, эффективный способ охоты с копьем на белого медведя, который, впрочем, нам, людям начала XXI века, выросшим в городских условиях, кажется совершенной фантастикой.

«Слышал только от чукчей, что бить его вовсе нетрудно и что при этом для ловкого человека и опасности нет никакой. Дело в том, что на бегу белый медведь свернуть быстро на сторону не может: поэтому охотник пускается от него бежать, а когда медведь нагоняет, отскакивает немного в сторону и стреляет или колет копьем пробегающего мимо зверя».

Вероятно, подобным образом первобытные евразийцы пытались добывать и медведя бурого. Впрочем, эта охота с копьем позднее приобрела несколько иную форму и начала называться охотой с «пальмой» или с рогатиной.

А. Черкасов, оставивший красочные и довольно подробные «Записки охотника Восточной Сибири», даёт описание совершенно варварского, но в то же время остроумного способа охоты, который был в употреблении у орохонов – одного из народов нынешнего Забайкалья.

Черкасов пишет, что орохоны при охоте на медведя не пользовались огнестрельным оружием, обходясь двумя приспособлениями – «пальмой» и распоркой. «Пальма» – инструмент, который до сих пор в ходу у многих сибирских народов, – представляет собой длинное (30–40 см) и широкое (4–5 см) тяжёлое лезвие – просто нож с односторонней заточкой, насаженный на длинную, почти в рост человека, рукоятку. Черенок лезвия у классической «пальмы» примотан к древку длинной полосой бересты на первую треть высоты. Иначе говоря, «пальма» – это короткое лёгкое копье с длинным, заточенным с одной стороны наконечником. При этом «пальма» использовалась да и используется до сих пор в отдалённых местах Сибири, прежде всего, не как оружие. Она служит для того, чтобы просекать дорогу в зарослях кедрового стланика, не сходя с оленя. Таким образом, это орудие выполняет функции одновременно и копья, и мачете. Современные Чингачгуки выковывают лезвия из плоских рессор для грузовых автомобилей.

Другое орудие – так называемая распорка – представляло собой нечто вроде небольшого очень прочного якоря, или крючка-двойника больших размеров. Лапы, выкованные из железа, имеют в размахе около 7–8 сантиметров. Древко делалось из очень крепкого дерева и имело длину 20–30 сантиметров. Это приспособление было предназначено для того, чтобы медведь при нападении схватил распорку зубами. Раз зацепившись дёснами за зазубренные

лапы, он уже не мог выплюнуть этот предмет, приходил в ярость и всё своё внимание уделял только постигшей его беде. Тут коварный ороchon улучал момент, когда зверь терял бдительность, и незатейливо прирезывал его «пальмой».

У Черкасова очень подробно описывается технология засовывания пресловутой распорки в пасть медведю. Тут и ухищрения, вроде маскировки её в рукаве шубы, чтобы медведь считал, что кусает человека, и очень распространённые ссылки на якобы необычайную ловкость аборигена, позволяющую ему проделывать вещи, недоступные обычным смертным. Единственное замечание, которое может здесь себе позволить автор настоящей книги, – это то, что по его наблюдениям и впечатлениям многих людей, реально наблюдавших нападение медведя, этот зверь никогда не пускает сразу в ход зубы, а предварительно старается ударить противника лапой, с тем чтобы выбить у него оружие, повалить его и лишить возможности сопротивляться.

Глава 12 Охота с рогатиной

Тот вариант охоты с рогатиной, который принято называть «русской охотой», уже довольно сильно отличается от тех первобытных охот, о которых рассказывалось вначале.

Эта охота производилась всегда вдвоём – двумя рогатчиками или рогатчиком и его помощником, вооружённым ружьём. Таким образом, существовала определённая подстраховка в той мере, в какой она вообще была возможна при этом поединке.

Сейчас я дам слово выдающемуся русскому медвежатнику М. Андриевскому:

«Медведь, подрываемый лайками, поневоле отсиживается и возится с ними, но когда завидит охотника и сообразит, что от него уже не уйти, останавливается, с решимостью идти на драку.

При некотором навыке такую окончательную остановку легко отличить от простой задержки для защиты от назойливости собак. Инстинктивно понимая, что человек куда опаснее собак, медведь, решившись на драку, не обращает уже на них внимания, сосредотачивая его на главной опасности, т. е. человеке. При этом зачастую хитрит: делает вид, что не замечает человека, отворачивает от него голову в сторону, но маленькие пронзительные глазки его зорко следят за тем, что делает охотник. Когда медведь уловит подобный момент, то, заложив уши назад, с удивительной быстротой атакует его, причём обыкновенно коротко и сильно рычит – пугает.

Если охотник слишком горяч, тороплив или малосведущ и поэтому, сблизясь с медведем, станет чрезмерно круто насаждать на него, не замечая, что тот уже сбавил ход, чтобы улучшить минуту и удобнее броситься на врага, то медведь живо смекнёт это, и, делая вид, что неуклюже торопливо спасается, сам искоса поглядывает на него, а когда достаточно напу-

стит на себя виду, то вдруг разом круто обернётся и бросится на оторопевшего от неожиданности охотника с такой быстротой и ловкостью, которых, по-видимому, нельзя ожидать от его неуклюжей фигуры. Зная эти тактические уловки медведя, опытный рогатчик по мере того, как уменьшается расстояние между ним и медведем, сам замедляет ход там, где позиция медведя выгоднее его позиции, и настигает его в более чистых и таких местах, в которых удобнее окончательно сойтись с ним, но никогда не подъезжает ближе двадцати-тридцати шагов, причём представляет, что будто боится медведя и заслоняет собой рогатину, особенно блестящее перо её. Такая видимая робость охотника обманывает бдительность медведя, делает его более самоуверенным и беспечным.

Тогда он не старается уйти или забиться в чащу или лом и, будучи настигнут на чистом месте, т. е. положении, менее выгодном для него, чем для человека, не выдерживает и бросается на охотника. А этого только и нужно рогатчику.

Напустив зверя шага на три, на два, т. е. на расстояние, с которого уже можно достать рогатиной, надо решительно ударить его, и непременно в передние части тела, т. е. в грудь, по лопаткам или под пах, смотря по тому, как зверь идёт. Обыкновенно медведь бросается на четвереньках, как собака, редко на дыбках... Удар рогатиной должен быть короткий, сильный, но без размаха.

Само собою разумеется, что рогатчики должны быть искренние, надёжные охотники, ловкие и сильные душой и телом люди. Кроме того, они должны иметь некоторый навык, или, по крайней мере, один из них, а другой должен знать хотя бы теоретически, как принимать на рогатину. Они должны как бы спеться вместе, потому что у каждого рогатчика есть свои известные привычки и манеры, которые надо знать, чтобы уметь без звука, без слов, понимать друг друга тогда, когда вся жизнь идёт на ставку и когда ревет только медведь да лают собаки, а охотники работают молча, а если уже выкрикнут слово, так именно то необходимое, полное смысла слово, от быстрого и удачного выполнения которого зависит судьба их обоих».

Однако существует ещё несколько способов охоты с рогатиной, каждый из которых, пожалуй, следует оговорить подробнее. Конечно, вышеупомянутый метод М. Андриевского может смело считаться самым волнующим и высокоспортивным из них, в значительной степени из-за большого элемента риска. Есть что-то от римских гладиаторских боёв в том, что современный человек с холодным оружием идёт один на один, чтобы поразить зверя в его родной стихии – диком русском лесу.

Другой вариант охоты с рогатиной используется в основном при охоте на берлоге. От этого способа, по-видимому, и идёт название этой охоты. Самое старое описание этого первобытного способа мы находим у французов, посетивших Россию в XIX столетии, потом оно многократно перепевается различными журналистами и «охотничьими» литераторами, так что я, в свою очередь, предпочитаю сделать собственную выжимку из известных мне источников, нежели цитировать многие страницы старинного текста.

Суть этого способа заключалась в том, что русский охотник, обнаружив берлогу медведя, не звал никого на помощь. Он потихоньку отступал от затаившегося или спящего зверя и отправлялся на поиски небольшого, но крепкого дерева (по сведениям всех авторов, чаще всего – берёзы). Толщина её у комля должна была достигать около 10–15 сантиметров – с тем, чтобы предмет, который изготавливался из неё, получился не очень тяжёлым и ловким в обращении. Главное же свойство этой берёзы заключалось в том, что на стволе в 2–2,5 метрах от основания должны были расти два крепких толстых сука, расходящихся вверх под углом в 10–15 градусов. Все остальные сучья на берёзе обрубались так, что эта развилка венчала получающийся шест. Концы этих сучьев заострялись и обжигались на огне. Противоположный конец шеста также заострялся. Вот этот шест с заострёнными рогулиной и руко-

ятью и вправе называться прародителем того копы для медвежьей охоты, которое в новое время также называлось рогатиной.

Закончив изготовление этого странного оружия, охотник вновь возвращался к берлоге и, приставив заострённые концы к выходу, начинал дразнить зверя, пытаясь заставить его покинуть убежище. Между тем, как я уже говорил в одной из предыдущих глав, любая берлога делается медведем таким образом, что выход из неё всего один. Медведь, чувствуя свою беспомощность в тесном убежище, делает рывок вперёд, чтобы вырваться на «оперативный простор» и расправиться с обидчиком. В тот момент, когда он пытается выскочить через лаз или, как его называют сибирские охотники, – «чело», охотник всаживает в него заострённую рогулину, а другой, тоже заострённый, конец шеста втыкает в грунт. Оказавшийся в безвыходном положении медведь продолжает рваться вперёд, всё сильнее и сильнее всаживая в себя остриё и всё крепче и крепче упирая древко рогатины в землю. Охотник практически отпускает древко и только чуть-чуть направляет его, с тем чтобы зверь поразил себя самым верным образом.

Таким образом, медведь сам наносит себе такие тяжкие повреждения, от которых и умирает.

Впоследствии раздвоенная на конце палка была сильно усовершенствована – таким образом, что она превратилась в уже описанный нож на древке с перекладиной, однако сама охота на берлоге с рогатиной практически не претерпела изменений со времён язычества до начала XX века. Именно этой охотой любили баловаться русские государи Алексей Михайлович, а также Александр II Освободитель. Безусловно, одним из основных её плюсов считалась её большая безопасность (особенно при подстраховке стрелками, вооружёнными огнестрельным оружием), что, впрочем, не помешало однажды медведю вырваться из берлоги. Жизнь Александру II тогда спас вовремя подоспевший егерь.

Небезынтересно, что положил начало традиции медвежьей охоты как исконной забавы русских государей «первый западник на верхах власти» – Дмитрий I, известный более под позорной кличкой Лжедмитрий. До него «идеалом московского царя считался раззолоченный и неподвижный идол». Дмитрий же сделал всё, чтобы вдохнуть в этот идеал энергию западного мира.

Глава 13 Охота на берлоге – традиционная охота в России

Сама по себе охота на берлоге считалась самым традиционным видом охоты на медведей в России. Преимущество её заключалось в сравнительной безопасности и высокой результативности – упустить зверя можно было только в результате цепи совершенно невероятных случайностей. Сложность состояла только в одном – прежде чем начинать охоту, берлогу предстояло найти.

До революции медвежьи берлоги (вернее, их поиск) давали побочный приработок изрядному количеству мужиков в северных лесных губерниях. Дело в том, что охота на берлоге считалась барской забавой, и господа платили за найденную берлогу деньги и притом – довольно большие по тем временам. Плата за берлогу могла быть двоякой: мужику платили определённую сумму сразу после того, как проверяли его сообщение, или расчёт вёлся после охоты – по два рубля серебром за каждый пуд веса убитого медведя. При этом отсчёт начинался после пяти пудов.

Таким образом, мужики были заинтересованы искать берлоги не вслепую, а тропить медведей по осени, причём отыскивать следы наиболее крупных экземпляров. При выплате суммы учитывались удалённость берлоги от населённого пункта, удобство подхода к ней, количество дней, в которые обходилась охота. По утверждению М. Пришвина, цены на некоторые берлоги доходили до двухсот рублей.

Подобную барскую забаву описал и Н. Некрасов в своём стихотворении «Медвежья охота».

Охота на берлоге постепенно превратилась в настоящий ритуал со своей атрибутикой, обычаями и порядками. Появились специальные тяжёлые медвежьи штуцеры, весившие до шести килограммов, «медвежьи» охотничьи кинжалы, богато разукрашенные, с воронёными клинками, «медвежьи» топоры и даже водка «Медвежья». Одним из классических примеров таких «берложных» аксессуаров служит известная пуля Ширинского-Шихматова. Обладающая никудышной баллистикой, она призвана наносить страшнейшие раны накоротке – на расстоянии до пяти – максимум десяти метров.

В своём стремлении обезопаситься во время медвежьей охоты бары порой доходили до полного абсурда. Вот как описывает эту охоту полковник Гагерн, посетивший Россию в 1839 году.

«Обед за гофмаршадским столом, затем охота на медведей.

Об этом я должен рассказать. М-ме Х стреляет хорошо, поэтому

она одна из всех дам участвовала в охоте. Стрелки стояли около одной башни, куда были приведены два ручных медведя, долго уже сберегавшихся в клетке для такого удовольствия. Медведи, когда они находились вблизи м-ме Х, были убиты ею. Вечером Риго заго-

ворил об этой охоте с одной русской дамой: „Я не знал, что русские дамы охотятся на медведей". Дама отвечала: „О, это совсем не по-русски, это по-мюнхенски“».

Как уже упоминалось, во время зимней охоты на медведя 90 процентов успеха заключается в умении найти берлогу. Зачастую это происходило само собой – при рубке леса, прокладке зимней дороги, на белковые и других, столь же мало имеющих отношение к медвежьей охоте промыслах. Однако для тех лесовиков, которые на заработок от найденных берлог рассчитывали жить большую часть года, российский авось не годился. Задолго до первого снегопада они устанавливали места, которых придерживался тот или иной медведь, следили за его перемещениями и держали ухо остро! Едва землю сковывал настоящий зимний морозец и припорошивал снег, они спешили к своим заветным местам, чтобы проследить, не двинулись ли в путь медведи. И если они обнаруживали признаки их передвижения к зимним местам, тут уже вставляли им на пятки и не упускали почти до самого места залёжки. Добравшись до такого места, они не торопились подойти к берлоге, а очерчивали её предварительное местоположение кругом метров в двести и давали медведю «облежаться». Только потом они приступали к поискам непосредственно логова внутри этого круга и, лишь найдя его, отправлялись в город требовать себе награду за обнаруженного беспомощного зверя.

Тропление медведя по снегу – и автор это знает по своему опыту – неблагоприятное, сложное и трудоёмкое занятие, к тому же не сулящее верного успеха. Обнаружить след медведя, двинувшегося к местам зимнего залегания на Дальнем Востоке, не представляет особого труда. Вдоль нерестовых протоков и рек звери держатся почти до самого ледостава – даже в суровом Анадырском крае некоторые мишки остаются у источника пищи до самого начала ноября, когда снега уже по колено и мороз давит уверенно за 20 градусов. Но достаточно пройти вдоль так называемого шва – опушки, отделяющей лес от лесотундровой равнины, как натыкаешься на ровные «ходовые» медвежьи следы, ведущие из леса в сторону зубчатых заснеженных гор. Там, в горах, и располагаются зимние логова этих медведей.

Скальные цирки – в них залегают на зиму медведи Охотского побережья.

Встав на такой «ходовой» след, надо быть готовым к длительному пути – даже если конечный его пункт будет в двух километрах от его начала. Мой отец в Северо-Восточной Якутии тропил одного такого сверхконспиратора в течение двух дней и прошёл с учётом всех извилин около десяти километров, несмотря на то, что по прямой от берлоги до начала тропления было не больше двух километров. Медведь петлял, делал настоящие скидки, перед самой берлогой около пятидесяти метров пятился задом, а затем прыгнул на три метра в сторону, в куст, с которого осыпался снег. Только тогда он счёл возможным в открытую подойти

к берлоге. Она располагалась на невысокой сухой гриве посреди лиственничной заболоченной низины и была выкопана в песчаном грунте. Охотники подошли почти к самому челу, стали по обе его стороны, затем напарник отца бросил в чело зажжённую бумагу. Медведь попытался выскочить наружу, и всё было кончено.

Судя по литературным источникам, медведи не всегда прибегают к такому запутыванию – например, известный знаток повадок этих зверей Б. Завацкий утверждает, что в бассейне Енисея эти звери не пользуются такими методами, а напрямую ложатся в берлоги.

Тем не менее основная часть сведений о подобном поведении мишек почерпнута из литературных источников европейской части страны. Поэтому можно предположить, с какими ухищрениями сталкивались егеря-медвежатники в своём нелёгком труде.

В литературе мы сталкиваемся также с намёками на то, что найденные берлоги сохранялись егерями и лесниками в большом секрете и что существовала определённая форма «воровства» берлог – это случалось, если кто-нибудь вытрапливал по следу не медведя, а лесника и, опередив его, находил барина, желающего поохотиться. «Краденые» берлоги, как и полагается в России, продавались вполцены.

Когда берлога бывала найденной, саму охоту производили или непосредственно на берлоге, или путём загона.

Считалось, что наиболее удобно охотиться на берлоге втроём. Участие большого количества народа в медвежьей охоте обычно приводит к неразберихе и путанице, совершенно нежелательной, а зачастую даже опасной. В классической литературе описывается наиболее часто такой вариант: двое стрелков, вооружённых ружьями, а третий участник при собаках и вообще на подхвате. В случае необходимости этот третий рубит перед берлогой мешающие стрельбе деревья, помогает выжить зверя из берлоги и вытащить его до дороги после охоты. Судя по всему, ранее в роли этого «третьего» выступал мужик, нашедший берлогу.

Охота могла производиться с помощью собак или без них, с так называемым ежом. Так или иначе, начало у неё всегда одно – охотники, не доходя метров пятидесяти до берлоги, останавливаются, и «мужик» или егеря показывает им берлогу. Один из них, как правило, самый опытный, подходит к самой берлоге и становится так, чтобы иметь возможность сразу выстрелить в зверя, едва тот покажется.

Став напротив чела, этот охотник подавал знак рукой, вслед за этим подходили и остальные. Спустив одну собаку, стрелки занимали места в пяти-восьми шагах от берлоги, становясь с одного бока, чтобы не попасть под перекрёстный огонь друг друга. В рекомендациях также обычно указывалось, что становиться надо с южного бока чела.

Ширинский-Шихматов говорит, что следует помнить о том, что чем ближе к выскочившему зверю находится охотник, тем больше у него шансов попасть в него пулей по убойному месту. При удачном раскладе один точный выстрел решает исход всего дела.

Когда собака спущена, она сразу показывает две чрезвычайно важные для охотников вещи – как расположено чело под снегом и лежит ли медведь или он вот-вот покажется.

Спускать в это время другую собаку не рекомендуется, так как две лайки принимаются, подзаводя друг друга, мелькать перед челом так быстро, что обе рискуют попасть под пулю.

До сих пор у опытных охотников выскочившего из берлоги медведя принято ранить так, чтобы он сохранял способность двигаться. Этот жестокий приём применяется якобы для того, чтобы дать возможность собакам притравиться по зверю. Однако реально этот способ мало что даёт, потому что собаки очень быстро понимают, что находящийся перед ними медведь никакой опасности для них не представляет. Кстати, именно по этой причине неэффективны и испытания по медведю, посаженному на цепь. Моё же личное отношение к любой охоте сводится к тому, что если уж человек вынужден прибегать к такому методу воздействия на природу, то чем быстрее решается дело, тем гуманнее для обеих сторон. Поэтому выстрел в упор и наповал представляется наилучшим выходом из всех таких положений.

Вариант охоты без собак отличается от охоты с собаками только тем, что перед выходом к берлоге вырубается небольшое дерево, чаще всего ель, с правильной небольшой кроной. Эта крона выравнивается по примерному размеру чела. Пресловутый третий участник охоты засовывает это деревце – «ёжик» в отверстие берлоги и понуждает таким образом медведя рвануться вперёд. Несмотря на то что силы человека и медведя несоизмеримы, тех секунд, пока он прорывается вперёд, достаточно для того, чтобы стрелки уложили зверя наповал. При этом, однако, возникают проблемы с извлечением мёртвого зверя из берлоги, тогда как при варианте с собаками медведь чаще всего успевает выскочить наружу.

Если охота на берлоге в Европейской России носила по большей части, как я уже говорил, ритуальный характер, то в Сибири и Северной Америке добыча этих зверей имела вполне устойчивый коммерческий характер.

Уже упоминавшийся ранее Гартвиг пишет о промысле наших медведей во второй половине XIX века следующее:

«Медведей также преследуют в Сибири из-за меха. Чёрный мех молодого обыкновенного или бурого медведя очень ценится для оторочек, мех старого зверя, напротив, очень дешёв. Мех белого медведя идёт на прекрасные санные полости и стоит 3–5 руб.».

Что касается Северной Америки, то он же отмечает:

«Гудзонбайской компанией продано с публичного торга в марте 1848 года 536 шкурок бурого, серого и белого медведей а также 2566 шкурок чёрного медведя... в августе того же года – 2997 шкурок чёрного медведя».

Сегодня такой же коммерческий смысл имеет и широко распространённая на юге Дальнего Востока охота на белогрудого медведя в дуплах. Экономический смысл этой охоты весьма прост.

Лапы с подушками – от 500 до 1000 рублей за килограмм (китайцы используют их для приготовления определённых деликатесов национальной кухни). Сухая желчь – от 3 до 8 долларов США за грамм. Плюс стоимость жира, плюс иногда можно съесть мясо. В среднем каждый убитый медведь приносит какому-нибудь шкотовскому или дальнереченскому мужику до 300 долларов США.

ОХОТА НА БЕЛОГРУДОГО МЕДВЕДЯ В ДУПЛЕ

Охота на белогрудого медведя в основном связана с поиском толстых дуплистых деревьев.

Но давайте по порядку.

Мой друг Антон взял «медвежью» лицензию в один из самых приятных горнотаёжных районов Приморского края. В принципе мне хотелось вместе с ним попробовать именно охоту «на слух» в кедрачах. Но получилось так, что на тот момент, когда медведи ещё жировали в лесу, нам удалась всего одна поездка в уголья. На два дня. Чего было, конечно, недостаточно.

Последний раз мы собрались в лес перед самым закрытием. Местные мужики сказали, что им известно несколько очень перспективных деревьев, возле которых по осени крутились медведи.

Для того чтобы заставить белогрудого медведя выйти, охотники снизу поджигают дупло.

Но точно ли кто-нибудь лежит в них, они не знали. Поэтому предложили пройти до самого дальнего дуплистого дерева километров семь. А потом, если в нём никого не окажется, проверять на обратном пути все остальные.

По дороге я на правах более опытного товарища объяснил Антону, что на 99 процентов медведь (если мы его добудем) окажется небольшим, как собака. Ну, во-первых, этот вид медведя сам по себе небольшой по габаритам (отмеченный максимум – 250 кг), во-вторых, маленьких медведей в мире гораздо больше, чем больших, ну и, в-третьих, в дуплах деревьев обычно залегают маленькие медведи. С другой стороны, в любом случае медведь есть медведь.

Нашими проводниками были двое местных молодых, но очень искушённых охотников. Собственно говоря, это был их участок, с которого они жили. Я буду их называть Первый Местный (который, собственно говоря, и командовал охотой), специалист именно по добычанию медведей, и Второй Местный – несколько на подхвате.

С днём охоты нам невероятно повезло. Он выдался тёплый, безветренный, небо чуть затянуто лёгкой дымкой. Размявшись пешком километра четыре по «бураннику», мы встали на лыжи и пошли до потайного зимовья-переходноушки, которое мужики ещё не достроили.

Первые «медвежьи деревья» они показали нам перед избушкой – три огромных тополя стояли недалеко друг от друга, у одного было видно боковое дупло с обкусанными стенками.

«Лазил туда, значит, – удовлетворённо сказал Первый Местный. – Знать бы, остался он там или нет».

Мы шли по краю террасы, и двадцатиметровые тополя внизу отнюдь не выглядели теми великанами, которыми оказывались при ближайшем рассмотрении.

Места, по которым мы двигались, были совершенно замечательными. Смешанный лес, в котором, с подъёмом, стали преобладать ель и кедр – эдакие тёмно-зелёные свечи в буром тополево-осиновом редкостое. Огромные тополя как поражали моё воображение два года назад, так и продолжают поражать. Я даже затрудняюсь сказать, сколько обхватов имеют эти гиганты в диаметре. Мне сразу вспоминаются мэллорны во «Властелине колец» – да, вот в нашем краю тоже растут деревья-гиганты! Собственно говоря, именно в этих гигантах и находят своё убежище белогрудые медведи.

«То самое» дерево было около двенадцати метров высотой и росло внутри тесного каменистого распадка, крутые склоны которого поросли густым старым кедром. Второй Местный снял с плеча мешок (обыкновенный холщовый мешок с ляжками) и вытащил из него маленькую бензопилу-сучкорез. Первый Местный очень серьёзно расставил нас

вокруг дерева, причём самое серьёзное внимание уделялось поведению человека с пилой. По задумке, он должен был пропилить в стволе дерева небольшое отверстие, чтобы добраться до дупла и поглядеть, есть там зверь или нет. Как объяснял наш провожатый, медведь из берлоги выходит обычно ну о-о-очень неохотно, но раз на раз не приходится – случается, что вылетает свечой и сразу бросается вниз по стволу. В общем, никакой уверенности, что будет так, а не иначе, быть не должно. В любом случае с медведем не шутят. Даже с маленьким.

В общем, взяли мы под прицел обломанный ствол тополя, наш провожатый загремел бензопилой, прорезал окошко, потом вздохнул и заглушил агрегат. «Снег внутри. Медведь не ложился». Мужики затыкают дырку куском бревна – «так всегда делаем, авось на следующий год ляжет». Мы разочарованно повесили ружья на плечи, я спрятал фотоаппарат, и мы двинулись обратно.

Тут подоспело следующее дерево. Собственно говоря, там было два дерева с дуплами – оба толщиной в несколько обхватов, оба исцарапанные зверями. Первый Местный осматривает оба и, не объясняя причин выбора, кивает на то из них, которое стоит ближе к борту долины. Мы с Антоном крутимся неподалёку, оба Местных берутся у комля – словом, ничто не напоминает той строгой расстановки по номерам, которая присутствовала в первом случае. Опять гремит бензопила, и вдруг один из ребят возбуждённо говорит: «Лежит, лежит. Сейчас будем брать!»

Второй Местный подходит к нам и протягивает клочок шерсти, вырванный бензопилой. После этого начинается поиск лучших позиций.

Дело усугубляется тем, что дерево это высокое и имеет развилку на высоте около десяти метров. Один конец этой развилки вполне живой и тянется вверх ещё метров на десять. Второй же направлен в сторону, он пуст внутри, и в нём невооружённым глазом просматриваются несколько дырок. Кроме того, есть и главный выход – прямо обломанный кусок ствола. Первый Местный объясняет, что не всё так просто – во-первых, стрелять в медведя надо только тогда, когда он вылезет наружу (иначе замаемся доставать его из дерева); во-вторых, надо хорошо продумать, как он будет вылезать и на какую сторону. Медведь – он тоже делан не чем попало, он понимает, что пришла смерть, что положение его безвыходное, и он через себя извернётся, но попытается спастись. Поэтому Первый Местный расставляет нас с особым тщанием, предоставляя Антону наиболее выигрышное место. У него Benelli M3 с коротким стволом, патроны Rottwal, снаряжённые пулями Бреннеке весом 39 граммов. При контрольном отстреле они показали феноменальную кучность – практически сливаются пробойнами. Расстояние метров тридцать. Первый Местный рекомендует ставить пулю. Было бы чуть поближе, я бы немного поспорил в пользу картечи. Тем не менее Антон всё равно ставит картечь четвёртым зарядом.

В это время Второй Местный колдует возле комля с пилой. Пила работает плохо, глохнет, медведь внутри сердится и пытается поймать шину зубами. Я ему в принципе не завидую. А в этом конкретном случае – и подавно. Местные, посоветовавшись, решают развести костёр, нагреть над ним пилу и продолжить процесс доставания медведя из дерева. В промежутке Второй Местный тыкает прутиком в щель от пилы, медведь вырывает и ловит прутик зубами. Тут же крутится Найда, маленькая сухоногая лаечка Первого Местного, истерически лает на щель, заводя сама себя до собачьей истерики. Попутно Второй Местный пытается собрать дрова для костра, перемежая свои действия замечаниями вроде «лес есть – дров нету» и прочими таёжными открытиями и мудростями. Наконец дрова собраны, костёр горит, и мужик держит над костром пилу, словно собрался приготовить из неё шашлык.

Пила, действительно, заводится, и Второй Местный начинает вырезать окошко в стволе – размером где-то 15х15 сантиметров. До дупла расстояние где-то сантиметров 25, шина пилы короткая. Но в какой-то момент сухая половина дерева начинает трещать и

качаться – медведь пошёл наверх. «Пошёл! Пошёл!» – кричит Первый Местный, и Второй Местный бросает пилу и отскакивает в сторону с карабином в руках.

Белогрудый медведь рвётся наружу в клубах дыма.

Но ствол перестаёт качаться, и, простояв минуты две наготове, местные начинают реализовывать вторую часть плана.

«Наверху засел. Надеется, что мы уйдём. Выкуривать придётся», – говорит Первый Местный, стоя в двадцати метрах в стороне и держа под прицелом дупло.

Я предлагаю выстрелить по дереву несколько раз, естественно, в то место, где медведя гарантированно нет. Первый Местный утверждает, что это совершенно бессмысленно, много раз пробовано, и вообще... Тем не менее я жертвую четырьмя патронами из своего «Вепря-Супер». Полуоболочечные пули пробивают огромное дерево насквозь, но что толку... Отсутствие всякого шевеления подтверждает правоту профессионала.

Второй Местный наконец допиливает окошко и разводит в нём небольшой костёр. Я подхожу ближе и вижу, что внутри находится гнездо из ветоши диаметром около 90 сантиметров. Второй Местный очень ловко насовывает туда веточек, действуя, как пресловутая старушка у костра Яна Гуса. Я жертвую для разжиги свой носовой платок, Второй Местный пропитывает его бензином из бака бензопилы, причитая при этом, что бензина совсем не осталось. А вдруг придётся дерево валить, если медведь наверху застрянет? Нет, не хватит бензина, однако...

Но пока Второй Местный возится с костром, в дело снова вступает Найда. Она бросается в дырку, засовывает туда голову – дырка ей как раз по размеру – и снова исходит диким лаем.

В конце концов собаку отгоняют, Второй Местный разжигает в дупле огонь. Огонь гореть не хочет – видимо, медведь заткнул своим тылом верх дупла и тяга отсутствует.

«Лапника тащи, лапника», – кричит Первый Местный, на что Второй угрюмо бурчит: – «Да где ты тут ёлку видишь?»

Но медведь наверху, видимо, сдвигается, и в пятнадцатиметровой трубе ствола сразу появляется тяга. Причём тяга такая, что ветки сгорают, как в паровой топке, и воздух влетает туда со свистом – так, что возле этой топки стоять холодно. Я тоже ухожу со своего поста и начинаю подтаскивать туда дрова – ибо, смех и грех, в этом лесу на самом деле

хороших дров нет. А те, которые есть, прогорают, как спички. Но пламя уже бушует вовсю, туда лезет собранный на каких-то дальних ёлках лапник, из дуплистого отростка начинает валить дым, сперва потихоньку, а потом посильнее и посильнее. В конце концов Второй Местный и я возимся у дупла, как кочегары, и тут Первый Местный кричит: «Лезет! Лезет!»

Мы со Вторым очень-очень шустро отбегаем к карабинам. Дупло уже полностью закрыто дымом, разглядеть в нём совершенно ничего невозможно, но Антон уверяет, что там показался конец носа. Проходит полминуты, в дереве что-то шуршит, и наконец из дупла до середины вылезает медведь. Я сопоставляю его с виденными мной его бурыми собратьями и прихожу к выводу, что он размером со среднего самца бурого медведя. А значит, по меркам белогрудого, он просто большой.

«Большой! Большой! Такие обычно под корягами лежат!» – галдят дружно оба местных охотника. И все застывают с оружием наготове, следя за развитием событий.

Разглядывая высунувшегося из дупла медведя, я тем временем прихожу к довольно неутешительным выводам.

Во-первых, медведь сейчас лежит на свежем воздухе, и любая мотивация, чтобы он покинул дупло, для него исчезла. Во-вторых, это большой и соответственно умный медведь, и он понимает, что дупло, хоть и с горящим внизу огнём, даёт ему хоть какую-то безопасность. Ну и, в-третьих, темнота – единственный союзник медведя – подкрадывается и подкрадывается. А месяц – январь... И подкрадывается она быстро.

Я предлагаю застрелить его прямо сквозь дерево, а потом вытащить через низ. После краткой перепалки все соглашаются, и Второй Местный начинает вырезать внизу большое окно, дабы вытащить упавшего внутрь зверя. Услышав грохот бензопилы, медведь вновь залезает обратно.

В это время Второй Местный выпиливает окно 50х50 сантиметров и утверждает, что этого достаточно. Я, поглядев на морду медведя, про себя сомневаюсь, но, помня о наступающей темноте и о том, что в бензопиле горячего в обрез, молчу. Первый Местный кричит: «Давай огня, больше! Пока его не подпалишь, не вылезет!» И сам срывается со своего поста, собирая ветки, а я, вместо кочегара, стою на подаче дров. Огонь бьёт вверх, я подозреваю, что даже на уровне медведя становится жарко вато.

В это время я замечаю, что Антон остался на часах совершенно один, но, к моей радости, стоит, уставив ствол в сторону дерева, и очень внимательно на него смотрит.

В какой-то момент Первый Местный слышит, как в стволе что-то зашебуршало, и отскакивает в сторону, говоря «Миша, ну ты подкладывай дрова, а я пошёл!». Я же остаюсь возле дупла, потому что знаю, что достаточно чуть замешкаться, и дрова прогорят через считанные минуты.

И тут мужики начинают опять кричать: «Полез! Полез!»

Я срочно отбегаю от ствола, потому что понимаю, что даже если этот «зверёк» просто придавит меня своей тушей, то мало не покажется. А если ему ещё и удастся немного поиграть коготками и зубками – то придётся и совсем кисло.

Медведь опять занимает прежнюю позицию на вершине, но всё время возится, и Первый Местный в конце концов командует Антону стрелять. Раздаётся жуткий грохот короткого ствола двенадцатого калибра. Медведя отбрасывает назад, он заваливается, скребёт лапой по краю дупла, затем начинает оседать внутрь. Видимо, разглядев, что внизу его ждёт огненная смерть, он начинает снова вылезать наружу. Антон стреляет ещё, ещё и ещё раз. Медведь копошится на срезе бревна, и тут начинают дружно палить наши сопровождающие. В конце концов медведь бьётся в последний раз и, о радость, вываливается из дупла наружу как огромная, бесхвостая крыса. Глухо шмякается о землю, и тут у меня в руках, совершенно не знаю как, вместо фотоаппарата оказывается карабин и автоматически наводится на то место, куда упал зверь.

Неизбежный итог. Охота на берлоге альтернативного исхода не имеет.

На земле мы ещё слышим какие-то звуки, затем истерические вопли собаки, которая треплет мёртвое тело. Осторожно подходим, но – всё! Готов!

Впечатления, в итоге, конечно, очень двойственные. Тут и радость (прежде всего), и уважение к зверю, и печаль, что пришлось добывать его столь варварским способом, и неподдельный интерес. Как заметил Антон – вот ходишь по лесу, идёшь – вроде дерево деревом, а там такое страшило сидит!

«Да. Надо же. Никогда так долго не доставали», – удовлетворённо говорит Первый Местный.

Надо отдать должное Антону: все полтора часа – а именно столько и продлилось это приключение от находки медведя до момента, когда тот полетел из дупла, – он простоял на часах с оружием в руках, нацеленным на выход из ствола дерева. Причём раза два он оказывался на часах вообще один, потому что все остальные занимались сбором хвороста и поддержанием огня в берлоге.

О стрельбе. В итоге было сделано не меньше 12 выстрелов – 5 из 12-го калибра, семь – из оружия 7,62x39. Один выстрел 12-го калибра – картечь. Одну пулю Бреннеке обнаружили под шкурой с другой стороны, за лопатками. В спине была дырка, в которую можно было просунуть кулак.

И несмотря на всё это, зверь оставался живым минимум семь секунд.

Это я к чему – вот это сила!

Глава 14 Весенняя охота в горах

Одной из самых интересных и спортивных охот на медведя является весенняя охота на солнцепёках в горной местности. В противоположность описанной охоте на берлоге она вся основана на быстром передвижении по местности, причём далеко не в самое удобное для ходьбы время – в весеннюю распутицу. Её принцип основывается ещё на одной характерной черте поведения этого зверя: сразу после выхода из берлоги он не покидает этого места, а кормится где-нибудь поблизости или же просто отдыхает от зимнего сна. В качестве лёжки он обычно использует свою прежнюю берлогу, ныряя туда при всякой опасности.

Смысл охоты заключается в том, чтобы почти сразу после получения сведений о выходе медведей из берлог (или при наступлении определённых устойчивых сроков) обходить или объезжать на снегоходе предгорья в тех местах, куда, как известно, ушли зимовать звери.

Время от времени надлежит останавливаться и внимательно осматривать в бинокль склоны гор, перспективные распадки и лощины, сомнительные камешки и кусты. Много-снежная весна облегчает вашу задачу, сводя к минимуму количество «ложных объектов» на склонах, малоснежная – делает её более трудной. Обычно на снегу легко отличить зверя от камня или куста – даже при относительно небольшой тренировке. Дело в том, что шкура животного совершенно иным образом отражает солнечные лучи, так что она переливается в дневном свете, даже если сам зверь остаётся неподвижен. Это существенное дополнение, потому что медведи в этот период стараются шевелиться поменьше, в основном спят или часами бродят по одному и тому же месту. Ещё одна примета, которая способна выдать вам зверя, – это наличие следов на снегу. В лучах весеннего солнца глубокие впадины в сугробах наливаются ярко-синим цветом.

Итак, заметив медведя, вы принимаете решение выследить его и убить. Пусть вас не обманывает то, что снизу вы видите его как на ладони. Едва поднявшись по склону, вы поймёте, как тяжело всё время сохранять его в поле зрения. А ваша задача гораздо сложнее, чем прямо дойти до того места, где он расположился. Дойти-то вы туда, наверное, дойдёте, если поставили перед собой такую задачу, но не извольте беспокоиться – медведя там уже не увидите. Он удерёт или, если ваш медведь окажется не промах, то попробует поиграть с вами в вашу же игру – тут уже в положении дичи рискуете оказаться вы сами, при этом – с не очень великими шансами на успех.

Для подъёма лучше всего выбрать середину дня – снег к тому времени уже подтаёт настолько, что ваши шаги будут не слышны. Не следует забывать, что медведь из всех органов чувств больше всего полагается на слух и обоняние.

Одна из основных заповедей на этой охоте – старайтесь оказаться на склоне выше медведя. Если вам это удастся, то успех вашей охоте наполовину обеспечен.

Это необходимо ещё и потому, что если вам удастся тяжело ранить зверя, находящегося прямо над вами, то зверь сможет очень быстро подмять вас под себя – тем более что спускаться ему будет легче, чем подниматься. Также не стоит стремиться очутиться прямо над зверем – спугнутый или легкораненый медведь обычно уходит напрямую вверх, и тут не стоит находиться прямо на его пути.

По-настоящему вам может помочь здесь хороший внимательный напарник. Он остаётся внизу, так, чтобы всё время находиться на виду у стрелка, но при этом не терять из виду медведя. И если медведя потеряет из виду стрелок, т. е. вы, то ваш напарник знаками поможет вам сориентироваться на склоне и выйти к зверю.

Я вспоминаю одну охоту, которая пришлась на майские праздники. Мой приятель, бурят Эдик Бочкин, как он сам себя называл – «потомок Чингисхана», поклялся мне, что знает замечательное место на водоразделе рек Охотского бассейна и Колымы. Место это, точнее, гряда невысоких гор, с его слов, чертовски славилось тем, что склоны там оттаивали раньше всего в округе. Кроме того, там (опять же с его слов) располагался обширнейший и обильный брусничник, а кусты стланика росли изредка и были по пояс, максимум по плечи. Вот на этих-то «голых сопках», как называл их бравый охотовед, и собиралось по весне видимо-невидимо медведей.

«Всё ж кругом под снегом ещё, – объяснял мне Эдик, – вот какие медведи проснулись, после выхода из берлоги отлежались – и туда пруща! Штук по десять-двадцать там за раз видят! И всё это – в пяти километрах от трассы!»

В общем, было понятно, что что-то здесь не совсем так – или с медведями, или с горами, или с брусникой, или со стлаником, или с пятью километрами от трассы. А возможно, и с тем, и с другим, и с третьим. Но было свободное время, за зиму я сильно устал от города, и решил – была не была, съезжу-ка я на эти «медвежьи высыпки» в пяти километрах от трассы – хоть на лыжах погуляю по-человечески!

Здесь охотятся на медведей весной.

Взял я тогда немецкую трёхстволку мастера Бареллы, со стволами 16/16/ 8x57R. Когда-то это было очень хорошее ружьё, но за восемьдесят лет, прошедших с момента его изготовления, изрядно поистрепалось. Нарезной ствол бил весьма точно, но мог в определённых условиях дать осечку. Дробовые же стволы вели себя безупречно. Зарядил к ней дюжину пуль 16-го калибра (родных брэннековских патронов к нарезному стволу у меня было штук восемь), собрал рюкзак, сунул туда топор, спальник, несколько банок сгущёнки, тушёнки, чайник – и был готов к охоте.

След медведя по снегу.

Накануне мая выпало какое-то феноменальное количество снега – Колымская трасса в нескольких местах была перекрыта лавинами, что, в общем-то, нетипично для тех мест. На «Урале» каких-то прикормленных Эдиком браконьеров нас довели до нужного ущелья. Именно ущелья, а не распадка, которые характерны для низкогорья Северо-Востока Сибири. Сразу за перевалом, по словам Эдика, как раз и начинались «медвежьи горы». Вверх по ущелью мы пробирались через многочисленные языки сошедших лавин, с неба пекло ослепительное майское солнце. Со всех сторон его лучи отражались от сверкающих снежных склонов и, казалось, фокусировались прямо на нашем маршруте, грозя сжечь нас, как в фокусе гиперболоида.

Ущелье изгибалось несколько раз, и, когда мы прошли по нему около пятнадцати километров, я немного успокоился – стало ясно, что до гор с медвежьими высыпками довольно далеко, и шансы на то, что наше предприятие может увенчаться успехом, несколько увеличились. С моей точки зрения, по крайней мере.

Перевал мы преодолели уже в сумерках и заночевали под открытым небом, выкопав яму в сугробе и завалив две случайно росшие под самым верхом лиственницы. Такие ночёвки имеют один существенный плюс – рассвет проспять невозможно.

Вот с этим самым рассветом мы оживили костёр, проглотили по паре кружечек крепчайшего чёрного чая и двинулись на лыжах вдоль гребней гор. То ли байка про «чёрные горы» всё-таки была байкой, то ли снега в этот год выпало уж слишком много, но мы так и не увидели никакой череды сопок с обнажёнными склонами.

Тем не менее к полудню мы нашли длинную пологую сопку с обтаявшей вершиной, с низенькой щёткой кедрача по краям чёрной проплешины. Мы легли на солнцепёке в километре от проталины и принялись облизывать каждый метр на ней в бинокли.

Разглядывали мы её недолго.

Вдоль нижней кромки кедрача, опустив морду к земле, по проталине двигался крупный медведь. Судя по всему, он собирал на обтаявших кустарничках прошлогодние ягоды. После того как мы понаблюдали за ним с четверть часа, он развалился на солнцепёке и, судя по всему, заснул.

В принципе тактика охоты была понятна. Надо было обойти сопочку с проплешиной кругом и подняться на неё с другой стороны, с тем чтобы выйти на пасущегося или спящего зверя сверху. Обход я оценил в пять километров – на лыжах и с подъёмом это заняло бы чуть больше часа. Но здесь возникала другая проблема – было непонятно, куда денется медведь, если он вдруг проснётся и решит куда-то идти. Даже если он останется на проталине, то может забиться в стланик или просто переместиться на триста метров в сторону – тогда он может заметить, а точнее, услышать или почуять подкрадывающегося охотника до того, как стрелок его увидит. А ещё он может уйти за склон и там встретиться с поднимающимся охотником лицом к лицу.

В то время в нашем распоряжении не было доступных портативных радиостанций, и мы порешили – Эдик, который был вооружён только двустволкой ИЖ-12, остаётся на месте, я же обхожу сопку, поднимаюсь наверх. Наверху я нахожу в бинокль Эдуарда, который знаками будет мне показывать, где находится и куда направляется медведь. Мы договорились, что я появлюсь возле геодезического тура на самой вершине горы – так что Бочкин должен был всё время наблюдать за медведем и держать под контролем место моего вероятного появления.

На обход я потратил чуть больше двух часов – снег раскис и «валился», так что наверх я поднялся, уже изрядно умотавшись.

Лыжи я оставил на границе проталины, недалеко от вершины.

Постель медведя в весеннем сугробе.

Медведь мне, по счастью, по дороге не встретился. Тут я обнаружил ещё одну неприятность – поднявшись на вершину, из-за пологого склона я видел только ближайшие двести метров горы, остальная часть скрывалась за перегибом. Но зато сквозь линзы бинокля я видел Эдика, который оживлённой жестикуляцией показывал мне, что медведь поднялся и двигается (похоже, что потихоньку) справа от меня вдоль кустов стланика.

Я совсем потихоньку (на ногах у меня были валенки без резиновой подошвы – это исключительно бесшумный вид зимней обуви) двинулся в указанном мне направлении. Через двести метров я увидел горб медведя, который находился за кустом кедрового стланика в ста пятидесяти метрах от меня. Я лёг на тёплый и уже вполне высохший ягельный ковёр, навёл винтовку на место, откуда зверь должен был выйти из кустов, и замер.

После выстрела медведь кубарем покатился вниз и распластался в пятистах метрах внизу, на дне распадка. Затем он попытался встать, но ноги его не держали, и он просто забился в агонии. Я опрометью побежал вниз и выстрелил в него дважды из гладких стволов. Но это, похоже, было уже лишнее...

А потом мы тащили шкуру этого двух с половиной метрового медведя тридцать километров до трассы по рыхлому и мокрому снегу... Нет, это всё-таки было не пять километров...

На этой охоте зачастую стрелять приходится издалека, поэтому предпочтительным оказывается нарезное оружие – карабин, винтовка или комбинированное ружьё. Довольно часто здесь приходится стрелять в неподвижного или медленно идущего зверя, так что времени для того, чтобы точно послать пулю, оказывается достаточно.

Охотнику надо знать, что ранней весной, когда внизу в логах температура ниже, чем на прогретых солнцем вершинах, *воздух* тянет снизу вверх, в то время как в летнее время наоборот – сверху вниз.

Подходить к медведю следует только тогда, когда он держит голову опущенной книзу или занят каким-нибудь серьёзным делом, например раскопками сусличьей норы. Когда зверь останавливается и поднимает голову, охотнику следует замереть – как на глухарином токовище, когда глухарь останавливает свою песню.

Стоит помнить ещё и о том, что все звери предпочитают передвигаться, выдерживая генеральное направление против ветра – даже если тот тянет совсем чуть-чуть.

Весенние наброды медведя на снегу – знак его присутствия в данном районе.

В крутых горах с изрезанными склонами медведи, как, впрочем, люди, олени и прочие млекопитающие, для переходов со склона на склон или с горы на гору предпочитают пользоваться перевалами и седловинами. Однако в пологих горах такая тактика совсем необязательна – зверь может ходить и напрямую, поперёк распадков.

Итог охоты.

Часто успех обещает и такая тактика: человек, понаблюдав за медведем некоторое время, устанавливает основное направление, в котором движется зверь. Установив его возможный маршрут, охотник обходит медведя далеко стороной и устраивает засаду на его предполагаемом пути. Однако, выбирая этот способ охоты, надлежит помнить, что у человека-охотника всего две ноги, а у бурого медведя, как известно из учебника зоологии 7-го класса, – четыре. Причём он на своих четырёх ногах лёгким шагом передвигается гораздо быстрее, чем человек на двух. Кажущаяся неуклюжесть зверя тут никого не должна вводить в заблуждение – размеренно шагающего медведя человек может догнать только бегом. Поэтому когда охотник начинает подходить к пасущемуся на месте медведю, то он должен понимать, что достаточно тому куда-нибудь пойти – даже не испугаться, а так – вожжа под хвост попала, – как догнать его и снова начать скрадывать будет очень и очень трудно.

Кроме того, при охоте в горах надо очень хорошо знать особенности траектории полёта пули из вашего оружия при стрельбе вверх или вниз под различными углами. Не пожалейте патронов и попрактикуйтесь в аналогичных условиях – это избавит вас от многих неприятностей, связанных с подранками.

При охоте в горах надо помнить, что медведь, как партизан, в случае опасности использует малейшую складку местности, чтобы уйти из-под выстрела. П. К. Козлов, один из величайших путешественников нового времени и при этом умелый охотник, однажды попал в подобную ситуацию.

«В то время как я наблюдал за очертанием берегов и и оттенками красок поверхности озера, а также за плававшими на нём птицами, мои спутники развлекались стадами животных, бродивших в ближайших окрестностях Алыкнора. Показались, наконец, и медведи; не только в бинокль, но и простым глазом можно было различить крупного самца и значительно меньших размеров самку, следовавших вместе. По мере приближения к зверям стало выясняться, что последние были заняты любовной игрой и что поэтому подойти к ним в меру выстрела не представит особого труда.

Оставив лошадей, я с Бадмажаповым направился к медведям, соблюдая, конечно, охотничью сноровку.

В воздухе всё ещё стояла обычная утренняя тишина: подброшенная вверх тонкая пыль возвращалась на то же место или едва заметно относилась в противоположную сторону; следовательно, не было особого основания опасаться того, что звери нас учуют. Достигнув, однако, ровной площадки, на которой находились медведи, мы были тотчас ими замечены. Мишка мгновенно остановился и поднялся на дыбки, пристально глядя в нашу сторону; медведица приблизилась к мишке и тоже насторожилась; оба зверя превратились словно в изваяние. Настала минута общего напряжённого внимания. Условившись заблаговременно, кому стрелять в того или другого зверя, мы одновременно пустили в медведей две пули. Мой мишка грузно свалился наземь, медведица также было последовала его примеру, но вскоре поднялась и почти незаметно отползла в ложочек, а затем совершенно скрылась; когда же мы

подошли к убитому наповал медведю, то медведица была уже на значительном расстоянии; бинокль обнаруживал её быстрое движение и временные остановки, когда напуганный зверь напрасно оглядывался в нашу сторону».

Отступление. Нервы медведя

Вообще, нервная система у медведя в нашем, человеческом понимании очень крепка, и поставить зверя в затруднительное положение очень и очень сложно.

Одна из самых традиционных «басек», рассказываемых о медведях у костров, в гостиных и на страницах разнообразных изданий, касается того, что медведя можно «криком убить». С детства мы знаем историю о том, как маленькая девочка Маша громко закричала, увидев медведя на дереве, он оттуда упал и помер. В трогательной форме она изложена замечательным русским писателем-натуралистом Виталием Бианки. Этот же мотив встречается и в различных охотничьих рассказах аборигенов: в частности, грамотный чуванец Ф. Дьячков также не преминул отдать долг подобной версии в своём «Описании Анадырского края». «Рассказывают, что один человек увидел лежащего медведя, должно быть, спящего, подошёл к нему тихонько и вдруг крикнул, как мог сильнее, и бросил в него палку, а медведь от испуга побежал в лес, из заднего прохода у него потекла кровь; наконец он упал мёртвым».

Наиболее правдоподобный вариант этого рассказа мы встречаем у Черкасова, правда, там присутствует одна оговорка – перед тем, как медведя испугать криком, в него выстрелили из ружья. Поэтому окончание этого рассказа звучит следующим образом (и я не откажусь здесь в удовольствии его процитировать): «Промышленники остались здоровыми, но медведь вследствие испуга и кровавого поноса издох на другой же день». Так что решать здесь, что явилось первопричиной гибели зверя – испуг, пуля или кровавый понос – личное дело здравого смысла каждого читателя.

В свою очередь, мне известно много случаев, свидетельствующих о чрезвычайно крепкой нервной системе нашего героя. Один из них кажется в этом плане весьма показательным.

Геолог N поздно вечером возвращался из маршрута на базу. Подойдя к берегу протоки, в которой находилось нерестилище кеты, он остановился передохнуть. В наступившей тишине он вдруг явственно услышал характерные шаги медведя по гальке – по характерному костяному стуку – его издают когти, ударяясь о камни. N присел на кромку берега и приготовился стрелять – он был вооружён кавалерийским карабином Мосина, традиционным оружием экспедиций 60-70-х годов. Медведь, судя по шагам, пыхтению и плеску воды, находился совсем неподалёку – метрах в двухстах, за поворотом реки, и собирал там снующую рыбу. И похоже, не очень торопился приближаться к охотнику, застывшему в засаде. Тут у охотника обнаружился в плане некий принципиальный недостаток – дело происходило в сумерках, а, как известно, на Севере вечером темнеет катастрофически быстро. Таким образом, когда медведь приблизился к засаде, не было уже видно ни зги. Тем не менее N решил вознаградить себя за час ожидания, выбрав в темноте место потемнее и наведя туда ствол карабина, как принято говорить, «по ощущениям», выпустил туда всю обойму. Оценить эффект этой меры может в некоторой степени только тот, кто упражнялся в стрельбе из подобного оружия в темноте – вечернюю прозрачную тишину разорвал грохот, сопровождаемый фейерверком искр, летящих из укороченного ствола.

При всём глубочайшем уважении, которое, как всякий мужчина, я испытываю к женскому воплю, я не думаю, что Машенькин крик, сколь бы он ни был неожидан, мог соперничать с серией выстрелов из боевого оружия. Тем более что уровень внезапности и там и тут

был, пожалуй, одинаков. Тем не менее на месте медведь не помер. И даже не помер вовсе, потому что на следующий день стрелок попытался протропить этого зверя с собаками. Вероятнее всего, его подвели «ощущения», а один испуг, без пули, не дал надлежащего эффекта.

Глава 15 Охота на лабазе

Территория нынешней Карелии всегда была одним из самых «медвежьих краёв» России. Потому неудивительно, что именно здесь охота на них была во все времена развита очень широко.

По утверждению Гартвига, «в Олонецкой губернии ежегодно убивается до 400 медведей. Обширные Вологодские леса доставляют... 300 медведей...» (для конца XIX века). Как это происходило, можно судить, пожалуй, из нижеследующего отрывка.

М. М. Пришвин пишет, что самый обычный способ охоты на медведя в Олонецкой губернии – с помощью «кляпцов» и «ловаса». «Кляпцы», по определению Пришвина, – это две тяжёлые железные дуги с острыми зубьями, захлопывающиеся в виде пасти, а «ловас» – это помост, устраивающийся между двумя или тремя близко стоящими соснами (т. е. то, что в других российских местностях принято называть «лабазом»).

«На этот ловас у роненой скотины и садится полесник с ружьём караулить медведя. Он садится наверх, конечно, не оттого, что боится, а для того, чтобы ветер не доносил до чуткого зверя человеческого духа. По мнению Филиппа (полесника, друга М. Пришвина. – *М.К.*), медведь не только хорошо чувствует присутствие человека, но даже знает его след. Чтобы отвести след, к ловасу непременно приходят двое: один влезает наверх, а другой уходит и по дороге домой нарочно шумит, кричит, даёт знать медведю, что полесник ушёл. Другой же полесник, на ловасе, сидит, не шелохнётся и зорко смотрит, потому что медведь идёт так тихо, что услышать его невозможно: ни один сучок не треснет. Медведь может почуять полесника, далеко не доходя до ловаса, но полесник должен заметить его издали, следить за всеми его движениями. Наконец, полесник, часто прокараулив несколько ночей, видит, как он ползёт на брюхе, подняв вверх голову и озираясь кругом. Подпустив его как можно ближе, полесник стреляет».

Так описывает классическую охоту с лабаза, или ловаса, М. Пришвин. Конечно, здесь, как и во многих литературных описаниях такого рода, заметна большая доля преувеличений – к ним можно отнести утверждение, что «медведь знает человека по следу», подходя к приваде, «ползёт на брюхе, подняв голову вверх». У других классиков охотничьего жанра, например Л. П. Сабанеева, в это описание добавляются некоторые детали, в частности, вокруг туши павшей или задранной медведем (у Пришвина – роненой) скотины лучше сложить и крепко связать невысокий сруб. При этом, замечает Л. П. Сабанеев, «для сруба всего пригоднее берёза, так как белая кора её хорошо видна и в сумерки, и медведь, подошедши к падали, лучше выделяется на её белом фоне».

В другом месте Сабанеев более подробно останавливается на устройстве непосредственно самого лабаза: я не откажу себе в удовольствии процитировать здесь полностью это описание из его «Календаря природы».

«Лучше всего, если позволяет местность, устраивать лабаз на дереве или деревьях, прилегающих к той полосе, на которую понавадился медведь... Необходимо только, чтобы лабаз находился в опушке, был как можно менее заметен и не возбуждал опасения в звере. Поэтому все принадлежности для лабаза, как-то: сохири, жерди, ветки – должны быть вырублены не на самом месте устройства лабаза, а в некотором от них отдалении: затем для покрытия нужно припасти ветки именно той породы деревьев, в чаще которых устраиваются сами лабазы. Устраивать лабазы должно для одного или не более чем для двух охотников, от двух-трёх аршин длины и одного аршина ширины, не выше трёх-четырёх аршин от земли (1 аршин равен примерно 71 см. – *Примеч. ред.*), и притом всегда таким образом, чтобы сидеть лицом к заходящему солнцу, для того, чтобы вечерняя заря, догорая, освещала как можно далее полосу пашни с овсом или место, где лежит привада.

Для одного лабаза нужно от двух-трёх сохирей на каждый из четырёх углов, две толстые переводины или перекладины, шесть жердей для сиденья, две толстые жерди, одну для упора под ноги, без которой они будут сильно затекать, другую для того, чтобы можно было вешать ветки для своего укрытия. Жерди эти устраиваются позади и сбоку охотника, на высоте 1 аршина от сиденья, чтобы укрыть его со всех сторон; спереди же жердь устраивается не выше $\frac{3}{4}$ аршина от сиденья и принаравливается к росту охотника, который поднимает или опускает её, смотря по тому, как это ему удобнее для прицела. На жерди, чтобы было мягче сидеть, кладётся немного сена (отнюдь не листьев), войлок или ковёр, хотя другие находят это излишним и даже вредным. Необходимо брать с собой на всякий случай топор. Лабазы устраиваются не далее десяти шагов от овсяной полосы, смотря по местности, чем ближе, тем лучше».

Здесь мне бы хотелось немного поправить признанного знатока русской охоты. Конечно, чем ближе находится лабаз к предполагаемой мишени, тем лучше, однако надо следить и за тем, чтобы это сооружение не очень сильно выделялось из лесной опушки или группы деревьев и особенно – чтобы силуэт сидящего человека не прорисовывался на фоне ясного неба.

Далее Сабанеев пишет, что способ, аналогичный стрельбе на овсах, применяется и на Кавказе – только там в роли пресловутых овсов выступают фруктовые сады. Из полезных

советов можно отметить про себя правило проводить по прицельной планке ружья черту мелом – для удобства прицеливания. Более поздние авторы пишут о том, что к стволам ружья можно крепить фонарь с узким лучом; и рецепт из арсенала современных средств – это, конечно, светосильный оптический прицел.

Ещё один необходимый элемент лабаза – это верёвка, которой охотник привязывает себя, чтобы не упасть с высоты.

Вспоминаю, как однажды в весёлой компании охотоведов меня расспрашивали о том, правда ли, будто дальневосточные медведи опасны для человека. Когда я ответил утвердительно и привёл в качестве иллюстраций несколько животрепещущих примеров, один охотвед из северной России, Пётр, мечтательно закатил глаза и сказал:

– Да, чёрт, у нас бурые медведи тоже самые опасные звери. Больше всего из-за них несчастий на охоте.

– Да что ты несёшь, Петруха, какие там у вас несчастные случаи? Небось и медведи ваши чуть больше собак?

– Больше не больше, – отвечивал Петруха, – а несчастий и с ними полно. Как у нас их стреляют, знаешь? С лабаза на овсах!

– Вообще загнул, – потешались коллеги, – какие там несчастья на лабазах?

– Самые простые, – с честью ответил Пётр. – Как понапьются, как позалезут, да как пьяные валятся с лабазов, руки-ноги ломают. Потери – как на войне, хотя, может, медведя разу не увидят. Кто сказал, что с лабаза охота безопасная? Ещё как опасная!

Однако повышенная надёжность лабаза может таить в себе свои, довольно неожиданные неприятности.

Исследователь-орнитолог В. Правосудов на своей базе в северном Приохотье подвергся ограблению со стороны медведей. Дело в том, что в его отсутствие, продолжавшееся несколько дней, небольшой медведь залез на продовольственный лабаз, от которого не была отодвинута лестница – грубейший промах при жизни в тайге! Однако что-то помешало медведю довести начатое до конца, и он ретировался с лабаза, не успев доест все имевшиеся в наличии там продукты. Рассвирепевший хозяин собрался покарать грабителя и резонно рассудил, что медведь скорее всего сделает попытку доест остатки харча. Ничтоже сумняшеся, он устроился непосредственно на лабазе, поджидать гостя. Ночь была тёплая и безветренная, медведь сразу не пришёл, что и расслабило мстителя, который постепенно задремал. Очнуться ему пришлось от громкого фыркания, доносившегося прямо со своей платформы. Недолго думая, охотник выпалил в нечто круглое и пытящее, что буквально обнюхивало его сапоги. Медведь, которому пули не причинили никакого вреда, кубарем слетел с лестницы и скрылся в темноте. Более его никто никогда не видел.

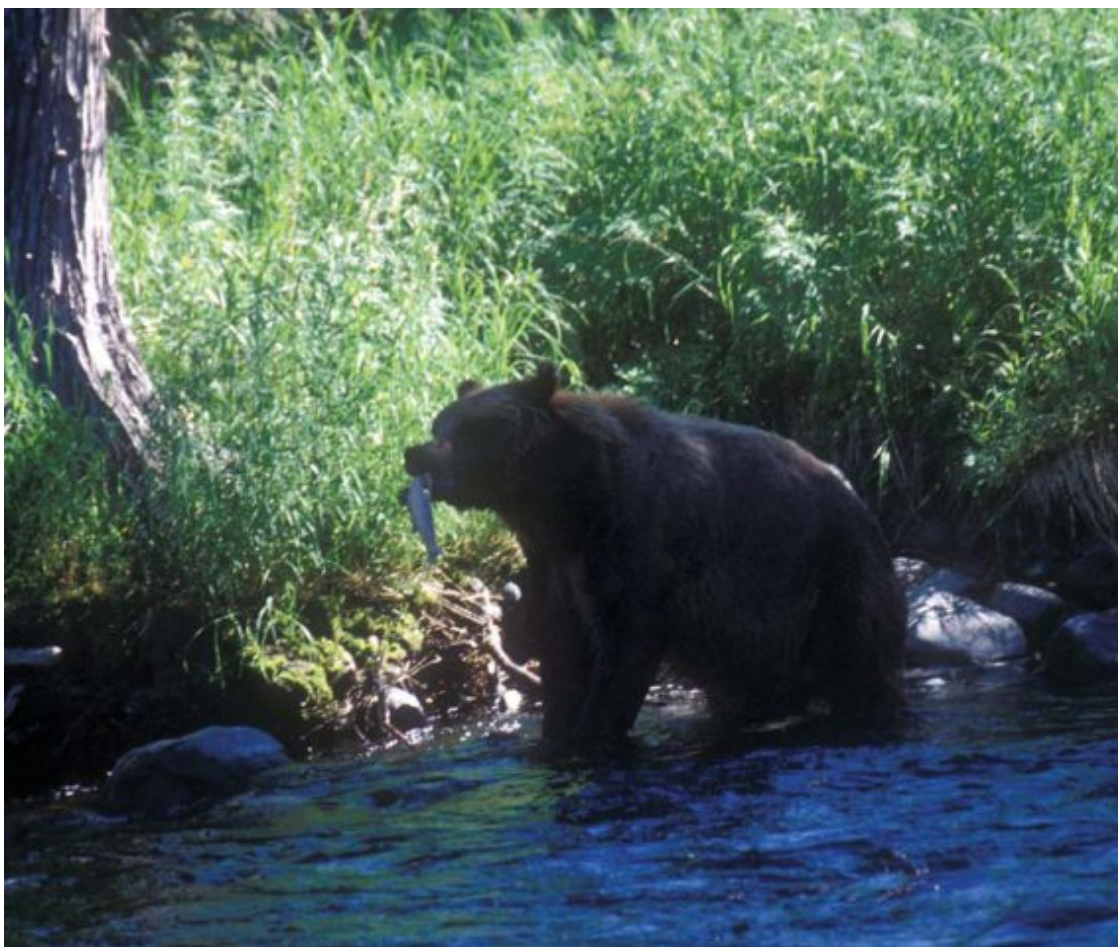
При охоте с лабаза, так же как и при охоте в горах, надо помнить о том, что при стрельбе сверху вниз точка попадания вашего оружия будет отличаться от точки прицеливания на то же расстояние по горизонтали. Поэтому я рекомендую охотникам, которые планируют охотиться с лабаза, прикинуть дистанцию и угол возможного выстрела и где-нибудь на стороне пристрелять своё ружьё в аналогичных условиях. Учтите – ошибка в десять сантиметров может стоить вам полноценного трофея, а также причинить значительные неприятности при поиске подранков.

Глава 16 Охота на нерестовых реках

Охота на нерестилищах лососёвых рек – одна из самых интересных и результативных на Дальнем Востоке. Уже упоминавшийся офицер-натуралист Н. Сокольников отмечает, что в начале XX века охота на бурого медведя в Анадырском крае была не очень популярна.

«За моё время марковцы убили всего 7 или 8 медведей. Один из них был убит у амбара настороженным ружьём; 3 или 4 были подкараулены и убиты весенними ночами на местах кормёжек прошлогодней рыбой и 3 штуки в одну осень (кажется, 1906 г.) были убиты марковцем Софроном Петушковым тоже во время кормёжек медведя у воды по вечерам. По моему совету он их стрелял с „ветки“, одной ногой упирался для устойчивости о дно на мелком месте или о берег и стрелял. (Выстрелить из современной винтовки, будучи в „ветке“ на глубоком месте, не рискнёт даже сроднившийся с ней марковец: она так валка, что сильная отдача ружья влечёт за собой опрокидывание. – *Примеч. Н. Сокольникова.*)

Крупный медведь на рыбалке.

Такая охота для очень ловкого на воде марковца не опасна, так как в случае неудачного выстрела он сумеет мгновенно оттолкнуться от берега на глубину, а там медведю его уже

не поймать. Все марковцы, конечно, хорошо знают, что уходить от медведя на ветке нужно против течения: по течению же, говорят, зверь может догнать.

Медведь при подходе на нерестилище.

Скрадывать занятого чем-либо медведя не трудно, нужно только делать это против ветра. На берлогах марковцы не промышляют, да и прежде не промышляли».

Здесь же он делает сноску, что чукчи специально медведя не промышляют. Очутившись через сто с лишним лет в тех самых местах, про которые местный житель Фёдор Дьячков сказал, будто «медведей в крае у нас более всего. Из всех звериных пород эта – самая видная», я с интересом обнаружил, что анадырские охотники на самом деле на бурого медведя почти не охотятся. Точнее сказать, не охотятся в общепринятом смысле этого слова – с оружием в руках. Ловить зверей петлями местные Немвроды очень даже не брезговали. Это казалось тем более странным, что в литературных источниках медведи Русского Востока рисовались животными смирными и отнюдь не опасными – эдаким племенем травоядов-рыбоедов.

«Чёрные медведи водятся по всей Камчатке в огромном количестве, и без всякого сомнения они давно бы уже истребили жителей, если бы они не были так смирны и миролюбивы как нигде. Весною медведи сходят с гор к устьям рек, чтобы здесь пожирать идущую вверх рыбу. При обильном лове медведи едят, как собаки, одну голову. К осени, когда рыба выше поднимается по рекам, медведи следуют за ней в горы. Дюпети-Туар, на которого мы слагаем ответственность за достоверность, рассказывает о хитрости, употребляемой медведями для ловли мелкой рыбы. Медведь входит в воду по рыло и остаётся здесь неподвижен. Мелкая рыба, принимая густую шерсть за траву, прячется в ней, и тогда медведь, полагая, что уж довольно набралось рыбы, осторожно выходит из воды, так, чтобы добыча не ушла слишком рано. На берегу он отряхивается и поедает своих гостей.

Медведи здесь так смирны, что камчадалы их не боятся, даже девочки, собирающие на открытом поле сарану, не пугаются присутствия медведя; если он подходит, то это ради клубней, которые отнимает и ест. Медведь никогда не нападает здесь на людей, даже если его разбудят».

Эти-то рыболовные способности и делают охоту на дальневосточных медведей замечательным самобытным видом добычи этого зверя.

С моей точки зрения, медвежья охота на нерестилищах – одна из самых увлекательных охот подобного рода. Смысл её заключается в том, что в августе-сентябре медведи начинают активно посещать места массового нереста лососёвых рыб.

Конечно, сама рыбная ловля у этого зверя выглядит совсем не так, как описывал её французский путешественник, посетивший Камчатку вместе с англо-французской эскадрой во время Крымской войны. Медведи для своих рыбалок чаще всего выбирают какие-нибудь боковые протоки – аппендиксы основного русла, в которые заходит кета и горбуша, чтобы отложить икру и погибнуть. В таких местах иногда вся поверхность воды на многие сотни метров покрыта спинами умирающих рыбин – как кленовыми листьями в тихом пруду петергофских аллей. Но мёртвые и умирающие рыбы не очень интересуют нашего героя – при изобильном подходе он предпочитает ловить живых лососей.

Сама рыбалка протекает у медведя следующим образом: зверь выходит на мелководье и начинает бегать по нему, стараясь придавить лапой ко дну плавающую возле своих «гнёзд» кету. Пойманную рыбу он выбрасывает на берег, в кусты, где потом собирает и уносит на лёжку.

Медведь выходит на реку.

Так как протока имеет обычно два берега – пологий и обрывистый, то медведь обычно предпочитает выходить из леса со стороны обрывистого берега. Места, где постоянно выходят медведи на рыбалку, видны очень хорошо с другого берега – это торные, хорошо обозначенные, вытопанные до черноты тропы. Небольшие медведи могут проводить на нерестилищах круглые сутки, крупные медведи покидают чашу только в сумерках и на очень короткое время – вся рыбалка у них занимает не более десяти-пятнадцати минут.

При охоте на нерестилищах стрелку приходится располагаться прямо на самом открытом месте – непосредственно на галечниковой косе. Поэтому выдержка охотника приобретает здесь самое первостепенное значение. Как я уже писал ранее, зрение у медведя оставляет желать лучшего, поэтому неброско одетую и неподвижную человеческую фигуру он не воспринимает как живое существо. Главное, чтобы от неё не относил ветер человеческий запах.

Дохлая кета на нерестовой протоке.

Фото А. В. Кречмара.

Чаще всего стрелять медведя приходится в сумерках, поэтому надо уделить особое внимание способу прицеливания. В старинных наставлениях многократно описаны биметаллические мушки, забелённая мелом прицельная планка и прочие приспособления, способные выделить прицельные приспособления на чёрном фоне звериной туши в темноте.

Однако самое на сегодняшний день действенное средство из всех разрешённых законом – это светосильный оптический прицел, укреплённый на стволе ружья. Он дарит вам одновременно сразу два преимущества – быстроту прицеливания (прежде всего быстроту, а не точность, как полагает большинство охотников) и сорок лишних минут светлого времени. Однако именно эти минуты чаще всего оказываются решающими – медведи не очень любят бродить в полной тьме и покидают свои дневные убежища на границе дня – в сумерках. А в абсолютной темноте никакой светосильный прицел вам не будет помощником.

Мощные электрические фонари, которые можно установить на ружьё, – как прибалтийская фара «Кабан» и многие сделанные по её образу и подобию самоделки – могут оказывать на медведя самое различное действие. Они могут испугать зверя, так что тот кинется опрометью бежать со «своего» нерестилища и вряд ли когда-нибудь туда вернётся; бывает, зверь, освещённый фарой, некоторое время неподвижно стоит на месте словно заворожённый. И конечно, представляет собой при этом превосходную мишень. А иногда – и мой долг предупредить об этом любителей дальневосточных сафари, – презрев всё, идёт в нападение.

Сам я наблюдал пример крайне агрессивного поведения медведицы, сопровождаемой медвежатами-сеголетками. В конце августа наш катер встал на ночлег в среднем течении реки Анадырь. На глинистых берегах мы наблюдали большое количество медвежьих следов. Поэтому когда в кустах на берегу, прямо возле места стоянки катера, послышался сильный треск, то на катере включили фару и направили её на место, откуда доносились звуки. И почти сразу из кустов послышался низкий рокочущий звук, похожий на шум лодочного мотора, работающего на холостых оборотах. В световом пятне можно было различить небольшую медведицу с маленькими медвежатами, с рёвом прыгавшую на задних лапах, но

не уходившую с опасного места. Луч света буквально приводил её в неистовство. Однако никаких попыток нападения на катер она не предпринимала.

При охоте на медведя у нерестилищ крайне важно пользоваться надёжным оружием с хорошими поражающими качествами. Дело в том, что в темноте точно прицелиться удаётся далеко не всегда, поэтому необходимость во втором выстреле здесь возникает гораздо чаще, чем во всех других ситуациях. Необходимо, чтобы оружие перезаряжалось легко, имело лёгкий спуск и было сделано под мощный патрон. А в остальном – всё зависит от точности и верной руки охотника.

Глава 17 Охота на Тихоокеанском побережье России

В прежние времена был весьма распространён на Тихоокеанском побережье России промысел медведей, пасущихся на литорали или приморских лугах со зверобойных судов или ботов прибрежного плавания. Эта охота затруднительна в первую очередь оттого, что побережье Охотского и Берингова морей почти на всём протяжении представляет собой сплошные скальные обрывы, которые делают практически невозможным причаливание на маленьком судёнышке. Поэтому стрельба по большей части ведётся непосредственно с воды, что неизбежно вызывает появление подранков и при этом используется больше патронов. Вести огонь бывает очень затруднительно, если на море заметно хотя бы лёгкое волнение – мишень постоянно «пляшет» на мушке и очень трудно выбрать момент, когда следует нажать спусковой крючок.

Тем не менее охота на морском побережье пешком чрезвычайно распространена сегодня на Дальнем Востоке, особенно во время проведения трофейных охотничьих туров.

На эту отливную полосу выходят медведи для сбора всякой обсохшей морской живности.

Дело в том, что береговая линия здесь, как правило, представляет собой открытое пространство, чётко очерченное береговым обрывом – клифом. В устьях речек находятся обширные галечниковые пляжи и косы. На участках склонов этих обрывов, обращённых к солнцу, пробивается первая весенняя травка, вдоль берега прилив и прибой натаскивает всякие разнообразные водоросли, трупы морских животных, дохлых рыб и птиц. Два раза в сутки море отступает от береговых скал на сотни метров (а кое-где – на километры). На этой полосе морского отступления – литорали – остаётся невероятное количество всяких живых существ – рачков, крабов, рыб, моллюсков. Галька побережья насквозь заселена бесчисленными рачками-бокоплавами. На обрывах размещаются огромные птичьи базары. Сами скалы в большинстве своём недоступны для хищников, но к их подножиям постоянно что-нибудь падает – яйца, дохлые птенцы, остатки рыбы. Так же как и на Чукотке, береговая

линия Охотского моря представляет собой практически неиссякаемый источник пищи для медведей.

Когда медведь роется в выбросах, подойти к нему довольно просто.

Поэтому проснувшиеся по весне бурые медведи тихоокеанских провинций России спешат на берег, чтобы причаститься к грандиозному пиршеству на вскрывшихся от ледяного панциря морских берегах. Здесь вы можете увидеть за день до нескольких десятков этих зверей. Они пасутся на лужайках ступенек береговых обрывов. Они бродят по ледяному припаю берега. Они утром уходят с берегов на заросшие кедровым стлаником склоны гор, а вечером вновь выползают на галечниковые пляжи, чтобы выкапывать из песка и камней спрятавшихся там рачков.

Как правило, подобные картины можно увидеть только на территориях, не являющихся заповедниками. Дело в том, что на Тихоокеанском побережье России аппарат заповедников стремится извлечь из своей территории максимальную выгоду, что не сказывается положительно на дикой природе, которую они призваны охранять.

Охота на морском побережье чрезвычайно увлекательна и приятна. Прежде всего, она проходит в невероятно красивых местах, которые большинство жителей городов видят только на экранах телевизоров. Во-вторых, берега представляют собой открытое пространство, на котором заметить зверя не представляет особого труда. Да и передвигаться пешком по береговой линии довольно удобно даже для привыкшего к асфальту горожанина.

А вот он насторожился...

Кроме того, вы замечаете медведя издали и можете попытаться рассчитать подход к нему, как шахматную партию, – с учётом направления ветра, поведения зверя, рельефа и изменения погоды.

И самое главное – медведей здесь по-настоящему много!

На Охотском побережье, так же как и в горах, стрелять приходится на довольно значительные расстояния (оговариваюсь, что довольно значительным на медвежьей охоте я считаю расстояние от ста до двухсот метров). Но здесь, так же как и на вершинах гор, медведь часто не может сразу скрыться после выстрела – этому мешает открытый рельеф.

Кроме того, находясь непосредственно на береговой линии, вы можете просто «напустить» на себя увлечёвшегося сбором прибрежного мусора медведя. Тогда мой совет – напускайте его как можно ближе!

На этой охоте надо обращать внимание на следующее обстоятельство – при общем изобилии медведей, в то время как вы скрадываете одного из них, можно не заметить, как в непосредственной близости от вас вылезет ещё один зверь. И, таким образом, вы сами можете стать объектом охоты.

Однажды охота на медведей на Охотском побережье приняла у меня весьма вынужденный характер. Правда, в результате я оказался с хорошим трофеем.

Оператора ГТРК «Магадан» и меня забросили в первых числах июня на попутном вертолётё на заброшенную рыббазу «Сиглан» в 150 километрах к северу от Магадана.

Место было выбрано мной довольно удачно.

База располагалась в эстуарии реки Сиглан, узком заливе шириной километра три и длиной около десяти. Вода из залива во время отлива уходила практически полностью, и по обсохшему дну бродила многочисленнейшая птичья братия. Вдоль залива мне было известно минимум четыре жилых гнезда белоплечих орланов. Неподалёку располагались стоянка древнего человека и большое лежбище нерпы.

А на скалах, прямо в пяти километрах от рыббазы, жили себе снежные бараны и по берегу во множестве бродили медведи.

И одно из самых немаловажных обстоятельств – хотя рыббаза и считалась брошенной, но жил на ней человек, поддерживавший её хозяйство в относительном порядке. Хозяйство было довольно богатое.

Тракторов «Беларусь» – два, тракторов ДТ-75 – один, тракторов С-100 – один, автомобилей ЗИЛ-157 – два, дизель-генераторов – два, одна выброшенная на берег МРС с вполне исправным двигателем и много всего ещё по мелочи.

За это всё добро в Магадане, Владивостоке, Хабаровске и Корее судилось аж пять ООО. Пока же им пользовался один человек – сторож Пётр Косов. Ну и его друзья, при случае.

Мы были друзьями Петра Косова.

Вертолёт взмыл в небо, оставив нас на берегу, мы прошли в дом, где обитал Пётр, – и, чёрт возьми, – при проверке камеры обнаружилось, что она не работает. А запасной у нас не было и не могло быть – и так с великим боем мы забрали единственную камеру с высоким разрешением на колониальной студии, и председатель компании с горечью говорил, что не на что будет снимать губернатора...

Заменить эту камеру или отремонтировать никакой возможности у нас не было. Других авиационных okazji не предвиделось, а тащить дороговую, в десятки тысяч долларов, штуку в распутицу до города смысла не было никакого. Всё равно чинить её надо было не в Магадане, а в крайнем случае в Германии, если не Японии.

Оставалось только ждать обратного рейса вертушки и наслаждаться идиотизмом деревенской жизни.

От нечего делать я начал ходить по окрестностям.

Почти сразу, на первом же выходе, я обнаружил, что почва под кочкарной тундрой ещё не оттаяла до конца и идти по ней ещё пока не то чтобы комфортно, но, по крайней мере, вполне удовлетворительно.

А за Сигланским заливом высились три замечательных мыса – Павловича, Восточный и Евреинова. Один другого обрывистее, живописнее, краше. С баранами, медведями, древними стоянками и прочим приятным антуражем для бродяги. Подумал я, подумал и решил:

«От мыса Сиглан до мыса Павловича по невысоким, почти лысым сопкам – двадцать километров. От мыса Павловича до мыса Восточный по дороге умеренной степени паршивости – ещё около тридцати. И километров пятнадцать между мысом Восточным и мысом Евреинова. Берега там представляют собой высоченные обрывы, от семидесяти до пяти-сот-шестисот метров высотой. Пляжей практически нет – обрывы эти уходят напрямик в Охотское море, образуя так называемые непропуски. Так что дорога вдоль берега моря есть только одна – по краю этих обрывов, где практически везде зверями пробита так называемая столбовая тропа».

Такие тропы имеются по всему Тихоокеанскому побережью Дальнего Востока. Мой хороший друг Володя Мосолов, учитывая снежного барана на Камчатке, прошёл по ним практически весь полуостров с севера на юг.

И пришла мне тогда в голову мысль по этим мысам прогуляться. Времени было хоть отбавляй, погода была вполне установившаяся, комар ещё не вылудился, и такой маршрут обещал выглядеть не более чем курортной прогулкой.

Собрал я тогда вещички – бинокль, пуховый спальник, всё те же тушёнку, сгущёнку, хлеб, чай, сахар (на большее даже не стал претендовать), плащ-палатку, тёплую куртку, фотоаппарат, котелок, мелочь всякую. И так как маршрут обещал проходить по исключительно медвежьим местам, покряхтел-покряхтел да и повесил на себя «Вепрь-супер» и три десяти-местных магазина.

Для выхода на собственно Сигланский мыс мне надо было обойти километров семь изрезанных берегов залива или дожидаться нужного времени и перейти этот же самый залив по отливу в самом узком месте, которое составляло триста метров. Минимальный уровень воды был часа в три дня, я откатал сапоги и пошёл.

Почти сразу же, пройдя по Сигланскому мысу около километра, я натолкнулся на медведицу с тремя медвежатами, собиравшую прошлогоднюю ягоду на тундре. Я был виден издали, хорошо замечен, и звери вприпрыжку убежали от меня на ближайшую сопку.

Обойдя мыс, я заглянул через перегиб склона в первую бухту, которая называется Малый Воргобьян. Малый он был потому, что вторая бухта, за следующим мысом, называлась Большой Воргобьян и была раза в три больше Малого. Что же такое Воргобьян, я не знаю до сих пор.

Так вот, заглянув в этот пресловутый Воргобьян, я увидел на берегу девять малоподвижных крупных бурых зверей, разбросанных на выброшенных на отливную полосу водорослях в пятистах-шестистах метрах друг от друга.

Первой моей мыслью было: «Да, вот надо же, сивучей сюда занесло!».

Дело в том, что сивучи традиционно в этой части Охотского моря лежали только на островах Матыкиль и Завьялова, на материке их ближайшая залёжка была в Хабаровском крае, на полуострове Лисянского, в 300 километрах к юго-западу.

Следы медвежьих раскопок на каменистых пляжах.

Но тут один из зверей сошёл с прибойной полосы и побрёл в горы, чего ни один сивуч не в состоянии сделать физически.

Тут только я сообразил, что имею дело с массовым выходом медведей на берег.

И дело не в том, что я медведей никогда до этого не видел в природе – по характеру моей работы мне пришлось увидеть их, возможно, больше, чем многим сотрудникам зоопарков, – я просто никогда не наблюдал их, собравшихся в таком количестве, на маленьком отрезке земли. Вернее, не так – однажды довелось мне бывать на знаменитых Катмайских водопадах на Аляске, где с одного места я мог видеть восемнадцать мишек. Но там они вели себя очень активно, всё время бегали вдоль берегов, кидались в воду и ловили рыбу. Здесь же они практически неподвижно стояли на самой границе воды и суши, ковырялись в морских выбросах и лишь иногда неторопливо отходили в сторону метров на пять-десять.

Обычно в это время медведи на берегу моря поедают прячущихся в гальке рачков-бокоплавов, вытаскивают в остатках водорослей запутавшуюся в них рыбёшку, ловят бегающих по мелководью крабиков. Берег моря, особенно с его литоралью, является для них неограниченным источником пищи.

Приглядевшись внимательнее, я увидал ещё троих зверей, медленно бродящих в тундре за линией пляжа.

Посчитав боезапас и решив, что, даже если все медведи в этой бухте одновременно двинутся на меня строем, патронов мне при бережном отношении хватит, я, нисколько не прячась, двинулся по краю сопки над бухтой.

Естественно, медведи, от которых я проходил на расстоянии 200–300 метров, преимущественно вообще не обращали на меня внимания. Максимум – слышав шаги, поднимали головы, недовольно пыхтели и снова принимались за своё.

Только один раз круглый бурый самец сделал с пятидесяти метров несколько неторопливых шагов в мою сторону, но после этого снова вернулся к морским выбросам. Две медведицы с медвежатами так и вовсе презрительно проигнорировали меня.

Часов около семи вечера я понял, что попал в довольно неудобное положение. По моему плану я собирался заночевать на седловине хребтика прямо над бухтой. Место там было укромное, дров было полно, но прямо по нему проходила столбовая медвежья тропа! И, несмотря на общее благодушие, царившее на берегу, я ни на секунду не забывал, что у медведей сейчас – время гона. Так что спать бы там, во избежание серьёзных неприятностей, мне бы не пришлось.

Охотское побережье осенью.

С грустью пришёл я к решению, что надо идти подальше от этой «медвежьей высыпки», а значит, подниматься по довольно крутому склону на более высокую гряду.

Вечерело.

Несмотря на то что ночи в это время и в этих местах светлые, я всё же решил убраться из самых медвежьих мест пораньше, тем более что по своему опыту хорошо знаю – в сумерках любой зверь (хоть медведь, хоть заяц) начинает себя вести значительно увереннее, чем днём.

А человек – нет.

Другая вещь смущала меня изначально. Наверху могло не оказаться воды, которой я уже потерял довольно много. Привычки таскать с собой флягу у меня не было со времён чукотских экспедиций. А наверху, на охотских хребтах, оказаться в безводье (относительном, конечно) довольно легко.

Но судя по всему, где-то там должны находиться снежники, которые необходимое количество воды для чая дадут.

Как я всё проклял на этом километровом подъёме!

Снизу он выглядел вполне мирно, однако перед самым верхом начал загибаться в обратную сторону, так что последние сто метров я прополз мелкими галсами, почти что на четвереньках.

Вылезши наверх, тем не менее я был удовлетворён полностью.

Вершина сопки представляла собой мелкощебнистое плато с довольно редкими кустами кедрового стланика. На этом плато блестела пара луж, а субстрат издавал очень громкий хруст.

Место для стоянки я выбрал совершенно открытое (благо, царило полное безветрие). До ближайшего стланика (и то мелкого) было около семидесяти метров, от него я натаскал всякого сушняка, развёл костёр, заварил чай и с высоты около 900 метров начал в своё удовольствие рассматривать открывшуюся панораму – залив Сиглан, Сигланский хребет, над которым садилось солнце, линию побережья и мысы, которые уже начинали таять в фиолетовой вечерней мгле.

Отдохнув таким образом, я разложил спальник, положил карабин с патроном в патроннике рядом с собой на щебень и заснул.

Проснулся я где-то глубоко за полночь оттого, что кто-то в двухстах метрах от меня запустил на полный газ лодочный мотор «Вихрь» на холостых оборотах.

Что за чертовщина, решил я, и тут вспомнил, что в двухстах метрах от меня – кедровый стланик, а не река или море.

Двигатель поработал с полминуты, заглох, затем раздалось характерное пыхтение, шипенье, звонкие хлопки, после чего «Вихрь» завёлся снова.

Тут только я сообразил, что внизу в кустах стланика дерутся медведи.

Вылез я из спальника, оделся, взял в руки карабин, убедился, что на фоне неба я вижу мушку достаточно хорошо, и вновь попытался вздремнуть.

Проклятые звери дрались в стланике до самого рассвета, после чего один из них последовал мимо меня в сторону материка.

В лучах рассветного солнца была видна на его спине полоса сорванной шкуры сантиметров сорок длиной и сантиметров пятнадцать шириной.

Но день ещё только начинался.

Я собрал рюкзак, попил чаю, заменил магазин (патронов стало десять плюс один) и двинулся вниз по хребту.

Выходя на перевальчик, я обнаружил в щётке кедрового стланика мохнатый горб лося. «Интересно, – подумалось мне, – комар ещё не пошёл, а сохатый на берег подался». И тут я обнаружил, что совсем рядом от этого сохатого из кустов выкатился медведь средних размеров.

«Опять, проклятые», – подумал я.

И тут меня уже во второй раз за сутки осенило – то, что я вижу сохатыным горбом, на самом деле – второй медведь, только очень большой.

«Самец с самкой», – смекнул я.

Тем временем большой медведь полностью вышел из кустов. Звери двигались к морю, перпендикулярно моему движению и, как я рассчитывал, должны были пройти метрах в восьмидесяти от меня.

Я нацепил телевик на фотоаппарат и начал снимать, стараясь на таком расстоянии поймать в кадр обоих зверей. Потом самец потихоньку ушёл за перегиб и, мне показалось, начал спускаться к морю.

Подруга его брела гораздо медленнее, и я полностью сосредоточился на ней, рассчитывая сделать нормальный снимок.

Неожиданно (совсем неожиданно, поверьте!) из кустов рядом раздалось очень характерное пыхтение: «Пппх-трр!».

Повернувшись, я обнаружил, что самец, оказывается, ни к какому морю не пошёл. Он пробрал потихоньку под гребнем и вылез обратно на мой склон в десяти метрах от меня.

Я уронил фотоаппарат на мох и тут же выстрелил ему над головой из карабина.

Он качнул своё тело вперёд, и я с ним спорить на таком расстоянии не стал – прострелил его наискось через лопатку (он стоял ко мне вполоборота), и он рухнул как подкошенный. Я перебил ему хребет.

Как я намучился с этой тушей!

Солнце шпарило, как в Сахаре, проклятый зверь весил килограммов четыреста, я его ворочал только потому, что он упал на склоне...

И что в итоге – так я шкуру и не унёс.

Не смог физически.

На базу вернулся на следующий день – после вынужденного отстрела настроение идти дальше уже пропало.

На обратной дороге, в бухте Воргобьян, я встретил ещё штук семь медведей.

Такие случаются «медвежьи высыпки» на Дальнем Востоке в период гона...

Глава 18 Осенняя охота на ягодниках и в кедровом стланике

Другая традиционная охота на бурого медведя в Восточной Сибири проводится также на открытых пространствах, которые заросли невысоким кедровым стлаником, или на обширных ягодниках (см. также главу 4 «Меню нашего героя»). Медведи выходят на эти места во время осенней наживровки. Чаще всего эти высокопродуктивные участки располагаются на речных или приморских террасах, а также в горах – там, где пояс стлаников переходит в горную тундру.

Здесь я хочу сказать, что это отнюдь не значит, что медведей меньше в непролазных высоких зарослях стланика, которые покрывают подножия гор и нижние части склонов. Напротив, там их гораздо больше! Просто в этих местах охотиться на них практически не представляется возможным. Кроме того, один неверный выстрел – и медведь навсегда скроется от вас в зелёной стене хвойных джунглей, и хорошо ещё будет, если вы с ним никогда больше не повстречаетесь.

Наблюдать за тем, как звери выходят на ягодники, лучше всего с какого-нибудь холма или взлобка. Во-первых, такая позиция даёт лучший обзор, а во-вторых – меньше шансов, что зверь понизу схватит струю человеческого запаха.

Северное Приохотье – страна кедрового стланика и ягодников.

На открытых пространствах, заросших голубикой, медведи предпочитают появляться перед самыми сумерками, а то уже и в потёмках. Чаще всего они передвигаются по яго-

никам довольно быстро. Это связано с особенностями их питания. Медведь, в отличие от человека, не собирает ягоды по одной. Он берёт своей мордой весь кустик и обсасывает его губами, отправляя в свою утробу все ягоды, вместе с львиной долей листьев и веточек. Естественно, такой способ сбора, а точнее – объедания, гораздо эффективнее того метода, что практикуется людьми. Поэтому медведь очень быстро переходит от одной плодоносящей куртины к другой, беспорядочно меняя направление движения, но при этом стараясь держаться преимущественно против ветра.

Поэтому стрелять медведя на ягодниках приходится с расстояний больше пятидесяти метров, при этом желательно использовать светосильный оптический прицел.

Подходить к медведю на ягодниках нужно полусогнувшись, стараясь двигаться в тот момент, когда его морда опущена к земле, замереть в то время, когда мишка поднимает голову, чтобы прислушаться и оглядеться. Конечно, зрение у медведя никуда не годится, но тем не менее надо стараться, чтобы ваш силуэт не проявлялся на фоне светлого неба или воды – этот зверь хотя и полуслеп, но совсем не глуп! Он помнит, где и как расположены пни и коряги на его выпасе, особенно если он здесь был не один раз. Так что лучше не подниматься выше общего полога кустов. Кроме того, если вас устраивает размер именно этого трофея, то надо быть готовым стрелять в тот момент, когда он задержится на несколько секунд и насторожится.

Охота в кедровом мелколесье в значительной степени похожа на охоту на ягодниках. Так же как и в предыдущем случае, за выходом медведей из густых кустов лучше наблюдать с какого-либо возвышенного места. Но, в отличие от ягодных грив и бровок, куртины кедрача скрывают медведя, стоящего возле его кустов на четвереньках в полный рост. Поэтому охотник наблюдает медведя, лишь когда он время от времени выныривает из-за кустов или пересекает открытые пространства.

Другая проблема заключается в том, что вы неизбежно теряете зверя из виду, сходя со своего наблюдательного пункта.

Сегодня на таких охотах всё чаще и чаще принято использовать наводку с наблюдательного пункта с помощью радиостанции walkie-talkie. Но здесь надо помнить, что слух у медведя гораздо лучше, нежели зрение. И произносимые в микрофон слова, так же как и весьма характерный треск разрядов, невозможно спутать ни с одним природным звуком. Хуже того – эти переговоры слышны на расстояниях свыше ста метров, что даёт зверю возможность насторожиться и, будучи не замеченным стрелком, потихоньку скрыться с опасного места.

В такой местности охотник выслеживает пасущегося на стланике медведя.

Поэтому идти скрадывать медведя, объедающего кусты кедрового стланика, лучше всего, хорошенько уяснив, куда движется зверь, с тем чтобы оказаться на расстоянии выстрела от его маршрута. Здесь, правда, на стороне охотника то обстоятельство, что через кусты стланика с обильным урожаем зверь двигается гораздо медленнее, чем по ягодникам. С другой стороны, он может появиться на расстоянии выстрела совершенно неожиданно и мгновенно кинуться наутёк. Так что при охоте на стланиках надо быть готовым к мгновенному меткому выстрелу по зверю.

Здесь также надо помнить, что в стланике, как более нигде, нежелательно оставлять способного к передвижению подранка.

Его добор в зарослях может превратиться в серьёзную проблему, чреватую смертельной опасностью.

Спустившись в кусты, где, не торопясь, жирует крупный медведь, охотник весь превращается в зрение и слух. Он обращает внимание буквально на всё – на крики взлетающих птиц, на выскочившего из-под кустов бурундука, на «кукнувшего» в вышине ворона, на подрагивающие вершинки кустов. Обходя стланиковые куртины, вы в любой момент рискуете столкнуться с медведем нос к носу – и тогда судьбу вашей охоты решат только мгновенная реакция и выстрел.

При этом медведь не оставляет вам особой форы по времени – как бы то ни было, он движется быстро и довольно скоро уходит из радиуса действия скрадывающего охотника. Так что действовать при этой охоте надлежит тихо, осторожно и... быстро.

Охота на стланике подразумевает довольно специфическую местность, которая обеспечивает хороший обзор и лёгкую доступность любой точки на обзриваемом пространстве. Ну и, естественно, необходимо, чтобы в районе охоты был в это время хороший урожай шишек. Дело в том, что стланик (как, собственно говоря, и кедр) плодоносит не каждый год, да и в годы обильного урожая шишка плодоносит далеко не везде. Так что, отправляясь на охоту в кедряки, нужно абсолютно точно знать, уродился ли орех именно в этом месте.

Но когда орех уродился или же, что лучше всего, вас угораздило попасть на плодоносное плато среди всеобщего неурожая – вот тут результат может превзойти все ожидания.

Вертолёт забросил нас с венгерским охотником Габором на вершины Сигланского хребта, в восьмидесяти километрах от Магадана. С собой у нас были маленькая палатка «Лотос», спальные мешки и минимум провианта. Базовый лагерь нашей охотничьей экспедиции располагался в двадцати километрах от места нашей высадки, и мы планировали, добыв трофеи, выбираться туда пешком. Конечно, для трофейной охоты с участием иностранца расстояние было несколько великовато, но Габор был сам лесником, владельцем охотничьих угодий и в придачу на редкость здоровым малым. А именно на высотах более километра начиналась горная тундра, на границе которой осенняя охота на стланнике наиболее эффективна. Кроме того, там было довольно много шансов повстречать на скальниках снежного барана – заветной мечты всех охотников за трофеями на северо-востоке Сибири.

Медведь в мелком стланнике – идеальная мишень.

При этом моя хитрость заключалась вот в чём – несмотря на то, что в случае успеха нам придётся нести изрядный груз, весь маршрут будет вести нас «под гору». А если нашим коллегам захочется попытать счастья на соседних высотах, то им придётся тащиться сперва туда, а потом обратно.

Переночевав в палатке, мы со всем нашим скарбом, уложенным в рюкзаки, поднялись на господствующую высоту, с которой открывался вид где-то на двадцать пять квадратных километров горной тундры, гольцов, морен, ледниковых озёр и отдельных кустов кедрового стланика. Небо над всей этой страной стояло высокое и блёклое, как обычно бывает оно на Севере.

Первого медведя я заметил в трёх километрах от нас – словно чёрный таракан он ползал среди кустов, то появляясь, то вновь исчезая в складках местности. Я показал его Габору, но при этом отрицательно покачал головой – с моей точки зрения, он не тянул на трофейный экземпляр. Через двадцать минут недалеко от нас вылезла медведица с двумя изрядно подросшими медвежатами-второгодками. Медведица была маленькая, а медвежата большие, и поэтому, кто из них кто, можно было понять, только наблюдая за тем, как мамаша раздаёт тумачи своим подросшим отпрыскам. Несмотря на то что дети были ростом уже с медведицу, они забивались от её шлепков в кустарник и громко хныкали.

Мы с Габором до такой степени увлеклись наблюдением за этой семейкой, что не сразу заметили в семистах метрах от нас искомого зверя – крупного тёмно-бурого медведя, который, не торопясь, бродил от куста к кусту, нагибал лапами ветви и ртом собирал с них шишки. Габор так и впился в него взглядом, но я не решался кивнуть, потому что пытался как можно точнее засечь местоположение зверя.

Ситуация несколько усложнялась тем, что Габор разговаривал только по-венгерски, который не был похож ни на один из известных мне языков. Но я несколько раз энергично указал, что мы сейчас начнём спускаться по куруму и ему следует держаться поближе ко мне.

Конечно, оптимальным вариантом было бы, если б я остался наверху, а гость попытался бы скрасть медведя среди кустов. Но идеология трофейной охоты очень жёстко ограничивает, что проводник должен всегда находиться рядом с клиентом.

Естественно, спустившись вниз, мы мгновенно потеряли зверя из виду. При этом общая видимость ограничилась сотней метров, которая в прогалах увеличивалась до двухсот.

Я указал Габору, что надо взять винтовку (а у него был Biaser R93 под патрон 300 Winchester Magnum) в руки и взвести шиббер. Одновременно ему надлежало выдвинуться чуть впереди меня.

Сам я снял с плеча мой «Вепрь-супер» и также приготовился к выстрелу.

И мы едва медведя не пропустили!

Он выскочил в двадцати метрах от нас, с другой стороны большого стланикового куста, и опрометью кинулся наутёк.

Габор мгновенно выстрелил – я ещё успел отметить, что он прекрасно стреляет из винтовки навскидку, что, признаться, редкость для большинства гостей, – медведь «харкнул», как они обычно делают это, словив пулю, и исчез в кустах в двухстах метрах от нас. Раздался треск, и всё стихло.

Я показал Габору жестами, что а) надо немедленно дополнить магазин патроном и б) переместиться позади меня. По звуку попавшей пули, рывканию медведя и его положению в момент выстрела было ясно, что ранен он тяжело и поэтому скорее всего сейчас попытается свести с нами счёты.

Я решил, что пока кусты не сомкнутся, Габор будет сопровождать меня замыкающим, а если придётся лезть в стланик всерьёз, то надо будет отвести его подальше, разбить, не торопясь, лагерь, приготовить обед, а затем в одиночку начать преследование.

Но пока я строил планы, впереди, в русле ручья, заросшем ольхой, раздалось рычание, и медведь попытался выскочить на нас с расстояния в тридцать метров. Я говорю «попытался», потому что таз у него был повреждён пулей и он выбежал вперёд на одних передних лапах – вполне шустро, но недостаточно для того, чтобы увернуться от второй пули.

Так вот – Габор прострелил медведя из своей сверхмощной винтовки через круп почти до грудины вдоль туловища. Пуля на своём пути разбила почки, печень, повредила тазовую кость и лёгкие. И тем не менее, если бы не повреждённый таз, медведь с такими ранениями мог уйти весьма далеко и у нас было много шансов его потерять, ибо входное отверстие пули под этот патрон даёт не больше крови, чем дырка от СКСа.

Длина медведя от кончика носа до кончика хвоста была два метра пятьдесят пять сантиметров.

Глава 19 Охота на приваде

Охота на медведя на приваде, т. е. возле мест искусственной прикормки, также является традиционной российской медвежьей охотой.

Я немного коснулся особенностей этой охоты, когда говорил об охоте на медведя с лабаза. Но на территории Восточной Сибири охота на приваде довольно разнообразна и строительства лабазов, как правило, не предусматривает. Охотник скрадывает медведя возле привады с подхода, а если и устраивает возле неё засидку, то обычно располагает её на земле, на склоне холма или на бровке берега – так, чтобы находиться чуть выше предполагаемой мишени.

Дневной подход к приваде обусловлен обычно нежеланием охотника стрелять в темноте. В большинстве случаев, должен сказать, практика стрельбы в сумерках, если человек не подстрахован фарой «Кабан» или прицелом ночного видения, заканчивается ранением зверя. А подранка потом предстоит добирать, и не всегда этим занимается сам стрелок...

Поэтому привада обычно выкладывается довольно специфическим образом. Она помещается возле отдельно стоящей куртины кустов, с тем чтобы до ближайшей чащобы было не менее двухсот метров. Привадой могут служить павший олень, лось, сивуч, какая-либо домашняя скотина или закатанная в бочку или алюминиевую флягу прошлогодняя тухлая рыба (такая пахучая приманка называется попросту «вонючкой»). Для подготовки привады действует несколько очень простых правил – привада должна быть большая, она должна вонять, и её должно быть очень затруднительно сдвинуть с места. Последнее обычно обеспечивается тем, что туша или ёмкость привязывается к каким-нибудь корням капроновым фалом или стальным тросом.

Дело в том, что медведь, при своей титанической силе, способен переместить в маломальски удобное для себя место (а таковым он почитает любое место, где он будет в момент обеда полностью укрыт от посторонних глаз) зверя ЛЮБЫХ РЕАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ – т. е. кого угодно, за исключением крупного колымского лося, моржа или кита.

Выкладке собственно привады предшествует ещё и прикормка.

В качестве прикормки выступают или мешки с потрохами, или куски мяса морского зверя, или просто кучи рыбы, которые выбрасываются на месте будущей привады. Они должны заставить зверя обратить внимание на это место и побудить его проверять этот район при каждом обходе его индивидуального участка.

Когда становится понятно, что зверь всерьёз заинтересовался постоянно подновляемой прикормкой и поселился поблизости, тогда и наступает очередь собственно привады.

Привада доставляется на место с помощью снегохода, грузовика, трактора или вельбота. Иногда охотник загоняет какую-нибудь крупную скотину, например лося, и убивает его прямо на необходимом месте.

Когда медведь начинает посещать приваду ежедневно, тогда охотник и предпринимает попытку с ним покончить.

Самым гарантированным способом добыть зверя на приваде считается всё-таки засидка. Она устраивается в нескольких десятках метров от привады – от десяти до пятидесяти, но никак не дальше. Засидка организуется так, чтобы под прицелом была не только приманка, но и ближние подходы к ней. Опытные охотники даже выкладывают приманку на фоне чего-нибудь светлого – очищенных древесных стволов, а лучше всего – снежника. На этом фоне силуэт подошедшего зверя хорошо прорисовывается и даёт возможность выстрелить.

Охотнику надо помнить, что выходящий к приваде медведь, если он знает, что его подкарауливают, мгновенно становится одним из самых бесшумных животных мира.

Была осень на реке Убиенке, притоке реки Анадырь, что на Чукотке. Отец мой, Арсений Васильевич, отстрелял лося прямо на берегу реки и на обширном песчаном приплёске оставил лосиные потроха. Место это было недалеко от экспедиционного лагеря, и его можно было проверять каждый день на случай, если туда повадятся ходить медведь.

Медведь действительно появился там спустя несколько дней.

Отец выбрал вечер, взял девятимиллиметровый карабин «Медведь» и сделал засаду на противоположном берегу речки, где-то в восьмидесяти метрах от привады.

Место для засады он выбрал в исключительно густом тальнике, расстояния между стволами кустов были сантиметров около десяти. К тому же куртина эта простиралась метров на пятьдесят в радиусе от засидки.

Поместив себя, таким образом, в деревянную клетку, он затаился и стал ждать прихода зверя.

Смеркалось. Как бывает обычно на Севере, перед самым закатом солнца всё стихло до стеклянно-звнящего молчания. Уже позже оно начнёт нарушаться криками птиц, устраивающимися на ночлег, шуршанием полёвок в траве и плеском рыбы на перекатах.

Ничего не происходило.

Когда отец полуобернулся (он клянётся, что его *что-то* заставило это сделать – не шорох и не треск), то увидел медведя в десяти метрах от себя, напряжённо вглядывающегося в человека.

До сих пор он не понимает, как зверь мог совершенно бесшумно преодолеть всё это хитросплетение сучьев, не издав при этом ни единого звука.

Естественно, когда отец бросил на него взгляд, топтыгин развернулся и бросился наутёк, круша всё на своём пути, словно автомобиль, свернувший на обочину в парковые насаждения.

Ожидание зверя на приваде похоже на то, что испытываешь при охоте на нерестилищах, поэтому я на самом процессе подкарауливания останавливаться не буду.

Охота на приваде «с подхода», с моей точки зрения, даже более интересна, чем охота из засидки. В ней сочетается как активный, так и выжидательный элемент.

Охотник удостоверяется, что медведь устраивается на отдых в непосредственной близости от привады. После чего устраивается на месте с хорошим обзором и пытается определить место его отдыха. Затем подходит к нему, держа под наблюдением возможные пути отхода и готовый к мгновенному быстрому выстрелу.

Чаще всего медведь встаёт с лёжки и старается незаметно скрыться. В случае если стрелок правильно определил место его отдыха, он видит его две-три секунды во время подъёма. Этого и должно хватить ему для того, чтобы послать пулю.

Другой случай очень интересной охоты на приваде с подхода произошёл там же, на реке Убиенке.

Трудно сказать, по каким причинам, но на одном из поворотов этой реки, в густых кустах на берегу, сдох огромный лось. Сдох он совершенно сам по себе, видимо, от какой-то неизвестной миру лосиной болячки, потому что мы ежедневно проезжали через это место на двух снегоходах и не встречали следов ни волков, ни медведей – единственных хищников, способных при определённых обстоятельствах справиться с этим великаном. Мы оглядели закоченевший за ночь труп, решили, что с места его не стронет никакая земная сила, и оставили лося на месте.

Должен сказать, что труп крупного зверя на Севере становится центром притяжения почти всего хищного и трупоядного населения в радиусе нескольких километров. Мы ежедневно проезжали мимо, и так же ежедневно встречали убегающих от него росомх, лисиц, впусгивали орланов...

А затем наступила распутица...

Мы перестали ездить на снегоходе, но мысль о том, что на эту приваду может прийти медведь, никому не давала покоя.

Мой товарищ сделал попытку посетить это место в какой-то из тёплых дней, но намокшие лыжи не выдержали тяжести его тела, сломались, и он с трудом вернулся обратно.

А потом (1 июня – я даже запомнил это число!) ударили заморозки.

Мы оседлали наших механических коньков-горбунков и поехали к приваде. К самому лосю мы подъезжать не стали, а остановились где-то в километре от него. Мой товарищ снова надел лыжи и двинулся по насту. Я остался ждать возле снегохода.

Вообще, во всех наставлениях категорически не рекомендуется охотиться на медведя в одиночку. Но мой опыт, опыт очень многих восточно-сибирских и дальневосточных охотников говорит о том, что одиночная охота на этого зверя (как и на подавляющее большинство других) – самая эффективная. Просто один человек, во-первых, производит вдвое меньше шума, нежели двое, и, во-вторых, один человек в принципе более эффективен, когда ему не надо считаться с кем-то ещё.

Итак, я остался ждать возле «Бурана».

Неожиданно я услышал окрик, сразу за ним выстрел, а следом за ним – ещё два.

Когда компаньон вернулся, он рассказал следующее. Вышел он не сразу на приваду, а на обтаявшую кромку берега в двухстах метрах от места упокоения сохатого. Там он снял лыжи и пошёл по оттаявшей прошлогодней траве, т. е. абсолютно тихо.

Неожиданно метрах в сорока от себя в кустах он заметил торчащие вверх конечности.

Первая его мысль была – вот же медведь, скотина, тушу утащить не утащил, а перевернул!

Затем он снял с плеча карабин с оптическим прицелом и взглянул на тушу. И, к своему изумлению, увидел, что лапы-то – с когтями!

Следующая мысль у него была – это отчего ж это сохатый мог откинуть копыта, что и поевший его медведь тоже сдох?

Не отнимая от плеча карабина, он на всякий случай крикнул.

Лапы исчезли, и вместо них тут же появилась голова размером с днище от бочки из-под бензина.

Медведь просто отдыхал, грея пузо на солнце.

Дело решил один выстрел в шею, перебивший позвоночник.

Это был самый крупный медведь, которого мне довелось видеть, – его длина (не шкуры) составляла два метра девяносто сантиметров.

Трофейные гиды Камчатки сняли бы с него шкуру как с трёх с половиной метрового...

Глава 20 Вертолётные охоты олимпийцев

Перед Московской Олимпиадой 1980 года на Дальнем Востоке проводилась широкомасштабная акция по добыче медведей с вертолёта. Таким образом московские власти хотели обеспечить национальным деликатесом рестораны и столовые столицы Олимпийских игр. Представляете – шашлык из мяса эмблемы Олимпиады-80!

Этот отстрел на территории Магаданской, Камчатской и Сахалинской областей в «порядке исключения» проводился с использованием вертолётов. Так была узаконена практика браконьерского отстрела медведей с воздуха. Но только она могла дать мгновенный результат в массовой добыче такого опасного и трудоёмкого в добывании зверя. Справедливости ради стоит сказать, что в Магаданской области этот вид охоты практиковался только в 1980 году, но не из особой любви к природе вообще и к бурым медведям в частности, а просто из-за нерентабельности этого вида убийства. Дело в том, что в весеннем Приохотье снега не очень много, и случайно замеченный на снегу медведь успевал скрыться в оттаявших кустах стланика.

На Камчатке, где снежный покров гораздо мощнее, чем в Магаданской области, и медведю некуда деться от вертолёта на обширных снеговых полях, этот способ, напротив, прижился и в течение десяти лет разрешался, как всегда, в порядке исключения.

А затем...

Затем наступил 1991 год и всё, что за ним последовало... Охотничьи туры для иностранцев, визиты «очень важных», «очень-очень важных» и прочих персон на Дальний Восток России превратились из исключительных мероприятий в элементы повседневной жизни. И вертолётные охоты стали чуть ли не неотъемлемой их частью.

МИ-8 – основной вертолёт постсоветского пространства.

Волей-неволей мне пришлось присутствовать на нескольких таких охотах для персон из категории «ну очень важных».

Впечатления?

Да самое главное из них – удивительно, что сам жив остался.

Посидев в вертолёте, на борту которого гуляет «по-сизому» такой вот VIP, удивляешься, что случаи, подобные недавним вертолётным катастрофам с известными всей стране персонами, происходят ещё довольно редко.

Когда ничего не соображающий правительственный чиновник сидит в салоне МИ-8 с заряженным Blaser R93, со взведённым шибером, патроном, досланным в ствол, а ствол уставлен в потолок, где над нашими головами находятся редуктор и ротор, меня бросало в дрожь гораздо сильнее, чем при ежесекундном ожидании медвежьей атаки в кустах кедрового стланика. Любые попытки деликатно повлиять на ситуацию (в смысле – изъять оружие или хотя бы спустить шибер) решительно пресекаются вооружённой охраной («К кому лезешь, паскуда, не видишь, что человек отдыхает»), а «человек», возбуждённый неожиданно свалившейся на него свободой, открывает вдруг блистер и с идиотским хохотом наугад начинает палить в сопки, тайгу и просто Охотское море...

При этом должен заметить, что, в любом случае, эти люди с вертолёта стрелять не умели.

На самом деле это занятие, как и любое другое, требует определённых специфических навыков, освещать которые не входит в задачи этой книги. Но, должен заметить, во всех известных мне браконьерских экипажах за стрельбу с воздуха всегда отвечал один и тот же «специально обученный человек» – бортмеханик, т. е. человек, ответственный за техническую безопасность полётов.

Должен сказать, что первыми спохватились, как всегда, иностранные правоохранительные органы. Естественно, людям свойственно хвастаться и «закладывать» друг друга. В результате этих перекрёстных доносов и хвастовства у американского Департамента дикой природы уже в 1994 году был на руках изрядный список охотничьих компаний, которые устраивали охоты с воздуха для американских граждан. Было сделано несколько попыток привлечь к ответственности стрелявших с вертолёта людей. Естественно, безрезультатно...

Однако вертолётные охоты именно на медведя (я не говорю о снежном баране и колымском или камчатском лосе) потихоньку потеряли свою былую интенсивность. Дело здесь, прежде всего, в высокой обучаемости этих зверей. Крупные самцы – те, что составляют основную долю трофеев, – просто научились вести себя при звуке вертолётных двигателей с осторожностью афганских партизан.

Вертолет МИ-4 – основная «боевая машина» советских геофизиков и геодезистов до начала 1980-х годов.

Это ведь только человеку, никогда не сталкивавшемуся с дикими животными с птичьего полёта, кажется, что нет ничего проще охоты с воздуха.

Дело в том, что крупный медведь (а трофейный размер медведя начинается с общей длины зверя в 210 сантиметров, т. е. 7 футов) потому и крупный, что дожил до своего возраста и смог достигнуть своих размеров. А значит, он совсем не дурак. Поэтому во время вертолётных облётов на глаза чаще всего попадают мелкие звери или самки с детёнышами. Крупные же самцы стремятся скрыться в россыпях камней, в зарослях стланика, в лесу. Чаще всего для того, чтобы остаться незамеченным, зверю просто достаточно не шевелиться.

Я вспоминаю, как один из ветеранов вертолётных охот в Магаданской области потратил 11 лётных часов, облетая самые известные ему «медвежьи» места. И не встретил ни одного зверя, имевшего приемлемые трофейные параметры. Одновременно с ним я проводил «пеший» тур для четырёх охотников в этом же районе. И мы, без особых приключений, добыли четырёх крупных самцов от 210 до 260 сантиметров длиной.

Глава 21 Медведь: как стрелять в него на охоте

Как стрелять на охоте медведей – вопрос относительно несложный, но тем не менее довольно дискуссионный.

Многие охотники говорят о стрельбе по лопаткам, в переднюю часть груди, мой знакомый юкагир Миша Гунченко, один из лучших известных мне охотников, принципиально стрелял их только в голову...

Словом, считается, что вариантов здесь довольно много.

У меня на этот счёт есть устоявшееся и очень твёрдое мнение: единственный выстрел, который вызывает мгновенную и стопроцентную гибель зверя, – это поражение передней трети позвоночника и головного мозга.

Должен сказать, что во всей обитаемой вселенной найдётся не более пяти вещей, в которых я был бы уверен так же твёрдо, как в этой.

В то же время выстрел в голову медведя в охотничьей практике считается одним из самых... не неверных, а сомнительных, что ли...

Дело в том, что медвежья голова – это не только череп и заключённый в нём мозг. Это и вытянутое вперёд рыло, и мощные скуловые мышцы, образующие так называемые щёки, и так называемый саггитальный гребень, который растёт сверху черепа и к которому скуловые мышцы крепятся, и гортань, и висящая под гортанью кожистая складка... иными словами, общая площадь области надёжного поражения на медвежьей башке равна площади прямоугольника размером двадцать сантиметров на пятнадцать.

Очень наглядный случай, связанный со стрельбой медведя по голове, произошёл в Южном Сихотэ-Алине.

Гражданин В. шёл по старому лесовозному волоку, имея при себе традиционный трёхлинейный карабин. Дорога, которой давно уже не пользовались и которая поэтому преизрядно подзаросла мелким ивовым подлеском, шла вверх по склону, изгибалась. Неожиданно за поворотом В. увидел огромного бурого медведя, шедшего ему навстречу. Расстояние до медведя было около пятнадцати метров. Медведь, совершенно не колеблясь, сразу кинулся вперёд. У В. хватило времени только на то, чтобы снять винтовку с плеча, дёрнуть затвор и выстрелить зверю в голову. После чего он (В., а не медведь) развернулся, опрометью бросился к ближайшему дереву и заскочил на него.

С дерева В. увидел, что медведя на тропе нет. В кустах что-то шевелилось, трещало, пытело, затем стихло.

В. просидел на дереве до утра – он был абсолютно уверен, что попал в зверя с пяти метров. Утром к этому месту подошёл обходчик. Вместе они вернулись в деревню, взяли двух собак и пошли по следу.

На месте попадания они обнаружили несколько сгустков крови и обломанный зуб.

Пройдя по следу метров тридцать, они нашли лёжку медведя – крови на ней было немного, потом с собаками они протропили его около километра, после чего потеряли.

Предполагается, что В. попал ему в голову, в конец морды. Видимо, она разворотила зверю рыло (пуля была полуоболочечной), «сыграла» в сторону и «ушла» или вообще «за корпус», или по неубойным местам.

После чего медведь ещё подождал некоторое время В. под деревом, потом ему это занятие надоело (или он услышал приближающегося обходчика) и он ушёл.

Это очень наглядная иллюстрация на тему, как даже при всех на первый взгляд идеальных составляющих может повернуться ситуация на охоте. Оружие – кавалерийский карабин, в мощности которого на коротких расстояниях никто не сомневается. Дистанция стрельбы – пять метров. Попадание – в голову... И в итоге? Подранок, который ушёл за несколько кило-

метров. Кстати, впоследствии этот медведь пропал – как предположил охотовед, видимо, умер от заражения крови или от невозможности принимать пищу.

Зона гарантированного поражения при выстреле навстречу («в штык») из гладкоствольного оружия.

Это столкновение на первый взгляд можно отнести к неспровоцированным. Анализируя его более подробно, мы приходим к выводу, что состоялось оно: а) во время гона, когда звери наиболее агрессивны; б) медведь был застигнут врасплох, так же как и человек; в) это был самец огромных размеров – ширина мозоли передней лапы девятнадцать сантиметров, что соответствует примерно четырёмстам килограммам веса. Такие звери чувствуют себя в тайге смелее всех и при неожиданных встречах предпочитают переходить в нападение.

Опытные медвежьи охотники считают одним из лучших выстрелов по медведю выстрел «повдоль» – когда медведь стоит «в штык» или задом к охотнику. Дело в том, что по законам физики разброс у нарезного оружия имеет в основном вертикальное направление, а позвоночник при этом ракурсе тоже вытянут вдоль. А так как столб позвоночника имеет ширину около пятнадцати сантиметров, то при таком выстреле площадь поражения центральной нервной системы относительно велика.

Но если вы даже и не попадёте по позвоночнику, пуля из мощного нарезного оружия, пробивая зверя вдоль, проходит через печень, лёгкие и другие весьма важные органы – так что такое попадание довольно часто оказывается смертельным.

Выстрел, при котором у медведя повреждается тазовая кость, тоже, без сомнения, следует признать за очень удачный. На современном охотничьем жаргоне это называется «перебить кардан», а в эпоху карет и дилижансов называлось «вышибить ось». На самом деле эффект получается очень похожий – зверь мгновенно оседает на задние лапы и бежит на передних, волоча заднюю часть туловища за собой. Раненный таким образом медведь, правда, тоже представляет собой определённую опасность – на передних лапах он бежит

достаточно быстро, а бьёт ими с быстротой атакующей кобры. Но в большинстве случаев добить его не представляет особого труда.

Но в мире ничто не совершенно! Существует такой вид попаданий, который на первый взгляд выглядит верхом эффективности. В результате медведь отделяется незначительным ранением и испугом, а охотник теряет добычу и, в случае если медведь переходит в атаку, – голову. Я говорю о попадании по остистым отросткам позвоночника.

Дело в том, что позвоночный столб представляет собой систему позвонков, в которую заключён спинной мозг и из которой в три стороны торчат концы. Те, что подлиннее и направлены по бокам и вниз, называются рёбрами, а те, что торчат вверх и покороче, – остистыми отростками. Именно эти остистые отростки и поддерживают так называемый горб зверя – участок корпуса, к которому прикреплены лопатки. Попадание по остистым отросткам, вернее его первичный эффект, выглядит совершенно потрясающе: огромный зверь мгновенно падает, как ковёр, будто, по меткому выражению одного из охотников, «из-под него землю выдернули». Но эффект этот длится считанные секунды, а затем зверь вскакивает и удирает (или нападает) как ни в чём не бывало.

Зона гарантированного поражения при выстреле навстречу в другом ракурсе из нарезного оружия.

Просто от удара по остистым отросткам шок передаётся на спинной мозг, и зверь теряет возможность двигаться – его парализует. Но шок этот через одну-три секунды проходит, а сама рана в мускульной ткани не представляет ничего серьёзного.

Смертельны ранения «по брюху» – зверь в конечном итоге умирает от перитонита. Такие раны обычно получают при стрельбе по бегущему зверю, когда охотник запаздывает с прицелом.

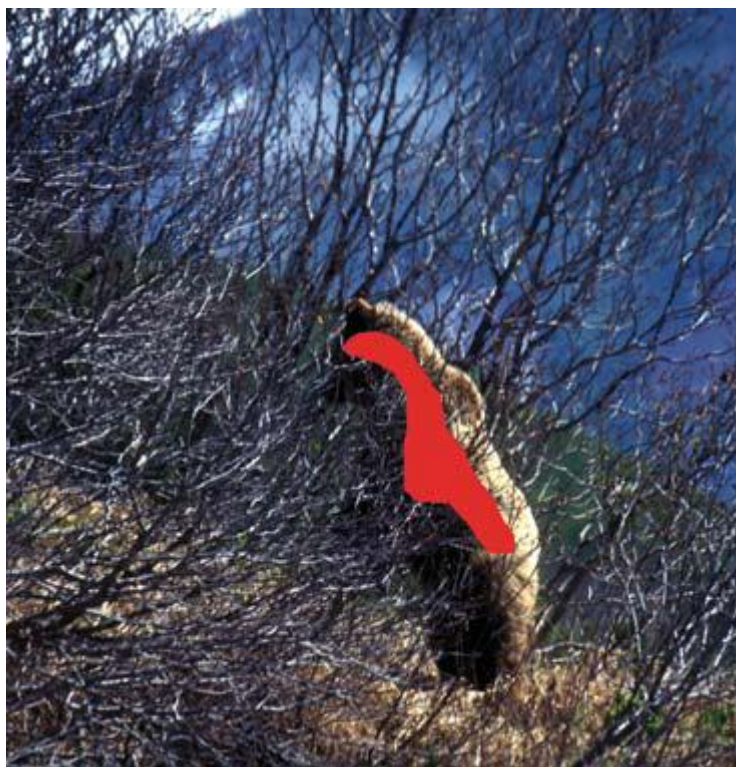
Выстрел в район диафрагмы чаще всего смертелен, но, прежде чем погибнуть, зверь способен пробежать или пройти значительное расстояние. Но смерть в этом случае наступает быстрее, чем если пуля пройдёт по кишкам или желудку, – медведь умирает на расстоянии двух-трёх километров, в то время как зверь, стрелянный «по брюху», может уйти за десять и более километров.

Зона гарантированного поражения при выстреле по медведю с опущенной головой.

Существует такой очень распространённый выстрел, как выстрел «по лопаткам».

Про него я должен сказать следующее. К сожалению, такой выстрел в 70 процентах случаев не задевает те внутренние органы, попадание по которым обеспечивает смерть животного на расстоянии ста – ста пятидесяти метров. Практика показывает, что медведь с пробитыми лёгкими уходит... Да бог его знает, как далеко он уходит, я даже иногда допускаю, несмотря на возможные дружные протесты охотничьей общественности, что и выживает. Повреждения самих лопаточных костей тоже, как правило, не сказываются на возможности зверя с максимальной скоростью уйти с места выстрела. С пробитыми лопатками зверь несётся с той же скоростью, что и будучи цел. Я полагаю, дело здесь в том, что пуля лопаточные кости не ломает или дробит, а именно пробивает, так что своих функциональных качеств они не теряют.

Зона гарантированного поражения при выстреле по медведю, стоящему столбиком сбоку.

Особо мне хочется сказать про очень распространённые выстрелы «сверху вниз» – с лабаза, с берега, со склона горы. Позицию «добыча внизу» любой хищник (человек в том числе) выбирает практически автоматически. Это прицеливание несколько специфично и требует определённого опыта. Сердце у четвероногого зверя находится в нижней трети туловища, поэтому повреждения сердца при стрельбе сверху довольно маловероятны, особенно если учесть, что оно невелико по размерам. Другой важный орган, поражение которого вызывает мгновенную смерть, – это позвоночный столб. При ракурсе «несколько сверху» угадать его размещение на туше довольно сложно. Таким образом, и получается классический «грудной подранок» – битый по грудной клетке медведь с пробитыми лёгкими, который уходит от места выстрела на километр и более. Ракурс заманчивый, но рискованный.

Зона гарантированного поражения при выстреле по медведю, стоящему боком.

Один из лучших выстрелов по идущему или стоящему зверю – выстрел наискось, впол-оборота, при точке прицеливания по грудному бугру. Надо помнить, что здесь лучше прицел несколько занижить – больше шансов зацепить сердце. Но даже битый по сердцу зверь может успеть пробежать расстояние, достаточное для того, чтобы снять с вас скальп. Или голову.

Во время охоты мой отец однажды столкнулся со случаем, когда медведь, у которого было пробито сердце, пробежал ещё сто пятьдесят метров, покуда не издох. Произошло это в среднем течении Анадыря в осеннее время.

Отец вместе с лаборантом собрались посетить место отстрела лося в надежде застать там медведя. Останки сохатого лежали в ста метрах от берега. Между привадой и рекой находились невысокие – метра в два – густые заросли ивняка. Когда люди подошли к краю этого живого бордюра, над метёлками ивовой поросли возникла голова крупного медведя, поднявшегося на задние лапы. Опасаясь, что зверь испугается и убежит, отец выстрелил сквозь кусты по его корпусу.

Впоследствии оказалось, что полнооболочечная пуля от армейского патрона, заряженного в немецкую трёхстволку, «сыграла» об ветки и никуда не попала. Но в следующие секунды людям показалось, что это совсем не так.

Медведь опустил на четыре лапы и кинулся вперёд, на вспышку выстрела, издавая при каждом скачке отрывистое глухое рывканье. Видно было, что мускулистый корпус зверя прорывается сквозь кустарник, словно торпедный катер сквозь волны морского прибоя.

Выскочив на опушку, медведь, уже в пятнадцати метрах от поджидавших его людей, вновь поднялся на дыбы. Видимо, он хотел сориентироваться получше, но эта остановка отразилась на его судьбе роковым образом. Отец всадил ему пулю в середину груди, и медведь, развернувшись на месте, кинулся бежать в обратную сторону.

Уже смеркалось, и отец не решился преследовать раненого зверя. На следующий день он вернулся и прошёл по следам целых сто пятьдесят метров, прежде чем наткнулся на труп. Медведь был мёртв, пуля пробила ему сердце.

Поэтому полную остановку зверя может гарантировать лишь попадание в органы центральной нервной системы – головной мозг и спинной хребет. Но так как убойная площадь этих органов очень невелика – например, площадь эффективного поражения головы составляет менее 30 процентов её общей площади и на практике не превышает площади тела летящей утки (а мало кто может похвастаться проверенной способностью стрелять уток пулей влёт), то по традиции наилучшим выстрелом в нападающего зверя считается выстрел по грудной клетке зверя – по «коробке».

Здесь надо учитывать, что стрельба по атакующему зверю очень трудна, так как медведь нападает обычно с короткого расстояния, при этом летит скачками со скоростью брошенного футбольного мяча. Это чисто технические трудности, возникающие при стрельбе, но кроме них есть ещё и другие. Медведь бросается вперёд, полностью используя внезапность, психологически подавляя противника рёвом и устрашающим видом. За считанные секунды необходимо прийти в себя и точно выстрелить по быстро надвигающемуся чудовищу.

Выстрелом в грудь зверя вы в большинстве случаев достигаете главного: задерживаете, пусть даже на секунды, его на месте. Это происходит из-за того, что удар пули 12-го калибра или трёхлинейной винтовки можно сравнить с ударом молота весом в триста килограммов. Вдобавок, попадая в центр (или рядом с центром) «коробки», вы повреждаете и разрушаете важнейшие жизненные органы – лёгкие, сердце, артерии, расположенные все недалеко друг от друга, а при некотором везении и позвоночник.

Оранжевое пятно – точка попадания. Белое пятно – точка прицеливания.

Правда, если пуля не нанесла зверю рану, от которой он скончается через несколько секунд, то, безусловно, медведь попытается подняться и свести с вами счёты. Тогда в запасе у стрелка имеются одна-три секунды для следующего выстрела. Что тоже отнюдь не плохо.

Если после первого выстрела зверь неподвижно застыл, хорошему стрелку можно порекомендовать сделать следующий выстрел в голову или шею: они гарантируют мгновенную смерть. Если же стрелок не до конца уверен в себе, то следующую пулю ему стоит направить туда же, куда и первую, – в середину грудной клетки. Не боясь показаться нудным, я повторю, что при первой же малейшей возможности надо сразу же перезарядить оружие. Чем больше патронов в ваших стволах и магазине, тем выше ваш шанс! Кашу маслом не испортишь!

Если раненый медведь попытается подняться, стреляйте немедленно! Основная задача стрелка – не дать раненому зверю сойти с места. Патронов здесь жалеть не стоит! Экономия может обернуться вашим увечьем!

Прежде чем подойти к подстреленному медведю, проверьте, точно ли он убит. Тело мёртвого зверя должно быть расслабленным, уши подняты. Подходить к зверю надлежит сзади, лучше произвести контрольный выстрел посередине шеи и перебить позвоночник.

На основе здравого смысла, некоторого знания повадок зверя и чужих (да и собственных) ошибок можно составить краткие Правила техники безопасности при охоте на бурого медведя.

1. Первое правило гласит: лучший способ избежать нападения медведя на охоте – это не стрелять в него.

2. Безопаснее всего стрелять в медведя, который с самого начала тебя не видит.

3. Стрелять в медведя лучше всего с возможно ближайшего расстояния – это гарантия того, что ваш выстрел будет точен и пуля ударит медведя с максимальной энергией. Независимо от того, какое оружие в ваших руках – дробовик или винтовка.

4. Максимальная дистанция стрельбы в медведя из наиболее мощного оружия не должна превышать двухсот метров.

5. Выцеливать зверя следует таким образом, чтобы убить его наповал.

6. Лучше не стрелять по зверю в таких местах, где он после первого выстрела может исчезнуть: в кустах и около них, на гребнях сопок, в сильно пересечённой местности. Вообще, местность, на которой стреляют в медведя, должна быть по возможности более открытой: чтобы можно было всегда сделать, по крайней мере, ещё один выстрел.

7. При охоте в горах не стоит стрелять в зверя непосредственно на одной линии над и под ним. Спугнутый, а также легкораненый медведь, как правило, уходит наверх, по самому крутому склону и к самой высокой вершине. А получивший тяжёлую рану – скатывается вниз с огромной скоростью, так что никому не рекомендую оказаться у него на пути.

8. Подходить к убитому зверю следует с осторожностью: желательно контрольным выстрелом перебить шейные позвонки.

Ещё раз повторю, что бурый медведь, безусловно, является самым опасным зверем наших краёв, и при охоте на него требуется соблюдать исключительное хладнокровие, иметь быструю реакцию и хорошую физическую подготовку. На этом основании следует запретить выдачу лицензий людям случайным, не имеющим должного охотничьего опыта, берущим разрешение на отстрел так, на всякий случай. Не считая того, что эти люди подвергают опасности собственную жизнь, они могут навлечь риск и на других людей в случае, если этим горе-охотникам не удастся убить зверя на месте и он, раненный, уйдёт. Такой зверь представляет самую серьёзную опасность – наравне с шатуном.

ЗАПОМНИТЕ!

**РАНЕНый МЕДВЕДЬ – ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ ЗВЕРЕЙ,
КОТОРЫЕ, БУДУЧИ ПОДСТРЕЛЕННЫМИ,
МОГУТ ПЕРЕЙТИ К «ПАРТИЗАНСКИМ > ДЕЙСТВИЯМ.**

Поэтому все без исключения медведи-подранки должны отстреливаться самими охотниками или органами государственного охотнадзора и поиски их должны вестись до момента их обнаружения или до тех пор, пока охотинспекция не получит каких-либо иных подтверждений того, что раненые звери не представляют опасности. Охотник, оставляющий подраненного медведя и не оповещающий об этом местное население и госохотинспекцию, совершает преступление.

Есть ещё одна опасность на медвежьей охоте: её, как правило, недооценивают новички, но, уверяю, она нисколько не меньше той, которая исходит от раненого медведя. Помните, что за вашей спиной находится вооружённый человек!

Глава 22 Медведи и оружие

Спор о том, каким оружием быстрее и проще отнимать жизнь у зверя, почти столь же древен, как и спор о самом большом медведе. По ходу моего рассказа я упоминал то один, то другой, то третий аппарат для убийства этого крупного и опасного зверя. В этом отношении наши предки мыслили чрезвычайно гибко и проявляли изумительную изобретательность. Создание нового оружия во все времена занимало лучшие умы человечества.

Попробуем перечислить уже упоминавшиеся мной приспособления.

Первым изобретением на длинном пути, ведущем к винтовке с оптическим прицелом, было копье с кремнёвым наконечником.

По своему значению это был потрясающий прорыв в будущее – путь от простой палки до палки с прикрученным к ней острым камнем гораздо длиннее пути от первобытного копья до сверхзвукового бомбардировщика.

Каменное копье служило человечеству очень долго – ещё когда египетские и хеттские воины поражали друг друга бронзовыми клинками, праславянин уверенно втыкал своё дедовское оружие в живот могучего «медведя» – неумоимого разорителя пасек.

По мере освоения металлов каменное копье стало сперва копьем бронзовым, а затем и железным. У копья со временем обнаружился и недостаток – оно слишком глубоко входило в тело зверя и не всегда удерживало его на нужном расстоянии от охотника. Рассвирепевший медведь, продевая его сквозь себя, как вертел, ещё успевал в агонии свернуть охотнику голову. Да и древко внутри зверя ломалось. Это тоже создавало дополнительные проблемы.

Ниже острия на копье появилась железная перекладина, удерживавшая зверя на весу. Так копье стало рогатиной.

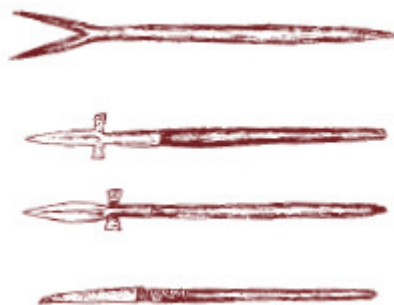
О рогатине и её туземном варианте – «пальме» я уже успел достаточно рассказать. Рогатин было много, некоторые из них вы можете увидеть на нашем рисунке, но суть остаётся одна и та же – это копье с перекладиной ниже острия.

С медведями боролись при помощи другого холодного оружия. В дальнейшем мы будем говорить, что полярные путешественники применяли против белых медведей алебарды и абордажные сабли, а также секиры и багинеты.

Но настоящего совершенства «медвежьи кинжалы» достигли в эпоху расцвета ружейной охоты.

Из романов Дюма и Понсона дю Террайля мы помним, что оленей на королевских охотах в парке Фонтенбло дворяне приканчивали ножами. Но охотничий нож Карла Алансонского и тем более Людовика XIV отнюдь не походил ни на bowie-knife – прадеда совре-

менного охотничьего ножа, ни на кавказский кинжал, ни на среднеазиатский «бичак», или «клыч». Охотничий нож для западноевропейской охоты XVI века был похож на здоровенную саблю, чуть короче кавалерийской шпаги и драгунского палаша. Но тем не менее на медведей с этим страшилищем предпочитали не охотиться.

Сверху «проторогатина», в середине – варианты охотничьих классических рогатин, внизу – эвенкийская «пальма».

Это считалось слишком опасным занятием.

Медведей или стреляли из мушкетов, или кололи рогатиной. Ножи brave дворяне пускали в ход, только если егеря предварительно запутывали зверя сетями. (Существовал в Западной Европе и такой способ охоты. Впрочем, ловили в «путо» медведей и забайкальские промышленники. Только в отличие от утончённых умов гуманистической эпохи русские мужики забивали медведя дубинами.)

Нож кустарного производства – орудие труда туземцев Восточной Сибири.

Свои классические очертания «медвежий нож» приобрёл как принадлежность русской зимней охоты. В атрибутику охоты на берлоге или зимней облавы обязательно входил короткий (по тем временам) клинок около двадцати пяти – сорока сантиметров длиной, прямой и обоюдоострый.

В конце XIX – начале XX века в Туле работал мастер Егор Самсонов, изготавливавший специальные «медвежьи» ножи, которые очень высоко ценились. Каждый из этих клинков имеет надпись «Егоръ Самсоновъ в Туле». Ножи Самсонова отличаются первоклассными боевыми качествами лезвия, металл для которого изготавливал сам мастер. Кстати, Егор Самсонов был очень честолюбивым человеком и впоследствии уничтожил все документы, чтобы никто не мог разгадать секретов его производства. Как правило, ножи Самсонова имеют рукоять с обкладками из дерева с ромбовидной насечкой, прямой массивный клинок и металлические ножны. Однако в Государственном Историческом музее хранится и другой кинжал

работы Самсонова, изогнутый в форме кавказского бебута. Вогнутая часть кинжала имеет волнистые изгибы, а, как известно, оружие с такими изгибами наносит очень широкие раны.

Самсоновский нож в табели о рангах охотничьего холодного оружия стоит сегодня на одном уровне с клинками Мурамасы у ценителей оружия Сенгоку Жидаи, т. е. в своей нише он стал нетленной классикой.

В 50-60-х годах советскими специалистами была сделана попытка восстановить способ изготовления самсоновских ножей. Были проведены анализ состава стали, а также измерения прочности клинков. По рассказу известного знатока охотничьего оружия А. Я. Зеленцова, металлореставраторы сломали несколько самсоновских ножей гидравлическим прессом при испытаниях. Сломать-то они их сломали, но усилие для этого потребовалось свыше 14 тонн! Тем не менее восстановить технологию так и не удалось.

Самсоновские ножи (или ножи, очень похожие на самсоновские) на долгий срок прописались в «гарнитурах» охотников-медвежатников. Как правило, такой гарнитур состоял из штуцера, патронташа, крупнокалиберного пистолета и ножа. Этот набор объединялся отделкой, цветом дерева и воронением стали. Стоили подобные комплекты куда как дорого и были по карману лишь весьма состоятельным людям.

Охотничий нож сегодня – это скорее универсальный инструмент, нежели оружие, хотя органы внутренних дел стремятся убедить нас в обратном.

О ноже как оружии для охоты на медведя сегодня уже вроде бы и не принято говорить, однако именно в этом качестве он заслуживает нескольких страниц. Каким бы многократным ни выглядел на первый взгляд физический перевес медведя над человеком, всё равно взрослый мужчина, обладающий нормальным сложением и здоровьем, вооружённый лишь ножом, имеет определённый и довольно значительный шанс остаться в живых, отделавшись лишь увечьем. Таких примеров имеется достаточное количество.

Старые авторы упорно утверждают, что нападающий медведь стремится выбить из рук человека оружие, которым тот защищается, будь то ружьё, карабин или нож, а уже затем сбивает жертву с ног. При этом человек зачастую теряет сознание. Поэтому, советует классическая охотничья литература, человек, вооружённый лишь ножом, должен встречать атакующего зверя, упав на землю спиной. Падать рекомендуется в самый последний момент, когда становится ясно, что зверь намерен довести атаку до конца.

Фабричный боевой нож.

Лезвие, или клинок, ножа, предназначенного для обороны, должно быть слегка закруглено на конце для того, чтобы при попадании по костям скользнуло в сторону, а не застряло в скелете. Всаживать клинок надлежит по самую рукоятку, вынимать с «потягом», для того

чтобы увеличить площадь поражения. Наиболее тяжёлыми будут являться удары в первую треть груди (подмышки) и в район диафрагмы.

Кустарный нож с наборной рукояткой из кожи.

В литературе мы неоднократно встречаем примеры того, как сохранивший хладнокровие человек, вооружённый ножом, может нанести медведю поражение даже в рукопашной схватке. Так описывает А. Черкасов случай с тунгусом Гаученовым, на которого напал раненый им медведь.

«Но тут старик, почувствовав на себе зверя, по его выражению, „очкнудся“, быстро схватился с медведем в охапку, левой рукой крепко уцепился за правое ухо медведя из-под правой его лапы и, вспомнив молодость, так мотырнул его на сторону, ударив его в это время под ножку, что зверь сел было на зад, но скоро опять поправился и снова встал на дыбы; тогда Гаученов, держась всё-таки за ухо медведя, успел выдернуть правой рукой нож из-за пояса и распороть косматому борцу брюхо. Медведь повалился вместе с победителем, но в это время правая рука последнего как-то попала в пасть умирающему зверю, который в предсмертных судорогах успел измять её зубами до локтя, так что впоследствии тунгус, выздоровев, худо владел ею и при каждом неловком её обращении постоянно ругал проклятого медведя».

Другой пример из недавнего прошлого относится ко времени массового захода белых медведей вглубь Чукотского полуострова. Рабочий одной из удалённых рыболовецких баз в среднем течении реки Анадырь Гоша Борисов вышел из дома, чтобы набрать воды из пробки. Неожиданно на него набросился затаившийся за сугробом белый медведь. Ни крики, ни металлический стук не смогли отпугнуть обезумевшего от голода хищника. Рыбака он подмял под себя и, глухо рыча, принялся катать по снегу. В этой страшной ситуации Борисов не растерялся и вытащил из ножен охотничий нож стандартного производства № 2. Когда медведь навалился на Гошу всей тушей, тот ухитрился ударить зверя ножом в бок и потерял сознание.

Но Господь Бог ворожил Гоше Борисову.

В результате этого единственного удара медведь получил смертельную рану. Он бросил трепать свою беспомощную жертву, отошёл на три метра в сторону и умер. О степени истощения этого медведя, зашедшего вглубь суши более чем на пятьсот километров, можно судить по тому факту, что этот крупный самец (длина тела его составляла 2,5 метра) весил всего сто тридцать килограммов.

Через некоторое время Борисов пришёл в себя, ползком добрался до домика, включил радиостанцию и вызвал помощь. Он выжил, однако половина его лица осталась парализованной.

Другой случай произошёл в посёлке Шельтинга на Охотском побережье. Там жил некий сельский кузнец, человек выдающейся физической силы. Имел он сильную симпатию к лошадям, которые использовались для проверки линии связи и коих ему было вменено в обязанность подковывать. Носил он колоритную кличку «Папа Скот». Однажды он нахо-

дился на монтерской станции, возле которой паслось несколько лошадей. Неожиданно раздался медвежий рёв и крик раненой лошади. Кузнец, отрезавший себе кусок хлеба охотничьим ножом, выскочил на улицу и увидел, как небольшая медведица гоняется за молодым жеребцом. Тут кузнец кинулся ей наперерез, громко крича, но медведица бросилась на него и сбила с ног. Затем впилась ему зубами в предплечье. Но человек вспомнил о ноже, который до тех пор сжимал в руке, и одним ударом распорол зверю бок, вскрыв при этом грудную клетку. Медведица умерла очень быстро, но левая рука кузнеца потом отказывалась ему повиноваться.

Внимательный читатель заметит, что во всех вышеперечисленных примерах люди, выходившие победителями из поединка с медведем, становились калеками. Но – оставались живы.

Начиная рассказывать об огнестрельном оружии, из которого били медведей наши предки и современники, я сталкиваюсь с очень большими трудностями морального характера. Дело в том, что этот путь до меня пройден величайшими мэтрами – такими как С. Бутурлин, А. Ширинский-Шихматов, В. Штейнгольд... Выработалась и определённая традиция оружейных описаний. Я же, к собственному сожалению, вынужден эту традицию нарушить.

С моей точки зрения, нельзя рассматривать оружие для охоты отдельно от оружия вообще. Потому что только мизерная часть эстетствующих стрелков позволяла себе пользоваться штуцерами Ланкастера и Лефоше, Артари-Коломба и Новотного... Большая же часть практиков этого дела стреляла медведей из любого оружия – лишь бы оно плевалось свинцом хоть на десять метров. Будь то траппер или ковбой, казак или архангельский мужик... Об их опыте – печальном и успешном, грустном и смешном – мне и хочется поговорить.

Для начала следует помнить, что любое оружие, предназначенное для охоты на человека, человек тут же употреблял против крупных хищников.

Исключение составляли только самые первые огнепалы.

Первые фитильные пищали и аркебузы для охоты не годились.

Процесс подготовки к каждому выстрелу из этой штуковины был кропотлив, долговат и зануден, как пуск космического корабля «Шаттл». Аркебузир ставил оружие прикладом на землю, сыпал в ствол порох (коли было время – то отмерял его меркой, торопился – просто отсыпал «на глаз»), затыкал заряд куском пакли, всё это трамбовал шомполом. Порох был заряжен, теперь наступала очередь пули.

Пуля доставалась изо рта, где большинство мушкетёров носило сей ценный припас, засовывалась в ствол и заколачивалась шомполом. На случай, если придётся стрельнуть сверху вниз, ствол затыкался ещё одним пыжом.

Потом аркебуз ставился на сошки.

Стрелок вновь доставал пороховницу и насыпал порох на специальную полку у казённой части ствола, там у основания ствола была просверлена дырка, через которую огонь с полки зажигал основной заряд.

Ну всё. Зарядил. Но из этого ружья, даже из столь добротного заряженного, нельзя было вот так сразу взять и выстрелить.

Только сейчас начиналась настоящая подготовка к выстрелу.

В замок вставлялся промасленный фитиль. Чтобы его поджечь, аркебузир доставал кресало и трут и приступал к добыванию огня.

Высекнув искру, он запаливал фитиль, прятал все свои причиндалы и начинал целиться.

Потом... Ура!., стрелял. Так-то вот...

Конечно, попасть в кого-нибудь эти вояки ухитрялись, только если этот кто-то стоял на месте. Или был велик, словно целое войско. При условии, что это войско не несётся вскачь на каких-то проклятых лошадях, а с бюргерской методичностью... Что делает?

Правильно! Засыпает порох... Забивает пулю... Высекает огонь...

А если враг затерян в густом лесу, мохнат и проворен, предпочитает кидаться из засады в трёх-четырёх метрах от охотника и удирает так же, как нападает, – быстрее скаковой лошади, – такой враг был совершенно неуязвим для огнестрельного оружия. С ним было лучше управляться по старинке – рогатиной.

Но германские оружейники (заметим, что всё лучшее, что касалось огнестрельного оружия, творилось в Германии) догадались переместить кресало из кармана пехотинца в замок ружья. Отпала мерзкая возня с фитилём, который мог погаснуть в любую секунду до выстрела, с трутом и огнивом. Оружие из фитильного стало кремнёвым.

И из него сразу стало быстро стрелять.

Ну, не так быстро, как из самозарядного карабина Симонова, но, с точки зрения поселанина или дворянина XVII века, – достаточно.

Карабин «Медведь» – одна из лучших охотничьих моделей нарезного оружия бывшего СССР.

Его можно было нести за плечом уже заряженным, быстро навести в цель, взвести кремнёвый курок и выстрелить. Процесс самого выстрела стал ничуть не длиннее выстрела современного снайпера.

Как известно, свет передвигается быстрее пули. Поэтому человек или зверь, увидевший вспышку пороха на полке, получал секунду для того, чтобы избежать пули – упасть навзничь или тронуть лошадь в сторону. Поэтому по-настоящему верным, даже при абсолютном прицеле, мог быть выстрел в человека или зверя, который не видел стрелка. Или при условии, что в него стреляло целое войско.

Тем не менее из такого оружия уже можно было охотиться, в том числе на медведей.

Кремнёвые ружья прожили триста лет и практически вошли в XX столетие. Это были кремнёвые винтовки охотников Карелии и Сибири. Но прежде всего следует объяснить неискушённому читателю смысл самого слова «винтовка».

Любой снаряд, выплунутый огнём из железной трубы (а любой ружейный ствол и есть в конечном счёте эта труба), постарается кувыркаться в воздухе. Подвигают его к этому противные законы физики. Однако, если в трубе нарезать винтовые борозды, прокрутившись по которым снаряд будет продолжать ввинчиваться в плотную воздушную массу, как шуруп в дерево, он станет гораздо устойчивее и сможет улететь раз в десять дальше, чем снаряд из гладкой трубы.

Вообще, появление нарезов в канале ствола ручного оружия относят к самому началу XVI века. Считается, что первоначально появились ружья с прямыми нарезами, облегчавшими зарядание, а позднее и со спиральными, которые повышали уже дальность боя. Ю. Шокарев, сотрудник отдела оружия Государственного Исторического музея, перечисляет в журнале «Охота и охотничье хозяйство» его самые ранние образцы.

Считается, что к самым ранним пищалям можно отнести три охотничьи пищаля мастера Ивана Лучанинова, сделанные между 1617 и 1625 годами. Примерно к 1625 году относится знаменитая револьверная пищаля мастера Первуши Исаева с магазином-барабаном на пять зарядов. Калибр пищаля 12,5 мм, нарезов шесть. Известен ещё Тимофей Лучанинов, сделавший в 20-х годах XVII века малопульную винтовую пищалю калибра 6 мм. Всё это были охотничьи ружья. Военные винтовки появились лишь в конце XVII века.

Трёхлинейная винтовка – излюбленное оружие сибирских зверобоев.

Винтовка СВТ – самозарядное оружие под трёхлинейный патрон.

Было на руках у ограниченного количества охотников-промысловиков в период перед развалом Советского Союза.

Естественно, если у ружья, заряжавшегося с дула, имелся нарезной ствол, это прибавляло мороки с заколачиванием пули шомполом. Но это с лихвой компенсировалось дальностью и точностью выстрела.

Ружья регулярных пехотных полков князя Кутузова и императора Наполеона под Бородином были сплошь гладкоствольными. Но в ситуациях, когда можно было обойтись одним выстрелом (а такова идеальная ситуация на охоте), люди предпочитали винтовку.

Предпочитали её и сибирские охотники.

Сибирские шомпольные винтовки, или так называемые сибирки, делились на малопульные и «зверовые». Такие винтовки, описанные В. Маркевичем, имели ствол длиной около 70 см калибра 14–16 мм с утолщением в дульной части. В стволе было от четырёх до шести нарезов. В первом случае винтовка называлась «крестовкой», во втором случае – шестиполой. Маленькая мушка укреплялась в поперечном пазу. Ствол по концам делался гранёным, середина оставалась круглой. Ложа с длинным цевьём во весь ствол соединялась со стволом хвостовым винтом и поперечным винтом, проходящим сквозь цевьё и ушко

под стволом и удерживающим одновременно антабку. Шомпол предпочитался латунный, но чаще был изготовлен из железа.

Во времена Маркевича большая часть «сибирок» уже была снабжена капсюльными замками, но кремнёвые всё ещё не были редкостью.

Лет через двести до людей дошло, что постоянные источники неприятностей – кремнь и полку с порохом – можно заменить одним очень простым приспособлением. Это оказалась пустая трубка с детонирующей смесью. Она вставлялась в запальную дырку, и по ней уже бил маленький молоточек курка. Эта штукавина называлась пистонем, или капсюлем, и ружья соответственно назывались пистонными. Но их век оказался уж совсем недолог.

На подходе было изобретение, совместившее в себе пороховой заряд, пулю и пистон-детонатор. Оно называлось унитарным патроном, и с его введением началась история современного оружия.

Карабин Маузер – лучшая система карабина с болтовым затвором.

Когда оружейники Ланкастер и Дау поместили пистон на дно гильзы и изобрели боёк современного типа, свою триумфальную карьеру начало оружие центрального боя. Одновременно подоспели бессемеровский процесс варки стали – что позволило исключить ненадёжный «дамаск» из ружейных материалов – и прокат латуни для получения гильз.

По сути, эволюция оружия на этом закончилась. Автомат Калашникова меньше отличается от винтовки Мартини центрального боя, чем последняя от пистонного ружья поэта Некрасова, жившего всего двадцатью годами ранее. Правда, впереди было изобретение бездымного пороха в 1881 году.

Все эти события произошли в крохотный отрезок времени – за какие-то тридцать лет. А в период с 1890 до 1920 года уже были созданы прообразы практически всех современных образцов охотничьего и боевого оружия – от дробомётов до автоматов с отводом газов.

Законодателями первой моды в охотничьем деле в первый день эпохи нового оружия стали англичане Ланкастер, Пердей, Голланды, Скотт.

Традиции английских оружейников до сего дня можно проследить в любом охотничьем ружье наших дней.

Первые ружья для перезарядки переламывались на поперечном болте пополам. Эта конструкция оказалась удивительно живучей и добралась в почти первозданном виде до наших дней. Это «двустволка».

Классический двуствольный дробовик известен, наверное, каждому из моих читателей. Меньше народу знает, что с конца XIX века до наших дней у охотников на крупного зверя так же популярны нарезные двустволки.

Причина популярности этого оружия даже в наши дни, дни магазинных винтовок и самозарядных полуавтоматов, очень проста. Она понятна любому охотнику, знакомому с таким явлением, как осечка.

«Шли мы по сухому ручью, – рассказывал мой знакомый, якутский охотник Афанасий, – слышим, сверху, с сопки, камни посыпались. Собаки сразу туда. И рёв громкий. Сунулись мы сквозь стланик, а рёв с лаем напополам всё ближе и ближе. И тут в пяти метрах от нас из стланика такая ряха высунулась – вся в пене, злая! Я карабин срываю, бемц – в неё! А „бемц“ не получается, только железный щелчок такой. Карабин у меня старый был,

патроны плохие – калибр 8,2. Мне этот щелчок громче любого выстрела показался. А медведь ко мне лезет, только стланик сильно запутался, его чуть-чуть держит, ко мне не пускает. Тут Никодим сзади подоспел со своей пушкой, как грохнет! Так он на стланике и повис, кровь из пасти побежала».

Так вот, такая ситуация у охотника с двустволкой практически исключена. Потому что в его руках на одном прикладе фактически соединены два ружья: два спуска, два патрона, два замка, два ствола. Для того чтобы перезарядить осёкшийся карабин, необходимо: отнять его от плеча; поднять ручку затвора; отвести её назад; подать вперёд и дослать патрон; потом снова поднять ружьё и прицелиться. Потому что охотник, стреляющий не целясь, является сказочным персонажем. Так что двустволка является гарантом от осечки и неисправности в механизме. При любом раскладе вы обладаете по крайней мере одним рабочим стволом.

Ещё до того, как патрон центрального боя начал своё триумфальное шествие по всему миру, московский мастер Артари-Коломб, появившийся в первой русской столице в начале XX века, изготавливал превосходные тяжёлые капсюльные двуствольные штуцера удивительной прочности и живучести. В то время Артари-Коломб был единственным изготовителем в России оружия подобного типа.

По свидетельству Ю. Шокарева, в собрании Исторического музея хранится четыре шомпольных (ударно-капсюльных) штуцера Артари-Коломба, три из которых предназначались для медвежьей охоты. Они имеют короткие стволы (54–59 см), крупный калибр (19–20 мм), толстые стенки каналов стволов (3–4 мм).

Каналы стволов снабжены 16 глубокими полукруглыми нарезами. Вес штуцеров колеблется в зависимости от длины стволов – от 3,5 до 4,6 килограмма. Для облегчения оружия мастер специально делал короткие стволы, помня, что медведей в то время стреляли обычно накоротке.

Охотничий вариант Маузера большого калибра.

Европейство мастера сказывалось прежде всего в том, как Артари-Коломб берёт жизнь своих клиентов. Его штуцера – настоящие чудеса предусмотрительности, обеспечивающие безопасность охоты. Так, стволы одного из штуцеров вмещают по два заряда каждый, которые располагались в стволе один за другим. Так двустволка становилась «четырёхзарядкой». Пуля заднего заряда разделяла порох между передним и задним зарядами. Ружьё имело четыре брандтрубки и четыре замка с четырьмя курками.

Другой медвежий штуцер Артари-Коломба имеет по две брандтрубки на каждом стволе. Однако он не приспособлен для двух зарядов в один ствол, как это может показаться на первый взгляд. Штуцер имеет только два замка и два курка, зато каждый курок бьёт одновременно по двум брандтрубкам, зажигая сразу два капсюля. Это тоже делалось для того, чтобы исключить осечки. В те времена было не редкостью, что капсюль не детонировал или брандтрубка оказывалась засорённой – вот тут двойная страховка и срабатывала!

К обоим штуцерам прилагались и тяжёлые охотничьи ножи.

Универсальности оружия конструкторы достигали двумя путями. Первый заключался в том, что к уже известной двустволке-дробовику приделывался третий нарезной ствол – под мощный нарезной патрон. Или к нарезному штуцеру – гладкий ствол для охоты по пернатой дичи. Этот, с моей точки зрения, самый перспективный путь привёл к созданию нового типа оружия – тройника.

Другие же мастера-оружейники попытались найти компромисс между гладким и нарезным стволом. Некий полковник Фосбери в 1885 году запатентовал идею гладкого ствола с нарезным суженным концом – так называемый *rifle-choke*, более известный в мировой практике как ствол-*paradox*.

На Западе все эксперименты с «парадоксами» прекратились после Первой мировой войны, которая утвердила неоспоримое господство нарезного оружия при стрельбе любого зверя, включая и человека. Опыты с пулдробовыми сверловками так и остались пикантной, поучительной, но почти забытой страницей истории охотничьего оружия.

Самозарядный карабин Браунинг BAR2 под патрон.300 Win. Magnum.

Одновременно со сцены сошли и крупнокалиберные штуцера.

Наверное, вы краем уха слышали – может, в школе, может, в институте, а может, вам об этом рассказывали народные целители, – что наше тело содержит очень много воды. Не настолько много, как хотелось бы народным целителям, которые называют цифру в 90 процентов, но 70 процентов мы её всё же имеем. Поэтому во многих случаях (чисто физических) наше тело (и тело лося, слона, бурого медведя) ведёт себя, как жидкость. А жидкость, как известно, несжимаема.

Поэтому, если в это тело с очень большой скоростью врезается инородное тело, например пуля, это тело испытывает явление, известное в физике под названием гидравлического удара. Этот удар разрушает большие и крупные кровеносные сосуды, стенки клеток, альвеолы лёгких. Даже если рана и не будет смертельной, то раненый зверь испытает очень сильный шок.

Вот на пороге такого явления и действовали штуцера-экспрес-сы, пока не были вытеснены такими же ружьями под патроны с бездымным порохом – «нитроэкспрессами». В них этот эффект достигался меньшим калибром и большей начальной скоростью – словом, «малой кровью».

Штуцера-экспрессы Ланкастера, Новотного, Голландов находились в руках многих прославленных охотников и путешественников. К примеру, штуцер Ланкастера гремел в руках известнейшего русского путешественника Н. Пржевальского во время его невероятных путешествий по Центральной Азии.

Всё сегодняшнее оружие для охоты на бурого медведя сделано под патроны с бездымным порохом. Чаще всего это винтовки всевозможных систем и калибров.

Мы вскользь коснёмся штуцеров-нитроэкспрессов – двустволок под сильный винтовочный патрон калибра от 6,5 до 14,65.

Однако двустволки, даже под очень мощный винтовочный патрон, как например Holland & Holland 500, – сегодня оружие для эстетов. Чаще всего охотнику предлагают относительно дешёвое оружие с продольно-скользящим затвором, известным нашему охотнику как «задвижка». Нам такие ружья знакомы по винтовке и карабину Мосина. Однако за рубежом гораздо более популярен соперник «Мосина» по Первой и Второй мировым войнам – не

менее знаменитый и более надёжный карабин системы Маузера. Система Маузера лежит в основе почти всех нынешних «задвижных» карабинов мира – в том числе и наших «Барса» и «Лося». Поэтому когда вы видите в проспекте иностранного оружия винтовку, у которой вбок привычно выдаётся рычаг затвора, – то скорее всего вы имеете дело с кем-нибудь из правнуков того самого «Маузера», который братья Вильгельм и Генрих этой же фамилии разработали для германской армии в 1888 году.

Сегодня «Маузеры» в охотничьем исполнении и под самые разнообразные патроны выпускают все крупнейшие оружейные компании мира. Некоторые из них очень сильно усовершенствовали эту конструкцию, так что прежний добрый «Маузер» едва проглядывает сквозь наслоившиеся дополнительные шипы и упоры затвора, но тем не менее продолжает оставаться самим собой. Winchester 70, Remington 07, Husqwana, Tikka, Marlin, Savage – вот небольшой список моделей, связанных с «Маузером» самым крепким родством.

Говоря об оружии для охоты на медведей, нам прежде всего надо себе уяснить, что русская и западная практика этого дела очень сильно отличаются друг от друга. Современное охотничье оружие цивилизованных стран надёжно, точно и спроектировано под патрон большого калибра с тяжёлой скоростной пулей, т. е. с большим запасом. Из ружей, общепринятых для медвежьей охоты, африканские браконьеры, например, стреляют слонов.

С другой стороны, у этих ружей небольшая ёмкость магазина, они не очень удобны в перезарядке, громоздки и снабжены несъёмными крупногабаритными прицелами. Короче, классическое оружие для спортивной охоты на крупную дичь призвано мощно и точно поражать цель с одного выстрела.

Списанное армейское оружие, которым вооружено большинство охотников в России, как правило, находится у западных спортсменов «вне закона». Очень редко оно используется в специальных операциях – например, при отстреле волков на Аляске. Хотя охотничьи переделки армейских винтовок пользуются неизменным успехом у охотников-практиков всех стран. Особенно тех, где охота является частью образа жизни, а не красивой ностальгической традицией.

Переделанные в охотничьи винтовки армейские карабины Маузера, Манлихера, «Спрингфилд», «Ли-Энфильд», а также Мосина за относительно небольшую цену продаются в охотничьих районах Северной Америки, Экваториальной Африки, Австралии, Аргентины, Чили и Боливии. И эти ружья являются неизменными спутниками лесных мужиков вне зависимости от их (мужиков) происхождения – славянского, испано-индейского, ирландско-шотландского, скандинавского, а то и вовсе суахили.

В принципе русский мужик бьёт медведя, как и супостата, любым оружием. После Второй мировой войны в страну буквально хлынул из Европы поток охотничьих и боевых ружей всех систем и калибров. Офицеры-победители вывозили десятками превосходные штуцера, карабины, первоклассные дробовики и «парадоксы». До сего дня у самых разных хозяев можно встретить коллекционные «Перде» и «Голланды», «Ланкастеры» и «Новотные».

Дробовик 12-го калибра с подвижным цевьём – оружие, рекомендованное для обороны от медведя американским Департаментом рыбы и дичи.

Конечно, в трофеях нам досталось огромное количество самого лучшего охотничьего оружия. Но в первый момент оно осело на руках офицеров и генералов, людей, которые сами вывезли его из Европы. А в руки простых людей больше всего попало оружия, брошенного на полях сражений. Так в арсенале наших охотников появился немецкий боевой карабин «Маузер» – лучший образец этого типа оружия с момента создания до наших дней.

«Маузер» сочетает в себе высочайшую надёжность с мощнейшим восьмимиллиметровым патроном. Начальная скорость его пули была выше восьмисот метров, а пуля весила двенадцать граммов! По убойной энергии он превосходит мосинскую трёхлинейную винтовку.

Я не буду, наподобие Луи Буссенара, расточать похвалы дальноточности маузеровской винтовки. На практике почти никогда нормальный стрелок не бьёт дальше трёхсот метров. От пятидесяти до двухсот пятидесяти – вот самая распространённая дальность винтовочного выстрела. Но мощь пули этого оружия позволяла не только пробивать тонкую броню и кирпичную кладку: в охотничьей практике я помню случай, когда «маузеровская» пуля пробила замороженную двадцатисантиметровую лиственницу и убила сохатого, который стоял в двадцати метрах позади.

«Маузеры» закончили свою славную охотничью карьеру в России так же, как и все трофейные винтовки. К ним просто кончились патроны. И очень жаль.

Другие ружья, массово занесённые нам войной, – это трёхстволки с двумя дробовыми и одним нарезным стволом под 8х57R «маузеровский» патрон. Я специально оговорюсь, что, конечно, тройников было много – и с двумя нарезными и одним дробовым стволом, и со сменными стволами, и с полностью гладкими и полностью нарезными. Но это всё «кунштюки», которых в конечном итоге был мизер по сравнению с уже описанной мной системой.

Тройники, о которых я говорю, находились в комплекте для выживания во всех, подчёркиваю, во всех (!) германских дальних бомбардировщиках «Кондор». При некоторой сноровке из них можно было стрелять патронами от немецкой боевой винтовки. Это были довольно сложные, но удобные и практичные ружья. Лично я считаю, что в их виде человечество приблизилось к идеалу универсального охотничьего ружья.

«Рысь» – русская «помпа».

Правда, на медвежьей охоте я бы предпочёл тройник с двумя нарезными (калибра 9,3) и одним дробовым (калибра 12) стволом. Однажды я встретил описание такого ружья, словно бы воплотившего мечту, на ВДНХ, но до сих пор не исключаю, что это был всего лишь муляж для обычного в нашей стране очковтирательства.

Оружие для обороны от бурого медведя – большая тема у «сильных мужчин». Здесь существует столько мнений, сколько есть полевиков, туристов, охотников и причисляющих себя к ним. Поэтому скажем сперва о том, каким это оружие не должно быть.

Оно, прежде всего, не должно быть «мелкашкой» под патрон кольцевого воспламенения, а также пистолетом или револьвером ЛЮБОГО калибра. Оно не должно быть дробовиком меньше чем 16-го калибра. Говоря об оружии для опасного хищного зверя, каковым

является бурый медведь, я прежде всего говорю об оружии, способном **ОСТАНАВЛИВАТЬ ЗВЕРЯ НА МЕСТЕ!**

Ни в коем случае не прошу принимать мой рассказ как руководство к действию...

Эта история происходила давным-давно и очень далеко, на Крайнем Севере.

Как-то раз некий мой знакомый ехал на снегоходе вдоль гребня низкой гряды сопок. У него была однозарядная малокалиберная винтовка. Неожиданно буквально из-под снегохода выскочили два больших буро-жёлтых зверя и побежали вниз по склону. Это были медведи – самка и крупный медвежонок на третьем году жизни – так называемый отгоныш. По размерам он немного уступал самке, которая весила (как потом выяснилось) 140 килограммов.

Извинение дальнейшему поступку моего приятеля может быть только одно – ему через три недели должно было исполниться 16 лет.

Он прицелился в угон тому медведю, который казался покрупнее, и выстрелил. Дальше начинается прямое везение. Он попал из малокалиберной винтовки медведю в таз, и зверь завертелся на передних лапах. Он кубарем скатился на дно распадка и там забегал, бешено рыча.

Мой знакомый спустился вниз на снегоходе и принялся описывать вокруг медведя круги, держась на безопасном расстоянии. Навсегда он запомнил такую штуку – медведица в ярости била лапой по любому тёмному предмету, который торчал из снега. При этом глаз движения лапы просто не замечал, просто бац – и отлетал в сторону кусок горелого стланика. То есть на первый взгляд реакция была быстрее, чем у кошки, отбивающейся от собаки.

Приятель мой, послушавший немало баек о «в глаз» и «в ухо», достаточно хладнокровно всаживал ей пулю за пулей – в ухо, в глаз, меж ушей... Результат был один – медведица трясла головой, как будто её кусали комары, и свирепела ещё больше.

В какой-то момент приятеля осенило. Он раз пять выстрелил ей пониже лопатки, там, где, по его разумению, располагалось сердце. Медведица побегала ещё минутку, легла и сдохла.

Впоследствии для интереса мой знакомый выварил череп – он выбил медведице один глаз, но ни одна пуля не пробила кости...

Вы, конечно, догадались, что речь пойдёт о крупнокалиберном гладкоствольном и нарезном оружии под мощный патрон.

На практике чаще всего медведей стреляют из снятых с вооружения карабинов Мосина (под патрон 7,62x54R: первая цифра стандартной номенклатуры означает калибр ствола, под который изготовлен означенный патрон; вторая – длину гильзы без пули) и гладкоствольных охотничьих ружей калибров 12 и 16. В общем-то, считаются пригодными ныне довольно редкие охотничьи карабины под патрон 8,2x66. Превосходно убивает этого зверя отечественное оружие калибра 9 мм. Особенно добрую славу у охотников завоевал самозарядный карабин «Медведь», ныне почти повсеместно исчезнувший. Самозарядные карабины Симонова (СКС) везде используются на охоте, но они чаще всего берут своей скорострельностью. Мощности собственно патрона им всё-таки не хватает...

«Я стреляю не очень метко, но зато очень много, – так говорит один из опытейших профессиональных охотников, Эльбрус, убивший за свою жизнь из огнестрельного оружия более сотни медведей. – Попался медведь на мушку, так и мочу его, пока шевелиться не перестанет». Эльбрус принципиально признавал на охоте только СКС и считает его лучшим оружием для охоты. И в этом мнении он не одинок.

Очень хороши для охоты и обороны мощные крупнокалиберные карабины под патрон с тяжёлой экспансивной пулей и высокой начальной скоростью её полёта – «Медведь», «Лось», патрон 9x53. Тут надо заметить, что в своих рекомендациях я стараюсь исходить из реальных возможностей охотников и работников экспедиций. Безусловно, я рискую тем, что ревнителю «чистых» охотничьих традиций подвергнут меня анафеме – ведь, по мне-

нию большинства оружейников, даже старый русский трёхлинейный патрон недостаточно эффективен при охоте на крупного зверя. Патрон же 7,62х39 от старого автомата Калашникова и СКС считается вообще практически непригодным для стрельбы медведей. Некоторые особо продвинутые специалисты пытаются вернуть нас вообще к временам стрельбы чёрным порохом из винтовки Бердана, мотивируя это тем, что большой калибр возмещает с лихвой недостаток скорости и соответственно энергию.

Зная, что спорить с классическим охотником практически бесполезно – это всё равно что выступать на схоластическом диспуте между павликианами и манихеями, – тем не менее осмелюсь привести следующий пример. Уже упоминавшаяся мною экспедиция полковника П. К. Козлова имела своей задачей, кроме составления карт и описания неизвестных науке земель, поручение от военного ведомства: проверить в практических условиях боевые (и естественно – убийные) качества только что принятой на вооружение трёхлинейной винтовки Мосина.

«Результат стрельбы русского трёхлинейного ружья по зверям замечательный: пуля дробит кости и рвёт мускулы и тем с большим осложнением, чем глубже проникает, в особенности же когда ещё срывается оболочка». «Русское ружьё, по мнению тибетцев, бьёт ужасно далеко и от его пули ни камни, ни деревья, ни земля не защищают – оно всё разрушает. Слава нашей трёхлинейной винтовки пронеслась по Восточному Тибету и обеспечила успех экспедиции».

Надо напомнить ещё, что это написал человек, участвовавший в двух экспедициях Н. М. Пржевальского, воспитанный на применении штуцеров-экспрессов большого калибра, – настоящий практик в применении оружия не на берлоге и не на специально подготовленной «барской» охоте, а в условиях, по-настоящему приближённых к боевым.

Самозарядный карабин Симонова приобрёл очень широкое распространение на востоке России где-то в конце 80-х годов. Практически сразу он занял репутацию универсального оружия. Эта универсальность отчасти объяснялась большим количеством доступных патронов, самозарядностью, меткостью и живучестью этого ружья.

И сразу же его начали использовать при охоте на медведей. Для такой охоты люди подготавливали патроны самостоятельно – чаще всего они спиливали верхушку полу оболочечной пули, просверливали трёхмиллиметровым сверлом дырку в головной части. Обработанная таким образом пуля на дистанциях до 150 метров разбивалась в теле животного, что называется, «в дым» – от неё оставался лишь стальной сердечник, который пускался в «свободный полёт» по внутренним органам самостоятельно.

Другим важным преимуществом СКСов по сравнению с наиболее распространённой до этого российской псевдоохотничьей винтовкой – кавалерийским карабином – была их самозарядность. Русский человек и раньше-то стрелял в упавшего медведя до тех пор, пока тот не переставал шевелиться, а с появлением СКСа получил к этому новый стимул.

С описываемых времён и по настоящую пору СКС как оружие для добычи крупного зверя особенных нареканий у охотников не вызывал. Возможность «подправить» дело тремя-четырьмя выстрелами настолько перевешивала мощность единичного выстрела армейского карабина, что некоторые люди доплачивали по несколько соболей завхозам в ГПХ, только чтобы поменять оружие.

То, что СКС при охоте на медведя зарекомендовал себя очень хорошим оружием, доказывают следующие факты. Автору известны как минимум восемь человек в Магаданской области и на Чукотке, добывших из этого карабина более 50 зверей, как минимум трое, добывших более 100, и один охотник, добывший более 150 зверей. По сей день на Камчатке СКС также считается наиболее распространённым оружием, в том числе и при страховке иностранных клиентов во время трофейной охоты.

Тем не менее недостаточная мощность патрона СКС по сравнению с другими патронами калибра 7,62 очевидна. Почему же, несмотря на это, он продемонстрировал себя как чрезвычайно эффективное оружие?

Чаще всего медведей на востоке Сибири стреляли в горах, на морском побережье и на жировке, т. е. у стрелка практически всегда была возможность произвести два-три прицельных выстрела. Практически никто не употреблял СКС при стрельбе медведей на дистанциях свыше 200 метров, когда эффект надпиленной пули сводился к нулю, обычные дистанции не превышали 50–70 метров. Также стрелки чаще всего использовали его способность делать несколько выстрелов подряд и умело реализовывали это на практике.

Самозарядное ружьё Браунинга 12-го калибра.

В любом случае эта система лучше помпового оружия.

Классическое оружие самообороны – может работать как в помповом, так и в полуавтоматическом режиме.

И the last, but not least – охотники востока России изначально привыкли полагаться на меткость первого выстрела и старались положить первую пулю с максимальной точностью. А уже потом начинался «пиф-паф».

Недостаточная мощность патрона 7,62x39 дважды была продемонстрирована весьма впечатляющим образом. Первый раз охотник сделал встречный выстрел в медведя, стоящего «в штык» по направлению к стрелку. Медведь стоял прямо мордой к человеку, и тот выстрелил в него с упора, целясь прямо в лоб. Армейская пуля этого патрона «скользнула» по черепу зверя, прошла сквозь массивные мускулы на затылке и вышла за ухом. Медведь даже не был оглушён. Если бы эта пуля была выпущена из патрона, придающего ей большую начальную скорость, то, вероятнее всего, даже скользящий удар разбил бы череп зверя.

Второй раз я видел примерно такую же картину своими глазами – только выстрел был направлен не в штык, а сверху вниз, с берегового обрыва. Медведь перед этим не был ранен, пуля так же изменила направление полёта в мощных затылочных мышцах и прошла между челюстной костью и черепной коробкой, не причинив зверю абсолютно никакого вреда. Медведь был убит следующими выстрелами по грудной клетке, один из выстрелов попал в позвоночный столб.

Наиболее рациональным калибром для описываемых целей в гладкоствольном охотничьем оружии является, безусловно, 12-й, из-за того, что пули этого калибра за счёт большой массы обладают большей энергией поражения. Чем здоровее снаряд, тем больше он

бьёт – таково мнение российских артиллеристов. То же самое надо отнести и к ружьям. Лучшим типом дробовика следует признать двустволку – безразлично с вертикальным или горизонтальным расположением стволов, – здесь всё по большому счёту зависит от привычек и вкусов владеющего оружием охотника. Самозарядные ружья-полуавтоматы (МЦ-21-12, Браунинг) предъявляют несколько повышенные требования к технической квалификации их владельцев.

По моему мнению, лучшими убойными качествами среди пуль для гладкоствольных ружей (помните, что стрельба по нападающему зверю идёт на расстояниях не больше 15–20 метров) обладают пули с цилиндрическим каналом в центре (пули Майера, Штендебаха, БС), а также с разрезанным корпусом (Якан-ориги-нальный). У пуль для нарезного боевого (снятого с вооружения) оружия можно спиливать острый кончик, защищённый твёрдой оболочкой, и просверливать по оси снаряда в мягком свинце неглубокую дырочку. Пули, обработанные подобным образом, полностью разрушаются при попадании в тело животного, нанося ему чрезвычайно серьёзные повреждения.

Нельзя забывать о том, что бурый медведь – самый крепкий на рану зверь нашей тайги, и редкая пуля останавливает его на месте. Это выражение имеет силу для нарезных и гладкоствольных систем **ЛЮБОЙ МОЩНОСТИ**: в одном из приведённых мною примеров медведь продолжал активно двигаться уже после того, как в его грудной клетке сидела пуля, выпущенная из штуцера, предназначенная для охоты на крупных африканских животных – слона, буйвола, носорога – калибра 14,6. А уж конструкторов этих ружей никак нельзя упрекнуть в невысокой останавливающей силе их изделий! В Соединённых Штатах для кабинетных охотников-спортсменов для охоты на медведя безопасным считается оружие под патрон .375 Magnum – 9,57х64, вес пули за 15 граммов, начальная скорость – свыше 750 метров в секунду.

Приведённые мною примеры стрельбы бурых и белых медведей из пистолетов и револьверов различных систем говорят о том, что полностью полагаться на это оружие, мягко говоря, не стоит.

Величайший практик стрельбы по диким животным, африканский охотник Д. Хантер пишет о том, что из револьвера или пистолета нельзя добиться такой точности попадания, как из оружия, приклад которого плотно упёрт в плечо. Да и в принципе длинноствольное оружие обладает большей поражающей энергией и меткостью боя. Надеюсь, читателям знакома старинная охотничья поговорка «Бьёшь в медведя – целишься в рябчика». Она как нельзя лучше отражает истинный размер площади эффективного поражения на туше огромного зверя. Существует чёртова пропасть книг об охоте на крупных животных из револьвера на североамериканском континенте.

Классическая двустволка – непревзойдённое оружие самообороны.

Мне бы не хотелось, чтобы читатель думал, будто автор этой книги с ними не знаком или, того хуже, намеренно их игнорирует. В качестве аргумента американских охотников в пользу этих своих любимых типов оружия можно привести мощность и калибр их «охотничьих» револьверов (от 11,5 до 12,7 мм), портативность и оперативность короткоствольного оружия. Но на практике охотники-пистолетчики используют «кольты», «смит-вессоны» и «рюгеры» с длинными стволами, съёмными прикладами и (внимание: главное!) их сопровождает профессиональный охотник с мощной винтовкой. Многочисленные аксессуары сводят на нет те преимущества, которыми пистолеты и револьверы реально обладают и превращают их в оружие для богатых снобов. При этом энергия пистолетной пули всё равно остаётся ниже мощности гладкоствольного 32-го калибра. И это легко понять – иначе ни один такой револьвер нельзя было бы удержать в руке при стрельбе.

Джон Свенсон, мой знакомый охотовед из штата Монтана, рассказывал, как ему пришлось отвечать одной леди, которая спросила его, револьвер какого калибра он ей посоветует носить с собой для защиты от гризли.

– Самого маленького, – рекомендовал ей американский коллега, – он легче, а застрелиться при нападении гризли можно и из него.

Глава 23 Медвежьи сафари

Сначала 1990-х годов ситуация с охотой на медведя на территории бывшего Советского Союза коренным образом изменилась.

Дело в том, что медведь в России стал самым распространённым объектом спортивной охоты для приезжающих иностранцев. Позже к иностранным охотникам присоединились и представители российской бизнес- и политической элиты. Так в нашей стране появился такой вид туризма, как медвежьи сафари.

Существует легенда, что состоятельный иностранец, равно как и русский нувориш, гадит под каждым кустом, пьёт всё, что горит, и стреляет во всё, что шевелится. Полная ерунда! Эта легенда выдумана и поддерживается русским люмпеном для того, чтобы комфортнее ощущать себя среди собственного свинства.

Напротив, вместе с иностранными гостями и аутфиттерами в России (по крайней мере, в восточной её части) начала возрождаться культура спортивной охоты на крупного зверя.

В своё время я буквально возблагодарил судьбу за то, что в отрочестве мне довелось прочитать замечательную книгу Джона Хантера «Охотник», где даны наиболее полные описания спортивных охот с клиентами, обязанностей гида-проводника и особенностей поведения гидов с гостями. Пожалуй, никто из лиц, непосредственно вовлечённых в этот вид бизнеса, не может написать об этом откровеннее и подробнее.

Конечно, история спортивных медвежьих охот на востоке России ещё будет ждать своего бытописателя как минимум лет двадцать (до той поры, пока не отойдут от дел её пионеры), но в целом за пятнадцать лет её развития она очень сильно приблизилась к цивилизованному виду – от вертолётных расстрелов начала 1990-х к ходовым и засадным охотам начала 2000-х годов.

Старая рыббаза переделана в лагерь для медвежьих сафари.

Об охотах с вертолёта, которые испокон веку являются притчей во языцех, мы уже говорили в главе 20 «Вертолётные охоты олимпийцев».

В моём личном опыте также есть красноречивый пример большей эффективности наземных охот по сравнению с авиационными.

Моим гостем был солидный российский промышленник, хороший и опытный охотник. Его агент, разговаривая со мной, обмолвился, что гость очень торопится и не постоит перед неограниченным использованием вертолёта для добычи крупного зверя. Я скептически заметил, что в любом случае охота есть охота, но я сделаю всё возможное для того, чтобы застрелить большого медведя нормальным путём.

Встретив гостя, я объяснил ему, что мы можем высадиться на одном из известных мне мест на Охотском побережье и провести там два – максимум три дня. Правда, при этом придётся поступиться некоторыми удобствами – ночевать будем в маленькой палатке, находиться в лагере вдвоём – без повара и практически неизбежной в случае с российскими бизнесменами охраны.

Выслушав мои доводы, Александр (будем называть его так) согласился.

Правильный выбор места для лагеря является практически девяностопроцентной гарантией успеха. Если вы удачно воткнули бивак в месте, где перекрещиваются вероятные пути двух или трёх десятков животных, то практически наверняка вы сможете добыть в непосредственных окрестностях палатки хотя бы один трофей. А в случае, если вы работаете с одним клиентом, вам один трофей и нужен.

Лагерь трофейных охотников.

Для этой охоты я выбрал одно из лучших мест такого рода на Охотском побережье. В пяти километрах от береговой линии возвышался иззубренный скалистый хребет, до половины заросший кедровым стлаником. В цирках этого хребта ложилось на зимовку от двадцати до сорока медведей. От моря он был отделён трёхкилометровой полосой тундры, на которой росли только редкие кусты кедрового стланика. С того же хребта стекало три реки, по которым летом поднимался лосось. Они впадали в море по обеим сторонам невысокого скалистого мыса, который и делил места впадения этих речек на две бухты. Во время отлива вода из обеих бухт практически полностью уходила, и на литорали копошилось большое количество крабов, рыбы, моллюсков и всяких рачков, до которых так охочи медведи Охотского побережья.

План охоты у меня был таков: мы наблюдали за медведями, которые вечером и ранним утром спускались с хребта и спешили на приливно-отливную полосу – собирать деликатесы, которые им оставило море на литорали. Так как двигаться они могли только по открытому месту, а обзор с вершины мыса открывался просто великолепный, то у нас была возможность оценить размеры выходящих на берег медведей и прикинуть, как можно подойти к заинтересовавшему нас трофею.

Вертолёт высадил нас прямо на вершину скалистого мыса между двумя бухтами и улетел. Связь с ним осуществлялась по спутниковому телефону. Я быстро разбил небольшой бивак, и мы приготовились к ожиданию сумерек.

В мае сумерки на Охотском побережье растянуты на большую часть ночи – да и ночи здесь стоят такие же белые, как в Петербурге.

И, как только солнце опустилось достаточно низко, с гор на побережье покатались медведи...

Тундровая равнина, с которой ещё только недавно сошёл снег, была покрыта жёлтой прошлогодней травой. На ней беспорядочно рассыпались тёмно-зелёные шары кедрового стланика. И вот, среди этих шаров, на жёлтой равнине появились другие шары – тёмно-бурые, в оранжевых лучах заходящего солнца они казались практически чёрными. Сперва мы увидели двоих, потом появились ещё и ещё...

В конечном счёте мы могли наблюдать с одного места двенадцать зверей!

Александр рвался в бой, но я всячески отговаривал его стрелять медведей среднего размера, которые наряду с мелюзгой преобладали этим вечером на берегу.

Вообще, в трофейной охоте умение отговорить гостя от выстрела по нетрофейному экземпляру дорогого стоит. Когда охотник видит на доступном для него расстоянии зверя, то первое естественное желание у него – выстрелить. И гид-проводник должен найти веские аргументы для того, чтобы убедить стрелка, что у него впереди будут лучшие возможности реализации своей лицензии.

Весь вечер мы разглядывали в бинокли снующих по береговой полосе мишек. Один из небольших медведьков прошёл в ста пятидесяти метрах за нашей палаткой, трижды звери проходили прямо под нашим мысом. Я забраковал их всех, равно как и остальных. Мы крепкопили нашу охотничью выдержку кружками крепкого чая, беседуя о многочисленных охотах, ружьях и странах мира. В конце концов Александр лёг спать, а я остался у костра сторожить рассвет.

Ночами ветер на Охотском побережье часто стихает, и я сидел у костра, сложенного белыми стланиковыми ветками, и слушал ночь. Вот в отблеске пламени промелькнула вытянутая рыжая тень – лисица. Вот со стороны бухты раздался пронзительный свист и треск – это затормозила на посадке стая свизей.

В небесах раздалась переключка запоздавшей гусиной стаи. Совсем рядом с костром раздались шелест и попискивание – это не медведь, это свою возню затеяли полёвки.

Временный лагерь охотников за трофеями.

Небо на востоке постепенно становится из тёмно-серого серо-голубым, и на светлой полосе берега начинают проявляться очертания крупных предметов. Я бужу Александра. И очень вовремя!

Потому что по пляжу, не торопясь и перекатываясь во время движения, как ручеёк руты, идёт именно тот медведь, ради которого и затеяна вся эта охота. Он нетороплив, уве-

рен в себе и не разменивается по мелочам, таким как многочисленные мелкие крабы, разбегающиеся у него из-под лап.

Александр достаёт свой Blaser под патрон 8x68S, ложится на край обрыва и прицеливается.

– Когда стрелять? – спрашивает он шёпотом.

– Когда подойдёт метров на восемьдесят, – отвечаю я.

Длина этого зверя составила два метра семьдесят сантиметров.

Одно из главных правил, которым я старался следовать на охоте с клиентами, – это не поддаваться на рассказы о чрезвычайных способностях их винтовок. Я старался не давать гостям стрелять по медведю с расстояний больше чем сто – сто двадцать метров. А лучше – значительно ближе.

Существует одна очень распространённая медвежья охота, которая практикуется на Дальнем Востоке, которая, с моей точки зрения, заслуживает осуждения. Это весенняя стрельба медведей со снегоходов. Безусловно, скоростная погоня по открытой снежной равнине за огромным удирающим зверем очень азартна. Но при этом она совершенно лишена элементов честной игры – того, что делает охоту хотя бы в небольшой степени спортом.

Естественно, при работе с клиентами у охотника-проводника есть определённые уловки, которые направлены на то, чтобы создать о себе наилучшее впечатление. Часть из них практически безобидна, часть – граничит с обманом.

К последним я отношу весьма распространённый способ снятия шкуры с медведя «со штанами». Дело в том, что размер медведя определяется по его длине – длине от кончика носа до кончика хвоста. По «гамбургскому счёту» измеряется не сама шкура, а убитый зверь, и результаты фиксируются на видео– или фотокамеру. В обычном варианте шкура со зверя снимается так, что хвост является её концом. Но недобросовестные гиды-проводники делают край разреза не по анальному отверстию, а почти что по середине брюха. Таким образом, хвост остаётся посередине шкуры, а нижний её край становится на 30–40 сантиметров длиннее.

К этой же категории я отношу растягивание шкур на больших дощатых рамах с последующими их замерами. Должен сказать, что подавляющее большинство камчатских трёхметровых медведей сегодня «получаются» именно таким способом.

Во время сопровождения гостей порой сталкиваешься с очень своеобразными требованиями, которые приходится выполнять.

Так что охота с клиентами – это по большому счёту не охота, а работа с целью заработка.

Я вспоминаю американца Рона, который выбирал медведя... по цвету шкуры, который подходил бы к его залу. При этом Рону везло как редко кому – ему показывали на расстоянии выстрела по три-пять мишек трофейных кондиций в день. С трудом проводнику удалось уговорить его сделать выстрел в самом конце охоты.

Очень сильно забавляет (но и действует на нервы) тот дух соперничества, который обычно присутствует в охотничьих лагерях и который мастерски описан у Э. Хемингуэя в его «Зелёных холмах Африки». На самом деле мне тоже пришлось принимать участие в похожей поездке, которая была устроена одним германским банком для своих сотрудников.

В группе находились исполнительный директор этого банка, а также несколько его подчинённых. И – надо же такому случиться – на второй день охоты этот директор убивает медведя длиной около двух метров сорока сантиметров.

Охотники на маршруте.

Трофей для главного клиента «взят», все проводники несколько переводят дух, сосредоточивая свои усилия на остальной группе, директор, весьма довольный жизнью, занимается фотографированием окрестностей и стреляет птиц... И тут, за день до отлёта, кто-то из его подчинённых добывает медведя длиной два метра пятьдесят пять сантиметров!

С клиентом в стланнике.

Обстановка в лагере мгновенно переменилась.

Нет, руководитель не стал вымещать на подчинённых свою досаду. Он просто объявил, что готов заплатить ещё за одного медведя, при условии, что этот медведь будет хотя бы на один сантиметр больше. Оставшееся время он бродил по горам буквально без сна и отдыха, повторяя при этом проводнику, что готов заплатить по сто долларов за каждый сантиметр шкуры его трофея, превышающий размер шкуры медведя, убитого Дитрихом (Дитрихом звали его бухгалтера. —М. К). Медведя они так и не убили, но впечатление от конца охоты было испорчено окончательно.

Несколько слов ещё я хочу сказать об охоте на берлоге, столь распространённой у иностранных гостей в России царского времени. Сегодня, в период тотального делания денег на чём угодно и «массовой распродажи Родины», именно охота на берлоге среди иностранных граждан пользуется весьма малой популярностью.

На этом снимке видно как минимум пять мест, где медведь может скрыться из поля зрения при неудачном выстреле.

Владелец известной семейной фирмы, занимавшейся охотничьим бизнесом в России с момента, когда это стало возможно, сказал мне просто: «Охота на берлоге? Не продал ни одной. Но ведь это не охота! Это убийство!»

Дальневосточная компания, регулярно, с 1996 года рекламирующая охоту на всех возможных выставках, а с 1999-го присутствующая в Интернете, стыдливо говорит: «Да... Продали мы охоты на берлогах... Две за всё время. И то – на белогрудку. Клиент на экзотику купился».

Так в чём дело-то? То, что русскому – «забава молодецкая», получается, немцу, если не смерть, то, по крайней мере... э-э-э... большая неприятность.

«Я не приемлю охоту на берлоге, – говорит Франц III., охотник из Австрии. – Конечно, я хочу убить медведя, их в Европе почти нет. Но ведь это получается убийство! Вы стреляете в зверя, когда он находится в самом беспомощном состоянии, в каком он может быть! А где гарантия, что это не самка? И что тогда делать с медвежатами?»

Оружие и патроны на медвежьих сафари

Вместе с иностранцами в России появились невиданные доселе оружие и патроны.

По существу, конечно, ничего принципиально нового в оружии для охоты на медведей они нам не привезли. Это были (в порядке наибольшей распространённости):

- всё те же винтовки с продольно-болтовым затвором – преимущественно всемирно распространённые клоны системы Маузера (в российском просторечии – «задвижки»);
- карабины Blaser R93, хоть и похожие внешне на болтовые винтовки, но всё же ими не являющиеся (перезарядка в два движения, а не в четыре);
- самозарядные карабины (мне пришлось видеть в руках клиента только Browning BAR и Heckler & Koch);

- двуствольные штуцера (все сплошь «австрийцы» и «немцы»).

Ни один из охотников ни разу не приехал с винтовкой, перезаряжающейся скобой Генри и с гладкоствольным пулевым оружием.

Далее, охотники делились на две хорошо отличимые категории – американцы и европейцы. От принадлежности к какой-либо из этих категорий и зависели оружейные и патронные предпочтения.

Подавляющее большинство американцев приезжали с болтовыми винтовками – Remington 700 и 7, Winchester 70, Ruger M77, Weatherby Mark V, Savage 110. Людей, приезжавших с самозарядными браунингами, можно было сосчитать по пальцам одной руки. В патронах у американцев было гораздо больше разнообразия. Самыми распространёнными были .30–06, 300 Winchester Magnum, 375 Holland & Holland Magnum, 375 Weatherby Magnum. Именно в этом порядке. Значительно менее распространёнными были 8 mm Remington Magnum, 7 mm Remington Magnum, 264 Winchester Magnum. Как ни странно, только три раза к моему знакомому приезжали люди с оружием под такой распространённый в Америке патрон, как .338 Winchester Magnum. Было что-то ещё, но в таком незначительном количестве, что я их даже не вспомню. Кроме одного карабина под патрон .416 Rigby, который, впрочем, не сумел показать никаких выдающихся результатов – охотник выстрелил из него в медведя с расстояния двадцать метров, тот и помер.

Количество оружия под «магнумовские» и «немагнумовские» патроны у приезжающих в гости охотников делится сегодня как два к одному. В пользу «магнумов». При этом минимальный патрон, которым клиент в принципе ГОТОВИЛСЯ стрелять медведя, был 7x57R. Это был небогатый гражданин Чехии, и карабин у него в арсенале имелся всего один – CZ 550, с карпатской ложей. Владел он им, правда, очень хорошо и отказался от предложенной возможности использовать «Тигр» своего проводника. Гид-проводник усадил его на кромку берега, возвышавшуюся метров на семь-десять над приливно-отливной полосой. Они дождались медведя, бредущего по литорали, и стрелок перебил ему шею выстрелом сверху вниз на расстоянии около двадцати пяти метров. Кстати, никто из известных мне охотников не приезжал на медведя с оружием под столь распространённый у нас патрон .308 Win.

Самые известные немагнумовские патроны, использовавшиеся гостями на медвежьей охоте, были уже упоминавшиеся .30–06 и 8x57. При необходимости перехода на калибры более 8 мм охотники-трофейщики уже предпочитали магнумовский боеприпас. Я могу вспомнить считанное количество клиентов, приезжавших с оружием под патрон 9,3x62. А вот карабины под .375 Holland & Holland Magnum, 375 Winchester Magnum и .375 Weatherby Magnum являются сегодня самым распространённым оружием медвежьих охот на востоке России.

Каждый из профессиональных охотников на крупного зверя имеет у себя про запас одну-две «страшилки» про медведей. К примеру, Кен Ниланд из Фэрбенкса обожал рассказывать историю, как один из его приятелей выстрелил в крупного аляскинского медведя из винтовки под патрон .375 Weatherby Magnum. Медведь упал как подкошенный, но, когда один из гидов начал обходить его со стороны морды (что, с моей точки зрения, само по себе является непростительной оплошностью), зверь бросился вперёд, успел покалечить гида и только после этого испустил дух. Напуганный этим эпизодом приятель немедленно объявился каким-то штуцером африканского калибра и прекратил охотиться на медведей.

С другой стороны, Рой, один из наиболее высокооплачиваемых гидов-проводников на Кадьяке, использует при страховке клиентов обычный Winchester Mod. 70 под патрон .30–06.

«Конечно, некоторые кадьякские проводники используют для этих целей штуцера африканских калибров, – заявил он, – но я считаю, что это сугубо маркетинговый ход».

Оружие американских охотников не отличается разнообразием – Winchester Mod. 70, Remington Mod. 700, 320. Значительно реже в их руках приходится видеть Weatherby MarkV, Ruger M77, Savage 110, Browning. Из европейских систем янки делают исключение почему-то для Sako 75. По пальцам одной руки можно сосчитать людей, приехавших с полуавтоматами Browning BAR.

Так как Россия по определению является страной медвежьей и дикой, многие охотники отдают предпочтение карабинам со стволом из нержавеющей стали и прикладом из пластика. Есть в этом большая доля сермяжной правды – я помню, как после одного дня, проведённого на палубе мотобота в Охотском море, Mannlicher одного из клиентов просто перестал открываться. Такая же судьба постигла однажды и Browning BAR, который вообще в разборке оказался одной из самых сложных винтовок. После этих устрашающих опытов мы писали в рекомендациях охотнику на медведей на востоке России буквально следующее: «Если у вас в арсенале есть оружие подходящего калибра, ствол и затвор которого выполнены из нержавеющей стали, мы рекомендуем отдать ему своё предпочтение во время поездки на Тихоокеанское побережье России».

В принципе для американца такая рекомендация не была чем-то из ряда вон выходящим – многие просто покупали такую винтовку конкретно для этой одной поездки. Вообще, граждане США в отношении оружия проявляют себя вполне технократами.

Не то что европейцы. Если для американцев на медвежьих охотах характерен широкий спектр применяемых патронов при сравнительно узком ассортименте оружия, то для европейцев характерна прямо противоположная тенденция.

Патроны, используемые европейцами для медвежьей охоты, в массе своей очень немногочисленны – те же .30–06, 8х57, 300 Win. Magnum, 300 Blaser и 8х68S. Далее европейский пользователь также перешагивает через патрон 9,3х62, не заметив его, и практически полностью переходит на .375 H&N Magnum.

В штуцерах и комбинированных ружьях преобладают 8х57RS и 9,3х74R. При этом европейские стрелки не гнушаются использовать на медвежьей охоте различные вайлдкэтерские или старинные патроны.

Для европейских охотников характерна значительная доля старого оружия – выпущенного в 30–40-е годы, чаще всего под патроны .303 British, 8х57 и 9,3х74. Такое оружие считается семейным, владелец зачастую знает всю его историю – от мастерской, где ружьё было изготовлено, до биографий владельцев, пользовавшихся им ранее.

Для европейцев, так же как и для американцев, очень большое значение имеет оружейная мода. Например, с середины 90-х до начала 2000-х годов самым распространённым оружием зажиточного европейца был Blaser R93 под патрон 8х68S. Опытные охотники и аутфиттеры стараются приезжать с Sauer 202 (очень распространённое оружие), Mauser'a МН от оригинального «Маузера», а также Mannlicher. Охотники среднего и невысокого достатка предпочитают финские винтовки Sako, Tikka или чешские CZ. При этом европейский охотник может привезти и Neut, и Krieghoff, а то и вовсе нечто, вышедшее из небольшой мастерской без имени. Европейцы не купятся на такую ерунду, как рекомендацию привезти новомодное оружие из нержавеющей стали и пластика. Они возьмут с собой три флакона смазки и будут опрыскивать свой «Маузер» каждые полчаса, после чего протирать ствол специальными патчами, который затем спрячут в специальный полиэтиленовый пакет, чтобы принести в лагерь, а затем выбросить в мусорную яму.

Те из нас, кто ожидал от зарубежного оружия неких сверхрезультатов, были поражены. Даже самые дорогие винтовки не догоняли подранков, не добивали их в кустах без помощи стрелка, не разделяли зверя и не тащили шкуру до лагеря. По большому счёту они не делали ничего такого, чего бы не делал очень хороший кавалерийский карабин под патрон

7,62x54R или средний армейский маузер. Да, они были легче, удобнее, прикладистее и тем не менее...

Эффект «overkill», многократно превосносимый оружейниками, с моей точки зрения, срабатывал только на медведях весом до 200 килограммов. Да, медведь размером ниже среднего, если ему по грудной клетке попадает пуля весом 19,4 грамма, летящая со скоростью 700 метров в секунду, обычно падает как подкошенный. Но тем не менее я могу вспомнить эпизод, как медведь, простреленный из карабина Sauer 202 под патрон.375 N&N с расстояния в восемьдесят метров в районе диафрагмы, пробежал двести метров и был добит объединённым огнём из того же Sauer и «Вепря-Супер» под обычный.308 Win.

О больших медведях я не говорю. Единичный выстрел из этих магнумов, если он пришёлся не совсем по месту, очень редко убивает зверя наповал. Меткая стрельба остаётся ЕДИНСТВЕННОЙ возможностью убить медведя мгновенно даже при использовании самых современных патронов в самых современных ружьях.

В итоге я пришёл к парадоксальному выводу, что на медвежьей охоте магнум-патроны для нарезного оружия являются в некоторой степени излишеством. Дело в том, что самое большое преимущество магнум-патронов перед немагнумами заключается в том, что вы выигрываете около восьмидесяти-ста метров прямого выстрела по отношению к обычным патронам. Одновременно с этим моя практика охоты на медведя показывает, что наиболее эффективна охота с наикратчайшего расстояния, на которое возможно подойти к зверю. Сто метров предпочтительнее ста пятидесяти, а пятьдесят предпочтительнее ста. На таких расстояниях решающую роль играют вес пули и калибр, а не начальная скорость. Поэтому для специализированных медвежьих охот мне кажутся более подходящими такие патроны, как 9,3x62, 9,3x53, 9,3x57, и современные.444 Marlin и.45–70 Government. К слову сказать, стрельба из оружия под патроны этого калибра значительно более комфортна – меньше отдача.

Не могу не сказать несколько слов об очень распространённом в мире патроне.300 Win. Magnum.

Этот патрон многими оружейными компаниями рекомендуется как универсальный. Действительно, его характеристики очень внушительны, а энергия некоторых его разновидностей приближается к энергии девятимиллиметровых буйволиных патронов. Однако практика охоты моих гостей показала, что медведи очень редко падают, сражённые наповал из оружия под этот калибр. Как гид-проводник, я сполна хлебнул неприятностей, добивая раненных из этого оружия медведей в зарослях кедрового стланика. Я много думал над этими случаями и пришёл для себя к следующим не очень утешительным выводам.

Довольно часто стрелок находится под влиянием оолооружейной рекламы и считает, что любого попадания по корпусу зверя из оружия под этот патрон достаточно для того, чтобы убить медведя наповал. Поэтому не вполне меткие выстрелы неминуемо приводят к подранкам.

Вторая причина заключается в использовании пуль, которые не раскрываются в теле зверя на близких дистанциях. Дело в том, что, несмотря на всё разнообразие пуль, предлагаемое оружейными фирмами, охотники предпочитают пользоваться ограниченным набором снарядов, к которым они привыкли. А они не всегда рассчитаны на поражение зверя большой массы на расстояниях от ста метров и ближе.

Третья причина вообще очень характерна для приезжих охотников-спортсменов. Это отсутствие стремления сделать второй выстрел по раненому зверю так быстро, как только возможно, следствие привычек, вырабатываемых на стрельбищах, когда стрелку не надо срочно догонять мишень вторым и третьим выстрелами.

Заканчивая разговор о трофейных охотниках и их оружии, я хочу заметить: медведь – крупный и опасный зверь, и ни в коем случае нельзя вселять в клиента противополож-

ное мнение. Когда ваши гости прибывают в лагерь, необходимо каждому из них дать возможность сделать по одному-два пристрелочных выстрела из того оружия, с которым они собираются охотиться. Это необходимо не только для того, чтобы убедиться, что их оружие правильно пристреляно и попадает туда, куда целится стрелок. Это своего рода ритуал для поддержания уверенности в стрелке, который идёт убивать крупного и опасного хищника.

Глава 24 Как сохранить медвежий трофей

Проблема сохранения трофеев в виде медвежьих шкур и черепов – одна из самых насущных, с которой сталкиваются охотники, попавшие в естественную изоляцию от цивилизации. Идешь, к примеру, длительным маршрутом, оказываешься в ситуации, когда необходимо застрелить медведя, шлёпнешь его, сердешного, и потом маешься – что же с ним, окаянным, делать?

Шкура, растянутая на раме.

По книге В. Каверзнева «Медведи и охота на них».

Мало того, что он сам по себе здоров, как мамонт, – а на пулю обычно напрашиваются именно такие звери, – так ещё и череп его здоров, и шкура его здорова. Даже ворочать такого зверя в одиночку – неблагодарное занятие.

Для того чтобы это делать, в рюкзаке у меня в обязательном порядке лежит пятнадцать метров 4-мм альпинистского шнура. Служит он многим целям – в том числе и в качестве средства растяжки крупного убитого зверя.

Ну ладно – зверь убит, разделан, и шкура его лежит перед вами.

Для медведя длиной в семь футов и весом под двести пятьдесят килограммов сырая шкура будет весить килограммов около тридцати. Какие есть способы хоть чуть-чуть уменьшить её массу?

Во-первых, снять её как можно более аккуратно. Это значит – прирезать к ней как можно меньше жира.

При этом надо помнить, что мездра у медвежьей шкуры рыхлая, и она переходит в такую же рыхлую жировую ткань так, что сразу и не поймёшь где что.

С другой стороны, снимая шкуру слишком тонко, можно подрезать корни волос и они у вас на трофее впоследствии выпадут. Почувствовать, правильно ли вы подрезаете корни волос, довольно легко – по характерному скрипу лезвия и по тому, что на мездре будут появляться ярко выраженные чёрные точки.

Типичный разрез на шкуре для её правильного съёма.

Если вы корни волос не подрезаете, то они будут выглядеть на мездре сизыми пупырышками.

Главная рекомендация – снять шкуру с самого зверя как можно чище, с тем чтобы потом как можно меньше возиться с ней, обезжиривая её на коленях.

Далее – выворачиваете уши (не извлекая хрящ!), обдираете ухо только с одной стороны – внешней! Помните, это очень важно, с точки зрения таксидермиста.

Другие проблемы – это нос, губы и лапы. С носом вы поступаете так же, как с ушами, – выворачиваете носовой хрящ насколько возможно, НЕ ВЫРЕЗАЯ ЕГО ОКОНЧАТЕЛЬНО. Губы с внутренней части разрезаются пополам. Все эти места тщательно протираются солью.

Съёмка шкуры с ладоней тоже требует некоторой сноровки.

Подушки лап остаются на шкуре!

Разрез подушек лап проводится с внутренней стороны – с нижней, если медведь лежит на спине. Подушки и пальцы также тщательно просаливаются.

На шкуре остаются одни когти, все пальцевые суставы вырезаются. Будьте аккуратны, не порежьте кожу между когтями, иначе они будут болтаться как связка костей на верёвке.

Наконец, шкуру вы сняли, всё лишнее с неё срезали (вплоть до жиринки, что практически невозможно). Весит она всё равно не меньше двадцати пяти килограммов.

Дальше засыпаете её солью (потребуется не меньше 10 кг), растираете её по всей шкуре, так, чтобы свободных от соли мест не оставалось. Затем складываете её конвертом и запикиваете в мешок из грубого полиэтилена, так, чтобы этот полиэтилен не порвать; завязываете его намертво. В этом мешке шкура лежит, пока не просолится, неделю – дней десять. Потом, перед выходом из лагеря, вы вытаскиваете шкуру из мешка, сливаете тузлук (солёную воду) и стараетесь её подсушить на ветерке мездрой вверх. Затем сворачиваете и пытаетесь вынести. Но соль на лапах, в носу и на ушах надо обязательно оставить. То же самое касается и хвоста.

Шкуру, с полностью удалённым жиром и слегка подсоленную, можно попробовать высушить – растянуть, солить, снова солить. Но – при этом погода должна быть близкая к идеалу, и займёт эта радость не меньше четырёх дней, плюс на обдирку с обработкой шкуры уйдёт день.

Разделка медведя в одиночку.

В качестве ножей для разделки медведя лучше всего использовать небольшие ножи, с длиной лезвия не больше 12–13 см, шириной 25–30 мм, с хорошо выраженным закруглённым брюшком. Сталь для таких ножей желательна мягкая, легко затачивающаяся, такая, как на ножах марки Viking. Обычно при разделке используются несколько ножей, которые всё время правятся. Брусок при разделке медведя всегда лежит под рукой.

Шкура, снятая второпях, «с головой».

Другим видом трофея, который получается при добыче медведя, является череп.

Сперва с черепа срезается всё возможное мясо.

Потом его закладывают в большой бак – лучше всего полубочку из-под горячего – и варят. Бога ради, не слушайте никого про муравейник – черепа больших животных муравьями выедаются с трудом, потом воняют нещадно.

Варят его долго, минимум полдня. В воду добавляют соду. Сода способствует связыванию жиров, которых достаточно в мозге и мясе зверя.

Позже череп вытаскивают и сперва ножом очищают от мяса, а мозги удаляют провололочным крючком. Затем ёршиком для посуды вертят внутри черепной коробки. При этом помощник проливает коробку кипятком из чайника. Носовые трубчатые кости удаляют.

После этого в ход пускаются жёсткие (самые жёсткие) щётки для одежды – ими удаляются остатки мяса с черепной коробки. Проволочным крючком удаляются все нервные окончания. После чего череп сушится дня два-три.

Резюме: если кто-либо стреляет медведя походя, на маршруте, он обычно его бросает. Максимум – берёт череп.

Медвежья охота – ВСЕГДА отдельное большое мероприятие со стоянием лагерем.

Я не буду останавливаться на способах выделки медвежьих шкур и оформлении черепов в качестве трофеев. Дело в том, что шкуру и череп необходимо сразу же отдать в таксидермическую мастерскую для надлежащей обработки. Уверяю – там с этим справятся лучше вас!

Глава 25 Медведи и самоловы

Заканчивая обзор способов охоты на медведя в России, следует, наверное, подробно остановиться на самоловах. Именно самоловы, образно говоря, вывели человека в люди – были одними из первых механизмов в истории человеческой цивилизации. Самоловы для людей сделали то, чего не смогли сделать первые примитивные орудия труда, – они сообщали охоте характер производства. Первым и самым известным (из учебника естественной истории) самоловом, была, вероятнее всего, ловчая яма, куда наши волосатые предки загоняли мамонта. Подобные ямы ещё до недавнего времени использовались в России, Средней Сибири и Забайкалье для ловли зверей – коз, оленей, лосей, волков (откуда и один из вариантов названия – «волчья яма»), а также для защиты от неприятеля. Медведей в эти ямы ловили нечасто, вернее, эти звери чаще других оттуда выбирались, потому что для зверя, обладающего такой силой и таким опытом землеройных работ, бывало отнюдь не сложно подкопать края ловушки и выбраться из неё. А. Черкасов, автор «Записок охотника Восточной Сибири», пишет, что, по его сведениям, ямы для ловли медведей имели форму конуса, т. е. расширялись книзу, что затрудняло попытки топтыгина выбраться из неё. Но гораздо более верным способом удержать медведя в яме был воткнутый в её дно заострённый кол.

Тот же А. Черкасов описывает другой самоллов, рассчитанный почти исключительно на медведей и крупных копытных, – это треугольник, сделанный из массивных плах, в который на каждой из его сторон забиты толстые длинные гвозди с зазубринами. Эти гвозди забивались так, чтобы они своими остриями торчали к центру этого треугольника, который в настоящее время носит у браконьеров название «башмак». К такому «башмаку», как и к капкану, цепью привязывался тяжёлый груз. На медвежьих тропах обычно устанавливалось рядом несколько таких треугольников, потом они тщательно маскировались.

Попав в центр такого сооружения лапой, медведь сам «надевал» её на гвозди, пытаясь вытащить. Затем несчастный зверь начинал биться и попадал, как правило, другими лапами в поставленные рядом ловушки. В конце концов он выбивался из сил до такой степени, что подошедшие мужики добивали его просто палками или дубинами.

В одном из описаний мне встретилось совершенно поразительное по простоте устройство, основанное на принципе третьего закона Ньютона, который в шофёрском фольклоре формулируется так: «Чем сильнее ты стукнешь столб, тем сильнее столб стукнет тебя». Делалось это устройство для защиты лесных ульев – бортей, укреплённых на деревьях. На дерево с ульем вешалась тяжеленная колода – такая, чтобы её вес был сопоставим с весом небольшого медведя – только небольшие медведи сохраняют «детскую» способность лазать по деревьям. В колоду забивались шипы, и привешивалась она с таким расчётом, чтобы зверь, лезущий вверх, никак не мог её миновать. А в землю под деревом всаживались крепкие заострённые колья.

Медведь и «колода».

Механизм действия западни был прост. Медведь, лезущий на дерево, пытался отодвинуть колоду с пути, но она упорно возвращалась на место. Зверь кололся о шипы и сердился. Но чем сильнее он бил по ней, с тем большей энергией кряж раскачивался на подвесе и в конце концов сбивал зверя вниз – на ждущие жала кольев.

«Не стану описывать те способы добывания медведей, которые употребляются в России, но неизвестны сибирякам, – далее пишет Черкасов, – а упомяну только о тех, которые употребительны в Забайкалье. Например, около Байкала, где местность чрезвычайно гористая, поступают так: на тропе, по которой медведь куда-нибудь часто ходит, ставят крепкую петлю, привязывая конец её к толстой чурке. Медведь непременно попадёт в петлю либо шеей, либо какой-нибудь ногой, пойдёт и услышит, что его что-то держит, воротится назад, по верёвке доберётся до чурки, рассердясь, схватывает её в лапы и несёт куда-нибудь к оврагу или утёсу, чтобы бросить. Но, бросив чурку, и сам улетит за нею. Конечно, петли ставятся около таких мест, чтобы медведь, отправившись с чуркой в пропасть, мог убиться до смерти и вместе с тем достаться в руки охотнику».

Подробное описание ловли медведей капканами оставил натуралист Н. Шнитников. Он говорит, что капканы на медведей ставили в основном весной, возле падали. Делалось это по той, уже упоминавшейся нами причине, что весенний период – один из самых трудных в жизни нашего героя. Именно в это время он теряет значительную долю своей осторожности и может с лёгкостью поддаться на хитроумные человеческие уловки. Шнитников, правда, утверждает, что медведь никогда не подходит к приваде сразу, а иногда целую неделю ходит вокруг падали, прежде чем решится подойти к ней вплотную. Мой собственный опыт подсказывает, что в этом утверждении таится значительная доля преувеличения – может быть, так бывает (а точнее – бывало) в Европейской России, где в довоенное время охота на медведя была настоящим искусством, когда и охотники были, так сказать, классического толка, и медведи соответственно были поопытнее...

Впрочем, объект моего описания весьма способствует тому, чтобы допускать по его адресу разные преувеличения, и не исключено, что и я сам окажусь не свободен от них. Но вернёмся к Н. Шнитникову и его описанию капканной охоты.

«Наконец, медведь смело подходит к трупу лошади или коровы и, если тот уже разложился, начинает его есть. Если же нет, то, чтобы падаль разложилась скорее, зверь тщательно обкладывает её мхом.

Чтобы медведь наткнулся на капкан, труп животного кладут так, что к нему можно было подойти только с той стороны, где ставится капкан. Установка капкана производится

уже после того, как медведь перестанет бояться падали и станет её есть. Но и тут поймать удаётся далеко не всякого медведя. Попадаются среди них такие, которые, например, ни за что не подойдут к падали с открытой стороны, а подрываются к ней где-нибудь в другом месте – там, где никакого капкана нет. Есть и такие опытные звери, которые ещё издали начинают осторожно ощупывать землю одними когтями и, обнаружив предательское железо, заваливают его валежником или откидывают в сторону.

Один такой умудрённый жизненным опытом медведь начал своё исследование ещё метров за двадцать от падали. На всём этом расстоянии он необыкновенно тщательно исследовал землю, царапая её когтями, и как железными граблями разрыхлил весь верхний слой почвы сплошной полосой чуть ли не в метр шириной. Таким образом он старательно проверил весь свободный проход к падали общей площадью почти в двадцать квадратных метров. Но и этого ему показалось мало, хотя он и не нашёл капкана (который ещё тогда поставлен не был). Он на всякий случай перетащил тушу лошади в еловую поросль метров за шестьдесят от того места, где она была положена охотником, и, несмотря на то, что теперь уже он клал её сам, всё-таки при следующем посещении искал капкан так же старательно. Этого хитреца поймать так и не удалось».

«Кряж» – самолов на самых крупных и опасных животных.

По книге В. Каверзнева «Медведи и охота на них».

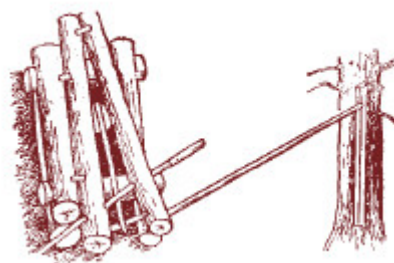
Другой вариант «кряжа» на медведя. По книге В. Каверзнева «Медведи и охота на них».

Здесь мне бы хотелось отметить то обстоятельство, что медведи довольно часто перетаскивают с места на место туши довольно крупных животных (вернее сказать – любых

крупных животных), если им по той или другой причине не нравится место, где выложена падаль. Поэтому сруб, сооружаемый в некоторых местностях России вокруг привады во время охоты с лабаза, имеет своей целью воспрепятствовать зверю утащить роковую приманку на большое расстояние.

Во время капканной охоты было принято привязывать к капкану тоже какой-нибудь тяжёлый предмет, например чурку весом в несколько десятков килограммов. Такой груз приковывался к цепи, а цепь, в свою очередь, соединялась с капканом через вертлюг, что не давало возможности таёжному богатырю её перекрутить.

«„Медвежий кряж“ по своему устройству является одним из самых простых самоловов», – утверждает знаток медвежьей охоты В. Рябов. В глухом урочище, где постоянно обитали медведи, выбирался бугорок с растущим на нём толстым деревом. Ниже бугорка, примерно в трёх с половиной метрах, кладут толстый, закрепляемый кольями кряж, к нему на пазу прикрепляют второй такой же кряж, который можно свободно отводить вверх по установленной вертикально планке.

Щемиха – старинный русский самолов на медведя. По книге В. Каверзнева «Медведи и охота на них».

Над подвижным кряжем устанавливался третий кряж, упирающийся одним концом в вытесанный в дереве паз, а другим – в верхний кряж. Между двумя нижними кряжами устанавливают хилую распорку, к которой приделывают приманку. Как только медведь тянул за приманку, верхний кряж срывался из паза в дереве и сдавливал оба нижних кряжа, а между ними – лапу медведя. Для большей верности в оба кряжа было принято всаживать острые зазубренные гвозди, которые буквально «пришивали» медвежью лапу к дереву.

«Щемихой» назывался очень похожий на кряж самолов, который отличался от последнего только тем, что брёвна в нём свободно, безо всякого сторожевого кряжа, «накатывались» на лапы зверя, всаживая в них острые гвозди.

Саянские ловушки-живоловки представляли собой срубленные из прочных нетолстых брёвен клетки длиной около трёх метров при высоте метр двадцать и ширине внутри не более шестидесяти пяти сантиметров. Такой узкой и низкой клетка делается для того, чтобы медведь, залезший в неё за мясом, не смог в ней двигаться и развалить её. В одном конце такой клетки делаются косяки с пазами, в которых свободно вертикально ходит дверь, сшитая из прочных толстых досок. В боковых стенах ловушки делаются щели-бойницы, через которые было удобно пристрелить пойманного зверя. Когда медведь, привлечённый запахом гниющего мяса, заходил в ловушку и дёргал зубами за сторожок с приманкой, дверь за его крупом падала по смазанным пазам и запирала зверя.

Трудно сказать, насколько эта ловушка была эффективна, но хорошо ловились в неё только небольшие и неопытные звери. Судя по впечатлению автора книги «Охота на медведей» В. Рябова, крупные звери, попадавшие в эти клетки, всё-таки ухитрялись разрушать их изнутри.

В Южной Якутии для добычи бурого медведя были распространены так называемые кулёмы. Кулёма представляла собой «гнёт» в виде помоста из жердей, на который нагружался груз массой в несколько центнеров – обычно мешки с галькой или песком. Это соору-

жение подпиралось специальным сторожком, который было достаточно тронуть, чтобы помост всей массой обрушился на косолапого и похоронил его под своей тяжестью.

Примитивная загородка для установки петли. Колымское нагорье.

На сегодняшний день почти все вышеперечисленные самоловы отошли в область преданий, но было бы ошибкой полагать, что современные охотники стали смелее или отчаяннее своих предков, так что их больше радует перспектива столкновения с медведем «один на один». Нет, все эти «башмаки», «кляпцы», капканы уступили место другим, современным, изощрённым, действенным и неизмеримо более варварским орудиям убийства.

Петля – самое страшное оружие для добычи медведей.

Первое средство, которое, на мой взгляд, произвело революционную перемену в деле уничтожения медведей на территории Сибири, называется «мёртвой петлёй». Здесь следует отметить, что в принципе петля является одним из самых древних и универсальных способов истребления всего живого – её использовали с незапамятных времён для добычи рябчиков и куропаток, кроликов и кабарги, волков и косуль. Черкасов, например, упоминает петлю как одно из самых распространённых орудий лова в Забайкалье. Но он же и замечает:

«Случается, что медведи попадаются и в козьи петли, которые, впрочем, по большей части обрывают». Но XX век внёс в дело петельного лова одно существенное изменение. Как читатель, наверное, уже сообразил, в принципе петлём возможно ловить любых зверей (за исключением имеющих раскидистые рога). Но это только в принципе. Потому что в условиях суровой жизненной реальности размер отлавливаемого зверя зависит от соотношения его силы с прочностью материала, из которого петля изготовлена. И на пороге XX века такой материал появился. Это оказался гибкий стальной трос.

В середине 60-х годов в Восточной Сибири появилось невиданное доселе племя охотников-медвежатников. Количеством погубленных ими медведей они могли поспорить даже с великим Охотником из сказки Евгения Шварца «Обыкновенное чудо». Среди них были люди, добывшие по пятьдесят, девяносто, сто медведей. Однако среди этих бесчисленных добытых зверей зачастую не было ни одного, который был бы убит из ружья на свободе.

Петли чаще всего ставились на долговременных медвежьих тропах, в местах, которые звери посещали чаще всего, вдоль берегов нерестовых рек, у троп, огибающих обрывистые морские берега, – словом, на всех тех местах, которые у охотников принято называть «ходовыми». Эти петли регулярно проверялись охотниками – чаще всего для того, чтобы не дать продукции испортиться. Вопреки распространённому мнению попавший в петлю медведь очень редко «давил» себя насмерть – чаще всего ему приходилось в муках дожидаться пули, которая освободила бы его от страданий. Однако иногда с подобными медведями происходили разные казусы, в результате которых сам браконьер или погибал, или отделялся

смертельным ужасом. Как это происходило, будет подробно рассказано в дальнейших главах.

Если поблизости не оказывалось удобного места для ловли медведей в петлю (а медведи поблизости имелись), то браконьеры создавали такие места сами. На Охотском побережье неподалёку от Магадана из выброшенных морем стволов деревьев (так называемого плавника) браконьеры сооружали огромные «балаганы» – что-то вроде заготовки бамовского костра. Внутри этого «шалаша» из брёвен закладывалась приманка – чаще всего густо пахнущий труп нерпы. При этом петли устанавливались в специально оставленных просветах между стволами, так что медведь, желавший добраться до своего достояния, неминуемо совал голову в одну из них.

Применялись петли и в чисто «карательных» целях – против медведей-разбойников, повадившихся разбирать и грабить избышки. В таком случае петли ставились прямо в дверях и окнах угрожаемых строений. При этом если изба или балаган не имели достаточного запаса прочности, то они стараниями беснующегося зверя зачастую превращались в развалины. Так что самому охотнику чаще всего приходилось довольствоваться только моральным удовлетворением от наказания виновного животного.

Как уже говорилось выше, установка петель не была таким уж безопасным занятием, как это могло показаться поначалу. Большой медведь мог открутить петлю, выломать предмет, к которому она была прикреплена, её могли неаккуратно привязать, или, наконец, трос мог перержаветь от длительного употребления и лопнуть. В таких обстоятельствах медведь чаще всего переходил к самостоятельным боевым действиям, которые не раз и не два заканчивались плачевно для виновников его страданий.

Впрочем, не обязательно только для виновников. Случалось, что жертвой разъярённого, затаившегося в кустах с петлёй на шее медведя становились и совершенно ничего не подозревающие люди, вся вина которых заключалась только в том, что им довелось проходить мимо этого места.

Но этим не ограничивалась опасность, которую представляли собой медвежьи петли. Впрочем, как всегда, основным источником опасности являлись не медведи, а люди с фантазией. Вернее, те люди, которые решили свести для себя к минимуму ту опасность, которую для них представляли медведи, пусть даже плённые стальным хватом троса. Их изобретением стали петли с так называемыми очепом и перевесом. Если традиционная медвежья петля не представляла для идущего по тропе человека никакой опасности (за исключением случая, когда в ней сидел живой медведь) – её можно было довольно легко снять руками, – то эти «очепы» и «перевесы» были разработаны двуногими хищниками таким образом, что всякий пойманный ими объект вздёргивался над землёй. Достигался такой эффект довольно разнообразными способами, чаще всего тем, что на другом конце петли был закреплён тяжёлый груз (например, несколько мешков с галькой), который при сотрясении срывался вниз,

с развилки дерева, через которую был переброшен трос. Известно несколько случаев, когда от подобных сооружений погибали случайные люди – эвены-оленоводы, геологи, туристы.

На Охотском побережье изготавливают настоящие «шалаши» из брёвен, куда устанавливают петлю и выкладывают приваду.

Ещё один варварский способ добывания бурых медведей до сих пор имеет некоторое распространение в Северном Приохотье. В качестве ловушки используется железная бочка из-под бензина. На её днище делается крестообразный разрез, и заострённые края загигаются внутрь, так, чтобы они образовывали внутри бочки сходящиеся друг к другу острия. Внутри бочки бросается кусок мяса или тухлой рыбы, а затем этот самолов оставляется в местах проживания зверя.

Нашедший эту бочку медведь пытается вытащить мясо наружу, перекачивает её так и эдак, а под конец засовывает в образовавшееся отверстие голову или лапу.

Вот тут-то ему и приходит конец. Загнутые внутрь острые края разрезов не дают медведю вытащить из бочки всё, что бы он туда ни засунул. Голову – так голову, лапу – так лапу. Вот и мечется обезумевший от боли зверь, пока человек не наносит ему *coup de grace*².

Вообще, все самоловы, рассчитанные на медведя, являются очень большой угрозой для человека. Пасть тяжёлого медвежьего капкана весом в пятьдесят килограммов способна напрочь отрубить голень взрослого мужчины, петля с «перевесом» способна вздёрнуть под крону дерева самого крепкого силача, ни один человек не останется в живых, если на него упадёт груз якутской «кулёмы», рассчитанный на самого крупного хищника нашей тайги.

В анналах геологоразведочной службы известен рассказ о трёх геологах, которые попытались спрятаться от дождя под каким-то навесом, подпёртым утлым колом. Двое уложились под ним и обнаружили, что к колу привязан кусок протухшей лосиной ноги. «Выкинь-ка отсюда эту падаль» – были последними словами одного из них. Кол «сложился» пополам, и навес рухнул под тяжестью положенных на него полутора тонн камней. Об этой истории рассказал единственный оставшийся в живых её участник, не успевший воспользоваться «гостеприимством» ловушки безымянного браконьера в якутской тайге.

В современных условиях, когда полем человеческой деятельности стала практически вся планета, не исключая самых глухих уголков сибирской тайги, применение подобных методов не только безнравственно, но и уголовно наказуемо. Однако те люди, которые чаще всего употребляют вышеперечисленные способы, предпочитают руководствоваться старин-

² *Coup de grace* [фр.] – последний, решающий удар.

ным принципом беглых каторжников: «медведь рассудит». Самое удивительное, что так иногда тоже бывает.

Часть IV Медведи-убийцы

Глава 26 Непредсказуемые нападения

Итак, попробуем решить, стоит ли бояться медведей.

Две крайности преобладают в современном отношении человека к медведю.

Первая заключается в том, что медведя считают чем-то вроде когтистого аналога безвредной травоядной скотины – коровы – или свиньи. А вторая, напротив, состоит в том, что представляет медведя кровожадным чудовищем, не только использующим, но и изыскивающим любой подходящий момент для нападения.

Первая точка зрения вырабатывается, как правило, у опытных полевых работников, полевиков «со стажем», и стаж этот уходит корнями своими в 50-60-е годы, когда медведь стоял как бы «вне закона» и за его голову временами объявлялась награда. Тогда медведь большинством бродяжьего люда воспринимался не как угроза, а скорее наоборот – как возможность поправить за счёт природы свои продовольственные запасы.

Да и лестно было многим охотникам и сотрудникам экспедиций получить «просто так» почётное в Центральной России звание медвежатника. Поэтому большинство близких столкновений с этим зверем заканчивались в то время попросту выстрелом в его сторону. А уж пришедший к лагерю медведь (основная напасть экспедиций последних лет) превращался прямо-таки в дар божий.

Человек тогда не только не избегал встреч с медведем, но даже сам активно искал их, потому что по представлениям тех лет медведь выглядел не только безопасным, но даже трусливым зверем.

Люди, исповедующие другую крайность, обычно черпают запас знаний о тайге и её обитателях из авантюрной приключенческой литературы, дешёвых рассказов на охотничьи темы, запуганы страшными лесными байками (этой разновидностью фольклора можно при желании забить не один пухлый том) – словом, в тундре и в лесу люди случайные, но составляющие большинство населения планеты Земля.

Обе эти точки зрения неверны, и их пропаганда чрезвычайно вредна для сознания человека, собравшегося всерьёз остаться наедине с природой.

ПЕРВОЕ, ЧТО НАДЛЕЖИТ ЗНАТЬ

ЧЕЛОВЕКУ, РАБОТАЮЩЕМУ В МЕСТАХ ОБИТАНИЯ
БУРОГО МЕДВЕДЯ, —
МЕДВЕДИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАПАДАЮТ НА ЛЮДЕЙ.

Нападение медведя на человека хотя и происходит редко, но вовсе не является каким-то исключительным происшествием. Вообще, для наглядности принято сравнивать цифры гибели людей от диких животных с количеством погибших в автомобильных катастрофах. Но если заняться сравнением относительного числа людей, всё время имеющих дело с автотранспортом, и людей, по образу жизни и долгу службы постоянно сталкивающихся с дикими животными, то смысл этого сравнения во многом будет утерян. Особенно это касается страны с такими прочными традициями презрения к человеческой жизни, как Россия, где с любой «летальной» статистикой обращаются просто: в лучшем случае — на неё не обращают внимания, в худшем — «подчищают» в угоду властям.

По традиции случаи нападения бурого медведя на человека классифицируются как спровоцированные и неспровоцированные. Но, читая охотоведческую литературу, постоянно сталкиваешься с тем, что разные авторы вкладывают собственный смысл в эти понятия.

Круг спровоцированных нападений я сузил до случаев, возникающих при охоте на медведя, а также при попытках приручения и прикармливания зверей.

Зная ряд биологических особенностей медведя, а также характерные черты среды его обитания, можно вычислить ситуации, в которых возможно, а иногда и неизбежно нападение медведя на человека.

С самого начала надо рассмотреть ставший хрестоматийным пример с медведицей, охраняющей своих медвежат. Как говорят классики русской охотничьей литературы, медведица с медвежатами считается одним из самых опасных лесных жителей.

Однако сведения о столкновениях людей и медвежьих выводков, которые удалось мне собрать, заставляют усомниться в таком выводе. Почти все нападения, совершённые медведицами, имеющими медвежат, имели чисто демонстративный характер.

Старший геолог геохимического отряда Дукатской экспедиции повстречался на тропе с медведицей, за которой сзади бежали два медвежонка. От неожиданности он побежал вниз по склону ручья, стараясь сбросить рюкзак. Медведица его догнала и ударом по рюкзаку сбила с ног, но он тут же поднялся и побежал по распадку. Вторично он упал то ли от удара медведицы, то ли споткнувшись, но ясно услышал над своей головой её рычание и сопение.

Когда через некоторое время геолог встал, то увидел стоящую примерно метрах в семи от него медведицу. Он выстрелил из нагана, но (слава богу) промахнулся. Медведица скрылась в кустах.

Совершенно очевидно, что медведица отнюдь не желала закусить старшим геологом. Ей нужно было просто отогнать его от медвежат. Если рассуждать с холодной головой и не иметь медведицы ни впереди, ни позади себя, то придёшь к выводу, что геолог совершил как минимум две ошибки. Ему не стоило ни бежать от медведицы, ни стрелять в неё, тем более из нагана.

Известный русский писатель М. М. Пришвин в своём романе «В краю непуганых птиц» так описывает встречу лесника с медведицей в Олонецкой губернии:

«В особенности опасно бывает встретиться с медведицей, когда у неё маленькие медвежата; они бегут к охотнику и лапятся к нему, как собаки, а медведица за них боится и может растерзать охотника. С Филиппом много раз бывают случаи, но он всегда как-то извёргивался.

— Раз, — рассказывал он мне, — полесовал я по сильям (русская идиома, обозначающая „проверял петли на куропаток“. — М.К). Ну, хорошо. Стою я на коленках, силки лажу, слышу — бунчит земля. Поглядел — два медвежонка, за ними пестун, а позади всех медведица стоит на задних лапах, верхними помахивает. Тут мне стало будто бы и немножко неладно. Встал я сразу с земли да как закричу во весь дух: „Серко, Серко!“ А какой тут Серко, когда по сильям шёл. Эти медвежонки ка-ак махнут, за медвежатами пестун. А медведица постояла-постояла, да на левое плечо — и ух! Побежала вслед за ними».

В принципе, если абстрагироваться от чувств человека, которого пугают, скрепя сердце можно согласиться с тем, что медведицу легко понять: если ранее я говорил, что у бурого медведя в естественных условиях нет врагов, то теперь следует внести необходимую оговорку — за исключением медвежат. Причём главным врагом для мишкиного молодняка следует считать... того же медведя.

Истории о том, что крупные медведи поедают медвежат, если они оказываются на значительном удалении от матери или отобьются от неё совершенно, достаточно обычны в охотничьем фольклоре. Наиболее характерны подобные случаи для белых медведей. Известный арктический исследователь Н. Н. Урванцев столкнулся с подобным каннибализмом во время экспедиции на Северную Землю в 1930–1932 годах.

Самка с детёнышем традиционно считается одним из самых опасных медведей в тайге. Правильно ли?

«Однажды, когда километрах в двух от дома он (радист В. Ходов. — М.К.) снимал шкуру с только что убитого медведя, другой подошёл к строению и разорвал медвежонка, который сидел у стены на цепи. Жаль бедного Мишу, он был такой ласковый и ручной. Журавлёв говорит, что это обычная медвежья повадка. Если взрослый заметит медвежонка, да ещё на привязи, то непременно его убьёт».

Так что трудно обвинять медведицу за слишком ревностное соблюдение родительских обязанностей, тем более если вторая половина позволяет себе истолковывать их прямо наоборот.

Ваш покорный слуга тоже однажды натерпелся страху при встрече с любвеобильной медвежьей мамашей. Было это на побережье Охотского моря, в заливе Одян, куда нас с коллегой Дубининым высадили для обследования будущих охраняемых территорий.

Самый беглый променад по окрестностям нашего лагеря убедил нас в том, что самым многочисленным животным в будущем заказнике будет как раз бурый медведь. Мы осмотрели долину ручья и углубились в горы всего на шесть километров, но повстречали при этом пятерых медведей, и всех – на дистанции дробового выстрела.

Возвращались на базу мы уже в сумерках. В какой-то момент нам показалось, что мы сбились с пути и вышли на какую-то глухую боковую, закрытую огромными ивами протоку.

Но за чащей слышался шум воды в основном русле, и мы не боялись заблудиться.

Впереди на гальке возвышались завалы деревьев, выкорчеванных половодьем. В редких лужах возилась масса умирающей горбуши. Над всей долиной стоял липкий запах гниющей рыбы.

Неожиданно (а медведь, заметим, имеет свойство, как ни один другой зверь, появляться «вдруг») самый дальний, чёрный выворотень зашевелился, зарычал и распался на четыре неравные части. Три из них были совсем маленькие, словно срубленные кочки, но одна оформилась в чёрный пытящий шар и покатила к нам. Это была медведица с тремя медвежатами.

В руках коллеги Дубинина была двустволка, но двустволка неисправная – один из спусков не работал. В придачу ко всему из неё нельзя было при желании попасть два раза подряд в железную бочку с тридцати метров. Но тем не менее эта двустволка являлась нашим единственным оружием. Коллега Дубинин поднял ружьё и прицелился поверх холки зверя. При этом он в полный голос задал сакраментальный вопрос русской интеллигенции: «Что делать?».

Что делать? Будь у нас исправное оружие, можно было бы один патрон пожертвовать на вразумление медведицы. Тогда, если бы демонстрация силы не помогла, вторым выстрелом в упор можно уложить наповал любого зверя. Но сейчас...

В конечном итоге вера в здравый смысл всего живущего победила.

– Тресни ей поверх холки, только возьми второй патрон в руки, – громко посоветовал я. Мы оба рассчитывали, что звуки наших дебатов отгонят настырную зверюгу, но подтвердилось одно моё старое наблюдение. Если уж медведь попёр на рожон, его трудно отпугнуть полумерами. Его надо пугать серьёзно, «вусмерть», только тогда можно рассчитывать на стопроцентный успех.

Медведица довольно быстро приближалась к нам. Это была крупная, упитанная бурая хозяйка с сильной проседью вдоль холки. Пробуравливая нас своими крохотными чёрными глазами, она хрипло рыкала, шипела, а из пасти у неё валились клочья пены.

В семи-восьми метрах от нас река положила на косу могучую лиственницу. Этот ствол был некоей условной отметкой между зверем и нами.

– Встанет на бревно – стреляй! – заметил я коллеге Дубинину. И почти одновременно с этим медведица всеми четырьмя лапами заскочила на бревно.

Треснул выстрел, пуля с визгом заиграла по гальке, а медведица «перекинулась» через плечо и опрометью кинулась к опушке и стоящим там медвежатам. Через три секунды о встрече с медвежьим семейством напоминали только дымящаяся гильза и удаляющийся треск кустарника.

Во всех этих случаях, даже в том из них, когда медведица прямо бросилась на человека, довольно ясно обозначено нежелание зверя «довести дело до конца». Целью всех этих нападений было отпугнуть человека, а не уничтожить его и даже не съесть.

Канадский охотовед Уильям Хиллен, на счету которого множество встреч с медведями в провинции Британская Колумбия, тоже утверждает, что чаще всего стрелять мы торопимся.

«Как-то в густых зарослях я наткнулся на медведицу с двумя малышами. Она тут же ринулась на меня, но в десяти шагах встала на дыбы и заревела. Я постарался взять себя в руки, что под носом у медведя непросто, и тоже заревел, стал пятиться, а потом повернулся и зашагал прочь. Она, очевидно, была довольна, что престиж её не пострадал. Позже мы ещё раз столкнулись с ней у реки, но она едва обратила на меня внимание».

Так что нападение медведицы чаще всего является демонстрацией угрозы, однако не исключено, что она от демонстрации может перейти к реальному нападению. Поэтому ситуация, складывающаяся во время встречи человека с медведицей, имеющей медвежат, требует особого внимания и осторожности.

Существует ситуация, в которой нападение медведя становится очень вероятно. Это встреча с крупным зверем – чаще всего самцом-резидентом (хозяином медвежьего надела) – возле его добычи (падали, груды рыбы или присвоенных зверем помоев). Не желая уступать человеку плоды своих трудов или просто уходить из «злачного места», такие медведи становятся особенно опасны.

Тот же Хиллен говорит:

«Дважды я напарывался на медведя, дремавшего подле добычи, и разбуженный зверь немедленно бросался на меня. Излюбленное место такой сиесты – где-нибудь близ озера, на лугу, на опушке. После первого пиршества медведь иногда заваливал жертву ветвями и валежником на манер пумы. К добыче он относится как ревнивый собственник. Это может быть туша лося, карибу, чёрного медведя. Обычно жертва – большое или увечное животное, но бывает, что гризли побалуется и здоровым бычком, которого убьёт с лёгкостью и оттащит довольно далеко. Иногда гризли заваливает крупную дичь, подстреленную охотником. Уложив вечером лося, охотники приходят наутро за тушей и подвергаются нападению гризли, который считает эту тушу манной небесной, свалившейся с медвежьего неба, и своей законной собственностью».

Двое научных сотрудников Кандалакшского заповедника во время обхода вверенных им угодий наткнулись на труп лося, задавленного медведем. Едва первый из них вышел на поляну, где лежал сохатый, медведь бросился на человека и подмял его под себя.

Пострадавший выстрелил из ружья, в медведя не попал, но испугал его – зверь отскочил в сторону и был добит вторым выстрелом.

Два рыболова на реке Белая поднимались вверх по реке. Стояла засушливая осень, в реке было мало воды, и они сели на мель посреди переката, почти сплошь забитого дохлой кетой.

Пока люди возились, стаскивая лодку, из кустов на берегу выскочил крупный медведь и бросился к ним, не обращая внимания на крики. Зверь схватил одного рыбака за голову и

снял скальп. Второй отделался сильным нервным потрясением – он успел столкнуть лодку с переката.

Известен случай, когда медведь напал на свободно плывущую лодку с человеком на борту. Это произошло во время сплава по реке Челомдже полевого отряда Академии наук. Вторая лодка каравана везла разделанную тушу лося, а единственная в отряде винтовка находилась на головной лодке. Сперва на берегу реки показался крупный медведь. Он мирно пасся на остатках рыбы и совершенно спокойно пропустил мимо себя первую лодку. Неожиданно для всех он вдруг бросился к следующей лодке, кинулся в воду и с рычанием поплыл к ней. С головной лодки открыли стрельбу по зверю, однако под огнём оказалась замыкающая лодка каравана. Проходя излучину реки, она как раз находилась на линии огня. Экипаж атакованного корабля прыгал по куче мяса и громко орал. Тем не менее цель была достигнута – выстрелы и крики всех людей сразу отпугнули обнаглевшего зверя.

Один из работников перевалбазы Уляшка совхоза «Омолон» в среднем течении реки Олой застрелил летом лося. Думая о том, как бы его лучше сохранить, он спрятал мясо на ледяную линзу под почву, довольно далеко от становища. Но стояла страшная жара, и мясо начало изрядно вонять. Неудивительно, что возле этой «захоронки» сразу же нарисовался медведь. Он полакомился содержимым этого естественного холодильника и залёг поблизости. Заметив приближающегося к спрятанному мясу человека, он напал на него и убил.

Егерь заказника «Омолонский» Никита Малеев ехал вместе с чукчей на снегоходе в оленеводческую бригаду. По дороге они остановились возле кораля, у которого, как водится, валялись куски шкур, потроха и головы забитых оленей. Никита пошёл к балку, в котором оставил канистру с бензином, а чукча-пастух остался возле саней варить чай. Вдруг в какой-то момент егерь услышал крики пастуха, а глянув в сторону нарт, он увидел, что чукча целится в него из винтовки!

Не раздумывая долго, Никита рухнул ничком в снег и почти сразу вслед за этим прогремел выстрел. А в трёх метрах за его спиной среди кочек бился смертельно раненный огромный медведь...

Инспектор рыбоохраны М. на реке Анадырь получил донос, что на некотором месте ведётся незаконный лов красной рыбы. В качестве доказательства сообщалось о «море спрятанной в лесу поротой кеты». Однако при проведении расследования инспектор, кроме груды рыбы, обнаружил прикормившегося к ней матёрого медведя, который и заставил стража закона с позором ретироваться.

К слову сказать, и эти нападения медведей на людей чаще всего не более чем демонстрация. И цель её – прежде всего, отогнать от пищи возможного конкурента – в данном случае человека. Стремление, по-человечески вполне понятное. Правда, печальная доля среди этих случаев уже достаточно высока.

Есть несколько описаний нападений, совершённых бурыми медведями во время гона. В период любви нападают чаще всего самцы, дошедшие до неистовства. Если верить старым авторам, спровоцировать их на нападение может любая мелочь – неосторожный голос, хруст, просто тёмное движущееся пятно, которое зверь принимает за соперника.

А. Черкасов пишет, что во время гона медведь

«чрезвычайно зол и походит на бешеного: глаза тусклые, он худо видит, бегают, высунувши язык, ничего не ест, и изо рта клубом валит пена... Однажды в таком виде разь-

ярённый медведь в Петров пост набежал на табор рабочих, которые около Шилкинского завода Нерчинского горного округа жгли уголь. Завидя его, рабочие разбежались, а медведь, слыша крики и шум, забежал на кострище и обжёг себе лапы и бок. Тогда один бойкий рабочий, страстный промышленник, Дмитрий Кудрявцев, схватил из балагана винтовку и успел выстрелить по медведю, который с пули бросился под гору, набежал на другую артель углежогов и издох в страшных конвульсиях перед самым их табором».

Известный исследователь и страстный охотник В. Янковский в своих маньчжурских воспоминаниях рассказывает, как громадный медведь во время гона напал на двух корейцев, промышлявших панты, и убил одного из них.

У меня самого достаточно курьёзное приключение связано с крупным медведем, который во время гона посетил биологическую станцию в посёлке Марково на моих глазах.

Был тёплый беспокойный вечер в середине июня. Наша полевая группа, состоявшая из Володи Аксёнова, профессионального охотоведа, студента МГУ Паши Смольянинова и меня, прибыла накануне в Марково, чтобы после некоторой подготовки заброситься в горную тундру Анадырского нагорья, где мы должны были заниматься изучением миграций диких северных оленей Чукотки.

Беспокойным вечер был потому, что на другом крыле биостанции ихтиологи из службы рыбоохраны шумно отмечали свой приезд. Биостанция стояла на самом краю посёлка, примыкая фасадом к зарослям кустарников на берегу Анадыря, и эти заросли непрестанно оглашал здоровый мужской хохот и жизнерадостный женский визг. Это означало, что в гости к «хозяевам реки» пожаловали туземные дамы.

За день мы изрядно вымотались в обычных предэкспедиционных хлопотах и потому, натянув на головы капюшоны спальных мешков, пытались отрешиться от царящего за стеной веселья. Однако это нам никак не удавалось.

Неожиданно сквозь хохот и крики застолья начал пробиваться истошный собачий лай. Он всё нарастал, и, наконец, истерический гвалт сделал, казалось, невозможное: заглушил шум праздника. Казалось, что все псы прилегающей части посёлка принимают участие в этом концерте.

– Если бы мы были в тайге, – сказал Аксёнов, высунув голову из под одеяла, – я бы решил, что поблизости шляется медведь.

Мы все одновременно вспомнили о том, что наш дом стоит на самой окраине посёлка, за которой начинается пойменный лес – урема, в котором бурый медведь является хозяином. Тут наши уши уловили, что тональность воплей за стеной изменилась, а ещё чуть позже нам в двери кто-то забарабанил с неистовой силой.

– Медведь! – орал командир ихтиологов Сергей С., – громадный медведь! Кто тут медвежатники, выходи скорее!

Впоследствии выяснилось, что бравый командир ихтиологов вышел из здания станции, которое представляло собой длинный барак с деревянным крыльцом вдоль фасада, и направился в клозет сельского типа, который, как во всех подобных деревнях, располагался в полусотне метров от дома. Однако для того, чтобы достигнуть цели, надо было миновать помойку, которая, также по местной традиции, располагалась прямо под стеной дома. Именно этого совершить командиру и не удалось, так как на помойке стоял здоровенный медведь, который неодобрительно посмотрел в сторону командира. Последний решил не искушать судьбу, а ретировался и поднял тревогу.

К нашему сожалению, командирская тревога возымела эффект, прямо обратный желаемому. Весь личный состав вместе с туземными дамами в дезабилье высыпал на крыльцо, чтобы лицезреть объявленное животное. Медведь не заставил себя долго ждать – он медленно и внушительно вышел из-за помойки, точно Собакевич, встречающий гостей на пороге усадьбы, и низко, утробно зарычал. Этот звук, с одной стороны, совсем негромкий,

с другой – наполненный угрожающим, леденящим смыслом, подействовал на гуляк, словно струя брандспойта. Все они, как куклы в театре, по мановению ниточки, повернулись и с паническими криками бросились бежать по длинному крыльцу на друго-ой конец барака. Медведь, удовлетворившись произведённой демонстрацией, вновь скрылся за помойкой.

Все присутствовавшие столпились на другом конце крыльца и принялись, каждый на свой лад, обсуждать происходящее. Лишь один человек зашёл в дом и удосужился позвонить в местный милицейский участок, куда сообщил о происходящем.

Переговоры с милицией были прерваны новыми воплями с крыльца – медведь неожиданно обошёл весь дом с другой стороны, подобрался к группе людей и сделал короткий выпад в их сторону. После дополнительных переговоров с властью было принято решение: медведя, если возможно, отпугнуть, а если не удастся – отстрелять. После этого все мужчины дома выскочили на крыльцо с самым разнокалиберным оружием – от ракетниц до самозарядных карабинов армейского образца.

Биостанция озарилась выстрелами, как фрегат Нельсона в сражении у острова Тенерифе.

После того как первые беспорядочные залпы стихли, пришла пора подсчитывать убытки и прибыли.

Без сомнения, к прибылям можно было отнести тот факт, что медведь с территории станции исчез. Убытков даже на первый взгляд было гораздо больше.

Две пули калибра 7,62 пробили бак для воды, одна залетела в мастерскую и разбила точильный круг, а одна ракета упала в кусты в тридцати метрах от станции, и они начали пылать жарким пламенем.

С этим надо было срочно что-то делать, и со словами «нет худа без добра» один ихтиолог, наполнив ведро под струйкой, сочившейся из пробитого бака, направился в кусты.

Когда я это увидел, то последовал за ним, прихватив дробовик 12-го калибра. Уже совершенно стемнело, но при свете огня я разглядел медведя, стоявшего прямо в метре за горевшим кустом. Он тоже разглядывал нас.

Медведь, пришедший к биостанционару в Марково и убитый там.

А затем бросился вперёд прямо через огонь. После первой пули он развернулся на месте и бросился в кусты, но вторая перебила ему крестец и он только пополз прочь, пока третья пуля не прекратила его мучений.

Когда мы перевернули его на спину, то обнаружили, что это был крупный самец. Видимо, в значительной степени этим и объяснялось его бесстрашие и агрессивность.

Другой случай, когда медведь неспровоцированно напал на группу из двух человек во время гона, произошёл на побережье Охотского моря, в 80 километрах северо-восточнее Магадана в самом начале июня.

Я обнаружил на берегу бурого медведя средних размеров, который раскапывал гальку в поисках спрятавшихся там рачков-бокоплавов. Ветер дул благоприятно, и я решил подойти к нему поближе и сделать несколько снимков с красивым общим планом. Для этой цели нацепил на свой Nikon-801 300 мм объектив и двинулся к зверю. На груди у меня висел СКС с открытым прицелом. Вообще, СКС из-за своего удачного расположения передней антабки очень удобен для быстрого вскидывания из положения «на груди».

На первый взгляд всё складывалось довольно удачно. Ветер дул боком, шелест волн заглушал мои шаги, медведь копался на фоне живописного булыжника, на котором сидели чайки. Я подошёл на семьдесят метров к зверю и решил дальше не приближаться. Потом сделал несколько кадров и решил чуть-чуть сменить ракурс. Одновременно я не переставал оглядываться, как делаю это постоянно в местах концентрации зверей. Не раз и не два ко мне во время такого скрадывания подходил в упор другой медведь, и дважды только винтовка спасла меня от по-настоящему серьёзных неприятностей.

В то время как я оглядывался вокруг, я несколько потерял контроль за точкой исходного наблюдения, и сидевшие на камне чайки увидели меня и поднялись в воздух.

Медведь, даже не поглядев в мою сторону, медленно побрёл по берегу, а затем метрах в трёхстах повернул к сопке и скрылся в стланике.

Я махнул рукой своему помощнику Руслану Кастоеву, и он подошёл ко мне. Нам надо было найти чёткие отпечатки следов этого зверя, чтобы можно было сопоставить их с другими следами медведей в этом же районе. Для того чтобы сфотографировать следы, я снял длиннофокусный объектив и нацепил стандартный. Фотоаппарат же остался висеть на шее. Мы беседовали долго и громко, и силуэты наши хорошо прорисовывались на фоне серой воды Охотского моря.

Вдруг в какой-то момент (а с медведями это часто бывает – вдруг) я краем глаза увидел, что по склону сопки идёт медведь и очень подозрительно приближается к нам. Тут же сообразил – ветер изменился, и зверь, поймав наш запах, повёл себя очень нетипично – вместо того, чтобы уйти подальше, он начал по запаху подходить к нам, тем более что, несмотря на своё слабое зрение, он мог нас различать на фоне прибоя. Тем не менее я решил, что у нас есть ещё возможность избежать неприятностей. Я заговорил с Русланом намеренно громким голосом, отошёл от него подальше. У меня на мгновение появилась мысль, что зверь принял нас, стоящих вместе, за какое-нибудь крупное четвероногое, поэтому это действие было призвано подчеркнуть, что мы, во-первых, люди, а во-вторых, нас двое. С другой стороны, против этой гипотезы говорило то обстоятельство, что он шёл чётко по ветру, а уж ветер-то должен был подробно рассказать медведю о том, кто появился на этом отрезке берега.

Медведь сам по себе...

Ещё ничего не подозревает.

Поэтому я чётко объяснил Руслану наше положение, и мы ускоренным шагом двинулись по кромке воды туда же, откуда пришли. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что медведь ускорил темп своего движения и пытается зайти спереди. Едва до него осталось тридцать метров, я громко закричал, а Руслан выстрелил у него над головой из двустволки 12-го калибра.

Медведь присел, а затем, не торопясь, но шустро, двинулся вперёд, громко рыча. В этот момент я как раз поднял к лицу фотоаппарат и начал снимать левой рукой, а правой развернул СКС в сторону зверя. За моей спиной студент Кастоев постоянно говорил: «Михаил Арсеньевич, он уже рядом, он совсем рядом!»

Я решил для себя – как только медведь станет лапами на гальку, сразу стреляю. На всякий случай спросил: «Рус, ты перезарядился?» «Перезарядился, – ответил Руслан. – Вот он выходит на гальку, я его рублю, потом ты». Ну и в этот момент зверь сунулся вперёд в своей атакующей манере. Я уронил камеру, которая повисла на шее, развернул СКС и выстрелил в середину тела. Медведь мгновенно упал, попытался встать, я добавил ещё два выстрела, после чего он перестал шевелиться.

Следующей в очередности, но на самом деле выходящей на первое место по количеству несчастных случаев, следует поставить ситуацию, складывающуюся в результате жёсткого дефицита кормов. Её, в свою очередь, можно поделить на три части.

Очень опасная ситуация складывается весной, когда медведь, только что вышедший из берлоги, не располагает достаточным запасом кормов для поддержания своего существования.

Примеров нападения медведей на людей ранней весной у меня немного, но я это отношу лишь за счёт того, что большая часть этого опасного времени приходится на распутицу, когда передвижения по «медвежьим» местам сведены до минимума. Интересно, что в Приморье профессиональные охотники считают весеннего медведя гораздо опаснее тигра.

Сотрудник Сихотэ-Алиньского заповедника С. при обходе угодий в марте повстречал следы только что вышедшего из берлоги бурого медведя. Так как дальнейший путь пролегал по захламлённому участку леса, то С., не имея в своём распоряжении штатного оружия, вынул фальшфейер, привёл его в состояние готовности и двинулся дальше. Внезапно из-за упавшего дерева крупный медведь бросился на С., повалил его и укусил в предплечье.

Ситуация была, казалось, безвыходная! Но человек тем не менее сохранил хладнокровие. Он выдернул чеку, зажёл фальшфейер и ткнул его прямо в морду зверя. Вспышка пламени и дым испугали зверя, и он бежал.

Весной 1975 года сотрудник метеостанции Мухоморное, что в бассейне реки Анадырь, шёл по днищу извилистой протоки, ещё полностью занесённой снегом. Неожиданно, когда он проходил под излучиной подмытого берега, на него практически сверху бросился большой медведь. Человек успел отпрыгнуть в сторону, и медведь приземлился на дно протоки в двух метрах от него. К счастью, снег в этом месте был очень глубок и хищник увяз в нём по самый загривок. Метеоролог не растерялся и дважды выстрелил из двустволки калибра 12 в голову зверя.

Показательно, что чаще всего на крупных животных медведи нападают именно весной. Человеку стоит помнить, что в понимании хищника он является не более чем двигающимся куском мяса. В поисках наиболее доступных источников пищи звери выходят на окраины посёлков, где кормятся помоями, зачастую теряя страх перед людьми.

Одна из самых печальных страниц в нашем мартирологе отдана голодным годам, когда звери не набирают необходимого на зиму запаса жира.

Это случается во время неурожая основных осенних медвежьих кормов – ягод, шишек кедрового стланика – или плохого хода лососёвой рыбы. В местах, где проходная рыба составляет основную часть белкового рациона в обычное время, её малочисленность может оказаться решающим фактором даже при изобилии всех остальных видов кормов. Бурый медведь оказывается вынужден изыскивать новые способы питания, к которым можно отнести и разграбление продовольственных баз и складов, а также нападения на людей.

Скорее всего именно этими обстоятельствами и можно объяснить тот факт, что в осенний период 1984 года на территории Магаданской области медведи повсеместно громили лабазы и продовольственные склады.

В августе на участках омонских охотников медведи разрушали лабазы с продуктами, перегрызая столбы-подпорки.

В. Н. Симоненко, заместитель главного инженера геологического объединения по технике безопасности, собрал ряд характерных примеров, относящихся к тому времени.

Осенью 1984 года были разорены две маршрутные стоянки сезонных отрядов Майской геологоразведочной экспедиции, совершено нападение на базы Агранайского и Кеппервеевского отрядов (Ануйская и Анадырская экспедиции).

29 августа на базу Кеппервеевского геохимического отряда вышли три медведя и до 3 сентября разоряли склад, кухню, жилые палатки. Завхоз почти всё это время спасался на крыше бани. Медведи на выстрелы и ракеты не реагировали, с базы не уходили. Однако в первый прилёт аварийно-спасательного вертолёта обнаружены не были.

Вечером медведи снова появились на базе. Прибывший вскоре завскладом взрывных материалов М. Е. Сасай убил двух из них, а третий ушёл. 4 сентября медведь вновь появился на базе, но был отогнан выстрелами.

В Ягоднинской геологической экспедиции в июле и августе на базу Анначагского отряда приходил медведь. В своё появление он разорил продуктовый склад, съел и попортил продукты, разорвал палатку.

В июле в маршрутной группе геолога Гайнуллина медведь ночью разбил стёкла в окне автомашины, привёзшей продукты, достал их и съел.

10 августа в дневное время на базу бурового отряда № 3, расположенную в семи километрах от посёлка Озёрное Сусуманского района, пришёл медведь. Все работники отряда находились на буровой линии. Медведь обследовал передвижные домики, в двух из них выбил стёкла, а в столовой сорвал дверь и съел часть продуктов. На следующую ночь он появился вновь, но был напуган криками и ушёл.

Особо тревожное положение, связанное с агрессивным поведением медведей, сложилось в Среднеканском районе. Как сообщил районный охотовед, с 1 августа по 30 сентября произошли два случая нападения медведей на людей и четыре случая угрозы нападения.

Здесь надо добавить, что, к сожалению, далеко не все случаи нападения, а тем более попыток нападения, становятся достоянием охотинспекции. Весьма вероятно, что имеющиеся у нас пока ещё случаи исчезновения людей в тундре (геолог и оленеводы на маршруте, охотники на промысле) тоже в какой-то степени связаны с нападениями медведей. О многих попытках нападения, не закончившихся какими-либо последствиями для человека или завершившихся вынужденным отстрелом зверя, пострадавшие, к сожалению, зачастую не информируют природоохранительные органы. Здесь хочется сказать, что подобная тактика поведения является абсолютно неверной и способствует, пусть даже косвенно, возникновению новых конфликтных ситуаций, чаще всего – из-за малой осведомлённости людей.

Но вернёмся к осени 1984 года. В августе в селе Глухариное медведь залез в квартиру. Находившийся там подросток успел вылезти в окно. Медведь был отстрелян в прихожей.

В том же месяце в селе Ороёк отстрелян медведь, угрожавший жизни людей в черте посёлка. На выпасах медведь напал на стадо коров, шесть коров исчезло.

В посёлке Сеймчан в районе завода железобетонных изделий по ночам медведь систематически нападал на привязанных собак.

На сенокосных угодьях по реке Чукачи в середине октября люди, спасаясь от медведя, забрались на крышу домика. Медведица в возрасте примерно трёх лет была отстреляна с вертолёта по распоряжению райисполкома.

Но самая страшная трагедия этого года была ещё впереди.

4 сентября 1984 года около 6 часов утра в условиях обильного снегопада в устье ручья Лабазного, левого притока реки Белая Ночь, на палатку временной стоянки маршрутной группы геологического отряда напал медведь.

В палатке спали геолог В. Г. русских и два радиометриста. Медведь разорвал палатку и начал калечить обоих радиометристов, которые в спальных мешках были совершенно беспомощны. Геолог В. Г. Русских, услышав рычание зверя и стоны товарищей, понял, что на них напал медведь.

Он попытался выхватить револьвер Наган, который хранил в изголовье под подушкой надувного матраса. Но медведь бросился на геолога, рвал и давил его, пока тот не затих.

Шевельнуться медведь не давал никому. Он жадно поедая продукты и при каждом движении или звуке со стороны пострадавших бросался на них. Попытки людей убежать к ближайшим деревьям тут же пресекались зверем.

Геолог Русских смог вынуть из кобуры револьвер, когда медведь потащил в кусты труп радиометриста. Услышав движение геолога, зверь оставил ношу и бросился к Русских, но тот успел выстрелить в медведя с расстояния в пять-шесть метров. После второго выстрела в упор медведь подбежал к стрелявшему и стал рвать его. Но затем раненый зверь стал уходить в кусты. Последующими тремя выстрелами он был убит.

Оба радиометриста погибли. Раненому Русских помогла маршрутная группа геолога В. В. Бурзайкина. На третий день его доставили в районную больницу.

Судя по следам, медведь в течение некоторого времени обитал рядом со стоянкой геологов, в частности разорил неподалёку два лабаза.

Другой жуткий случай произошёл в бассейне той же реки Колымы, на её правом притоке – Коркодоне, в 1996 году.

В среднем течении этого притока семья промысловиков, отец и сын Горшуновы, готовились к зимнему промыслу соболя.

Стоял конец октября, они только недавно прибыли на базу и занимались необходимыми делами по хозяйству.

Отец принялся готовить к сезону снегоход «Буран», а сын отправился расставлять по первопутку капканы. Вместе с сыном в тайгу увязалась и собака.

Позднее Максим, младший Горшунов, утверждал, что если бы собака задержалась на базе, то отец его остался бы жив.

Как бы то ни было, Максим вернулся к избе уже затемно. Он несколько раз окрикнул отца – тот не отозвался.

– Уже тогда стадо понятно, – рассказывал он мне, – что-то произошло. Снегоход так и стоял на боку, как мы его поставили перед моим уходом, снег только за ним был истоптанный. И собака себя странно повела – прижалась к моим ногам и заскулила.

Я зашёл в избу, заперся в ней. Запалил лампу керосиновую, начал пули искать. Нашёл штук двадцать пулевых патронов. Почему-то сразу понял, что это медведь. Почти не спал. Как рассвело, вышел на улицу. По снегу видно – медвежьи следы вокруг «Бурана» и волок в кусты... Видимо, зверь подкрался сзади, когда отец увлёкся ремонтом, убил его и сразу в кусты потащил.

Я эту куртину обошёл – гляжу, нет выхода из неё, стало быть, там он остался, с отцом, значит. Собаку выпустил – она на свету понаглее стала, полезла в ольху, лает. Огляделся я, присмотрел тополь поближе, большой и раскидистый. Залез на него, устроился в развилке. Вижу – медведь от собаки отмахивается, мелькнёт раз-другой и пропадает. Я стрелять начал. Мелькнёт он – я стрельну. Мелькнёт – снова стрельну. Попадаю или нет – непонятно. Двенадцать пуль потратил, потом слышу – собака рычит, треплет его мёртвого уже. Спустился – а он там тело отца прикопал ветками, а сам сверху сидел. От собаки защищал.

Как ни печально, но тем не менее нам предстоит говорить о наиболее опасной ситуации, в которой столкновение с медведем чаще всего заканчивается несчастным случаем. Я говорю о зимнем «шатании» медведей.

Самый опасный медведь называется «шатуном».

Медведями-шатунами в России называются звери, по каким-либо причинам не залёгшие в зимнюю спячку, или те, которые покинули берлогу посреди зимы, задолго до срока.

По данным зоолога С. К. Устинова, нападения медведей на человека со стороны шатунов составляют 60 процентов всех (включая и спровоцированные) случаев нападения медведей на человека. В наших же местах, на Крайнем Северо-Востоке, доля спровоцированных нападений всё же составляет не менее 70 процентов от всех несчастных случаев. Однако среди неспровоцированных нападений на каждый случай, происходивший летом, приходится две атаки шатуна.

Медведи становятся шатунами, когда они не наели запасов жира, без которых не ляжешь в берлогу, или когда спящего медведя поднимают волки, собаки или человек. Иногда медведя будит неожиданная оттепель, вроде тех, что иногда случаются даже в самом центре Сибири посреди марта или даже февраля.

Шатун – зверь, совершенно лишённый страха. Это ненормально, и такой медведь становится смертельно опасным. Шатун не видит никакой разницы между человеком и любой другой добычей, каждое двигающееся существо обозначает для него только одно – пищу. Пища для него – единственная возможность выжить. В Прибайкалье известны случаи, когда медведь, задавив оленя и подкормившись, снова укладывался в спячку.

В поисках пищи зимой медведи, теряя всякую осторожность, подходят к окраинам посёлков. В поисках добычи они забираются в сараи, где содержится домашний скот, или даже вламываются в жилые дома.

Активное преследование и засада – вот обычное поведение медведя-шатуна при охоте на человека. Оба эти способа (как, впрочем, и всё в природе) могут комбинироваться. Преследование по следу обычно сопровождается последующим подкрадыванием. На открытое нападение медведь идёт редко – лишь когда его вынуждает на это какая-то крайность. Услышав шорох или увидев приближающегося человека, медведь обычно затаивается. Нападает же, лишь когда жертва приблизится на расстояние одного-двух бросков.

Н. Сокольников пишет о шатунах буквально следующее:

«„Дикующим" медведем считают того, который не ложится в берлогу. Такой бывает очень худ и, в конце концов, гибнет от голода и холода. Такие шатуны, впрочем, чрезвычайно редки и за последние двадцать-тридцать лет известен только один случай, когда 14/27 ноября такой медведь догнал перекочёвывавших ламутов. Его убили, он оказался страшно худым и облезлым».

Один из самых первых описаний нападения шатуна на человека приведён Черкасовым в его «Записках охотника Восточной Сибири».

«В 185... году около чернинского казачьего селения, в Нерчинском горном округе, на речке Чёрной, поздней осенью остановился юртой (жилище кочующих инородцев, род пастушьего конусообразного шалаша) один орочен с семейством. Однажды он с раннего утра отлучился по своим делам в Горбиченский караул; в тот же день, по уходе его, показался огромный медведь в окрестностях юрты, где остановилась его жена-ороченка с детьми. Женщина, испугавшись медведя, перекочевала с этого места на другое, но медведь, преследуя её, снова появился около её юрты и не давал ей покоя. Бедная ороченка перекочевала на третье место и опять с ужасом увидела своего преследователя. Наконец, дело кончилось тем, что медведь ночью съел ороченку с детьми. Муж её, через сутки вернувшийся домой, нашёл опустелую юрту и все признаки насильственной смерти своего семейства. Распознав, в чём дело, с обливающимся кровью сердцем, явился он в соседние деревни – Оморойскую и Чёрную – и объявил о своём несчастье. Жители немедленно сбили облаву, нашли неподалёку от юрты убийцу – медведя и, в свою очередь, наказали его смертью. Это факт, который долго будут помнить жители Оморои и Чёрной, а тем более осиротевший орочен».

Жил на свете замечательный человек и натуралист А. Н. Формозов. Вот он собрал всё, что можно было собрать о медведях-шатунах в годы неурожая кедровых орехов на территории Восточной Сибири. Об этом он написал увлекательную работу. Возможно, свою роль в её рождении сыграл ужасный случай гибели в иркутской тайге студента-охотоведа В. Э. Гудритиса в 1963 году. Зимой 1961/62 года, когда из многих районов Иркутской области стали поступать сообщения о необычном множестве шатунов, были разосланы специальные анкеты, а сам студент-охотовед, инициатор обследования, совершил три выезда в таёжные уголья. Во время следующего зимнего сезона он продолжил свои изыскания и пошёл с карабином по следам крупного медведя. Как развивались дальше события, мы вслед за А.

Н. Формозовым можем только догадываться. Предполагают, что он выстрелил по зверю, но неудачно. Как бы то ни было, на месте гибели охотоведа оказались следы трёх медведей – смельчак был растерзан.

Самый известный пример агрессии медведя в Забайкалье в наше время, который привёл Формозов, известен под названием «случай в Коболдо». Что же произошло в приамурском посёлке Коболдо с 12 по 15 октября 1962 года?

«Вечером 12 октября на усадьбу Аабынцова пришёл медведь, разорил небольшой сарайчик во дворе, съел десяток кур и ушёл. На следующую ночь хозяин двора в целях предосторожности перенёс оставшихся кур в кухню квартиры, а сам с семьёй ушёл ночевать к соседу. С наступлением темноты медведь снова появился во дворе, выломал окно, залез на кухню, разорил курятник, съел оставшихся кур и ушёл в лес. В ту же ночь медведь снова пришёл в посёлок, выломал окно в квартире Ширина и проник на кухню. Услышав шорох, жена Ширина вошла на кухню и включила электричество. Медведь бросился на женщину, вытащил через окно и понёс в тайгу. Ширин поднял крик о помощи и вместе с другими жителями посёлка на трелёвочном тракторе организовал погоню за медведем. Несмотря на шум трактора и выстрелы, медведь не бросил жертву. Утащив её в лес за восемьсот метров от посёлка, нанёс ей смертельные повреждения и убежал в тайгу. Поздней ночью того же числа, очевидно, тот же медведь появился опять в посёлке, но уже на усадьбе Купченко, проживающего по соседству с Лабынцовым, выломал окно и проник в квартиру. Жена Купченко пыталась позвонить по телефону в пожарную команду. Медведь набросился на неё и через окно вытащил на улицу вместе с телефонной трубкой и табуреткой. Подоспевшими патрульными охотниками женщина была отбита.

Работники милиции вместе с охотниками в ночь с 14 на 15 октября устроили засаду. Придя в посёлок, медведь залез в сарай, где задушил двух поросят. На крик животных подошли охотники, и медведь был убит».

В республиканской газете «Тувинская правда» с первых дней сентября и по декабрь 1962 года одна за другой печатались заметки о неожиданных нападениях медведей на скот и людей. В номере за 11 сентября помещена статья охотоведа О. Гаврилова «Медвежье нашествие», в которой был сделан краткий обзор событий.

«В последнее время, – пишет О. Гаврилов, – из различных мест Тувы стали поступать сведения о нашествии исконных обитателей тайги. Зверей встречают в самых неподходящих местах: в степи, на безлесных склонах гор, на свалке в окрестностях г. Кызыл, переплывающими реки.

В газете уже сообщалось о случае, когда шофёр, отвозивший зерно от комбайна, задавил машиной в степи случайного медведя. Участились случаи нападения хищников на скотные дворы, кошары, свинарники.

Медведь не знает, что ему делать.

Но уже насторожился.

Только в колхозе „Красное Знамя“ Каа-Хемского района медведи зарезали за последний месяц 29 овец и 12 свиней. Подвергаются нападению крупный рогатый скот, лошади, овцы, свиньи в колхозах Каа-Хемского района и в совхозе „Победа“ Тан-динского района. Медведи забредают в селения, грабят кладовые, проникают в жилые дома. Были случаи человеческих жертв, о которых ходят преувеличенные и противоречивые слухи. Но в основе их лежат реальные факты».

В начале сентября 1962 года было вынесено в подлинно социалистическом духе специальное постановление об усилении борьбы с медведями в Тувинской АССР и организованы бригады охотников по истреблению медведей; за каждого убитого зверя установили премию в 25 рублей.

О том, что своевременно принятые меры были достаточно «эффективны», свидетельствуют цифры, приводимые в статье «Смелые охотники у нас есть», которую старший охотовед Управления охотничьего хозяйства Тувы М. Шуроол поместил в той же газете в 1963 году. Он с удовлетворением утверждал, что в 1962 году было уничтожено 615 медведей и, кроме того, 44 рыси и более 260 волков. Из различных источников известно, что только в Каа-Хемском и соседних с ним районах было убито до 300 медведей.

В письмах из Селемджинского района Амурской области и Хабаровского края сообщалось, что из-за полного отсутствия в тайге почти всех видов ягод, кедровых орехов и желудей медведи стали часто выходить к населённым пунктам и уже с конца лета начали разорять пасеки, давить пасущийся в лесах скот и местами преследовать людей, работавших на таёжных метеостанциях. В отдельных случаях это вызвало необходимость эвакуировать людей с некоторых точек.

Медведь подкрадывается с недобрыми намерениями.

То же безобразие происходило в тот год и в Читинской области. В томской тайге, как и во многих других районах Сибири, в 1962 году был плохой урожай клюквы и брусники, рябины и черёмухи. В результате медведи уже с лета в поисках корма вышли из глубинных лесов и стали нападать на людей и домашний скот. Охотники Васюганского промхоза с некоторым унынием высказывали опасение, что медведи-шатуны зададут им жару на промысле. И были мудры.

Первым погиб работник нефтеразведки Мухарев.

В том же 1962 году медведи-шатуны появились на реке Васюган.

5 декабря один такой медведь зашёл в посёлок Верхний Петряк, где его убили с крыльца дома.

Опрос охотников в Томской области показал, что на реке Кеть в 1953 году было несколько несчастных случаев. Так, по словам охотоведа В. Р. Чайка, медведь-шатун задавил в декабре пожилую эвенку неподалёку от посёлка Максимкин Яр. В том же году, в начале зимы, медведи-шатуны убили ещё двух женщин, но уже на территории Енисейского района Красноярского края.

В начале ноября в Красноармейском районе Приморского края от медведя жестоко пострадала семья пасечника Н. В. Бычкова: зверь в дневное время выломал дверь и, ворвавшись в дом, поранил двоих детей. Ничего больше не тронув, медведь скрылся. Через несколько дней его убили.

Более свежие сведения относятся к декабрю 1978 года. Случай произошёл в том же Приморье. Двое охотников в избушке отдыхали после обхода капканов. Неожиданно собака на улице залаяла. Один человек вышел и тут же был убит ударом медвежьей лапы. Затем зверь, не обращая внимания на собак, стал ломиться в дверь. Напарник убитого выстрелил несколько раз сквозь доски и смертельно ранил зверя.

Чаще всего нападению медведей подвергаются зимой в тайге охотники-профессионалы. Жалкие останки несчастных обнаруживают, как правило, после долгого промежутка времени. А сколько таких случаев попадает в статистическую графу «пропал без вести»? Ведь какой бы ни была освоённой наша тайга, всё же человек в ней и теперь не более чем иголка.

Медведь-шатун – явление необычайно опасное. В условиях современной России, когда власти зачастую не знают, как накормить собственных граждан, бессмысленно говорить о гуманных путях решения этой проблемы подкормкой или каким-либо другим «бескровным» способом. Такой зверь подлежит уничтожению всеми доступными способами, включая яды и авиацию. Фактически он находится вне закона.

В условиях Крайнего Северо-Востока шатуны обычно не доживают до тёплого времени. Вообще, они вряд ли «протягивают» на здешних холодах, да ещё в многоснежье, более одного месяца, даже если их и не остановит пуля стрелка. Но и за такой короткий срок этот зверь способен наворотить немало.

К последней категории нападений относят случаи, которые на первый взгляд кажутся случайными. Однако, рассмотрев внимательно большую их часть, нетрудно понять, что как раз они наиболее неприятны и непредсказуемы. Это так называемые преднамеренные нападения. К ним относятся в основном эпизоды охоты медведя на крупных животных. Только её объектом выступает человек.

Один из таких случаев описан Ф. Дьячковым в его книге «Анадырский край».

«Иногда медведь нападает на человека. Однажды, в устье р. Майн, во время оленьего промысла, двое чуванцев пошли отыскивать раненого оленя. Вошедши в лес, охотники пошли розно, на небольшом расстоянии друг от друга: они никакого оружия при себе не имели. Неожиданно медведь напал на одного из них и сразу повалил его на землю, оборвал когтями и зубами лицо, голову и мускулы на ногах и руках. Товарищ, услышавши крик, побежал выручать его от медведя. Когда медведь увидел бежавшего человека, он оставил изуродованного и убежал в лес. Чуванец нашёл своего товарища едва живым и в таком положении привёз его домой, но на третий день больной умер».

Должен сказать, что именно на рыбном и кормном Охотском побережье я пережил самое опасное нападение бурого медведя. Которое, к слову сказать, с моей стороны ничем не было спровоцировано.

Я шёл вверх по мелкой каменистой речке Кулькуты. Подходил к концу массовый ход горбуши, многочисленные трупы лососей на берегах высохли, как осенняя листва. Трупы ещё некогда красивых и гордых рыб пожелтели и скукожились, как скверная вобла на развале у пивного ларька. Эта скверная лососёвая вобла валялась на гальке абсолютно везде – и шуршала под ногами, как старые газеты в ремонтируемой комнате.

Я подходил к длинному и круто изогнутому повороту реки, когда в самом основании его увидел медведя средних размеров, который брезгливо копался в сушёных лососях. Этот медведь подпустил меня метров на сто, время от времени поглядывая через плечо, а затем неторопливо удалился в кусты.

Не знаю, как к этому отнесётся большинство материалистов, но медведь этот мне с самого начала не понравился. Что-то было в его поведении, в том, как он оглядывался, и в том, как он удалился, что меня несколько насторожило. Ещё я подумал, что сейчас пройду по полукругу, а если медведь не будет сильно торопиться, пересекая эту же петлю у основания, то у нас есть все шансы повстречаться ещё раз – в том месте, где он будет выходить из леса. Подумал и спрятал эту мысль глубоко в уголок мозга – но не выбросил! И как оказалось, очень даже не зря.

Заканчивая огибать этот поворот, я оказался под невысоким обрывистым берегом. Сразу за его кромкой начинался высокий чозениевый лес, с травой и кустами. И пока я шёл под этим лесным обрывом, я слушал, как в траве и кустах шелестит ветер, то тише, то громче – как это обычно бывает перед закатом солнца.

А затем ветер стих.

И я остановился.

Остановился я потому, что в природе произошло какое-то изменение, и я просто должен был его для себя обдумать.

Упавший ветер и был для меня этим изменением.

Но практически одновременно с тем как я остановился, в полутора метрах от меня на гальку приземлился тот самый медведь. Приземлился, рывкнул и на полсекунды замер в недоумении.

За эти полсекунды я сорвал с плеча двустволку и, держа оружие на весу, практически приложив его к голове зверя, вышиб ему мозги дуплетом. После третьего дуплета я в последний раз перезарядил оружие и, почти не ощущая боли в сорванных отдачей 12-го калибра пальцах, направился к ближайшей коряге, на которую сел, пытаясь обдумать случившееся.

Судя по всему, шорох, который я слышал наверху, издавал никакой не ветер, а вот этот самый медведь. Он следовал по кромке обрыва за мной, ориентируясь по звуку моих шагов на гальке, прикинул упреждение и бросился на меня сверху.

Спасло меня то, что я остановился. И зверь промахнулся.

Собственно говоря, я уцелел лишь чудом.

Спасла меня ошибка в упреждении, сделанная медведем, и его мгновенная растерянность, когда он обнаружил, что не оказался у меня на плечах.

И я до сих пор не вполне понимаю, почему он бросился на меня – учитывая изобилие пищи вокруг.

Вечером 3 августа 1985 года три геолога возвращались из маршрута по долине реки Хурэн. Все они были вооружены карабинами. До базы отряда оставалось сто пятьдесят – двести метров, когда из кустов стланика, которые они только что миновали, выскочил медведь и с рёвом бросился на замыкавшего цепь геолога И. А. Милиевого. Тот схватился за карабин, метнулся за ближайшее дерево, но, зацепившись ногой, упал. Медведь проскочил мимо и кинулся к И. Л. Ведерникову, который шёл впереди, резко свернул в сторону, не добежав два-три метра и скрылся в зарослях.

Вслед ему сделали несколько выстрелов в воздух.

Большой медведь – самый опасный медведь.

Здесь можно предположить, что медведь, скрадывая добычу, бросился сзади, на последнего в группе, но опоздал с броском, промахнулся и после неудачного броска скрылся, посчитав, что повторное нападение закончится неудачей.

Во время полевых работ на реке Чоурода в Южной Якутии двое сотрудников Академии наук возвращались с глухариного тока по медвежьей тропе. Внезапно они заметили затаившегося возле тропы медведя. Он был уже совсем рядом – в тридцати метрах от них. Крупный зверь распластался среди кочек, словно большая кошка, и только зоркие глаза и огромная таёжная эрудиция старшего группы позволили разглядеть среди кочек крупную голову зверя. Как только зверь понял, что обнаружен, он с леденящим рёвом бросился в атаку, но реакция не подвела людей и на этот раз. Прогремел выстрел из германской трёхстволки. Раненый зверь развернулся на месте и скрылся. Позднее его убили при других обстоятельствах.

Один мой коллега-зоолог путешествовал в 1979 году по западным склонам хребта Джугджур вместе с тремя эвенками. Они шли по старинной дороге, проложенной, наверное, ещё во времена Аянского тракта. Впереди шагал сын старика-охотника, молодой, сильный парень, за спиной у него висела малокалиберная винтовка. Мой приятель со своим проводником отставал, ну, на пять шагов, не больше, а сзади шла старуха – мать парня. Дорога прижималась к склону горы и почти вжималась в него. Сверху, прямо над головами, нависали кусты кедрача.

Неожиданно – мой приятель запомнил это даже лучше, чем всё то, что произошло дальше, – наступила тишина. Перестали кряхтеть кедровки, замер шум листьев, даже чайки на речном перекате прекратили галдёж. И тут кусты над их головой взорвались и выбросили из себя огромного бурого медведя. Он распластался в воздухе, как прыгнувшая кошка, своим телом сбил с ног и ухватил зубами за шею сына старика и, держа его в пасти, как мышшь, скрылся в кустах на другой стороне тропы.

Удивительно, но родители за весь последующий день не проронили ни слезинки. Изредка старик о чём-то переговаривался со старухой. Людьюми завладела одна лихорадочная мысль – немедленно убить зверя. Оба они двинулись по следу. Через триста метров кусты затрещали – зверь стал уходить. И тут с дороги донёсся слабый женский голос – мать звала своего сына. А старик со словами «всё равно мёртвый, иначе бы кричал» выпустил на треск всю обойму карабина. Треск усилился, послышался хриплый рёв, похожий на кашель. Этот рык исходил из одного места, и, хотя в кустах ничего не было видно, мой приятель выпустил в это место ещё четыре пули, стараясь целить повыше, чтобы не задеть человека. Ему казалось, что человек должен был лежать на земле. На третьем выстреле рёв замолк.

Перезарядив и держа наготове оружие, оба охотника обошли кусты, нашли подходящий прогал и по нему начали подходить к тому месту, где должен был лежать медведь. Чуть не доходя, они наткнулись на тело молодого эвена. Тут, не обращая внимания на смертельный риск, старик опустил карабин и приподнял ему голову. На секунду он словно окаменел, а затем будничным голосом произнёс: «Вот видишь, сразу шею сломал».

Медведь был убит четырьмя пулями, пробившимися сквозь кустарник.

К этой же категории можно отнести и три эпизода гибели от когтей и клыков медведей военнослужащих Советской армии на полуострове Камчатка. Как известно, в недавнее время весь полуостров был покрыт точками наблюдения и противовоздушной обороны, которые должны были помочь предупредить предательское нападение американских и японских империалистов. Большая часть этих «точек» располагалась в глухих, труднодоступных местах, куда всё необходимое забрасывалось вертолётом. Все три случая выглядели примерно одинаково – солдат уходил с бидоном для воды к ближайшему ручью, где в зарослях кедрового стланика его подстерегал медведь. В лучшем случае от несчастного оставались только фрагменты черепа и куски крупных костей.

Похожий случай описан известным русским путешественником географом В. Федосеевым в его книге «Злой дух Ямбуя». Ямбуй – это гора в Восточной Сибири, на склонах которой медведь-людоед выследил и убил четырёх человек. Несмотря на то что книга Федосеева имеет отчётливый развлекательный оттенок, в её основу положена вполне реальная история.

Крупный самец на самом деле выслеживал людей, на которых неожиданно бросался, когда они проходили по узким тропам в зарослях кедрового стланика. В главе, где описывается жизнь бурого медведя Восточной Сибири, я уже подробно описывал этот чудо-кустарник. Однако его сомкнутые заросли отнюдь не самое приятное место для встречи с крупным зверем лицом к лицу.

Вообще, людоедство как особое явление бурому медведю Сибири практически несвойственно. Случаи, подобные описанным у Д. Корбетта или П. Андерсона, для тигров Британской Индии в русских условиях абсолютно нереальны. Прежде всего, сегодня у медведя нет почти никаких шансов попробовать человеческого мяса дважды (за исключением совершенно особых случаев, вроде описанного у Федосеева). Но об этом – в своё время.

Глава 27 Когда некого винить, кроме себя...

Сколько ни говори о нападениях на человека медведиц с медвежатами, крупных самцов, изголодавшихся шатунов, всё равно наш вклад в собственные увечья неизмеримо больше. Чаще всего специалисты имеют дело с нападениями, вызванными самими людьми.

Нападения, спровоцированные людьми, можно условно поделить на три группы: совершённые приручёнными зверями; совершённые так называемыми помоечниками – медведями, прикормленными возле человеческих поселений; совершённые раненным на охоте зверем.

Источником очень серьёзных проблем во взаимоотношениях между человеком и медведем выступают многочисленные осиротевшие медвежата. Этим медвежат во множестве притаскивают в ветлечебницы, зоопарки, дома пионеров и культуры сельские и лесные жители. Появление на руках человека каждого такого медвежьего отпрыска сопровождается душеспасительной историей.

«Вот шли мы лесом, а они, такие лапуськи, прибились к нам, худенькие, дрожат, плачут. Мы и сами – как заревём навзрыд! Такие они, как детишечки человеческие, неприбранные, беспризорные, видимо, мамаша их бросила, загуляла где-то. Мы их подобрали, но вот не прокормим же! Кто-то ж должен за них, бедненьких, отвечать?»

Сразу ответственно заявляю: за каждым таким якобы брошенным медвежонком стоит труп его матери. Звери – не люди и не бросают своих детей просто так.

Причин появления осиротевших медвежат на руках у людей может быть несколько.

Прежде всего – это охота на берлоге и лесоразработки. При заготовке леса любого выскочившего из берлоги медведя, как правило, убивают. Причём, говоря объективно, и выбора у людей другого-то нет. Вставший посреди зимы медведь неминуемо становится шатуном и создаёт массу проблем для промысловых охотников, жителей таёжных выселок да и тех же лесорубов. Поэтому выскочившего из оказавшейся на деляне берлоги медведя убивают, практически не задумываясь. Ну и заглянут напоследок в берлогу. Так, для интереса. А там... Два крохотных, размером с варежку, пищавших медвежонка.

В принципе то же самое происходит и на медвежьей охоте на берлоге. Результат тот же – выстрел, труп медведицы, медвежата... В значительном большинстве регионов России осенняя охота на медведя традиционно заканчивается в марте, в то время как медвежата рождаются в конце января – феврале.

Выругаются мужики, да и отдадут их Ваньке, у которого дети малые – вместо щенков.

Впоследствии выясняется, что медвежата едят отнюдь не по-щенячьи, в одно место по нужде не ходят да и огрызаются потихоньку..

Подрастают лапусеньки, тут у хозяина и начинается бродить мысль – а ведь в нашем государстве почти наверняка кто-нибудь за этих зверей и отвечает... Вот бы их в ту инстанцию и сдать...

Отвечает за медведей как за охотничий вид региональное управление охотничьего хозяйства. Вот там и появляются незадачливые владельцы косолапых игрушек.

Охоты на берлогах, наряду с лесоразработками, являются наиболее весомым поставщиком осиротевших медвежат в зоопарки, цирки и специализированные реабилитационные центры.

Мероприятия по реабилитации медвежат в специализированных центрах являются, мягко говоря, малоосмысленными. В качестве примера можно привести опыт по возвращению осиротевших медвежат в природу в Америке. В период с 1973 по 1983 год были предприняты попытки вернуть в природу 84 детёныша американского чёрного медведя – барибала. В ход были пущены самые разные способы. Медвежат подкладывали зимой в берлоги медведицам (из 29 сироток было принято и выращено 22), их подсаживали весной к выводкам (с ними получилось сложнее – из 11 детёнышей был принят только один, в ряде случаев медведица их убивала). Кроме того, медвежат выращивали в клетках до пятимесячного возраста, затем их метили и выпускали в природу. Всего было выпущено 39 таких медвежат, но положительные случаи были получены лишь в пяти случаях.

Так что проблема осиротевших медвежат не может считаться решённой ни для одной страны, где рядом с человеком сосуществуют медведи, охота на берлоге и лесоразработки.

Причём в масштабах всей России количество осиротевших медвежат просто поражает.

Это не единицы, это десятки и даже сотни зверей. Только в Приморском крае в некоторые годы количество медвежьих сироток переваливает за восемьдесят.

Выхода из этой ситуации на сегодняшний день считайте что и не предвидится. Разве что запретить повсеместно охоту на берлогах. Но что тогда делать с лесозаготовками и строительством лесных дорог?

Медвежат, по разным причинам попавших людям в руки, держат в клетке ради потехи. До поры до времени. Конеч всё равно один...

Не хочу останавливаться на побуждениях, заставляющих людей держать зверят в неволе – будь то любовь к природе, детям или «свыжей копылке» (не секрет, что раньше во многих посёлках и деревнях держали медвежат на мясо – как свиней). Только одно можно сказать по этому поводу с абсолютной определённой: ничего хорошего из такого содер-

жания никогда не выходило, не выйдет и выйти не может: ни для медвежат, ни для детей, ни для самого владельца.

Очень трудно понять, в силу каких причин у зверят, отловленных в младенческом возрасте, которые, казалось бы, освоились с «новым порядком», начинает портиться характер. Но портиться он начинает неизбежно – с этим уж ничего не поделаешь.

На свете есть отдельные виды и даже группы видов живых существ, очень легко призывающих к человеку. Они приручаются до состояния домашних животных. Таковы некоторые куньи (хрестоматийны примеры с ручными выдрами, норками, хорьками и фуро – вспомним хотя бы «Даму с горностаем» Леонардо да Винчи). Таковы почти все псовые, ряд видов кошачьих. Но вот стопоходящие, т. е. медведи, в этот список совсем не входят.

Мы не говорим здесь о цирковых медведях и медведях бродячих скоморохов и цыган. Там налицо результат специальной системы дрессуры – системы высокоспецифической, тонкой, доходящей до уровня искусства. Да к тому же – и не всегда гуманной. Вспомним хотя бы обучение медведя в замечательном романе Джека Лондона «Майкл, брат Джерри». Дрессура не требует гуманности – она требует прежде всего высокого профессионализма. Помочь человеку стать дрессировщиком может только другой, очень хороший дрессировщик.

Замечу ещё, что в цирковых представлениях участвуют не очень крупные молодые звери. И выступают они, кстати, единственные из четвероногих артистов, в намордниках.

Пресловутая «неуживчивость» медведей с людьми связана с особенностями их дикой жизни. Я уже упоминал, что эти звери – крайние индивидуалисты. Причина ещё и в том, что со временем окрепшему зверю становится трудно соразмерять свою титаническую силу с «объектом общения», в данном случае с человеком.

Нелишне вспомнить вынужденный отстрел молодого белого медведя, который прикормился в посёлке Мыс Шмидта. Этот медведь вздумал «поиграть» с детьми в центре посёлка. Играя, он «всего-навсего поцарапал» спину одной девочке. «Литературная газета» в начале 80-х годов сделала из этой истории «экологический скандал». Молодой литератор, сделавший на нём имя, забыл упомянуть, что на пострадавшей девочке был, между прочим, тулуп! Что могло случиться, если бы тулупа не было, страшно подумать, но легко догадаться. В подобной игре между самым сильным хищником и человеком у последнего запросто может «случайно» отлететь голова.

Анализируя несчастные случаи с приручёнными зверями, мы можем понять, как усиливается агрессивная реакция при первых признаках увечий. Многие примеры – и из циркового быта, и из жизни дрессировщиков – говорят о том, как легко приходят в ярость хищники при виде крови. Кстати, и в игре можно легко разбудить дремлющие в глубине зверя тайные силы – «зов предков». Зверь постепенно приходит в возбуждение, которое, в свою очередь, может вызвать взрыв ярости.

Чаще всего никто не может определить, какую степень опасности представляет собой такой развеселившийся или разбушевавшийся зверь. Но понимая, что имеют дело с диким зверем (да ещё с каким!), люди предпочитают действовать – и стреляют. И, может быть, правильно делают.

Весной 1978 года к обочине дороги, что ведёт от города Магадана к посёлку Ола, сначала очень робко, а потом всё чаще и чаще стал выходить из кустов бурый медведь-подросток. Люди поначалу сторонились его, опасаясь медведицы. Но медведицу так никто и не увидел. А медвежонок тем временем привыкал, стал подходить всё ближе и ближе к бригаде дорожников. Подходил он в одно и то же время и к автобусной остановке, где стояли вышедшие из леса ягодники и грибники. Те кидали ему пищу, оставшуюся после прогулок, – прикармливали. Постепенно об этом узнал почти весь Магадан, и участок дороги превратился в место паломничества. Мишке возили сгущённое молоко, конфеты и прочие лакомства.

Постепенно он доверился людям. Стал в некотором роде фотозвездой – фотографы-профессионалы и любители специально ездили на это место делать экзотические кадры.

Сейчас за давностью лет трудно вспомнить, каким образом и от кого поступил в госохотинспекцию тревожный сигнал. Был ли агрессивный выпад плодом настороженного воображения загулявшего грибника или медведь на самом деле «продемонстрировал» своё неудовольствие. Но в конечном итоге на шоссе появилась машина с вооружёнными егерями, которые предпочли решить дело выстрелом...

Целая серия подобных историй имела место на Камчатке, в широко известной Долине гейзеров. Некоторое время она была открыта для туристов. Кемпинг Долины во многом повторил историю Йеллоустона. В настоящее время она закрыта для посещения. Медведи – не единственная причина этого запрещения, но и не последняя.

С моей точки зрения, совершенно возмутительна практика содержания медвежат в крохотных клетках и вольерах, как принято выражаться, «на потеху». К сожалению, это почти неизбежное зло большинства восточно-сибирских посёлков и маленьких городов. Отловленные чёт знает какими путями медвежата засаживаются в прочнейшее сооружение из арматурной сетки с железными полом и потолком. Прохожие и дети кидаются в них булками, конфетами и палками. Неизвестно, что из этого обязательного набора представляет для медвежат большую опасность. От постоянного раздражения, побоев и неправильной кормёжки они злятся, скукают и болеют. В некоторых случаях обнаглевшие власти посёлков и городов объявляют нескольких запертых в клетке на пустыре перед каким-нибудь интернатом медвежат «зоопарком».

Разрушенный медведями балок – таёжный домик.

Опасность подобных «зоопарков» – и нравственную, и физическую – трудно переоценить. Ужасно то, что дети вынуждены знакомиться с такими замечательными животными, когда те погибают в неволе от мучений, ужасно то, что они видят, как можно так жестоко обращаться с живыми существами. Но не менее страшны и ситуации, когда кто-либо неосторожный (а чаще всего – глупый или пьяный) подойдёт слишком близко к решётке или залезет непонятным образом внутрь самой клетки. Таких случаев в моей картотеке, к сожалению, накопилось довольно много.

Вот пример с совсем маленькими медвежатами, жившими в загородке из кровати панцирной сетки в пионерлагере неподалёку от Магадана. Медвежата уже изрядно подросли, когда одним тёплым вечером за сеткой загородки оказался изрядно выпивший гражданин, пожелавший бороться с ними по одному или с обоими сразу. В итоге он отделался множественными переломами обеих рук и бедра. Протрезвев, он сам понял, что отделался довольно легко.

В старательском посёлке верховой Колымы некто Вельды откармливал трёх медвежат на мясо. Их отловили после того, как мать застрелили в берлоге при валке леса. Хозяин держал их в старом свинарнике, который был только слегка укреплен железными прутьями арматуры. Медвежата жили в крохотных стайках, почти в полной темноте. Осенью они стали весить семьдесят-восемьдесят килограммов, и Вельды решил больше не затягивать дело, а забить всех трёх, чтобы обеспечить себя мясом на зиму. Для убийства он запасся трёхграным штыком от трёхлинейной винтовки, насаженным на длинную палку, – прибором, несколько напоминавшим копьё. Не рискуя входить для забоя в одно помещение со зверями, он выломал одну доску в стенке сарая и ударил в бок ближайшему медвежонку, метаясь под лопатку. Однако он ошибся и штык скользнул по кости, не причинив зверёнку никакого вреда, кроме боли. От этой боли и бьющего в сарай луча света с улицы медвежонок обезумел, кинулся на свет и выломал в стене огромную дыру. Другие медвежата забеспокоились, заметались по сараю и свернули подпорку, призванную держать крышу. Сарай завалился. Раненый медвежонок сбил Вельды с ног и принялся его рвать зубами. Двое других медвежат опрометью кинулись в лес. Я надеюсь, что они там успешно залегли в берлогу, перезимовали и постарались больше никогда не встречаться с людьми. Третьего медвежонка – того, которого Вельды успел ранить, – отстреляли. А сам Вельды скончался в больнице...

На буровой вышке геологоразведочной экспедиции в Северной Якутии два месяца подряд кормили на помойке медведицу с медвежонком. Сперва они приходили только ночью, затем осмелели и стали питаться на виду у людей – рядом с грохочущими железяками. Потом повариха поставила ведро с помоями прямо под морду зверя. Медведица стала подпускать человека вплотную. Но когда один из рабочих протянул руку и потрепал её по загривку, она сбита его с ног и принялась катать его по земле со злобным рычанием. Конечно, её застрелили.

Во всех этих несчастных случаях не стоит винить лишь человека, затеявшего свару со зверем. Гораздо более виноват тот, кто первым протянул кусок пищи медведю, попытался извратить его естество.

Частенько возникает ситуация, когда нет речи о намеренном приручении зверя. Но увы, куда чаще сотрудники охотнадзора (а именно они, как правило, расхлёбывают заваренную безответственными людьми «медвежью кашу») сталкиваются со стихийным приваживанием зверя. Я имею в виду тех медведей, которые собираются на скотомогильниках, отходах рыбного промысла и забоя оленей. В практике северных охотинспекций, наверное, нет года, когда бы не поступали тревожные сигналы об опасности медведей, прикормившихся на помойках.

Хищники, которые прикормились на такой приваде, быстро привыкают к людям, теряют свою обычную инстинктивную осторожность, переходят к демонстративным (а порой и реальным) нападениям. Медведю, как и человеку, и так свойственен безусловный рефлекс собственника. А тут ещё прикладывается утрата всякой осторожности по отношению к людям.

На промысловой точке совхоза «Краснено» в низовьях реки Анадырь «грубо нарушали всю норму организации труда», как позже в акте написал некий совхозный грамотей. Рыбы потроха сваливали прямо под стеной жилой избушки. Птицы растаскивали по окрестностям гнилые головы и хребты. В общем, отнюдь не Версаль.

Медведь на нефтяных приисках, привлечённый запахом пищи.

Естественно, в такой рай трупоедов очень быстро пожаловали медведи. Рыбак, который находился там, как это ни удивительно (рассказ относится к середине 60-х годов), вооружён не был. Ни крики, ни стук по железу, ни пускание ракет и костры при отсутствии основного вразумляющего аргумента не вводили медведей в божий страх. А было их, к слову заметить, не менее трёх. Более того, суета, поднятая рыбаком, их в конце концов разозлила. Тогда они загнали рыбака на крышу его избушки, где он просидел более двух суток. Когда, наконец, медведям наскучила осада и они ненадолго удалились, рыбак сел в лодку и улепетнул на центральную усадьбу совхоза. Возвратился он уже с аргументом в виде трёхлинейной винтовки и застрелил двух медведей прямо возле засольного чана.

Медведь в геологическом лагере в поисках отбросов.

Случай этот относится ко времени, когда охота на медведя на Севере велась совершенно неограниченно. Тем не менее тут мы имеем дело с типичным примером вынужденного отстрела.

В корале одного из чукотских совхозов потроха забиваемых на мясо северных оленей сгребались в широкую траншею, прорытую бульдозером. Траншея эта никогда не засыпалась и постепенно до краёв заполнилась протухшей требухой. Возле этой траншеи постоянно держались медведи – в количестве не менее пяти. Иногда они начинали обращать самое пристальное внимание на людей, почти постоянно живших при корале. Тут необходимо добавить, что это безобразие происходило в полукилометре от чукотского национального посёлка. Когда медведи приближались на опасное для людей расстояние, последние залезали на крыши построенных при корале хибар. Ни крики, ни шум на медведей не действо-

вали – как и в предыдущем случае. Наконец, когда небольшая медведица попыталась залезть в окно сторожки, её закололи пожарным багром. Тогда звери, как по команде, покинули это место.

Но только на одну осень. В июле следующего года несколько медведей вновь появились в окрестностях кораля. Из них выделялся один, как утверждали очевидцы, очень большой зверь. Траншею к тому времени засыпать так и не удосужились, более того, содержимое её было подновлено продукцией зимнего забоя. Пока остальные звери пировали у помойки, большой медведь разломал сторожку. Люди, которые в это время пили в ней водку, едва успели сбежать и привычно забрались на другой сарай.

Народ принялся кричать и пускать ракеты, а медведь-великан бродил внизу и недовольно рычал, но, услышав доносящийся из посёлка треск мотоцикла, не торопясь, удалился в кусты. Мотоциклисты были вооружены – они заметили из посёлка ракеты. Подъехав к помойке, они открыли беглый огонь по не успевшим скрыться зверям. При этом три медведя было убито.

Через месяц возле этого же кораля снова стали появляться медведи. Вместо того чтобы засыпать траншею, управление совхоза временно перевело людей из кораля в посёлок, приостановив текущий ремонт и какое-то мелкое строительство. Таким образом, кораль вместе с возделенной траншеей был практически отдан на откуп медведям. Медведи учли этот урок, и на следующий год три зверя пришло к нему ещё с весны – в мае. Но тут в совхозе появился энергичный парторг, и все три медведя были отстреляны в одночасье. Затем пресловутая траншея всё же была засыпана. В итоге эта траншея стоила жизни шести животным.

В одном из звероводческих совхозов на побережье Берингова моря, где издавна было принято выкармливать норок и песцов мясом морских животных – моржей и китов, – площадка для разделки располагалась в двухстах метрах от жилых барачных ферм. Излишки мяса, которое песцы не успевали съесть, сваливались сюда же. Несколько ночей подряд к этой площадке приходил крупный медведь. В одно прекрасное утро он не ушёл в кусты, как это делал обычно, а решил поразнообразить своё меню. За трактором, которым вытаскивали на берег трупы китов, он устроил засаду. Когда пьяный работяга со зверофермы подошёл к трактору, зверь бросился на него, сломал руку и сорвал кожу с лица. Выскочившие из барака люди принялись кричать и стрелять в воздух. Им в конечном итоге удалось отогнать рассвирепевшего хищника.

На рыбацкой точке одного из совхозов Анадырского района из-за несвоевременного вывоза рыбы накопилось изрядное количество готовой продукции. Вся она, естественно, протухла, и, чтобы не возиться, бригадир распорядился вывалить её в яму. Ямы поблизости не нашлось, копать её ни у кого из рыбаков настроения не было, и всю пададь сгребли бульдозером за ближайшие кусты, в восьми метрах от их временки. Естественно, привлечённый запахом, туда явился крупный медведь-самец. Похоже, что дня через три тухлая рыба ему наскучила. Немного разобравшись в обстановке, медведь понял, что на базе можно хорошо поживиться и помимо падали. Он сожрал продукты рыбаков, предварительно загнав их самих на крышу балка, порвал развешенные для просушки сети. Затем удалился в кусты.

На следующее утро один из рыбаков, открывая дверь, обнаружил, что она приперта чем-то тяжёлым. Чуть приотворив её, он обнаружил того же медведя, прислонившегося к стенке избушки. Оскорблённый медведь молниеносно схватил рыбака зубами за руку и вытащил наружу. На крики выскочил второй рыбак, вооружённый топором, которым он один раз сумел ударить зверя. Медведь отпустил человека и исчез в кустах.

Медведь залезает в мусорный контейнер. Аляска.

Ружьё у рыбаков было, но один из спусковых механизмов этой двустволки не работал. Тем не менее люди отлили пули из дробы, насыпанной в дробовые патроны, положили ружьё на крышу вагончика и там же, на крыше, расположились на ночлег.

В третий раз медведь снова появился с утра и направился прямо к двери балка, но тут же был застрелен.

Как бы ни вёл себя зверь и как бы ни реагировал на это человек, все эти случаи имеют единственный корень, из которого они произросли. Этим корнем является российский бардак.

Существует ещё одна распространённая причина, по которой регулярно происходят нападения медведей на людей. Это дурацкое преследование медведей, не имеющее под собой никакой другой основы, кроме праздного любопытства.

В середине 70-х годов спиртные напитки в национальные округа завозились довольно нерегулярно. Как правило, доставка этого дефицитного продукта в посёлки, расположенные на судоходных реках, производилась на маленьких баржах водоизмещением в двадцать пять тонн. Такие баржи в просторечии назывались «колхозницами». Попасть на «колхозницу», перевозившую «огненную воду», или, иначе выражаясь, «пьяную баржу», было делом чрезвычайно почётным и прибыльным и для матросов приравнивалось чуть ли не к ордену.

Такая «пьяная баржа» и доставляла выпивку в посёлок, расположенный на реке Таловке, что на Северной Камчатке. Неожиданно вперёдсмотрящий увидел медведя, переплывающего реку неподалёку от судна.

– Ребята, мишка! – закричал он.

Сперва его не поняли. Дескать, какой домишко. Но расчухав, что происходит, экипаж принял мужественное решение – брать медведя на таран. Несчастный зверь крутился волчком в воде, пытаясь избежать удара, но когда громада носа нависла прямо над ним, радикально изменил свою тактику. Он развернулся, зацепился когтями за висящий над водой кранец и как кошка вскарабкался на палубу. Одним ударом лапы он переломил пополам пожарный багор в руках боцмана, следующим ударом сбил с ног самого боцмана и остался единственным хозяином корабля. Остальные члены экипажа, увидев решительность зверя, предпочли сойти с борта прямо посередине реки. Потерявшая управление баржа впечаталась в берег, и медведь, перемахнув через борт, исчез в лесу, в который он так стремился.

Иногда нападение медведя провоцирует совсем незначительная человеческая промашка. В середине июля 2002 года в реки Охотского побережья, неподалёку от Магадана, не подошёл лосось.

Медведи, уже спустившиеся с сопок в ожидании рыбы, беспорядочно бродили по берегам реки возле приустьевых посёлков, практически не обращая внимания на людей. Гражданин В., 22 лет от роду, вместе с приятелем возвращался с сельской дискотеки, при этом они решили спрямить дорогу через пойменный лес. Северными ночами светло, поэтому подвыпившие ребята очень быстро увидели, как за ними через лес кто-то идёт. В. принял этого «кого-то» за одинокого крупного пса, поднял с дороги камень и запустил в это существо.

Существо оказалось медведем, который зарывал и напал на В.

Его приятель, даже не оглянувшись, кинулся наутёк, добежал до дома, лёг спать и проспал до полудня.

Днём он дошёл до дома, где жил В. с подругой, не обнаружил его там и пошёл в лес.

В лесу он очень быстро нашёл В. – убитого и наполовину съеденного.

На следующий вечер ведущая силовая тройка посёлка Ола, включавшая начальника милиции, районного охотоведа и начальника пожарки, устроила засаду на людоеда в том месте, где он спрятал жертву. Означенные лица подошли к делу с толком и расстановкой – бойцы пожарной охраны соорудили в двадцати метрах от трупa скамеечку, милиционеры обеспечили засаду выпивкой и закуской.

В итоге, когда из-за кустов появился медведь, силовики открыли по нему беспорядочный огонь и, по общему впечатлению, ранили.

Я разговаривал с районным охотоведом на следующий день после происшествия. Он утверждал, что небольшой медведь вылез в двадцати метрах от них, охотники выстрелили в него по разу, ранили, после чего медведь скрылся в кустах. Несмотря на то что он утверждал, будто все трое распили одну бутылку водки, я предпочёл усомниться и пошёл на место засады.

Возле скамеечки лежало восемь пустых водочных бутылок, а также около тридцати стреляных гильз от СВД и «Тигров», которыми были вооружены стрелки.

Банка, пожеванная медведем.

Куст, из-за которого появился медведь, был не в двадцати, а в ста двадцати метрах от засады. Следы, естественно, принадлежали крупному самцу весом около трёхсот килограммов. Я позволил себе восстановить события и продукт этой дедукции излагаю здесь.

Когда медведь появился из-за куста, троица была уже изрядно пьяна. Так как все они были вооружены мощным самозарядным оружием, то были уверены, что достаточно направить в сторону зверя ствол и нажать на спуск, чтобы убить медведя. Все они хотели получить лавры спасителя деревни от людоеда и поэтому, как только зверь чуть-чуть высунулся из-за куста, открыли по нему беспорядочный огонь. К моему сожалению, кому-то из горе-воjak удалось зацепить медведя, и поэтому его добор превратился в насущнейшую необходимость.

Я привёз на место двух собак, натасканных на поиск зверя по крови, и провёл два дня в поисках этого зверя в припоселковых лесах.

Сразу должен сказать, что все мои поиски не увенчались успехом, а самого медведя случайно убили через месяц примерно на этом же месте.

Но если бы вместо троих разнузданных пьяниц в засаде сидел всего один уверенный в себе стрелок среднего уровня подготовки, то он наверняка убил бы медведя.

Глава 28 Опасная охота

Охота всегда опасна. Даже если вы вытаптываете перепелов из персидского ковра сжатого овса, вы не застрахованы от существования идиота, который пустит вам в спину дробовой заряд, приняв вас за двуногого хряка.

Что же тогда говорить об охоте на медведя? Охоте, опаснее которой может быть только охота на другое животное, так похожее на нашего героя повадками, манерой и даже питанием. Я, конечно, имею в виду охоту на человека.

Бурый медведь – лучший солдат среди животных.

Большее количество несчастий и увечий, причиняемых медведями людям, происходит именно на охоте. Правда, если посмотреть на всё глазами медведя, то их количество будет ещё больше – но подобный взгляд не принят среди людей, тем более среди охотников.

От других конфликтных ситуаций эта отличается тем, что на конфронтацию с таким, безусловно, опасным зверем человек идёт сам, добровольно, создавая конфликтную ситуацию собственными руками. Все остальные конфликты возникают вследствие случайного стечения обстоятельств, идиотских человеческих действий или из-за агрессивного характера самого зверя. Человек же, идущий убивать медведя, должен помнить, что и сам может быть убит.

Считаться с этим надо не только потому, что чувство самозащиты, развитое у любого живого существа – от мыши до кита, – имеется и у бурого медведя. И не только потому, что медведь, как любой хищник – будь то ласка или леопард, – обладает агрессивным характером. Но и потому, что у медведя ВСЕГДА, в какой бы безвыходной ситуации он ни находился, остаётся ШАНС НА ВЫИГРЫШ В ПОЕДИНКЕ С ЧЕЛОВЕКОМ.

Эти «свойства врага» выработаны у медведя всей его жизнью. Ей мы уже уделили достаточно места в предыдущих главах.

Помнить это надлежит каждому охотнику.

Помнить и знать, что ни сверхсовременное снаряжение, ни мощнейшее оружие, ни разрывные, обладающие дьявольской энергией пули не дают преимуществ перед заложенной с рождения и натренированной в ежесекундной жизненной борьбе ловкостью, реакцией, чутьём, умением примениться к обстановке, словом – тем всеобъемлющим комплексом жизненных реакций, что выработан в «чёрном звере» самой природой.

Недаром в середине XIX века в Забайкалье промышленники обставляли выход на медвежью охоту как настоящий религиозный обряд. Сборы производились в полном секрете, об их цели не рассказывалось не только товарищам, но и домашним, особенно женщинам.

«Промышленники дают друг другу клятву в том, чтобы в случае опасности не выдавать и до последней капли крови защищать друг друга. Если сборы происходят в селении, то накануне зверовщики всегда ходят в баню – по суеверному обычаю, заведённому издревле их предками; тут скрывается то поверье, что промышленник, омывшийся от плотских грехов и как бы приготовившийся к смерти, идя на битву с опасным врагом, скорее допускается Богом на лёгкое, счастливое и безопасное убиение страшного зверя».

Бурый медведь обладает невероятной живучестью, это самый «крепкий на рану», выражаясь охотничьим языком, зверь среди нашей фауны. Ни олень, ни лось, ни горный баран, ни крупные кошки, в частности тигр, не могут сравниться с ним в этом качестве. Известны случаи совершенно невероятных ранений этого зверя, после которых медведь пробежал сотни метров, ломая всё подряд, убивал людей и лишь после этого сам падал мёртвым.

Однажды пуля, выпущенная из штуцера 577 (соответствует примерно 14,7 мм), попав в грудную клетку зверя рядом с сердцем, не только не убила медведя наповал, но даже не остановила его. Медведь сбил охотника с ног и пробежал ещё метров пятьдесят. К слову, штуцер такого калибра Джон Хантер, один из величайших охотников нового времени, считал одним из лучших ружей для охоты на крупную африканскую дичь.

Что же до того шанса, который остаётся у медведя в самой безвыходной ситуации, то, чтобы не казаться голословным, можно привести пример. Я уже рассказывал, как плывущий медведь вскарабкался на борт баржи-«колхозницы» и оказался хозяином положения. Так вот, почти аналогичный случай произошёл на севере Якутии с вертолётom МИ-4 – в те времена, когда в небе Арктики царил, как бы сейчас выразились, «правовой беспредел».

Так вот, вертолёт «прижал» раненого медведя к земле, и командир, для того чтобы вернее добить зверя, снизился над ним до высоты человеческого роста, пытаясь подавить у хищника волю к сопротивлению грохотом мотора, ураганным ветром и вообще мощностью «железной птицы». В этот момент медведь изловчился, прыгнул на шасси вертолётa и повис на нём всей своей тяжестью. Этого оказалось достаточно, чтобы машина потеряла баланс, резко накренилась и стала падать. Только мастерство лётчика спасло её тогда от аварии. Вертолёт ушёл вверх, а медведь, свалившись с небольшой высоты, укрылся в кустах.

Даже внешне безобидный медведь мгновенно станет опасным при посягательстве на его жизнь.

Конечно, большинство охот на бурого медведя заканчиваются вполне заурядно, а именно охотники с медведем даже не встречаются. Не только несчастных случаев, даже острых моментов в них не так много.

Но, даже когда дело доходит до выстрелов, это не значит, что охота в один момент стала опасной. Это естественно – уровень безопасности цивилизованных охот повышается год от года. Кроме того, небольшие медведи – а они и составляют большую часть добычи

охотников, «идут на Вы» в исключительных случаях. Да и вообще, качества зверя обычно проявляются только тогда в медведе, когда он бывает ранен. Как говорит пословица, «не зацепишь – не узнаешь». А медведь, убитый наповал первым выстрелом, как известно, не атакует...

Но если первый выстрел не дал ожидаемого результата...

«15 августа 1975 года геологосъёмочный отряд под руководством А. А. Терещенко встретил в маршруте бурого медведя. Зверь двигался параллельно отряду по противоположной стороне ручья на расстоянии около ста пятидесяти метров.

А. А. Терещенко тремя выстрелами из карабина ранил медведя, и тот скрылся в зарослях. Поскольку тридцать патронов, положенные геологу на сезон, были уже израсходованы, то Терещенко взял двустольное ружьё 16-го калибра и пошёл к месту, где скрылся медведь.

Разъярённый зверь выскочил из зарослей и бросился на охотника.

Терещенко успел выстрелить из обоих стволов, но убить зверя ему не удалось, напротив, зверь ударил геолога передними лапами, подмял под себя и нанёс ему многочисленные раны, приведшие к смерти. Все последующие попытки найти медведя положительных результатов не дали».

Двое рыбаков на реке Великой, отойдя далеко от своей избушки, увидели медведя, идущего в их сторону. Приблизившись к людям, он остановился и на свою беду стал их внимательно разглядывать. Один из рыбаков не вытерпел такого надругательства над достоинством белого человека и на всякий случай выстрелил в него крупной дробью. Медведь мгновенно исчез в зарослях. Люди двинулись в обратный путь. Недалеко от избушки их тропинка проходила сквозь густые заросли кедрового стланика. Из этих зарослей выскочил раненый медведь (кровь текла по его боку) и бросился на них. Медведь нанёс тяжёлые увечья обоим, а затем ретировался. Люди были подобраны вертолётom и в тяжёлом состоянии отправлены в больницу.

Группа рыбаков одного из совхозов Анадырского района чаёвничала вечером у костра, неподалёку от избушки. Неожиданно на тропинке появился крупный медведь, который, не обращая внимания на огонь, шёл прямо к ним. На морде у него было написано твёрдое намерение никуда не сворачивать и пройти сквозь всю честную компанию – так утверждали очевидцы. Один из рыбаков схватил единственную на всю рыбалку винтовку и выстрелил в зверя. Медведь очень характерно «харкнул» – пуля в него попала – и одним махом скрылся в зарослях. Передняя лапа у него была перебита и висела. Стрелявший рыбак передёрнул затвор винтовки и скрылся в кустах вслед за зверем, не обращая внимания на предостережения старших товарищей.

Обезоруженные рыбаки схоронились в избушке. Вскоре они слышали в кустах медвежий рык и храпение. Их товарищ так и не появился. Наутро они по радиации вызвали вертолёт. С его помощью в кустах рядом с избой они нашли мёртвого рыбака, рядом лежала винтовка, из которой он так и не успел выстрелить. Медведя позднее убили с вертолётa.

На реке Чоурode в Южной Якутии двое геологов, вооружённых трёхлинейными карабинами, преследовали раненого крупного медведя в зарослях кедрового стланика. Оба они были убиты зверем, не успев сделать ни одного выстрела. Позднее этот медведь расправился ещё с одним человеком.

В августе 1981 года двое биологов во время маршрута повстречали медведя, который шёл по берегу реки вдоль линии кустов. Один из них выстрелил в зверя с расстояния в сто пятьдесят метров, нанеся ему лёгкую рану. Медведь скрылся в кустах. Люди, держа оружие наготове, последовали за ним.

Первый охотник обнаружил медведя в настороженной позе в пяти шагах от себя. Зверь стерёг их на своём пути. Только хладнокровие стрелка, выпустившего в медведя весь магазин самозарядного охотничьего карабина, спасло людей от тяжёлых увечий.

Распространена версия, согласно которой дальневосточные медведи гораздо смирнее, чем их сибирские и европейские соплеменники.

Практика охот на этих зверей на востоке России доказывает ошибочность подобных утверждений, даже если они исходят от весьма компетентных лиц.

Например, на «смирность» дальневосточных медведей ссылается и прославленный русский путешественник и охотник Н. М. Пржевальский.

«Несмотря на свою огромную величину, здешние медведи чрезвычайно миролюбивого нрава, так что сами никогда не нападают на человека и, даже будучи ранеными, уходят от преследования».

Правда, далее он вынужден опровергать самого себя, утверждая, что

«...однако нет правила без исключения. Случается иногда, что раненый мишка, остервенев, бросается на стрелка, и, если этот последний потеряет присутствие духа или, на несчастье, не будет иметь, кроме выстреленного ружья, никакого другого оружия – судьба его решена.

Во время своего путешествия по Уссурийскому краю я много раз охотился за медведями и стрелял их; но только один раненый зверь – тот самый, о котором упомянуто выше (самый крупный из добытых Н. М. Пржевальским медведей – длиной 2,2 м, весом около 300 кг. —М.К), – вздумал разделаться со мной. Будучи пробит первой пулей на расстоянии в сорок шагов в грудь навывлет и ободрённый, вероятно, ещё тем, что я был один, этот медведь с рёвом бросился на меня. По счастью, в штучере оставался заряженным другой ствол, и, быстро вскинув к плечу своё ружьё, я решился подпустить чудовище как можно ближе, так как здесь уже стоял вопрос, быть или не быть.

Конечно, это было дело нескольких мгновений, но эти мгновенья не изгладятся из памяти целую жизнь и через много лет всё так же ясно, как в ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кровавого цвета язык и громадные зубы... Когда медведь приблизился на расстояние четырёх шагов, я спустил курок, и разъярённый зверь с простреленным черепом словно сноп рухнул на землю».

В аналогичную ситуацию приходилось попадать другому великому русскому путешественнику, кстати, ученику знаменитого Пржевальского, Н. К. Козлову во время его путешествия по Центральной Азии. Мимоходом заметим, что медведь-пишухоед, с которым ему там пришлось столкнуться, современными исследователями также характеризуется с применением эпитетов «мирный» и «безопасный».

«Обилию медведей в Тибете, конечно, способствует то обстоятельство, что туземцы их не стреляют, за исключением охотников, желающих воспользоваться шкурой, как ковром или подстилкой во время охотничьих экскурсий за травоядными. Что же касается нашей экспедиции, то мы, наоборот, редко упускали случай, чтобы не поохотиться на этого зверя. Всего нами в общей сложности за две весны было убито до 40 медведей, из которых 15 пришлось на мою долю...

Охота на медведей здесь, в Тибете, производится в открытую, если можно так выразиться. Действительно, заметив медведя ещё издали, охотник смело идёт к нему поближе, затем начинает рассматривать и созерцаться, с какой бы из сторон всего удобнее его скрасть, то есть приблизиться на выстрел незамеченным, считаясь с отличной способностью медведя далеко чухать по ветру. Зрение же у этого зверя сравнительно довольно слабое. Всего удобнее подходить к медведю в то время, когда он занят ловлей пищух или предаётся отдыху, и наименее подходящее время, когда медведь направляется скорым „ходом", будучи напуган. Если же медведь спокойно разрывает грызунов, то обыкновенно норовят идти к нему ускоренно, останавливаясь во время поворотов зверя в сторону охотника. Если на пути к медведю имеются хоть мало-мальские прикрытия, то не трудно приблизиться к цели на сотню шагов, а то и ближе. Подойдя к зверю, охотник с колена или лёжа стреляет в медведя.

В большинстве случаев опытный охотник и умелый стрелок одним-двумя, самое большее тремя выстрелами из обыкновенной винтовки уложит зверя.

Из многочисленных охот, ведённых мной и моими спутниками в последнюю весну в Тибете, я остановлюсь лишь на некоторых из них, почему-либо наиболее интересных и поучительных. Первый случай имел место на речке Шурчю, южном склоне хребта Водораздела, 20 мая. Мы успели сделать переход и расположиться лагерем в глубокой узкой долине, окаймлённой луговыми скатами. Некоторые из людей отряда отправились на охоту, я же прилёг вздремнуть. Вдруг слышу голос тибетца Болу (который, надо заметить, был в своё время страстным охотником): „Пэмбо, пэмбо, джэму эджери!“, т. е. „Господин, медведь идёт!“... Действительно, стоило мне только приподняться, как я уже увидел медведя, медленно шедшего по косовету. Зверь, по-видимому, не обращал внимания на наш большой бивуак. Не долго думая, я взял свою винтовку, вложил в неё все пять патронов – два разрывных и три обыкновенных – и направился на пересечение пути медведя. Однако высота около 15 тыс. футов (4580 м) над морем даёт себя чувствовать: горло пересыхает, ноги подкашиваются, сердце учащённо бьётся. Садись. Невольно смотришь в сторону медведя и не спускаешь с него глаз; медведь по-прежнему то движется вперёд, то разрывает землю. Опять идёшь: солнце пригревает, ветерок освежает. Наконец, зайдя навстречу зверю, я прилёг за бугорком. Жду. Медведя нет и нет. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнение охотника исчезло – медведь не вдалеке прилёг. Ползком продвинувшись десятка два шагов, я достиг второго бугорка. В бинокль отлично было видно, как ветерок колышет длинную блестящую шерсть медведя; кругом тихо, спокойно; могучие пернатые хищники зачужали добычу и кружат на фоне неба; наш бивуак словно замер: внимание всех приковано к медведю и охотнику. Раздался выстрел, медведь глухо зарычал и тяжело приподнялся на ноги; глухо щёлкнула вторая пуля – зверь грузно свалился наземь. Не меняя положения, я взглянул в бинокль: медведь лежал не шевелясь. Встаю и направляюсь к обрыву, находившемуся от меня шагах в двухстах, поодаль от медведя, чтобы оттуда взглянуть по сторонам. Тем временем двое препараторов-казаков уже покинули бивуак и шли к медведю. Подойдя к обрыву, я от усталости невольно тяжело вздохнул, медведь вскочил словно ужаленный, потряс своей мохнатой головой и со страшной стремительностью направился ко мне, неистово рыча и фыркая. Подпустив разъярённого медведя шагов до десяти, я выстрелом в грудь свалил его; зверь кубарем через голову свалился вниз. Последний решающий момент, когда озлобленный мишка нёсся с окровавленной пастью, надолго запечатлелся в моей памяти; в нём, в этом моменте, и заключалось то особенное чувство, которое так дорого и привлекательно охотнику...»

Так выглядит медведь в начале нападения.

Расстояние сокращается!

О том, сколь бывает крепок на рану медведь, можно судить по рассказам многих известных путешественников и охотников. Полярный геолог Н. Н. Урванцев в своей книге «На Северной Земле», посвящённой истории последнего крупного географического открытия на земном шаре, так описывает случай охоты на белого медведя:

«Сегодня, углубясь в вычисления астрономических пунктов, я услышал вдруг бряканье сигнального аппарата. Поднял голову от книги и увидел, как подвешенная на шнурке

погремушка беспокойно заболталась. Потушив лампу, чтобы не мешала, я тихонько вышел в сенцы, взял винтовку и выглянул наружу. Через несколько минут, когда глаза привыкли к темноте, я разглядел силуэт зверя, стоявшего около нерпы (приманки, к которой был подключён пресловутый сигнальный аппарат. – МК), боком ко мне и головой к домику. Я долго прицеливался и примерялся, пока наконец решился выстрелить. При блеске огня было видно, как медведь подпрыгнул, мелькнув в воздухе огромными лапами, и исчез во мраке. „Неужели опять промазал?" – с досадой подумал я. Но помчавшиеся на шум собаки остановились и подняли лай где-то невдалеке. Это меня успокоило. Зверь недалеко и, наверное, убит или ранен. Метрах в пятидесяти от берега мы с Журавлёвым обнаружили мёртвого медведя. Когда потом сняли шкуру и разделали тушу, увидели, что надрезанная пуля прошла в грудную клетку, разрушила сердце и застряла в жировой клетчатке на противоположной стороне. И всё же у медведя было достаточно сил пробежать не менее семидесяти-восьмидесяти метров. Интересно, что крови там, где стоял зверь, не оказалось совсем, а длина первого прыжка достигала не менее трёх метров. Метров через десять появились первые капли крови, но прыжки, судя по следам, были, как и ранее, твёрдыми и уверенными. Вскоре капли увеличились, слились в струйку, которая недалеко от туши превратилась в широкий поток. Всё это мы установили потом, после того, как обнаружились результаты „анатомического" вскрытия. Картина поучительная, свидетельствующая о живучести зверя и о том, что он может сделать, даже смертельно раненный».

Подобный рассказ мне пришлось слышать самому от двух зоологов, изучавших экологию водоплавающих птиц в среднем течении Анадыря.

Существуют на северо-востоке Сибири посреди тундры или леса удивительные озёрные котловины. В Якутии их называют шелковистым тёплым словом «алас». Возникают эти аласы в природе следующим путём.

В первую очередь, для рождения аласа нужно существование озера, и лучше – большого озера, чуть приподнятого своей чашей над бассейном той реки, близ которой оно находится. Нужно это для того, чтобы весенним паводком это озеро не соединялось с поймой реки – тогда уровень его остаётся почти неизменным, потому что избыток талой воды стекает с возвышения в большую реку и не затопливает берега. Берега такого озера становятся настоящим раем-пристанищем водоплавающих и околотоводных птиц – уток, гусей, куликов, поганок, гагар. Но если полая вода при каких-то обстоятельствах проточит глубокую канавку-сток, то это озеро спустится само собой и на его месте образуется луговая котловина с несколькими лужами-озерцами – алас. Алас постепенно зарастает высокими луговыми травами, вслед за ним на дно бывшего озера, сплошь пропитанное питательными отложениями, приходят кустарники – сперва ольха, а затем высокая древовидная ива. Эти аласы являются настоящими оазисами посреди унылой буро-серой тундры – птицы, звери и цветы заселяют их в большом количестве.

Вот в одной из подобных оазисов-чаш орнитологи вели многолетнее наблюдение за семьёй старого лебедя-кликун.

Лебедь-кликун поселился на островке посреди остатков спущенного озера и был настолько недоверчив, что покидал гнездо, лишь только исследователи появлялись на самом краю горизонта. Гнездо его напоминало небольшую копну болотного сена величиной с письменный стол. Лебедь сооружал его заново каждый год в мае на травянистых проталинах, сгребая бурую растительную ветошь чёрными перепончатыми лапами.

Орнитологи уже давно не тревожили лебедей попусту, ими были сконструированы приборы, которые без помощи человека наблюдали за жизнью птиц. В гнездо подкладывалось искусственное яйцо с проводом, в которое были вмонтированы температурные датчики, а сам прибор, поставленный в двухстах метрах от него, фотографировал гнездо с птицей каждую минуту.

До этого гнезда с прибором как раз и добрался большой бурый медведь. Лебединое гнездо по своему обычаю он разорил, а прибор, руководствуясь теми же соображениями, – поломал. Резиновую лодку, на которой обычно добирались до гнезда, расположенного на островке, зверь распустил в клочья. Словом, поступил с птицей и казённым имуществом, как писал великий сатирик Салтыков-Щедрин, «сообразно уму и наклонностям».

Нетрудно догадаться, что на экспедиционном совете решено было вредного зверя истребить.

Для облегчения сей задачи был изготовлен небольшой радиопередатчик. На месте прежнего разбоя охотники выложили приваду, причём постарались сделать это так, чтобы кусок протухшей оленьей туши находился на открытом месте, на большом удалении – метрах в двухстах – от всяческих кустов. Передатчик же прикрепили к приваде так, что, если последняя будет стронута с места, то в эфир полетит прерывистый сигнал.

Когда сигнал раздался, двое стрелков – мой отец и его аспирант А. И. Артюхов – на лодке направились к приваде.

Медведь – а это был большой старый самец – ещё не успел утащить мясо в кусты и находился на открытом месте, что, с одной стороны, позволило сразу обнаружить его, а с другой – мешало подойти поближе для более верного выстрела.

Отец, используя уже упоминавшийся на страницах книги тройник, выстрелил в зверя с двухсот метров и попал ему в середину туловища. Пробитый пулей калибра 7,9 и весом 15 граммов, зверь в первый момент рухнул, но затем вскочил и длинными прыжками кинулся в сторону стрелка, издавая глухой угрожающий рык на каждом вдохе. Следующая пуля пробила его на бегу насквозь, более того, вынесла с другого бока в образовавшуюся рану кусок лёгкого величиной с ладонь. Медведь кувырнулся через голову, но тут же вскочил и продолжил свою атаку – как показалось стрелкам, его энергия несколько не уменьшилась.

Между зверем и людьми лежало небольшое озеро, диаметром около семидесяти метров, – стрелки стояли на противоположном его берегу, когда медведь добежал до берега, кинулся в воду и поплыл к ним.

Когда зверь находился в воде, отец выстрелил в третий раз, но мишень сильно уменьшилась, и он, целя в голову зверя, промахнулся. Тяжело раненный хищник выбрался на берег в пятнадцати метрах от охотников, но потерял ориентировку и был вынужден подняться на задние лапы, чтобы осмотреться. Тут же его пробила четвёртая, решающая пуля.

После вскрытия оказалось, что две предыдущие пули пробили лёгкие и печень, прошли рядом с сердцем и нанесли зверю тяжелейшие смертельные раны. Тем не менее медведь с этими ранами нашёл в себе силы пробежать и проплыть почти двести метров, и кто знает, что бы случилось, если бы его не остановила последняя пуля!

Не всегда раненные медведи умирают. Довольно часто они выживают даже после самых серьёзных ранений.

Очень наглядный случай произошёл с моим знакомым, который охотился с карабином «Медведь» под патрон 9,3х53. Был осенний вечер в горах на Охотском побережье. Охотник разглядывал серый каменный склон, заросший редкими кустами кедрового стланика. Вполсклона он обнаружил медведя средних размеров (ширина следа его передней лапы была 16,5 см, т. е. весил он около 200 кг). Медведь медленно ходил от одного куста к другому и лениво объедал шишки. Через десять минут наблюдений стрелок решил, что он прикинул основное направление движения зверя, и пошёл по горе с таким расчётом, чтобы медведь сам вышел на него. В какой-то момент он обнаружил, что зверь спустился в каменистое русло ручья и находится в восьмидесяти метрах от него.

Охотник тщательно прицелился в медленно идущего зверя и выстрелил ему по лопаткам.

Медведя перевернуло на спину, и он забился на камнях в агонии. Так, по крайней мере, показалось охотнику в этот момент, и он не стал добивать его вторым выстрелом. Через три секунды бьющийся медведь свалился в щель между камнями, и человек потерял его из виду.

Осенью на Охотском побережье сумерки наступают очень быстро, поэтому охотник не стал спускаться в русло ручья, а поспешил в лагерь. Там он сообщил напарнику, что он убил медведя и завтра надо будет идти за шкурой. Он ни на секунду не сомневался, что обнаружит медведя в радиусе десяти метров от того места, где он видел его в последний раз.

Когда они с напарником подошли к этому месту, то обнаружили на плоском валуне в углублении лужу засохшей крови, несколько кусков рёбер, вывалившихся из раны, и... всё!

Однако по валуннику вниз уходила кровавая, хорошо видимая дорожка.

Охотники двинулись по этому следу, который становился всё менее и менее отчётливым. Кровь, которая сперва буквально лилась ручьём, затем начала капать отдельными каплями, а потом и прекратила течь вообще. Среди северных охотников существует мнение, что рана у медведя осенью постепенно заплывает жиром.

Я лично не исключаю, что, несмотря на тяжелейший характер этой раны, медведь всё же выжил.

Что касается реакции бурого медведя на попадания пуль даже крупного калибра, то я могу вспомнить эпизод, когда зверь остался стоять на ногах даже после попадания четырёх пуль из того же «Медведя», выпущенных в грудную клетку на расстоянии двадцати метров.

В другой раз мне уже самому пришлось разделять тушу убитого зверя, у которого я насчитал четыре старые тяжёлые огнестрельные раны, каждая из них, по охотничьим канонам, должна была быть смертельной. На затылке, под шкурой, у этого ветерана находились две закапсулированные свинцовые лепёшки величиной со столовую ложку — они состояли из дроби номера около третьего, смешанной с волосами. Скорее всего кто-то дважды выстрелил из двустволки в голову переплывающего реку зверя с лодки. Так как оба заряда почти не разлетелись, можно было предположить, что стреляли в упор. В груди, под шкурой, я выковырял ножом из кожаной капсулы полуоболочечную пулю 9-го калибра от старого карабина «Лось» или «Медведь», а в крупе обнаружилась турбинная пуля Майера 12-го калибра. Со всеми этими ранениями медведь вполне благополучно жил не один год и, когда его в конце концов добыли, выглядел вполне упитанным.

Действительно, опытные охотники говорят, что крупные звери после первой пули если не упадут на землю, то становятся как бы нечувствительными к последующим ранениям, хотя бы каждое из них и было смертельным. Зверя, действующего при таких обстоятельствах, можно сравнить с заведённой машиной, обладающей огромной силой инерции, — рушатся системы питания, лопаются клапана и ломаются цилиндры, но механизм летит вперёд, будучи по сути уже мёртв, но не остановлен.

Традиционно считающаяся безопасной охота на берлоге тоже может таить в себе изрядную долю неожиданностей. Жертвами медведей на ней едва не стали Лев Толстой, Владимир Гиляровский, а также российский император Александр III.

«Вот случай, который отчасти характеризует эту охоту. Однажды четверо промышленников отправились на медведя, который лежал на берлоге в страшной чаще леса, — рассказывает А. Черкасов. — Дело было перед Рождеством, следовательно, уже в то время, когда можно было надеяться, что медведь облежался и не выскочит раньше времени. Промышленники, вооружившись как следует, взяли с собой и путо (род сети.—М.К), которое один из них, поздоровее, нёс на плече. Промышленники тихо и молча подходили уже к берлоге, продираясь сквозь густую чащу мелкой поросли, путались, запинаясь и тонули в снегу почти на каждом шагу. Охотник с путом шёл третьим в затылок. Как вдруг они услышали впереди себя по тому направлению, где должна была быть берлога, знакомый лай своих собак, которые оторвались от привязей и бросились вперёд них к берлоге, выпугнули зверя и погна-

его как раз на подходящих промышленников. Медведь, преследуемый собаками, пробежал двух передовых охотников и напал на третьего с путом. Суматоха поднялась страшная: испугавшись такого неожиданного случая, охотники торопились помочь атакованному товарищу, но, путаясь в чаще, падали и не могли владеть оружием, между тем как медведь ломал чащу, как солому, смял уже несчастного под себя, и бог знает, чем бы всё это кончилось, если бы одна из собак не схватила медведя за зад, отчего медведь бросил промышленника и стал ловить вёрткую собаку».

Вообще-то, преследование раненого медведя – один из самых опасных видов охот, которые только приходят в голову. Это моё мнение отнюдь не оригинально и одинаково широко распространено по обе стороны Тихого океана. Вот что пишет по этому поводу У. Хиллен.

«Погоня за раненым гризли может быть крайне опасной. В чаще егеря не всегда решаются на этот подвиг, хотя человечность и охотничья этика требуют выследить и прикончить раненого зверя. Того же требует и здравый смысл, ведь если такой медведь выживет, он станет опасным для человека. Кроме того, он останется калекой на всю жизнь и для прокорма начнёт потаскивать скотину. В отместку скотоводы скорей всего прикончат нескольких ни в чём не повинных мишек, возводя напраслину на весь медвежий род. Некоторые фермеры, пастухи и охотники, едва завидев медведя, тут же палят в него, часто из оружия малого калибра или издалека. Водится это и кое за кем из индейцев.

В зарослях раненый гризли тих, как кошка. И дьявольски хитёр. Раненный, он ревёт, как бык, пока его не видно, но стоит ему скрыться в кустах или в лесу – и он притаится, как мышь, если только пуля не отшибла у него ум. Он даст тебе подойти близко по следу и будет выжидать за камнем или бревном, чтобы навалиться сзади в удобный момент. И жизнь свою он не отдаст задаром. Тебе покажется, что от каждой новой пули из него лишь чуть сильнее хлещет кровь. Нет уж, по-моему, бить – так наповал, а пристрелить раненого потом вдвое труднее».

Одна из самых неприятных обязанностей, которая выпадает на долю гида-проводника, – это поиск раненого медведя в зарослях кедрового стланика. Дело в том, что, как уже писалось выше, раненый медведь мгновенно пытается уйти с глаз долой – за камни, в складки рельефа или, что чаще всего случается на русском Дальнем Востоке, заросли кедрового стланика. И несмотря на то, что одной из основных задач проводника является предоставить возможность выстрела клиенту в месте, где даже при неточном попадании он или гид-проводник смог бы сделать второй выстрел, время от времени случается так, что раненый медведь получает возможность скрыться в кустах. Тогда события развиваются по установленному алгоритму – клиента уводят в лагерь, где он пьёт чай, кофе, пиво, вино, водку, виски, коньяк (нужное оставить, ненужное зачеркнуть). Проводник же в сопровождении ещё одного охотника начинает тропить медведя по следу, пока этот след можно разглядеть и пока зверь не будет убит.

Должен сказать, что это самая запоминающаяся часть медвежьей охоты. Ваш покорный слуга уходил за таким медведем одиннадцать раз и помнит буквально каждый шаг в

переплетении кустов, когда внимание разрывается между каплями крови и сорванным мхом на земле, прядями шерсти на ветвях и сумраком прямо по ходу, сумраком, сгущающимся под зелёным сводом хвои и переплетающимися стволами стланика толщиной как минимум в руку. И из этого сумрака в любой момент с расстояния десяти (а чаще – пяти) метров в любой момент может выскочить оскаленная медвежья морда, и надо прямо под неё успеть сделать дуплет, который остановит зверя на месте. Поэтому идущий впереди очень внимательно наблюдает за всем, что творится прямо по ходу.

Второй человек всё своё внимание концентрирует по сторонам и сзади – бывает, что медведь обходит преследующих и нападает на них с тыла.

Лично я всегда предпочитал для этой работы двустволку 12-го калибра, заряженную мелкой картечью.

Как уже говорилось, вся стрельба при таком преследовании ведётся на расстояниях, редко превышающих десять метров, – таким образом, у вас едва хватает времени на полноценный быстрый дуплет. (Я всё-таки хотел бы попросить дорогих клиентов, приезжающих к нам на охоту, делать как можно меньше подранков.)

Порой бывает так, что все эти предосторожности в преследовании подранка оказываются ненужными.

Я вспоминаю охотничий тур на колымского лося в бассейне реки Кедон в конце 90-х годов. Все гости вместе с гидами-проводниками разошлись по угожьям, а мы с отцом, который тоже присутствовал на этой охоте, по какой-то причине остались в лагере.

С нами был и один из клиентов – лесничий из Латвии, которого все звали Большой Андрис. Точнее, он остался не в самом лагере, а рядом с ним. Он стоял на перекате и ловил хариусов. В качестве оружия с ним был карабин «Лось-4», заряженный высокоскоростными патронами с начальной скоростью 910 метров в секунду.

Неожиданно со стороны переката раздалось два выстрела, и через десять минут в лагерь появился сам Большой Андрис.

– По-моему, я стрелял в медведя, – незатейливо сказал он.

– В большого? – тут же отреагировал я.

– Понятия не имею, – сказал Большой Андрис, – я медведя-то в первый раз в жизни видел. Я в него выстрелил один раз в плечо. Он тут же кинулся в кусты. Я стрелял второй раз вдогонку, наверное, не попал.

Не теряя времени на расспросы, мы пошли к тому месту, где Андрис повстречал зверя, – благо, оно было не в пяти минутах от лагеря, а пожалуй что в трёх.

С прибалтийской обстоятельностью Андрис показал место, где он увидел медведя, где и откуда он в него выстрелил. Получалось, что выстрелил он в него с семидесяти метров, из положения сидя. Андрис сам был практически профессиональным охотником, в Латвии он имел собственные угожья, где разводил привезённых из Польши племенных благородных оленей. Поэтому никаких сомнений в правильности прицела и определении расстояния у меня не возникло.

На бровке берега, где, по словам Андриса, медведь кинулся в лес, мы нашли выплеск яркой красной артериальной крови – длиной метра два. Как мы потом выяснили, кровь эта брызнула из входного отверстия. Но беглый осмотр места выстрела показал, что медведь не лёг в ближайших двадцати метрах – а значит, предстоит преследовать его сквозь пойменный лес, который местами не уступает по густоте джунглям.

К счастью, Андрис был воспитан на традиции безусловного подчинения правилам охоты и поэтому практически не протестовал, когда мы отвели его в лагерь, где он занялся какой-то мелкой хозяйственной суетой. В отличие от подавляющего большинства клиентов он ни секунды не мог сидеть без какого-либо дела.

Признаться, нет ничего хуже гостя, который желает лично добрать раненного им зверя и лезет в чашу, не представляя таящейся там опасности. Ощущение «как всё плохо вокруг» приходит к нему обычно в самый неподходящий момент, когда отступить – значит практически то же, что и двигаться вперёд. Он, как правило, не готов к мгновенному меткому выстрелу на сверхкоротком расстоянии и длящемуся несколько часов подряд возрастающему напряжению.

На твёрдой гальке нам не удалось найти вмятых отпечатков следов, однако по сорванной на бровке земле и по срезанной второй пулей ветке мы с отцом прикинули, что медведь не самый маленький.

Отец взял полуавтомат МЦ-21-12, а я – уже упоминавшуюся двустволку 12-го калибра, и мы вдвоём двинулись по лесу. К счастью, в этом месте чозениевый лес имел парковый характер и просматривался метров на семьдесят. Правда, это не очень много значило, так как мы оба знали, что медведь может использовать перед атакой для укрытия малейшую ямку, бугорок или лежащее бревно.

Правда, судя по следам, которые хорошо отпечатались на белом лишайнике в лесу, медведь уже во время бега чувствовал себя неуверенно – он срывал когтями клочки подстилки, делал броски из стороны в сторону, кровь время от времени выплёскивалась из раны струёй более чем на метр.

Через двести метров медведь углубился в густой молодой лиственничник, и мы сразу повели себя значительно осторожнее. К счастью, все наши опасения оказались беспочвенными – ещё через сто шагов мы разглядели среди тоненьких спичек стволов молодых лиственниц лежащую на боку тушу.

Медведь весил двести тридцать килограммов, пуля ударила ему в предлопаточный бугор, пробила лёгкое и верхушку сердца, печень и застряла в вырезке перед почками.

С этой раной медведь пробежал ещё триста метров.

П.П. Семёнов-Тян-Шанский рассказывает о том совершенно особом состоянии, в которое иногда впадает охотник при непосредственном столкновении с бурым медведем.

«На окраине речной долины возвышалось киргизское кладбище. Здесь между могилами заметили мы и гробокопателя – светло-серого небольшого тянь-шаньского медведя. Спугнув его, мы погнались за ним. Бежал он с необыкновенной быстротой, без оглядки спускаясь в долину второй Мерке и забавно кувыряясь на крутых спусках. Имея лучшую лошадь, я преследовал его по пятам, а мои конвойные казаки постепенно поотстали от меня. Только один из них отделился и с необыкновенной сметливостью спустился в долину по кратчайшему пути для того, чтобы поспеть наперерез медведю. Манёвр казака вполне удался. Когда я спустился на дно долины, преследуя по пятам медведя, то заметил казака стоящим впереди нас совершенно наготове. Медведь бежал впереди меня шагов на сто очень быстро, но когда заметил впереди себя казака, пошёл очень медленно, тяжёлой походкой. У меня случайно не было ни ружья, ни пистолета, и я мог только с любопытством смотреть на исход нашей травли, тем более что остальные конвойные казаки далеко от нас поотстали. Наконец, медведь поравнялся с казак, но тот вместо того, чтобы сделать выстрел, попятился назад и пропустил его мимо себя. Медведь прошёл грузно и тихо мимо своего несмелого врага, а затем, оглянувшись, бросился бежать с невероятной быстротой. Я же доскакал до казака и спросил его, почему он не стрелял в медведя, находясь в таком благоприятном для охотника положении, и получил ответ: „Да я был совсем наготове и хорошо прицелился, но как посмотрел вблизи на медведя и подумал: а вдруг он меня съест, – так руки и опустились, а он прошёл мимо меня, да и давай тягу“».

Охотник Н. в результате патологического невыполнения плана в том совхозе, где ему довелось работать, был откомандирован на ловлю рыбы.

Рыбалка была местом традиционного паломничества бурых медведей со всей округи.

Охотник Н. гордо заявил, что он охотник, а не рыбак, и перед всей бригадой взял на себя обязательство извести медвежью напасть.

Краткая ревизия арсенала бригады навела его, однако, на грустные размышления. Этот арсенал состоял из двух однозарядных малокалиберных винтовок, заржавленной двустволки 16-го калибра и устаревшего охотничьего карабина 8,2. Последний можно было бы считать вполне эффективным орудием борьбы, если бы не одно обстоятельство – патронов к нему не было, и в бригаде его по традиции заряжали обоймой от трёхлинейного кавалерийского карабина. Естественно, что стрелять из него никто уже не рисковал.

Но стремление освободить бригаду от медвежьего гнёта было тем не менее очень велико, и охотник Н., выпив водки, решил воспользоваться именно этим карабином.

Вечеру он занял позицию в копильне, возле которой, по рыбацкому обычаю, были свалены рыбы потроха, и принялся ждать медведей. Медведи особенно ждать себя не заставили – едва опустились сумерки, огромный зверь подошёл к копильне с той стороны, где отсутствовали окна и откуда Н. не мог наблюдать происходящее.

Однако Н., услышав сопенье и чавканье зверя, подумал, что может на слух достаточно хорошо определить его место в пространстве, и выстрелил два раза через тонкую стену строения.

Медведь с рёвом кинулся на хлипкое сооружение, в котором сидел охотник Н., и оно повалилось. Рассвирепевший хищник вскочил на груды обломков и несколько раз протанцевал на ней и засыпанном ею охотнике Н. медвежью джигу. Затем зверь, видимо, решил, что акт мести свершён до конца, и удалился в кусты. Крови на его следах не было.

«И хорошо, что я в него не попал, – говаривал впоследствии в сердцах охотник Н., – а то что бы он со мной тогда сделал?»

В нынешние времена многие неприятности при охоте на медведей происходят от неумелого пользования самолетами.

Рабочие одного из приохотских леспромхозов Ч. и Н. поставили петлю из железного троса на медвежьей тропе. Эту тропу, как выяснилось, облюбовали медведица и прошлогодний медвежонок. В общем, медвежонок попал в петлю, принялся биться, выдохся и прилёг в изнеможении, а самка, используя все возможные способы для его освобождения, затаилась рядом со своим обессиленным чадом.

Через некоторое время на тропе появились рабочие. Они не запомнили с точностью до метра место, где поставили петлю, и не спеша двигались прямо к затаившимся зверям. Когда оба они приблизились на расстояние броска, медведица прыгнула вперёд и подмяла под себя рабочего Ч., который шёл первым.

Медвежонок также вскочил и заревел. Второй рабочий, потрясённый свалившимися на него напастями – гибелью, как он считал, товарища, ревушими медведями и их количеством, кинулся удирать со всех ног к становищу бригады.

Вся бригада, вооружившись чем попало, двинулась на трелёвочном тракторе отбивать своего попавшего в беду товарища. Но медведица уже успела нанести ему такие страшные раны, от которых он скончался.

Глава 29 Белый властелин Арктики. Извечная война с человеком

В отличие от бурых белые медведи относительно недавно вступили в соприкосновение с человеком. Это не значит, что их знакомство произошло в ближайший исторический период, нет, белые медведи познакомились с человеком-охотником не менее трёх тысяч лет назад – будь то эскимос, индеец или викинг. Тем не менее этот срок не может идти в сравнение с тем громадным отрезком пути, который прошли бок о бок люди с его бурым собратом.

Принято считать, что современный белый медведь относится к человеку куда более почтительно, нежели его предки несколько сот лет назад. Писатель-натуралист Р. Перри, правда, оспаривает это утверждение, аргументируя свою точку зрения тем, что мёртвый медведь не может поведать другим о том, что он узнал. Действительно, большую часть жизни эти животные проводят в одиночестве и остаются в полном неведении о судьбе убитых, которая ничему не может их научить. Только раненные приобретают кое-какой опыт, и только медведицы способны поделиться им с медвежатами. Однако упомянутый автор, возможно, не учитывает масштабов той бойни, которой подверглись белые медведи за истекшие три столетия. Определённые зачатки осторожности перед лицом человека за это время могли выработаться даже путём естественного отбора.

Из описаний полярных путешественников XVI–XVII столетий явствует, что в то время белые медведи были неизмеримо опаснее и настойчивее, чем сегодня. Геррит де Фер, спутник Баренца в его экспедиции на Новую Землю, описывает ряд случаев, весьма характерных для того времени.

«Как-то ночью к нам забрёл крупный старый медведь необычайной худобы – на нём не было плёнки жира ни под шкурой, ни на брюхе; по-видимому, он страшно изголодался. Подошёл он к нашим запасам сала, сложенным в большую кучу. Совсем незадолго перед тем мы застрелили медведицу, с которой было двое совсем уже взрослых медвежат. Нам не удалось пристрелить их, и они удрали, но всё время держались неподалёку от нашей хижины. Мать их мы убили вечером, и в первую же ночь медвежата подошли к хижине и съели материнский желудок и все кишки. Возможно, что, когда старый медведь подошёл к нашей хижине, эти медвежата лакомились салом, сложенным в кучу. По следам мы потом установили, что старый медведь сначала погнался за одним медвежонком и задрал его где-то подальше на льду, а потом побежал к другому и тоже прикончил его. Затем вернулся опять к куче сала и, до отвала наевшись его, залёг спать тут же. Когда мы утром вышли из нашей „берлоги“, он ещё спал».

Случай, который описывает Геррит де Фер в своём дневнике, можно считать типичной для людей того времени реакцией на встречу с медведем:

«25 октября... капитан, обернувшись, увидел, что из-за корабля к нам идут три медведя. В испуге он тотчас стал громко кричать, чтобы устроить их, а мы немедленно скинули с себя верёвки и приготовились к отпору. Случайно на саях была пара алебард. Одну из них схватил капитан, а другую взял я, чтобы дать посильный отпор; остальные же изо всех сил

побежали к кораблю. При этом один упал в трещину среди льда; это было для нас страшное зрелище, так как мы думали, что медведи стремительно кинутся на него и сожрут. Но, к счастью, медведи устремились против тех, кто убежал на корабль. Между тем, воспользовавшись удобным случаем, и мы, вместе с упавшим в трещину, побежали к кораблю и взойшли на него. Медведи, увидев, что мы ускользнули, в ярости подошли к кораблю; а у нас не было другого оружия, кроме двух упомянутых алебард, и так как мы на них не очень полагались, то пытались отбиться от медведей, бросая в них палки и другие предметы; и всякий раз они кидались за ними, как собака. Между тем мы послали одного из наших высечь огонь, а другого за копьями, спрятанными за палубой; но огня, при помощи которого мы могли бы стрелять, не удавалось высечь. Однако, в то время как медведи смело нападали на нас, мы, ткнув алебардой, ранили одного из них в морду. Увидев это, ушли и другие, которые были помоложе».

В сентябре и октябре 1596 года людям Баренца, попавшим в тяжёлое положение, не раз приходилось прерывать строительство своего зимнего дома и отражать нападения чрезвычайно смелых медведей, которые порою взбирались даже на их корабль. Снова и снова они вынуждены были спасаться бегством. Геррит де Фер описал следующий случай, который произошёл во время второго путешествия Баренца в 1595 году:

«6 сентября в утреннюю пору некоторые из матросов отправились на материк за камешками, похожими на алмаз, которых много на острове Штатов. Во время этих поисков к двоим из них, собиравшим камни вместе, внезапно подошёл тощий белый медведь и схватил одного из них за затылок. Тот, не зная в чём дело, начал кричать: „Кто меня хватает за затылок?“. Товарищ его, искавший камешки в пещере, поднял голову, чтобы посмотреть в чём дело, увидел страшного медведя, закричал: „Друг, это медведь!“ – и сразу же убежал.

Медведь тотчас же раздробил голову другому и высосал кровь. Остальные бывшие на берегу моряки, человек двадцать, тотчас сбежались туда, чтобы освободить товарища или, по крайней мере, отнять его труп у медведя. Когда они, приготовив ружья и пики, подходили к зверю, пожиравшему труп, свирепый и неустрашимый медведь напал на них и, выхватив одного, растерзал несчастного так, что остальные, увидев это, разбежались.

Мы с корабля и фрегата заметили, что наши бегут к морю; тотчас сели мы в лодки и изо всех сил стали грести к берегу, чтобы спасти наших. Прибыв туда, мы увидели горестное зрелище: наших товарищей, жестоко растерзанных медведем. Тут, ободряя друг друга, мы стали сговариваться, чтобы, объединившись вместе, напасть на медведя с ружьями, тесаками и пиками и чтобы никто не уходил. Но не все были одинакового мнения. Некоторые говорили, что наши товарищи уже умерли и что мы можем захватить медведя, не подвергая себя явной опасности; если бы мы могли ещё спасти товарищей от смерти, тогда следовало спешить, теперь же незачем так торопиться; медведя надо захватить, но нужно быть осмотрительными, так как предстоит иметь дело со свирепым и прожорливым зверем. Тогда трое из моряков вышли несколько вперёд, а медведь продолжал всё же терзать труп, презирая нашу толпу, хотя нас было человек тридцать... Они трижды разрядили свои ружья, но не имели никакого успеха. Тогда... писец, выйдя несколько вперёд, чтобы иметь медведя на расстоянии выстрела, пробил пулей голову зверя около глаз, однако медведь продолжал держать труп за затылок, поднял голову и начал несколько шататься. Тут писец и один шотландец ударили его тесаками так, что те сломались, а медведь всё ещё не хотел выпустить добычу. Наконец, подбежал Виллем Гизий и изо всех сил ударил медведя по носу своим ружьём; тогда, наконец, медведь с громким рёвом рухнул на землю, а Виллем Гизий, вскочив на его тушу, перерезал ему горло».

Как уже говорилось, зима 1596 года, проведённая Баренцем на Новой Земле, была во всех отношениях исключительно суровой, а потому и голодной для медведей. И на следующую весну, когда его люди занялись постройкой лодки, чтобы уйти на ней с острова, им

сильно мешали медведи, которых они редко видели в зимнем мраке. В мае Геррит де Фер записывает снова:

«Пришёл ещё медведь. Они свирепо нападали на нас уже три дня подряд, как будто чували, что мы готовимся уехать, и желали до того отвесть нашего мяса; оставив работу, мы пошли домой, а медведь последовал сзади... Ибо если бы мы потеряли трёх человек, то, может быть, не в силах были бы выбраться отсюда, так как по малочисленности были слишком слабы для предстоящих трудов».

Но если до второй половины XIX века встречи людей с белыми медведями, а значит – и столкновения между ними, носили более или менее случайный характер, то с началом систематического освоения Арктики баланс сил изменился коренным образом. И естественно, не в пользу медведей.

Во время экспедиции Н. Н. Урванцева – Г. А. Ушакова для описания и съёмки архипелага Северная Земля экспедицией было добыто 105 медведей. Здесь следует помнить, что многие экспедиции начала XX века находились, так сказать на частичном хозрасчёте, т. е. часть расходов покрывалась за счёт доходов экспедиции. А так как одним из немногих средств получения дохода в результате экспедиции была охота, то участники экспедиции были вынуждены заниматься этим делом совершенно профессионально.

Ареф Минеев, начальник одной из первых русских зимовок на острове Врангеля, описывает охоту на белых медведей, производившуюся на берлогах. Он утверждает, что открытую берлогу найти нетрудно: отверстия на совершенно белых снежных склонах чернеют, как разлитая тушь на белом листе бумаги. Заметив берлогу, её обычно испытывали собакой. Если медведица (а, как уже известно читателям из вышесказанного, в берлоги залегают преимущественно медведицы перед родами) находилась в берлоге, собака поднимала отчаянный гвалт. Промышленник, по словам Минеева, обычно в одиночку не решался бить медведя – он ставил неподалёку от берлоги палку, надевал на неё камлейку или взятый специально для этой цели небольшой красный флажок и отправлялся за помощью.

«Через некоторое время после того, как уйдёт человек, медведица высовывается из берлоги. Оглядываясь, она замечает вблизи незнакомый предмет странной формы. Если дует ветерок и предмет колышется, медведица, приняв его за живое существо, уходит обратно в берлогу и выжидает, пока этот предмет не уйдёт. Промышленник тем временем, найдя себе помощника, возвращается обратно и добывает медведя.

Случается, что охотник не может возвратиться к берлоге в тот же день. Иногда проходит два-три дня. Но, вернувшись, он чаще всего находит медведицу сидящей в берлоге. Реже медведица уходит, не обращая внимания на флаг или камлею.

Иногда вместо флага или камлейки охотник оставляет одну из своих собак. Обычно собака у берлоги остаётся недолго. Если хозяин в течение двух-трёх суток не возвращается, она уходит к ближайшему жилью. Оставленная собака не может задержать медведицу; если матуха опытна и чует, что за первым посещением последует новое, она уходит, несмотря на присутствие собаки. Поэтому промышленники собаку у берлоги оставляют редко.

Охота на белого медведя требует большой смелости и самообладания, так как зверь силен, свиреп и крайне подвижен, несмотря на видимую мешковатость и косолапость. Поэтому, имея дело с медведем, всегда нужно держать, как говорят, ухо остро.

Охота протекает следующим образом. Промышленник становится в одном-двух шагах от отверстия берлоги, держа винтовку наизготовку. Собака всё это время истошно лает в берлогу. Некоторые собаки, наиболее натренированные, входят в берлогу и там облаивают медведицу. Желая прогнать непрошеного гостя, медведица сама бросается на собаку, та выскакивает из берлоги и продолжает лаять снаружи. Но и тут её присутствие для медведицы неприятно. Она подкрадывается к устью берлоги и неожиданным быстрым броском кидается на собаку, фыркая при этом, как разъярённая кошка. Бросаясь на собаку, медведица

выскакивает из берлоги на половину корпуса и потом мгновенно уходит обратно. В это время промышленник и стреляет в неё.

В большинстве случаев зверь бывает убит наповал. Но иногда охотник только ранит медведицу. Она уходит в берлогу, ревет там от злости и боли, а показываться на поверхность больше не хочет. В таких случаях эскимосы, когда они охотятся вдвоём или втроём, начинают раскапывать берлогу, постепенно приближаясь к самому логову зверя. Один копает, а другой (или другие) стоит рядом с винтовкой наизготовку и, как только зверь покажется, убивает его.

Несмотря на то что промышленник копает берлогу под надёжной охраной товарищей, занятие это чрезвычайно неприятное. Когда в разговоре приходилось спрашивать, что чувствовал эскимос, когда копал, он обычно отвечал: „Ручка у лопаты очень короткая. Чем ближе к медведю, тем короче“.

За восемь лет на острове не было ни одного несчастного случая при таком способе охоты. Бывало, что медведь бросался на людей, но его убивали раньше, чем он добирался до копавшего».

Но под конец Минеев приготовил весьма пикантное описание совершенно другого способа охоты на этого зверя – способа, который, несмотря на приводимые бывшим начальником станции возражения, мог возникнуть лишь в голове исключительно смелого человека. Какой же отвагой должен был тот обладать, чтобы проверить его на практике, – я просто затрудняюсь вообразить.

«Так охотятся почти все эскимосы. Наш метеоролог комсомолец Званцев практиковал другой способ охоты.

Когда Званцеву случалось ранить медведя, он откапыванием берлоги не занимался, считая, что это очень долгий способ и что можно разделаться со зверем быстрее.

Ещё в самом начале зимовки Званцев получил из оружия, принадлежавшего фактории, револьвер системы „кольт“.

Метеорологу оружие необходимо, так как ему приходится выходить на улицу в любую погоду, днём и ночью, а медведи иногда подходят к самому дому.

По просьбе Званцева я разрешил ему брать с собой кольт на охоту и выдал ему лишнюю обойму патронов. Когда у Званцева первый выстрел бывал неудачным и раненый медведь уходил в берлогу и больше на поверхность показываться не желал, Званцев поступал просто. Он клал винтовку на снег, доставал из кобуры кольт, ставил его на боевую готовность и головой вперёд лез в берлогу.

Медведица, кроме того, что была ранена, ещё защищала щенят и поэтому была вдвойне опасна.

С кольтом в руке Званцев ползком добирался в полумраке к самому зверю. Когда медведица, не видя иного выхода, бросалась на него, Званцев в упор стрелял.

Так он убил не меньше десятка медведей».

Н. Н. Урванцев утверждает, что за всё время их пребывания в архипелаге в действительности не было ни одного нападения медведя на человека. Имевшие место случаи, по его мнению, были недоразумением: медведь принимал человека или лежащих собак за нерпу. Но как только зверь убеждался в ошибке, он останавливался или даже обращался в бегство. Охотник Журавлёв, находившийся в составе экспедиции, на основе своего богатого охотничьего опыта также утверждал, что не знает случаев нападения медведя на человека как на предмет добычи.

Однако другие полярные исследователи придерживались и вовсе другого мнения.

Несмотря на то что за пять лет, пока А. Минеев был начальником зимовки на острове Врангеля, ни один человек серьёзно не пострадал от медведя, он сам пишет, что помнит много случаев, когда человек подвергался серьёзной опасности, и продолжает: «Очень редко

медведь охотится на людей и нападает на жильё. Но когда это случается, его не могут удержать ни собаки, ни необычные для него новые запахи».

Особенно опасна встреча с голодным медведем, потерявшим все свои жировые запасы. Эскимосы называют такого медведя «сухим». Считается, что такой медведь при своей крайней подвижности ещё очень нахален и свиреп.

«Иногда промышленники замечали, что по следу нарт долго шёл медведь. Промышленник Скурихин как-то весной ехал с мыса Блоссом на Роджерс. Дорога была хорошая, и он, сидя на нартах, подрёмывал. Вдруг что-то заставило его оглянуться назад. За спиной стоял громадный матёрый медведь. Скурихин не растерялся.

Винтовка была под рукой. Мгновенно последовал выстрел, и зверь грохнулся прямо на нарты».

Р. Перри утверждает, что все путешественники и охотники подчёркивали исключительное любопытство, которое вызывают в медведях они сами и их пожитки. Если нарты пересекают его путь, медведь встаёт на задние лапы, чтобы получше рассмотреть существа, которые ему встретились. Как пишет Нельсон, один из первых исследователей Аляски, «при внезапной встрече они вставали и принюхивались, словно желая определить, с кем они столкнулись – с друзьями или врагами».

Медведи иногда следуют за нартами несколько километров. А Отто Свердруп описывает, как однажды медведь прибежал от кромки припая, чтобы посмотреть на их отряд. Сгорая от любопытства, он смотрел так и эдак, пытаясь найти наиболее выгодный угол зрения. Вернувшись же на лёд, зверь протрусил по следу людей целый час, держась, однако, на почтительном расстоянии.

Однако если чувство голода подсказывало медведю, что эту странную двуногую нерпу и содержимое их домов можно использовать в пищу, то этот зверь открывал военные действия первым.

«Несколько раз медведи нападали на жильё, – продолжает свой рассказ А. Минеев, – причём всегда в одиночку.

В бухте Сомнительной с 1926 года жил эскимос Анъялик с своими братьями Югунхаком и Пинехаком. В разгар зимы, в глухую ночную пору, когда все обитатели юрты крепко спали, Анъялик был разбужен неистовым лаем собак и сильной вознёй на крыше юрты. Анъялик поднял Югунхака, и они вместе вышли на улицу. На крыше юрты „трудился" медведь, раскидывая лапами снег. Собаки бесновались внизу, некоторые из них забирались на крышу, но быстро скатывались обратно. Медведь был так занят своей работой, что не обратил внимания на вышедших из юрты людей. Медведя пристрелили. Он оказался невероятно худым, в желудке у него совершенно ничего не было».

«Весной 1933 года промышленник Таян охотился к северу от мыса Фомы, на западном побережье острова. Он взял с собой для помощи своего племянника Нанивгака. Стояли крепкие морозы. Устав за длинный день в поисках медведей, промышленники крепко уснули. Нанивгак для теплоты залез в кукуль с головою и завязал его изнутри. Таян же лёг, как подобает охотнику, имея руки свободными и положив рядом винчестер. Ночью их разбудили громко лаявшие собаки. Не успев как следует проснуться, Таян почувствовал, что кто-то очень сильно трясёт палатку. Он схватил винтовку, но не успел вылезти из кукуля, как палатка стала падать. Лёжа, Таян несколько раз выстрелил в сторону нападавшего, за выстрелами последовало падение тяжёлого тела прямо на палатку. Завязанный в кукуле Нанивгак оказался придавленным. С трудом выбравшись из палатки, Таян обнаружил крупного тощего медведя. Оттащив тушу медведя в сторону, он освободил перепуганного Нанивгака из кукуля».

Фритьоф Нансен пишет об одном таком случае, едва не закончившемся плачевно. Он произошёл во время его знаменитого путешествия к Северному полюсу, когда исследователь

уже повернул назад и с остатками снаряжения, двумя собаками – Кайфасом и Суггеном – и единственным спутником – Йохансеном – двигался к архипелагу Земля Франца-Иосифа.

«После невероятных усилий подошли, наконец, к полынье, через которую решили переправиться на каяках. Очистив край полыньи от молодого льда и обломков, я подтащил к воде свои нарты и ещё придерживал их, не давая соскользнуть, когда вдруг сзади послышался шум и Йохансен, который только что повернулся, чтобы подтащить свои нарты к моим, закричал: „Берите ружья!“. Я обернулся и увидел, что огромный медведь бросился на Йохансена и опрокинул его навзничь, на спину. Я хотел схватить ружьё, лежавшее в чехле на носу моего каяка, но в эту самую минуту каяк соскользнул в воду. Мелькнула мысль прыгнуть в каяк и стрелять оттуда, но это было рискованно. Я стал поспешно втаскивать каяк с его тяжёлой поклажей на высокую кромку льда; сделать это было нелегко: каяк был сильно нагружен. Стоя на коленях, я тянул, дёргал и, распластавшись на палубе, старался как-нибудь достать ружьё. Оглянуться и посмотреть, что делается сзади, было некогда. И вдруг я услышал спокойный голос Йохансена: „Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать“. Поторопиться! Я и так, кажется, тороплюсь! Наконец мне удалось дотянуться до приклада ружья. Я выхватил его из чехла, повернулся кругом в сидячем положении и быстро взвёл курок для стрельбы дробью. Медведь стоял не более чем в двух шагах от меня, готовясь „приласкать“ Кайфаса. Времени терять было нельзя, и, не взводя второго курка, я выстрелил. Весь заряд дробы попал медведю в голову позади уха, и он упал между нами мёртвый.

Очевидно, медведь крался, как кошка, по нашим следам, скрываясь за глыбами льда. Он подкарауливал нас, пока мы занимались расчисткой края полыньи, повернувшись к нему спиной. По следам, оставленным им, видно было, как он полз на брюхе через торос прямо позади нас и дальше под защитой бугра совсем рядом с каяком Йохансена. Когда Йохансен, ничего не подозревая и не глядя по сторонам, пошёл назад и наклонился, чтобы взять верёвку и подтянуть нарты, он вдруг увидел силуэт зверя, притаившегося позади каяка. Сначала Йохансен подумал, что это Сугген, но прежде, чем он успел разглядеть, что силуэт чересчур велик, медведь очутился над ним и дал ему такую оплеуху в правое ухо, что у него искры посыпались из глаз и он упал на спину. Йохансен пытался отбиться от зверя голыми руками: одной рукой он вцепился ему в глотку, сжимая её что было мочи. Как раз в ту минуту, когда медведь, разинув пасть, по-видимому, готовился откусить Йохансену голову, он и произнёс золотые слова о том, что мне следует поторопиться. Медведь, к счастью, не торопился, он стал смотреть на меня, будто недоумевая – что там у меня за спешная работа. Вдруг он заметил собак и повернулся к ним. Тогда Йохансен быстрее быстрого разжал пальцы и выскользнул из-под медведя, а тот ухватил Суггена так, что тот завыл во всю мочь, совершенно так же, как он воет, когда мы его бьём. Потом и Кайфас получил лапой по морде. Тем временем Йохансен поднялся и, когда раздался мой выстрел, успел уже выхватить своё ружьё, торчавшее из отверстия каяка. Единственное, что медведь успел сделать, – это содрать слой грязи с правой щеки Йохансена (теперь Йохансен ходит с белой полосой на лице) да оцарапать ему слегка руку. V Кайфаса тоже осталась царапина на носу».

Однако общая медлительность и «тугодумие» белого медведя позволяли охотникам производить с ним различные эксперименты или испытывать пригодность того или иного вида оружия на охоте вообще.

Известный полярник Е. К. Фёдоров рассказывает о своей попытке убить белого медведя из револьвера во время экспедиции на Землю Франца-Иосифа.

«...Медведи подходили и сейчас. Я несколько раз их фотографировал с близкого расстояния, а однажды попробовал осуществить своё давнее намерение – убить медведя из револьвера.

В истории нашей экспедиции уже был такой случай. В сумерках осенью прошлого года Володя убил медведя из нагана. Это был небольшой молодой зверь. Когда он, отбиваясь от

собак, встал на дыбы, Володя подошёл, почти обнял его (как потом оказалось – её) и выстрелил из револьвера в ухо в упор. С тех пор мне не терпелось повторить такую операцию.

Как-то я заметил медведя, подходившего к станции по береговому припаю. При мне были и наган, и винтовка. Побежал навстречу. Приблизившись на тридцать-сорок шагов, остановился и разглядел, что это здоровенный старый зверь, который, встав на задние ноги, будет много выше меня – до его ушей не дотянуться. В общем, я струсил, отставил наган и выстрелил из винтовки.

Заревев, медведь осел на задние лапы – по-видимому, у него был повреждён позвоночник. Тут я осмелел и решил добить его из нагана. Подойдя на пять-шесть метров, разрядил в голову все патроны, бывшие в барабане револьвера. Но пули скользили по крепким костям покато лобной части черепа и только злили зверюгу».

«Плохо бы мне пришлось без винтовки», – резюмирует будущий участник папанинского дрейфа, академик Евгений Фёдоров.

Сколь плохо приходится при охоте на белого медведя без винтовки, сумел в полной мере вкусить Фредерик Кук – человек, который, по утверждению Руала Амундсена (и собственному), впервые достиг Северного полюса. Причём в самом начале его взаимоотношения с этими животными строились по старому проверенному принципу: увидел – выстрелил – убил.

«„Рано утром 4 марта нас разбудил сердитый лай собак. Кулутингва (один из эскимосов, сопровождавших д-ра Кука. – М. К.) выглянул наружу и увидел медведя, пытавшегося украсть отборную филейную часть из наших запасов. Ловкий надрез ножом – и выпавший снежный блок оставил в стене иглу окно, в которое просунули ружьё, нацеленное на зверя. Это был крупный упитанный зверь – он снабдил нас отличным жиром для светильников”.

Однако уже на обратном пути после достижения полюса Кук потерял практически всё своё снаряжение, у него осталось всего четыре патрона, в полынье утонули копы и гарпуны. Путешественники оказались на грани голодной смерти. И в это время Кук и его друзья-эскимосы проявили чудеса смекалки и храбрости, пытаясь выжить в ледяной пустыне, опираясь на так называемый подручный материал. Из дерева нарт (к слову сказать, они были изготовлены из американского ореха гикори) Кук и его товарищи изготовили древки гарпуна и копий. Наконечники для них были изготовлены из рогов мускусных быков и обломков китового уса. Часть металлических полозьев от нарт им также пришлось пожертвовать на изготовление наконечников для оружия. И вооружённые этим более чем средневековым снаряжением, они были вынуждены добывать себе пропитание в самой неблагоприятной для человеческой жизни обстановке – в арктической ледяной пустыне. После того как путешественники с невероятным трудом сумели умертвить моржа и разделали его мясо, белые медведи появились перед ними отнюдь не в роли „мясного скота" или объекта пушного промысла. Нет, они возникли в их лагере как хозяева этих негостеприимных мест и потребовали у пришельцев поделиться плодами их усилий. Причём сделали это в такой форме, что им невозможно было в чём-либо отказать.

„Примерно через 15 часов нас разбудила какая-то возня в лагере. Открыв глаза, мы увидели огромного медведя, который тыкался носом в землю около костра. Мы оставили там моржовую кость весом около сотни фунтов, предназначавшуюся для нашего очередного пиршества. Мы вскочили на ноги, крича изо всех сил и производя как можно больше шума. Медведь захватил мясо своими передними лапами и, словно человек, пошёл от нас на задних лапах, угрожающе рыча. Он двигался медленно и осторожно, крепко держа мясо в лапах. Время от времени он поворачивался, словно кивая нам головой, и с вызовом рычал. Однако мы не приняли вызова. Отойдя от нас примерно на триста ярдов по морскому льду, он уселся и сожрал мясо, на которое мы рассчитывали.

Вооружившись копьями, луком и стрелами, а также держа камни в руках, мы пересекли невысокий холм, за которым находился наш драгоценный мясной склад. Там, к нашему горю, мы увидели двух других медведей, которые, пригнув головы к земле и работая лапами, деловито возились у самого тайника. Мы не были оснащены для рукопашной схватки, но, поскольку наши жизни были поставлены на карту, мы поняли, что должны принять какие-то оборонительные меры. Криками и дьявольскими бросками нам удалось привлечь внимание зверей. Они подняли головы, повернулись к нам и, к нашему восторгу и облегчению, с ворчанием отошли на дрейфующий лёд. Каждый из них прихватил с собой по огромному куску нашего мяса.

Приблизившись к тайнику, мы нашли его совершенно опустошённым. Здесь успели побывать и другие медведи. Песок и снег были испещрены бесчисленным количеством медвежьих следов. Наш великолепный склад, который мы устроили накануне, был полностью разграблен. Мы готовы были разрыдаться от горя, разочарования и ярости. Зато мы поняли – отныне наша жизнь превратится в непрерывную борьбу с медведями...».

Зимовка отряда Кука на островах Канадского архипелага, в самых зловещих местах Арктики, была, без сомнения, одним из самых выдающихся подвигов человеческой воли, спаянности и взаимовыручки. Из всех полярных одиссеей с ней может сравниться только возвращение капитана Скотта с Южного полюса в Антарктиде. Нельзя забывать, что именно там, где в сумерках ледяной мглы бродили три эскимоса и один американец, витал дух неудачи двух крупных полярных экспедиций – Франклина и Грили. Казалось, что вершины торосов во время вьюги завывают голосами людей, съеденных своими товарищами. Путешественники соорудили убежище – не обычное иглу, снежную хижину эскимосов, – а настоящую полуземлянку, прикрытую сверху дёрном и камнями. Заметённая снегом и скованная морозом до состояния гранита, эта полупещера стала недоступной и для бродивших во тьме громадных хищников. Для того чтобы более верно отпугнуть их от жилья, в «логове», как называл своё жилище сам Кук, постоянно горел светильник из моржового жира.

Однако, когда в феврале с первыми лучами солнца полярные робинзоны покинули своё убежище, чтобы двинуться к югу, борьба с белыми медведями возобновилась с прежней ожесточённостью. Теперь, когда в пути закончились остатки мяса, Кук вновь стал смотреть на белого медведя как на один из немногих способов запастись продовольствием.

«Однажды, когда мы, как обычно, бреди по маршруту, мы увидели медвежьи следы. Эти безмолвные отметины на снегу, едва видимые в полумраке, возродили в нас надежду на выживание. Вечером 20 марта мы тщательно приготовились к встрече со зверем.

Мы построили иглу несколько прочнее обычного, перед ним устроили из снежных блоков полку, на которой разложили привлекательные кусочки кожи, так, чтобы они имитировали лежащего тюленя. Над этим „чучелом“ мы приладили петлю. В неё зверю пришлось бы просунуть голову и шею, чтобы схватить приманку. Другие петли были разложены так, чтобы схватить медведя за ноги. Все верёвки были надёжно прикреплены ко льду. В стене дома мы прорезали бойницы и пробили заднюю дверь, через которую можно было убежать или совершить вылазку. Мы тщательно заточили наконечники копий и ножи. Когда всё было готово, один из нас остался на вахте, а двое прилегли немного отдохнуть. Ждать пришлось недолго. Вскоре мы услышали поскрипывание снега, что послужило нам сигналом к началу сражения. Вытянув вперёд маленький чёрный нос, венчающий длинную шею, зверь приблизился.

В крошечные отверстия в стене он казался огромным. По-видимому, он был голоден, как и мы, и поэтому направился к приманке напрямик. Мы выбили запасную дверь. Авела и Этукишук вышли наружу, один с копьём, другой с гарпуном. Однако я знал, что наше копье, петли, лук и стрелы окажутся бесполезными.

Прошлым летом, когда я только ещё предвидел голодную годину, я спрятал четыре патрона в своей одежде. Мои ребята не знали об их существовании. Эти патроны предназначались на самый крайний случай, чтобы убить или кого-либо, или самих себя. До сих пор такого отчаянного положения ещё не наступало.

Медведь приближался медленными, размеренными шагами, обнюхивая землю там, где лежали шкуры. Я дёрнул за верёвку. Петля затянулась на шее зверя. Одновременно на рычащего зверя обрушились копье и гарпун. Началась жестокая схватка. Я извлёк из кармана один из драгоценных патронов, вложил его в ружьё и отдал ружьё Авела, который прицелился и выстрелил. Когда дым рассеялся, истекающий кровью медведь лежал на земле».

Вскоре арктическая одиссея доктора Кука закончилась и началась другая. По возвращении в цивилизованный мир он был обвинён во лжи и подтасовке результатов экспедиции, безжалостный Пири сделал всё, чтобы отнять у него лавры полярного исследователя, все его предшествующие достижения были поставлены под сомнение и сам он умер в тюрьме из-за недобросовестности делового партнёра. Люди оказались для Фредерика Кука опаснее арктических хищников.

Некоторые современные недоразумения, связанные с белыми медведями, можно было бы назвать смешными, если бы они не были столь печальны.

После эпохи истребления медведей во благо казны молодой Советской республики центральная власть со свойственной ей последовательностью качнулась в другую крайность и запретила охоту на белого медведя вообще – что, кстати сказать, было предметом нашей несказанной гордости до самого недавнего времени. Однако эта политика, как и всякая политика крайностей, со временем принесла свои отрицательные плоды.

Автору известен случай, когда белый медведь на окраине чукотского посёлка сожрал заснувшую на помойке пьяную чукчанку. В этом случае вряд ли можно было обвинить зверя в злом умысле против человека, однако свойственное нам всем желание выносить приговоры оказалось сильным и на этот раз медведь был отстрелян.

Один из жителей посёлка Мыс Шмидта сидел в своей комнате и читал книгу. Напротив его окна находился высокий сугроб. Неожиданно оконное стекло разлетелось, и в проём просунулась медвежья морда. Вытянувшись почти до середины комнаты, медведь ревел, скалил зубы и пытался ухватить местного жителя. Тот, однако, не растерялся, схватил табуретку и стукнул распоясавшегося зверя по носу. Медведь мгновенно ретировался.

На память приходят ещё несколько примеров нападений белых медведей на часовых на Чукотке.

Справедливости ради следует заметить, что белые медведи, осаждающие арктические посёлки, отнюдь не исключительная проблема советской Арктики (как, впрочем, и все проблемы, которые мусолит демократическая пресса). Для всего взрослого населения посёлка Форт Черчилль на севере Канады полицейский пятизарядный дробовик 12-го калибра до сих пор является необходимым предметом обихода. Причина заключается в том, что в окрестностях посёлка собирается огромное количество бродячих белых медведей. Население проводит уроки по стрельбе из своего оружия, специально приглашённые специалисты-экологи читают лекции о том, как избежать конфликтных ситуаций. И тем не менее, несмотря ни на что, они возникают. Каждый такой случай необходимой обороны тщательно расследуется, но во главу угла ставится приоритет человеческой жизни.

И знаете – ничего! Не ограбили друг друга эти поголовно вооружённые до зубов канадцы, не истребили себя вместе с медведями. Отнюдь нет: медведей в окрестностях меньше не стало.

Зато их становится меньше около маленьких посёлков, буровых вышек, стойбищ оленеводов в той стране, где каждый случай отстрела этого зверя становится предметом судебного разбирательства. И геологи, и чукчи, формально не имеющие никакого оружия, пред-

почитают в конфликтной ситуации просто спрятать концы в воду – утопить или, в конце концов, сжечь труп убитого зверя, лишь бы не доводить дело до сведения властей. И у меня язык не повернётся упрекнуть их за это. Страшный вопрос: «Под судом, следствием были?» – содержится ещё сегодня в каждой советской анкете. А если был – но оправдан? Кого это заинтересует при приёме на работу? Так что война людей с белыми медведями сегодня лишь перешла в партизанскую форму, и в Арктике продолжают греметь выстрелы. Вот так неразумная экологическая политика ведёт к дальнейшему истреблению «прежних хозяев Севера».

Должен сказать, что на сегодняшний день почти по всей периферии Полярного бассейна попытки найти условия сосуществования человека и белого медведя увенчались лишь частичным успехом. И не кавалерийские наскоки вроде приказов о поголовном истреблении или поголовной охране, а лишь постоянные настойчивые попытки найти разрешение этой экологической проблемы могут принести мир в этой войне между человеком и крупнейшим хищником Полярного бассейна.

Глава 30 Когда столкновение неизбежно: что делать, если на вас напал медведь

МИРОВАЯ С МЕДВЕДЕМ

Ежегодно, схватив винтовки, белые люди идут
Маттианским проходом в долины поохотиться там и тут.
Ежегодно сопровождает беспечных белых людей
Матун, ужасный нищий, забинтованный до бровей.

Беззубый, безгубый, безносый, с разбитой речью, без глаз,
Прося у ворот подаянье, бормочет он свой рассказ —
Снова и снова всё то же с утра до глубокой тьмы:
«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы».

«Кремень был в моей винтовке, был порох насыпан в ствол,
Когда я шёл на медведя, на Адам-зада я шёл.
Был последним мой взгляд на деревья,
был последним на снег мой взгляд,
Когда я шёл на медведя полвека тому назад.

Я знал его время и пору, он – мой; и дерзок и смел,
Он ночью в маисовом поле мой хлеб преспокойно ел.
Я знал его хитрость и силу, он – мой; и тихонько брал
Овец из моей овчарни, пока я крепко спал.

Из каменной пещеры, где гордых сосен ряд,
Тяжёлый от обеда, бежал медведь Адам-зад,
Ворча, рыча, бушующ, вдоль голых диких скал.
Два перехода на север – и я его догнал.

Два перехода на север – к концу второго дня
Был мной настигнут Адам-зад, бегущий от меня.
Был заряд у меня в винтовке, был курок заране взведён,
Как человек, надо мною, внезапно поднялся он.

Лапы сложив на молитву, чудовищен, страшен, космат,
Как будто меня умоляя, стоял медведь Адам-зад.
Я взглянул на тяжёлое брюхо, и мне показался теперь
Каким-то ужасно жалким громадный, молящий зверь.

Чудесной жалостью тронут, не выстрелил я... С тех пор
Я не смотрел на женщин, с друзьями не вёл разговор.
Подходил он всё ближе и ближе, умоляющ, жалок и стар,
От лба и до подбородка распорол мне лицо удар.

Внезапно, безмолвно, дико железною лапой смят,
Пред ним я упал, безликий, полвека тому назад.
Я слышал его ворчанье, я слышал хруст ветвей,
Он тёмным годам оставил меня и жалости людей.

С ружьями новой системы идёте вы, господа,
Я шупал, как их заряжают, они попадают всегда.
Удача – винтовкам белых, они приносят смерть,
Заплатите, и я покажу вам, что может сделать Медведь!»

Мясо, как головешка, в морщинах, в шрамах, в узлах —
Матун, ужасный нищий, угощает на совесть и страх.
«Заберитесь в полдень в кустарник, его подымите там, —
Пушай он бушует и злится, идите за ним по пятам!

(Заплатите – надену повязку.) Наступает страшный миг,
Когда на дыбы он встанет, шатаясь, словно старик,
Когда на дыбы он встанет, человек и зверь зараз,
Когда он прикроет ярость и злобу свинячьих глаз,

Когда он сложит лапы, с поникшей головой.
Вот это минута Смерти, минута Мировой». Беззубый, безгубый, безносый, прося прохожих подать,
Матун, ужасный нищий, повторяет всё то же опять.

Зажав меж колен винтовки, руки держа над огнём,
Беспечные белые люди заняты завтрашним днём.
Снова и снова всё то же твердит он до поздней тьмы:
«Не заключайте мировой с Медведем, что ходит, как мы».

Редьярд Киплинг (перевод А. Оношкович-Яцыной)

Должен сразу разочаровать любителей классической поэзии и охотничьих описаний – так почти никогда не случается. На рисунках из старых охотничьих книг, гравюрах, посвящённых медвежьей охоте, на иллюстрациях популярных журналов очень часто можно встретить следующую незатейливую композицию: поднявшийся на дыбы медведь надвигается на решительного, чаще всего бородатого, человека. А тот, в зависимости от описываемого сюжета, стреляет в упор из ружья, ширяет рогатиной, колет ножом...

Не дай бог когда-нибудь человеку, знакомому с подобными описаниями и рисунками, самому подвергнуться нападению бурого медведя.

Правда, пытаясь отпугнуть и обратить в бегство своего противника, медведь нередко поднимается на задние лапы. У учёных такая тактика силового шантажа называется демонстративной. Зверь выработал несколько различных вариантов этих нападений, которые, по сути, являются «психическими атаками». Это могут быть беспорядочные короткие выпады и прыжки на одном месте, сопровождаемые «звуковым оформлением» – сухим, кашляющим рыком или рывканьем. Ещё медведь делает так называемые ложные выпады – вроде тех, что мы наблюдаем у крупных ленивых псов, отгоняющих от миски своих маленьких собратьев. Медведь резко берёт с места, потом замирает, а передние лапы громко и часто барабанят по земле. Таким образом зверь создаёт иллюзию начала стремительного броска. Видимо, подумевая, что продолжение этого представления объект нападения смотреть уже не будет...

Не стоит нас трогать, пока мы заняты!

Бывает, обеспокоенный чем-то зверь начинает беспорядочно прыгать на одном месте, иногда становится на задние лапы, при этом громко ревёт – примерно так, как работает на холостом ходу пущенный на полную мощность двигатель внутреннего сгорания. Замечу также, что громкость этого рокочущего оглушительного рёва не зависит от размеров испускающего его зверя. Даже небольшой медведь может закатить настолько мощную руладу, что если вам не посчастливилось увидеть самого зверя (по причине, например, темноты), то вы можете до конца жизни считать, что судьба свела вас с «самым-самым» медведем из всех существовавших на свете.

С таким же устрашающим рёвом поднимаются раздражённые крупные звери. Тогда они и занимают ставшую хрестоматийной позицию «разъярённого медведя» – на задних лапах во весь рост, морда злобно оскалена, лапы приподняты, когти растопырены... Но чаще всего, приняв такое положение, медведь вдруг «перекидывается» через плечо и с треском исчезает в кустах, которые только что находились у него за спиной...

Правда, такая встреча может закончиться и действительным нападением.

Ещё один тип психических атак выглядит на первый взгляд как нападение реальное. Досмотреть его до конца могут лишь люди с очень крепкими нервами. И добавим к тому же – невооружённые.

«Иду я с охоты, как вдруг из-за ближайших кустов стланика – бурый медведь. И кидается ко мне. Не сказать чтобы большой, но и не маленький. Так – средний. Бросился стремительно, с рыком, уши прижаты, харя растопырена – всё по-настоящему. Сорвал карабин, дёрнул затвор – патрон и перекосило. Страшно потому что. Так и стою – как солдатик, карабин у плеча, затвор вперёд жму, медведь на меня летит. Секунда или две прошло. И тут, вплотную от меня, он, как вездеход, одной стороной своей затормозил. Да так, что корму занесло, юзом пошёл, как машина. Едва меня не коснулся. Повернул под прямым углом и исчез в кустах. На том месте, где он затормозил, борозды остались – как тормозной след. Измерил расстояние от него до того места, где сам стоял. Полтора карабина уложилось. Всего».

Добавим: рука бы не дрогнула, лёг бы патрон в патронник – уложил бы мой приятель медведя наповал и добавился бы в картотеке случай «неспровоцированного нападения». Уложил бы наверняка. И был бы прав. Со всех точек зрения: закона и человеческой. Разве какой-нибудь безумный буддист бы не одобрил. Под черепную коробку зверю не заглянешь – как знать, может, мысль отвернуть его посетила в самую последнюю минуту? И расстояние в «полтора карабина» – конечно, не такое, на которое можно подпускать к себе хищного и, безусловно, опасного зверя, тем более при атаке.

Потеряй он на секунду самообладание и побеги, предсказать конец этой истории было бы не трудно. Тем, что не тронулся с места, охотник скорее всего спас себе жизнь.

Реальное нападение медведя не имеет ничего общего с изображающими его аляповатыми, лубочными картинками. На деле оно не так эффектно и намного страшнее. Человек, перенёсший пресс медвежьей атаки, не забудет её до конца жизни.

Медведь ни в коем случае не идёт в нападение на задних лапах. Он может подняться на двух ногах перед броском – для того, чтобы лучше сориентироваться в обстановке, осмотреться. Зрение-то у него плохое. Но в момент броска он снова опускается на четыре точки, собирается в комок и огромными прыжками, чуть не в три метра, устремляется вперёд.

Шерсть на клыкастой башке стоит дыбом, отчего морда кажется растопыренной, шире в два раза, уши плотно прижаты к черепу, зубы оскалены. Сам зверь напоминает чёрный громадный шар, несущийся вперёд огромными упругими скачками.

На каждом прыжке медведь издаёт громкий рыкающий звук – что-то вроде кашля или выдоха. Кажется, что это механически выходит воздух при складывании огромного тела в прыжке.

При виде нападающего медведя, по очень меткому выражению, «ноги сами бежать хотят». На осуществление любых желаний, в том числе желания бежать, остаётся очень мало времени. Медведь обычно бросается с короткого расстояния, и тех секунд, которые он отпускает человеку, едва хватает, чтобы сделать один прицельный выстрел. При условии, что он, даже вооружённый, не побежит. Побежавший человек почти наверняка обречён.

Поэтому при нападении медведя ни при каких обстоятельствах нельзя проявлять внешних признаков страха. Если поблизости нет надёжных укрытий или убежищ, необходимо встретить опасность стоя, лицом к лицу.

ПОМНИТЕ! До самого последнего момента остаётся надежда, что медведь повернёт в сторону!

Как это было описано в предыдущем случае – надежда достаточно крепкая. По крайней мере, людей, которые пережили таким образом нападение медведя и остались живыми и невредимыми, всё-таки больше, нежели тех, кто спасся от медведя бегством.

Зверю гораздо легче справиться с напуганной добычей, добычей убегающей, чем с противником, готовым к обороне. А противник, не желающий убежать, к ней готов! В результате естественного отбора, который стал результатом тысяч и тысяч успешных охот на «чёрного зверя», у медведей на генетическом уровне впечаталось в сознание: если человек неподвижно выжидает момент, значит, здесь что-то не то. И зверь поворачивает.

**К АТАКУЮЩЕМУ ЗВЕРЮ
НЕЛЬЗЯ ПОВОРАЧИВАТЬСЯ СПИНОЙ!
ВЫДЕРЖКА И ХЛАДНОКРОВИЕ
СПАСУТ ВАШУ ЖИЗНЬ!**

Кстати, существует вероятность, что пресловутых секунд, отпущенных вам, хватит на то, чтобы взобраться на дерево. Это, безусловно, выход. Надо заметить, что большие медведи по деревьям не лазают. Но это не избавляет от другой опасности: по-настоящему большой медведь может сокрушить недостаточно толстое или прочное дерево. Поэтому, если рядом с вами есть несколько деревьев, выбирайте самое толстое из них. Тонкое медведь или сломает или раскачает до такой степени, что человек сам упадёт оттуда. А такие случаи иногда происходят.

В сентябре 1986 года геолог Глухов исследовал скальный обрыв (в полевой геологии он называется интригующим словом «обнажение») довольно далеко от лагеря. Когда он решил уйти на обед, то оставил в кустах рюкзак, а в нём – кобуру с пистолетом. Когда он шёл по тропе среди кедрового стланика, на него бросился медведь. Глухов побежал, а затем забрался на хлипкое деревце. Медведь пригнул деревце к земле, умертвил сопротивлявшегося человека и съел его.

А вот пример несколько другого рода, который показывает, до какой степени человек может растеряться, оказавшись в смертельной опасности.

На одной из колымских метеостанций двое метеорологов рыбачили на берегу глубокого омута, возле опушки тополевого леса. В какой-то момент они настолько увлеклись рыбалкой, что когда поглядели в сторону, то обнаружили в трёх метрах от себя огромного медведя, неторопливо, но решительно надвигавшегося прямо на них.

Оба метеоролога, не тратя лишних секунд на анализ ситуации, кинулись в разные стороны: начальник белкой вскарабкался по росшему рядом огромному тополю, а радист прыгнул в омут и, не умея плавать, встал на дно подальше от берега, где вода ему доставала до носа. Медведь оглядел поле психологического противостояния, подошёл к тополю, убедился, что один из этих людей не в состоянии ему что-либо причинить, и заинтересовался головой радиста, наполовину торчавшей из воды. Видимо, медведь догадался, что это такое, потому что подошёл к самому краю воды, посмотрел в расширенные глаза человека и начал лапой нагонять волну, с любопытством наблюдая за фырканием и пыхтением радиста. Несчастная жертва поневоле была вынуждена разглядывать своё начальство, примостившееся на суку, и вдруг заметила, что у того через плечо висит малокалиберная винтовка, о

существовании которой они оба забыли. Крикнуть радист ничего не мог – как только издавались булькающие звуки, медведь начинал интересоваться им ещё больше и пускал большую волну.

Пока мы просто любопытны...

Наконец медведю наскучило это занятие, и он удалился. А начальник метеостанции вспомнил о своём оружии только тогда, когда оно зацепилось за сучья при спуске.

Для того, кто скептически усмехнулся, прочитав предыдущие строки: медведь на рывке развивает скорость до 50 километров в час. **УБЕЖАТЬ ОТ ДОГОНЯЮЩЕГО МЕДВЕДЯ НЕВОЗМОЖНО!**

При реальном нападении медведя, возможно, зверя может смутить громкий крик человека. Стоящего неподвижно человека! Известны случаи, когда медведи прекращали атаку, если человек (опять же спокойно стоящий) стрелял в них из малокалиберной винтовки или ракетницы, жёг фальшфейер. Однако известно и достаточно много случаев, когда подобная самодеятельность не помогала, скорее наоборот... Гораздо больше шансов, если при наличии ненадёжного оружия никаких действий по отношению к зверю не предпринимать. Это вернее. Зверь может испугаться, а может разъяриться ещё больше.

Говорю специально для любителей малокалиберных винтовок: стрелять в медведя можно лишь из того оружия, которое обладает способностью **ОСТАНОВИТЬ ЗВЕРЯ НА МЕСТЕ**. И ещё добавлю: ни для одного человека, взявшего за систему охотиться на медведя

с малокалиберной винтовкой, это занятие хорошим не кончалось. Если кто-либо утверждает обратное – он или обманут, или лжец. Байки на эту тему – самая опасная разновидность охотничьего фольклора, они вводят в заблуждение неискушённых людей. Известно много случаев, когда медведей убивали из винтовок калибра 5,6 с патроном кольцевого воспламенения – но это именно те исключения, которые подтверждают правило.

Если медведь хочет испугать вас, то его самого по большей части можно отпугнуть каким-либо традиционным способом: криком, голосом, «словом» или – выстрелом.

Не забывайте: после выстрела надо быстро перезарядить оружие и быть готовым к повторному нападению медведя!

Медведь «идёт разбираться».

Но вероятнее всего он после выстрела растворится в лесном воздухе, как это умеют одни лишь медведи. Но в любом случае после предупредительного выстрела крайне желательно иметь ещё один (по меньшей мере) выстрел в запасе. Бывало, когда подобные мероприятия по отпугиванию зверя не давали эффективного результата, а иногда и попросту вызывали (или провоцировали) нападение.

В конечном счёте каждое столкновение с диким зверем происходит по-разному и невозможно дать некий абсолютный рецепт защиты людей от медведей. Решение приходится принимать обычно по принципу «каждый за себя, Бог за всех». Экологическая грамотность находящихся в подобной ситуации людей служит сама по себе определённой защитой от агрессивных проявлений со стороны зверей. И то, что я здесь пытаюсь рассказать о медведях, надеюсь, поможет вам избежать встречи с ним и не задевать «хозяина тайги».

Конечно, я не стану утверждать, что сами по себе знания биологии зверей каким-то чудодейственным образом уберегут вас от нападений диких животных, как «Отче наш» спасает от чёрта.

В этой книге мне хочется дать понять людям, что нельзя предпринимать поступков, которые могут нанести вред другим живым существам, – под влиянием моментального гнева, страха или другого сильного чувства. Я, бесспорно, не имею в виду отдельные случаи из нашей жизни, когда все точки над «і» расставлены и человеческая жизнь зависит от верного прицела и твёрдой руки.

В большей части известных примеров встреч и столкновений между людьми и медведями на таёжных тропах звери и люди имеют возможность благополучно разойтись в разные стороны – стоит только нашей, человеческой стороне не поддаваться мгновенному чувству страха, гнева или какой-то непонятной обиды. И только если столкновение неизбежно и жизни человеческой угрожает несомненная опасность, то тут вправе заговорить оружие.

При этом надо помнить, что просто иметь при себе оружие – это недостаточная мера для эффективной обороны от зверя, нужно еще и уметь им пользоваться.

В 1998 году на рыбоперерабатывающий завод в окрестностях посёлка Армань (Магаданская область) повадился ходить медведь. Из всего рыбоперерабатывающего комплекса он облюбовал стоявший на отшибе сарай, где хранились сети и от которого неудержимо «пёрло» запахом тухлой рыбы. Злые языки, правда, говорили, что в этом сарае обрабатывали «левую» рыбоперерабатывающую икру, а отход производства, по русской старинной традиции, выливали тут же под стенку.

Директор рыбоперерабатывающего завода был очень осторожным человеком и, справедливо рассудив, что если убивать медведя самим, то выстрелы будут слышны в посёлке, кто-нибудь кинется проверять, а ещё кто-нибудь донесёт, решил от греха подальше сообщить

в милицию. Несколько погодя он же поставил в известность Управление охотничьего хозяйства и принялся ждать.

Медведь тем временем ежевечерне приходил к сараю, с завидным постоянством выламывал там дверь, рвал сети и невода и украшал этими клочьями кусты, стены сарая и весь окрестный пейзаж. С тем же постоянством директор высылал каждое утро к сараю рабочих, они вешали на место дверь, сгребали в кучу остатки сетей, мыли икру и выливали ястыки и тузлук под стены...

Начальник местного отделения милиции между тем медленно, но верно смекал, что на изведении злокозненного зверя можно заработать. Если не орден, то как минимум славу. И как-то раз субботним вечером он появился на рыбоперерабатывающем заводе в соответствующей экипировке, каковая подразумевала бронежилет и прибор ночного видения. К этому прилагались ящик водки и двое вооружённых автоматами лейтенантов. И у самого соответственно автомат. Старого образца, 7,62.

Сели они на рыбоперерабатывающей вахте и начали к приходу косолапого детально готовиться.

Водку они, конечно, начали пить, но справедливости ради надо сказать, что не сразу. Сперва лейтенанты установили в дверях сарая примитивную растяжку, только в качестве сигнального устройства они взяли пустую железную бочку из-под бензина. Эта бочка должна была свалиться с крыши сарая на две другие бочки в момент, когда медведь в сарай залезет. Сперва их посещали сомнения, что медведь может и просто удрать от такого грохота. Однако сомнения их развеял бригадир, который заверил обоих лейтенантов в том, что «он здесь каждый день такой Сталинград устраивает, чего ему ваша бочка, если ревьёт ревя и матом разговаривает по-медвежьему так, что даже нам, болванам, понятно, что он нас здесь на той неделе всех изничтожит».

Не послушались лейтенанты, поставили растяжку. И сели с капитаном выпивать.

После четвёртой бутылки (справедливости ради замечу, что капитану и двум лейтенантам помогали директор рыбоперерабатывающего завода и вышеупомянутый бригадир) со стороны сарая раздался страшный железный грохот. Бригадир сокрушённо сообщил: «Вот и хана. Счас обидится и всех нас кончит». Солдаты правопорядка в чём были (т. е. в бронежилетах) выскочили из караулки – опять тишина. Капитан по-милицейски обматерил своих подчинённых – распукали зверя, дескать. Постояли минуту и снова вернулись. Открыли пятаю.

Раздался всё тот же грохот.

Уже вооружённые, все снова выскочили наружу. В полутьме было видно, как медведь откатывает в сторону мешающую ему бочку.

«Теперь не уйдёт», – свистящим шёпотом заявил капитан и выпустил длинную очередь прямо по силуэту в пятидесяти метрах. Всё стихло. Потом раздалось какое-то хлопанье и фыркание.

«Всё. Теперь нас пошёл ужинать!» – заорал бригадир и полез по приставной лестнице на крышу.

«Добивай!» – скомандовал капитан, при этом ночь взорвалась очередями из трёх автоматов. Расстреляв по рожку, вся бравая компания кинулась вслед за бригадиром на крышу. Не успевший вслед за ними директор заперся в караулке и открыл шестую.

Медведь звука не подавал, стемнело. Бригадир клялся, что зверь «поближе к дверям залёг, счас только и ждёт, чтоб цапнуть». В течение десяти минут на крыше обнаружили отсутствие водки и боеприпасов. Начали стучать в потолок караулки. Усталый директор перестал подавать признаки жизни, и всеми дружно было решено, что его всё-таки достал медведь.

«Достать надо», – сказал капитан. «Что?» – не поняли сразу оба лейтенанта. «Всё. Медведя, водку, патроны, директора, – подробно разъяснил капитан. – Сейчас спички тянуть будете».

«Это не штатское дело, – тут же нашёлся бригадир. – Я даже водку пить не буду. Потому что вы её не достанете».

«Они – достанут, – пообещал капитан. – Потому что вдвоём. Потому что один за другим. Потому что приказ. Потому что водка. Она греется».

Последнее предложение легло добрым семенем на юные лейтенантские души, и они один за другим полезли в караулку. Караулка встретила их громким рычанием.

«Грызёт, – доложили лейтенанты, – и рычит одновременно».

Это храпел директор.

Утром осаду сняла подъехавшая опергруппа охотуправления.

Сухой остаток: ни одного попадания!

В соответствующей главе я уже много рассказал об оружии и медведях, и поэтому сейчас – немного о ракетах и фальшфейерах.

Фальшфейеры и сигнальные ракеты, безусловно, могут отпугнуть нападающего на вас медведя. А могут – и не отпугнуть. По крайней мере, в арсенале обязательных средств стоит их иметь.

Научный сотрудник ИБПС В.С. Тархов и два лаборанта занимались научным выловом рыбы в среднем течении реки Анадырь. Рыбу они потрошили и развешивали на вешалах в пяти метрах от палатки.

Однажды, проснувшись поутру, ихтиологи обнаружили, что вешала вместе с рыбой ночью утащил медведь.

Так как рыба от этого не перестала ловиться, В.С. Тархов построил новые вешала, но для пущей верности приладил к ним взведённую ракетницу, настороженную таким образом, что при попытке свернуть вешала она должна была выстрелить в то место, где, по идее, должен был находиться сам зверь. Ночью все трое проснулись от выстрела. Высунувшись из палатки, они узрели медведя, методично тащившего всё сооружение вместе с рыбой в кусты по прежнему маршруту. При этом ракета догорала между его передних лап.

Применяя сигнальные ракеты при отпугивании медведя, надо всегда помнить, что это средство весьма пожароопасное.

В частности, Г. Н. Егорова, сотрудник Академии наук СССР, отгоняя ракетами подошедшего к ней вплотную медведя, сожгла несколько сот квадратных километров прекрасного лиственничного леса.

Самые частые повреждения, которые медведь имеет привычку наносить попавшему в его лапы человеку, – это скальпирование, перелом шейных позвонков, укусы конечностей и повреждения мягких тканей живота. Чаще всего медведь сбивает стоящую или убегающую жертву ударом по голове или шее: как правило, при этом снимается скальп или ломается хребет. О невероятной силе медвежьих лап я уже говорил.

Попавший в объятия медведя человек не должен давать возможности зверю зацепиться за тело и конечности. Прежде всего, следует беречь голову. Громко кричите! Будьте спокойны, медведю это в любом случае неприятно! Крики могут испугать зверя и привлечь внимание людей. А вдруг у кого-нибудь из них будет ружьё!

Ружьё может быть и у вашего напарника. Тогда вам стоит помнить, что попасть он может не только в медведя, но и в вас. Это тяжело, но старайтесь, чтобы он получил возможность выстрелить в медведя так, чтобы не зацепить вас.

Прекращать всякие попытки сопротивления в надежде на то, что медведь потеряет интерес к своей жертве и бросит её, можно только после того, как вы использовали все средства самозащиты. Случаи такого рода широко известны, однако рассчитывать на это, очутившись в лапах медведя, нельзя – шансы очень малы.

Если вдруг на медведя что-то нашло, он бросил переставшую сопротивляться жертву и на первый взгляд перестал обращать на неё внимание, ни в коем случае не начинайте сразу шевелиться. Подождите, пока ваш мучитель уберётся подальше, и только тогда спешите к ближайшим людям.

Присутствие в полевом отряде или туристской группе собак даёт большую гарантию от столкновения с медведями – звери собак боятся гораздо больше, чем человека.

Во-первых, сама по себе собака у любого дикого существа прежде всего связывается с близким присутствием людей; во-вторых, как известно, люди не обладают собачьими слухом и обонянием.

С помощью этих чувств собаки знают о присутствии медведей задолго до того момента, когда их замечает человек. Собака не только обнаруживает зверя, но и сообщает о его присутствии лаем или ворчанием. «Колокольчик» – так называют собаку охотники-промысловики. Лай к тому же даёт понять зверю, что тот обнаружен, и в девяносто девяти случаях из ста медведь покидает опасное место.

При нападении медведя собаки могут отвлечь и задержать зверя на некоторое время. А его (времени) уже может хватить на то, чтобы изготавиться к обороне или как-нибудь спрятаться.

Во время нападения на геолога Ягоднинской ГРЭ А. А. Татарова медведь не отреагировал на произведённый для отпугивания выстрел. Остановила зверя в пяти метрах от геолога овчарка. После схватки с собакой и дополнительных выстрелов медведь скрылся.

В Дукатской ГРЭ имели место семь встреч с медведями. Одна из них связана с нападением на двух геологов участка Гольцовского 20 августа 1984 года. Группа шла с собакой. Неожиданно из кустов стланика на них бросился медведь. Между медведем и собакой произошла схватка, которая длилась около минуты. Геологи за это время успели забраться

на деревья. Медведь, занятый собакой, вновь укрылся в стланике. Через несколько минут собака, отогнавшая зверя, вернулась с разорванной щекой.

Замечу попутно, что собака, которая смело бросается на медведя и вступает с ним в схватку, представляет собой большую редкость. Настоящие зверовые лайки встречаются примерно одна на тысячу. Правда, для обороны лагерей и полевых групп можно использовать собак и других пород – немецких и кавказских овчарок, эрдель-терьеров, доберман-пинчеров, т. е. тех собак, у которых в течение всей истории создания породы формировалось инстинктивное безусловное подчинение человеку. Ни при каких обстоятельствах нельзя использовать для охраны от медведей собак без навыка, сноровки и силы для хотя бы краткого задержания зверя на месте.

СОБАКА, ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ
ДЛЯ ЗАЩИТЫ ЛЮДЕЙ ОТ НАПАДЕНИЯ БУРОГО МЕДВЕДЯ,
ДОЛЖНА БЫТЬ СПОСОБНОЙ ЗАДЕРЖАТЬ ЕГО
ЦЕНОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

Я знаю случаи, когда трусливые, неопытные, необученные собаки или же собаки, случайно попавшие в тайгу и тундру, становились причиной гибели людей или провоцировали нападение медведей.

Приходит на память пример с охотником-промысловиком одного из эвенкийских госпромхозов, которого сбила с ног его собственная молодая неопытная собака, стремительно удиравшая от «чёрного зверя». Человек получил тяжёлое увечье – медведь, преследовавший пса, бросился на беспомощного хозяина.

Другой охотник в такой же ситуации спас свою жизнь тем, что первым выстрелом из двустволки застрелил свою собственную собаку, бегущую от медведя. Зверь испугался выстрела и скрылся.

Но, повторимся ещё раз, чаще всего присутствие собак даёт достаточную гарантию от нападения бурого медведя.

Не страх, а аккуратность, уважение к чужой для нас, хотя, может, и непонятной жизни и не в последнюю очередь – знание биологии и повадок зверя сможет уберечь человека от нападения бурого медведя.

Находясь в лесу, надо чаще вспоминать, кто здесь хозяин. Народная мудрость утверждает, что медведь. А хозяина надо не бояться, а уважать.

Глава 31 Давайте жить дружно, или Как избежать конфликтной ситуации

В самом начале предлагаемой вашему вниманию книги уже говорилось о том, что взаимоотношения человека с живой природой вообще и с дикими зверями в частности нельзя строить иначе как исходя из элементарных экологических знаний. И любая инструкция, любые правила должны в основе своей иметь тот определённый набор сведений, без которых невозможно правильно строить своё поведение в рассматриваемой ситуации – при проявлении агрессии у зверя по отношению к человеку.

Но как невозможно предусмотреть каждый конкретный случай, складывающийся, как правило, из сложного течения независимых обстоятельств, так нельзя дать единый рецепт или сводку рецептов по данному вопросу. Рекомендации, вынесенные ниже, повторюсь, нельзя рассматривать как некую панацею, абсолютную гарантию от несчастного случая при нападении зверя, но свести вероятность конфликтной ситуации до какого-то минимума они, безусловно, помогут.

1. Нельзя создавать вокруг населённых пунктов, баз и лагерей, полевых партий, отрядов, туристских групп, на привалах и маршрутах такие объекты, как помойки, свалки, склады пищевых отходов, которые способствуют концентрации зверей рядом с человеком. Проблему эту не может решить даже захоронение органических остатков на значительной глубине, так как медведи, обладая хорошо развитым обонянием, легко их обнаруживают и раскапывают. Пищевые отходы рекомендуется вывозить (в случае невозможности их утилизации) на значительное расстояние от жилья, место свалки должно быть чётко обозначено знаками, и о нём должны быть предупреждены местные жители. В случае невозможности организовать вывозку своими силами или силами близлежащих посёлков и организаций пищевые отбросы должны уничтожаться: сжигаться или топиться.

2. Нельзя хранить продовольствие и съестные припасы в местах, легко доступных для разграбления, как-то: в неохраняемых полотняных палатках, мешках и ящиках под открытым небом. Упаковка должна исключать лёгкий доступ к содержимому: в наилучшей степени для неё подходят железные бочки из-под горючего с вырубленными днищами, которые впоследствии прикручиваются проволокой, и ящики из прочных досок, окантованные железной лентой.

Хранить продовольствие следует в специально оборудованных складах или на лабазах, места хранения лучше всего обносить оградой из колючей проволоки, проводимой на расстоянии 10, 70 и 150 сантиметров над землёй, между первым и вторым рядом рекомендуется пустить свободную спираль, касающуюся земли.

Такое ограждение очень надёжно гарантирует от проникновения бурого медведя за его пределы.

НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ
В ОКРЕСТНОСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖИЛИЩ
ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ В ДОСТУПНОМ
ДЛЯ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ ВИДЕ!
ЭТО СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО!
ЧИСТОТА И ОТСУТСТВИЕ ПОМОЕК
УБЕРЕЖЁТ ВАШ ЛАГЕРЬ ОТ ВИЗИТА БУРОГО МЕДВЕДЯ!

3. Присутствие в лагере собак, не боящихся присутствия зверя, обладающих злобной реакцией, в значительной степени поможет обезопасить его от появления бурого медведя в его непосредственных окрестностях. Ни в коем случае нельзя использовать для охраны баз, лагерей и биваков комнатных и декоративных собак. Лучше всего использовать для целей охраны от бурых медведей лаек и немецких овчарок.

4. При постройке лагерей, биваков, ночлегов обращайтесь внимание на соседство звериных троп. Порой случается так, что медвежья тропа – единственное место для установки лагеря, особенно если дело происходит осенью, темнеет катастрофически быстро, а сами вы смертельно устали. Места такого рода хорошо знакомы таёжникам – это заросшие ольхой устья ручьёв на морском берегу, узкие приморские пляжи и т. д. Посоветовать вам можно немного – разжечь костёр побольше и спать, что называется, вполглаза. Если у вас много вещей, можно попробовать расположить их как загородки по обеим сторонам тропы. Настоятельно не советую устанавливать «сигнализацию» – развешивать на лесках консервные банки и прочие погремушки. Практика показывает, что этими банками гремят все кому не лень – от оленей до бурундуков, не говоря уж о ветре. А вы сами сперва будете вскакивать как ужаленный при малейшем гроыхании, а под утро не обратите внимания, даже если по вам пройдёт железнодорожный состав.

Избегайте стоять лагерями на медвежьих тропах!

5. Во время маршрутов стоит держаться преимущественно открытых мест и редколесий, где приближение зверя можно заметить заблаговременно и принять необходимые меры для отпугивания или обезопасить себя иным способом от возможного нападения. Следует избегать длительного продвижения через густые заросли кедрового стланика, ольховника и ивняка в местах возможной концентрации медведей.

6.

НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
НЕЛЬЗЯ ПРИБЛИЖАТЬСЯ К ОСТАНКАМ ПАВШИХ
ЖИВОТНЫХ, МАССАМ СНУЛОЙ РЫБЫ
И ДРУГИМ ЕСТЕСТВЕННЫМ ПРИВАДАМ,
ЯВЛЯЮЩИМСЯ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ
ЖИВОТНОЙ ПИЩИ ДЛЯ ЗВЕРЯ.
В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЭТО КАСАЕТСЯ ДОБЫЧИ
САМОГО БУРОГО МЕДВЕДЯ!
ПОМНИТЕ!
ПОТРЕВОЖЕННЫЙ НА ДОБЫЧЕ МЕДВЕДЬ
В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ ПЕРЕХОДИТ В НАПАДЕНИЕ!

7. При встречах с бурым медведем (полевой работник и турист на территории Магаданской области должны помнить, что такая встреча может произойти в любое время и в любом месте, и морально быть готовым к этому) следует, не проявляя паники, постараться удалиться незамеченным для зверя (не обращаясь в бегство). При этом надо помнить о том, что бурый медведь обладает необычайно тонким обонянием, поэтому при отходе необходимо учитывать направление ветра. Если бурый медведь заметил человека и не обратился в бегство, а, напротив, проявляет любопытство, следует попытаться отогнать зверя криком, голосом, ракетой, выстрелом в воздух.

Медведь в полумраке и в чаще чувствует себя гораздо уверенней человека.

ВНИМАНИЕ!
ЕСЛИ БУРЫЙ МЕДВЕДЬ ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ ВАМИ,
НУЖНО БЫТЬ ГОТОВЫМ ОТРАЗИТЬ
ЕГО ВОЗМОЖНОЕ НАПАДЕНИЕ.

8. Избегая встреч с бурым медведем, желательно во время передвижения по тайге и тундре не пользоваться медвежьими тропами. Тропы, пробитые медведем, отличаются от всех других троп тем, что они представляют собой две параллельные цепочки ямок на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга. Также следует избегать движения по берегам лососёвых рек и вдоль нерестилищ в сумерки и на рассвете, а также ночью.

ПОМНИТЕ!
НОЧЬ – ВРЕМЯ БУРОГО МЕДВЕДЯ!

9. Если во время весенних маршрутов по снегу вы натолкнётесь на след бурого медведя, поверните обратно или постарайтесь обойти место предполагаемого нахождения зверя по открытым местам. Бурый медведь не совершает длительных переходов по глубокому снегу, поэтому встреченный след, даже достаточно старый, является хорошим индикатором его присутствия в ближайших окрестностях.

Лабаз на сегодня – самый надёжный способ укрыть продукты от медведя.

Образцовый лабаз: высоко и недоступно.

10. Следует очень тщательно следить за сроками залегания бурого медведя в берлоги. Если сами вы замечаете или кто-то вам сообщит, что видел свежие следы медведя после 15 ноября – это тревожный признак! Следует сократить количество выходов из лагеря, в маршрутах соблюдать максимальную осторожность. В случае если эти отдельные медведи не лягут до 1 декабря, следует поставить в известность органы охотнадзора.

11. При передвижении по местности, в которой обитают бурые медведи, не рекомендуется пользоваться лошадьми. Известен ряд случаев, когда присутствие лошадей в партии привлекало к ним бурых медведей и даже провоцировало нападения. В случае если без применения лошадей не обойтись, следует предпринимать максимальные меры предосторожности, как-то: применение собак для охраны лагеря, огораживание мест длительного выпаса лошадей колючей проволокой, как это указано в пункте втором. Недопустимо оставлять лошадей на свободном выпасе без человеческого присмотра.

12. Для уменьшения вероятности нападения бурого медведя на людей во время маршрутов рекомендуется не выходить в уголья поодиночке. Возможность агрессивного контакта бурого медведя с группой людей гораздо ниже.

13. Полевые группы необходимо комплектовать карабинами под мощный патрон калибра более 7 мм – 7,62x39, 7,62x51, 7,62x53, 8,2x64, 9x53, – а также охотничьими двуствольными или самозарядными ружьями 12-го калибра. Во всех случаях предпочтительнее самозарядное оружие, так как оно позволяет сделать подряд несколько выстрелов.

14. Необходимо обучить всех членов полевых отрядов и партий владению данными видами оружия, преподать правила стрельбы «на скорость» и «навскидку».

ПОМНИТЕ!

ВЫСТРЕЛ – САМАЯ КРАЙНЯЯ МЕРА

ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ С БУРЫМ МЕДВЕДЕМ.

В нападающего медведя предпочтительнее всего стрелять на самом коротком расстоянии – не более пяти метров, когда шансы промахнуться в него сводятся к минимуму. Не следует стрелять в голову атакующего зверя. Нужно стараться сохранять хладнокровие, которое поможет сберечь вашу жизнь!

Из всего небольшого разнообразия охотничьего оружия советского периода я считал карабин «Медведь» самым эффективным на медвежьей охоте. Однажды, при довольно сомнительных обстоятельствах, мне довелось убить из него с одного места трёх медведей средних размеров четырьмя патронами.

Дело было в самом конце мая – я работал в большой таёжной болотистой низине, изрезанной протоками, старицами и озёрами. На берегу одного из озёр местные браконьеры зимой стреляли оленей. В этом месте осталась изрядная куча отходов их промысла – шкуры, ноги, головы, позвоночники. Я подумал, что такой стол не сможет пропустить ни один местный медведь, и решил посетить его ближе к концу сезона весенней охоты.

Лодку я причалил в полукилометре от привады, с тем чтобы не напугать возможных посетителей. Местность до самого озера была совершенно открытой, только на самом его берегу росли несколько куртин кедрового стланика. И среди этих куртин я увидел беспорядочно снующего белого зверя. Сперва я подумал, что это сбежавшая собака егеря, который живёт в тридцати километрах отсюда. Однако, взглянув в бинокль, я пришёл к выводу, что это медведь очень светлого цвета, жёлто-серебристого, почти белого. Заинтересовавшись таким «раритетом», я подошёл к кустам метров на сорок, выбрал крепкое, одиноко стоящее дерево, прижался к стволу для верного прицела и выстрелил.

Палаточный лагерь. На заднем плане – вырубленные пустые бочки, в которые снаряжение прячется на зиму.

Медведь сразу рухнул как подкошенный, но кусты зашевелились и из них сразу вылезло ещё три зверя, значительно крупнее первого!

Я практически сразу сообразил, что попал на «медвежью свадьбу» – светлый медведь скорее всего был самкой (это подтвердилось в дальнейшем), а три зверя покрупнее и потемнее – соперничающие из-за неё самцы. Я не стал особенно раздумывать и выстрелил два раза

под голову тому из медведей, который был поближе и покрупнее, и один – по находящемуся подальше. На всё это у меня ушло около двух секунд, и я, как в замедленном кино, увидел, как метрах в тридцати из кустов выкатывается третий самец – как пыхтящий и рычащий бульдозер. В это время затвор магазина у меня остановился в крайнем заднем положении, и я сунул руку в ближайший карман, достав оттуда патрон (по совету, прочитанному у Дж. Хантера, на зверовой охоте я кладу по патрону в каждый карман охотничьей одежды). Пока я перезаряжал оружие, медведь колебался, а затем заскочил за кусты и удрал, тщательно скрываясь в складках местности.

Преследовать его я, естественно, не стал. С меня было достаточно и тех, что упали прямо на месте. Все медведи были убиты наповал. Длина зверей колебалась от одного метра девяноста сантиметров (самка) до двух метров двадцати сантиметров (самый крупный самец).

Добавить что-либо к уже сказанному мною в этой книге я могу лишь очень немного. Конечно, я считаю, что глупо возлагать всю ответственность за несчастные случаи, происходящие в природе, на какую-то одну из сторон – на медведя или человека. Но надо помнить, что здесь, на неосвоенных территориях Сибири и Дальнего Востока, люди всё ещё находятся на переднем крае – фронтире человеческой цивилизации.

Чаще всего он боится вас больше, чем вы его.

И как всякий передний край, этот требует от нас практически военной выдержки, сноровки и осторожности.

Медведя обездвигили для науки.

Борьба за существование – в наших местах эти слова не являются пустым звуком. В книге вы видели много примеров, когда, казалось бы, за пустячные оплошности люди платили жизнью.

С другой стороны, человек обязан помнить, что, вторгаясь на «дикие земли», он автоматически принимает на себя ответственность за сохранение пусть не целого, но основных фрагментов природных диких экосистем. И крупные хищники – в первую очередь, бурый медведь – являются одним из таких фрагментов. Бессмысленный повсеместный тотальный отстрел этого зверя нельзя оправдать ничем. Каждая конфликтная ситуация – единственная в своём роде и должна рассматриваться индивидуально людьми на месте. Уничтожение медведей – не средство для пресечения на корню всех и всяческих конфронтаций. По большей части их решение зависит лишь от нашей человеческой мудрости. И конечно же, тот, кто пустил в ход оружие, должен быть до конца уверен в оправданности такого решения.

Вынужденный отстрел бурых медведей – безусловно, необходимая мера для обеспечения безопасности людей в тайге и тундре. В ряде случаев она является и единственной. Например, на строительстве нефтепровода через Аляску очень широко применялась методика обездвигивания медведей, которые наносили ущерб базам изыскателей, и перевозка их (на подвеске вертолёт) на большое расстояние (за двести километров) от людей. Значительное количество этих гризли в скором времени возвращались обратно.

Сегодня руководство национальных парков США и Канады исповедует тактику «полного невмешательства» в дела дикой природы. Джим Роббинс, специалист по управлению популяциями диких животных, считает такой подход скорее философским, чем практическим. Результаты практического применения этой концепции он рассмотрел на примере Йеллоустонского национального парка, который ежегодно посещают около 1,2 миллиона туристов. В парке создалось тревожное положение с гризли, численность которых на сегодняшний день в парке резко сокращается – на 200–250 гризли приходится всего 30 размножающихся медведиц.

С 1950 года после нескольких несчастных случаев, повлёкших за собой человеческие жертвы, в парке стали ежегодно убивать около 30 медведей, которых американцы обозначали как «проблемных».

А вот в чужих странах медведей предпочитают усыплять и отвозить в другое место, а не отстреливать...

Мусорные ящики, установленные возле кемпингов и в наиболее посещаемых местах, стали запирают, а в некоторых местах их убрали. С начала 60-х годов все помойки вообще сделали недоступными для медведей. Такая тактика дала приемлемые результаты – но только для людей. Количество конфликтных ситуаций между ними и медведями резко снизилось. Однако сегодня уже раздаются голоса о том, чтобы разрешить в разумных пределах организованную подкормку медведей внутри национального парка.

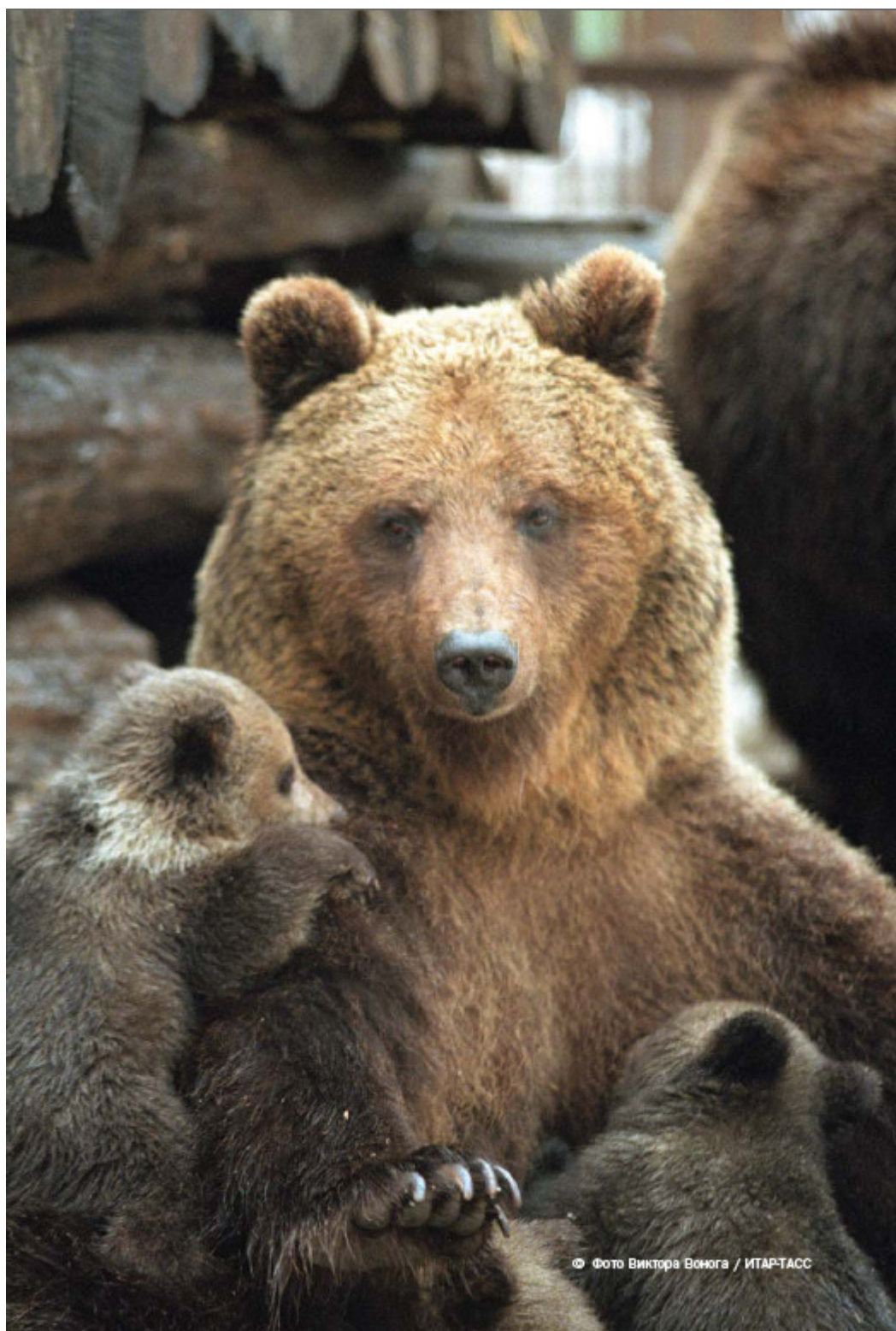
Принимая решение о мерах пресечения агрессивного поведения бурого медведя, нельзя также забывать, что в этих случаях под угрозой находится человеческая жизнь – самая высокая ценность, рисковать которой в обычных обстоятельствах никто не имеет права.

Отстрел медведей необходим не только для их рационального опромышления, но также и для того, чтобы не закреплялись наследственным путём нежелательные для человека черты поведения – как, например, агрессивность. В Европейской России количество агрессивных медведей во много раз меньше, чем в Сибири и на Дальнем Востоке.

Таким образом, рациональный промысел, отстрел медведей необходим ради самих медведей. В первую очередь. Потому что с каждым годом соседство наше становится всё теснее и теснее – сейчас мысль о том, что наши северные края каким-либо чудом вернутся в первобытное состояние, кажется абсурдной. Таким образом, необходимо разумное управление популяциями этого зверя в местах, населённых людьми, и нахождение компромисса между ними.

Ещё раз считаю нужным сказать, что по большей части бурый медведь не вступает в конфликт с человеком, стремится убежать или же потихоньку уйти. Но при определённой сложившейся обстановке поведение его может стать непредсказуемым. Именно это даёт нам право относиться к этому зверю с некоторой долей предвзятости. Но предвзятость эта не может простирается до неограниченности. И уж конечно, она не даёт никакого права самостоятельно, без видимых на то причин, решать вопросы жизни и смерти. Но в крайнем случае, в роковой момент нападения, когда не существует выбора, на черте между жизнью и смертью – да не дрогнет ваша рука!

Часть V «Всякое» о медведях

Глава 32 Медведи и медицина

Медведи людей не только калечат. Иногда они их и исцеляют. Старинные предания, согласно которым можно обрести силу, восстановить могущество или укрепить здоровье, съев часть тела могущественного врага, были в одинаковой степени распространены как в древности, так и в Средневековье, а часть этих поверий проникла и в культуру Нового времени, к которому принадлежим мы с вами. Из истории нам известны друиды, вкушавшие от печени захваченных жрецов враждебных племён; жрецы ацтеков, поедавшие сердца врагов на вершинах своих теокалли; японские самураи, считавшие, что съеденная печень врага укрепляет тело и дух воина, а также много других подобных примеров всякого мракобесия.

Обычаи, имеющие подобные корни, коснулись, разумеется, и медведей. Мы можем проследить их путь из самых древних рунических сказаний европейского Севера. В частности, герой Хяльто из скандинавского предания приобрёл силу и мужество, съев сердце медведя и напившись его крови.

Одним из самых оригинальных средневековых лекарственных рецептов, связанных с медведем, с нами поделился не кто иной, как Фрэнсис Бэкон, канцлер-чернокнижник.

«Нас постоянно уверяют, что смазывание оружия, которым была нанесена рана, излечивает саму рану. В изложении заслуживающих доверия людей (хотя сам я пока не совсем склонен в это верить) нужно обратить внимание на следующее: во-первых, необходимая для этого мазь приготавливается из ингредиентов, наиболее странными и труднодоступными из которых являются: мох с черепа мёртвого, но незахороненного человека и жир ребёнка или медведя, убитого во время совокупления».

У эвенков рваную рану от укуса хищника завязывали брюшным жиром медведя и собаки.

Раны от нарывов намазывали особой пастой, изготовленной из смеси медвежьего жира и желчи.

При кашле принимали внутрь топлёный собачий и медвежий жир. При этом верили, что для мужчины может быть целебным жир медведицы, а для женщины – медведя-самца.

При заболевании желудка применяли водный или спиртовой раствор медвежьей желчи.

Эвенки различают два вида медвежьей желчи – целебную и нецелебную. Обычная медвежья желчь бывает тёмного цвета, целебная – янтарно-жёлтого.

А. Черкасов довольно много и подробно говорит о целебном действии медвежьего жира и желчи, нигде, однако, не пускаясь в догадки по поводу механизма их действия.

«Здесь медвежий жир употребляют от многих болезней, как наружных, так и внутренних. Особенно он хорош в грудных болезнях. Я лично видел примеры выздоровления людей, сильно страдающих этими болезнями. Им хорошо мазать лошадиные садна (ссадины. — М. к.), где бы они ни были, они скоро заживают и покрываются шерстью.

Медвежья желчь играет важную роль в народной медицине, особенно дорожат ею сибирские туземцы. Между тунгусскими ламами, братскими баретчинами и вообще монгольскими шаманами (колдунами) она ценится довольно дорого. Я видел примеры этой торговли на таёжном золотом промысле (Урюмском): купец Першин взял из первых рук, от орочен, несколько желчей по рублю за штуку и просил их принести ещё. Хитрые туземцы смекнули торговлю и во второй раз продали тому же купцу две желчи по пять рублей каждую, а в третий раз одну за семь рублей. Такое повышение цены меня крайне заинтересовало; я спросил Першина, для чего он берёт медвежьи желчи по такой дорогой цене? Купец усмехнулся и сказал мне по секрету, что „орочены ещё дураки, ибо если бы они знали суть, то взяли бы с меня не по семь, а по пятнадцать рублей за каждую, и я бы дал им эту цену, потому что это снадобье имеет большой поход в орде; там мунгалы дают за каждую желчь по быку, а за желчь от медведицы — по два“.

Я стал приставать к Першину, чтобы он открыл тайну, но добиться от него ничего не мог. Он только и сказал мне, что в молодости сам хворал сильно (но чем — не сообщил) и благодаря этой желчи, которую принимал по каплям в водке и натирался этим же в бане, поправился и стал здоровым человеком.

Странное дело, а Першин, покупая желчи и разводя их понемногу и вертя жидкость пальцем, как-то узнавал, которая желчь от самца, которая от самки, и так, что плутоватые орочены надуть его не могли, а только удивлялись его способности распознавать истину.

Знаю один пример такого сорта: бывший мой денщик Михайло Кузнецов одно время сильно и долго хворал, не мог ничего есть и страдал сильной бессонницей; ужасно ослаб и упал духом. Наши эскулапы, давая ему рвотное, слабительное и другие мерзости, не помогли. Хворость продолжалась с большим ожесточением. Ему посоветовали пить медвежью желчь, что он и сделал, принимая её по 20 капель в день в продолжение двух недель, после чего он скоро поправился, так что сделался полным, крепким, стал есть за двоих, а о бессоннице и слабости уже не говорил — словом, переродился в здорового человека».

Довольно широко использовались части тела медведя в так называемой восточной медицине. Мускульная ткань этого зверя использовалась при изготовлении шестидесяти трёх препаратов, жир — ста четырёх, желчь входит обязательным компонентом почти во все сильнодействующие лекарства, относящиеся к категории ИНЬ. Почти везде отмечается, что наиболее предпочтительна здесь желчь медведя.

В настоящее время в некоторых фармакологических центрах Юго-Восточной Азии содержатся живые бурые медведи, имеющие вживлённую в желчный пузырь фистулу — для постоянного производства столь ценного продукта. Клетки, в которые заключены несчастные мишки, имеют сдвигающиеся стены и крышу — когда приходит время «доения» желчи, клетку с помощью специальных винтов «сжимают», пока медведь не оказывается зажат решётками в тиски и не может оказать никакого сопротивления. Здесь к фистуле в его боку подключают резиновую трубку и производят откачку содержимого драгоценного желчного мешка.

Несмотря на столь жестокий и дорогостоящий способ получения этого препарата, желчь, получаемая от содержащихся в неволе животных, считается желчью не второго даже, а третьего сорта. Желчью второго сорта у китайских и корейских целителей считается желчь медведей, добытых осенью. Самой лучшей желчью они считают ту, которая во время зимнего сна подверглась очищению, т. е. желчь медведей, убитых сразу после выхода из берлоги.

Но поедание частей тела бурого медведя отнюдь не всегда оказывает такое благотворное влияние на организм его добытчика, как было принято считать нашими первобытными предками.

Иногда употребление в пищу мяса бурого медведя приводило к тяжёлой болезни, а то и к смерти охотника и тех, кого он успел «облагодетельствовать» своей добычей. Ведь кроме той угрозы, которую представляет собой медведь как крупный хищник, он является ещё и переносчиком опасной болезни. Я говорю о таком тяжелейшем инвазионном заболевании, как трихинеллёз.

Трихинеллёз – это болезнь, вызываемая многоклеточными паразитами, относящимися к классу круглых червей, или нематод. Собственно, трихинеллы – это маленькие червячки: длина самца около одного миллиметра, самки – до четырёх. Человек заражается трихинеллёзом в результате питания мясом заражённого зверя, в данном случае медведя. В мясе его могут находиться личинки трихинелл, окружённые обызвествлёнными капсулами. В кишечнике под действием пищеварительных соков и ферментов капсулы разрушаются, личинки начинают развиваться. Личинки растут очень быстро и в течение 30–40 часов становятся половозрелыми. Самцы оплодотворяют самок и погибают. Оплодотворённые самки проникают в полости и железы стенок кишечника, где продуцируют огромное количество живых личинок. Личинки током лимфы и крови заносятся в разные части человеческого организма и живут в его мускульных тканях. Первое время личинки активно разрушают мускульную ткань, затем они окружаются капсулами, которые постепенно обызвествляются.

Тот период, когда мельчайшие бесчисленные личинки разносятся кровью и лимфой по организму и поселяются в его тканях, и есть, собственно говоря, период заболевания трихинеллёзом.

Признаки трихинеллёза проявляются достаточно быстро – через трое-четверо суток после употребления заражённого мяса, сам период болезни растянут на срок порядка недели. У человека, заражённого трихинеллёзом, появляются отёчность лица и конечностей, сильные боли головы и мышц, повышенная температура, расстройство функций кишечника. В ряде случаев заболевание заканчивается смертельным исходом. Широко известен случай гибели известной полярной экспедиции конца XIX века Соломона Андре. Скорее всего они погибли в результате заражения трихинеллёзом через мясо белого медведя. Аналогичная судьба постигла некоторые гитлеровские полярные станции, созданные втайне от противника на островах арктических архипелагов. Вынужденные в результате перебоя с продовольствием питаться мясом белых медведей, немецкие полярники заболевали и гибли.

В наше время имеются случаи заболевания трихинеллёзом, в том числе и массовые, среди работников экспедиций и полевых партий, употреблявших в пищу заражённое медвежье мясо. Так, в июле 1971 года от употребления вяленого мяса убитого медведя в Россошинской поисковой партии Сеймчанской ГРЭ заболело трихинеллёзом шесть человек.

6 августа 1975 года геолог геологосъёмочного отряда «Звёздный» Чаунской ГРЭ убил медведя. Мясо употребляли в пищу работники отряда и Майской ГРЭ. Было госпитализировано пятьдесят человек.

К сожалению, ещё до сих пор нередко случаи этого заболевания с трагическим исходом. Поддаётся трихинеллёз лечению с большим трудом.

Капсулы с личинками сохраняются в мышцах человеческого организма до 25–30 лет. Уничтожить их там невозможно. Следует также сказать, что поскольку трихинеллёз является не инфекционным, а инвазионным заболеванием, то иммунитет к нему не вырабатывается. Иными словами, человек, однажды переболевший трихинеллёзом и по какой-то причине оставшийся в живых, имеет шансы заболеть во второй раз так же, как и в первый.

Согласно правилам считается, что если отстрел бурого медведя произошёл – вынужденный или по лицензии, – то мясо его можно пускать в пищу только после тщательной проверки органами ветконтроля.

На препарате капсулы с личинками трихинелл выглядят точно небольшого диаметра горошины с включением внутри. Для изготовления препаратов обычно берутся пробы мышц диафрагмы, у основания языка, а также передних и задних лап. Проверку медвежьих туш осуществляют органы ветконтроля.

Если группа или отряд находятся в безвыходном положении и лишены возможности пользоваться иными продуктами питания, кроме как медвежьим мясом, то следует помнить, что лишь непосредственная горячая обработка (кипячение) в течение шести часов может разрушить капсулы личинок. Такой обработке необходимо подвергать мясо всех без исключения медведей, не прошедшее специальную проверку.

В некоторых случаях, когда в распоряжении кухни полевого отряда находится скороварка, срок термической обработки может значительно сократиться, как утверждает известный гельминтолог (специалист по глистам) Г. И. Атрашкевич, – до двух часов кипения.

Губительно на известковую оболочку капсул трихинелл сказывается вымачивание кусков мяса в кислой среде, например – в слабом растворе уксусной кислоты. Этот шаг стоит предпринять перед тем, как запустить мясо непосредственно в котёл – на выварку.

**ПОМНИТЕ!
ВО МНОГИХ РАЙОНАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
МЕДВЕДИ ЗАРАЖЕНЫ ТРИХИНЕЛЛЕЗОМ
ПОЧТИ ПОГОЛОВНО.**

Одним словом, к медведю как пище следует относиться очень осторожно. Без крайней нужды лакомиться медвежатинкой в полевых условиях не рекомендуется. Медведь в котле может оказаться более опасен, чем в лесу.

Глава 33 Медведи и фотография

В 1993 году, обучаясь управлению популяциями диких животных на Аляске, я обратил внимание на одного колоритного парня, посещавшего вместе с нами лекции профессора Клейна.

Это был эффектный высокий человек восточного типа, носивший длинные волосы и густую бороду. «Знаменитый фотограф, – шепнула мне моя приятельница Лорна, – Мичио Хошино, писатель, живёт с индейцами среди животных. Ничего не боится!»

Снимки, сделанные Мичио, на самом деле поражали. Это были и поединки медведей друг с другом, и погоня мишек за сусликами, и игра с медвежатами на снегу. По некоторым деталям заднего плана я догадался, что снимки эти сделаны с очень близкого расстояния.

Позднее, когда мы с Мичио однажды вместе обедали, я спросил его: «Мичио, а ты медведей не боишься?» «Я? – засмеялся он. – Да я всегда стараюсь подойти к ним поближе!»

8 августа 1996 года Мичио Хошино был убит медведем в Кроноцком заповеднике на Камчатке.

Тимоти Тредвелл был профессиональным фотографом, создателем общества «Люди-гризли», автором нескольких замечательных фотоальбомов и видеопроектов, занимался «медвежьей журналистикой» более 10 лет. Пользовался высочайшим авторитетом среди фотожурналистов и экологов, многие считали его профессионалом фотосъёмки медведей в Северной Америке. Каждый год он проводил два-три месяца в фотоэкспедициях на Аляске и в Канаде.

Тимоти Тредвелл и его подруга Эми Хьюдженард были убиты бурым медведем на полуострове Катмай, на Аляске, 6 октября 2003 года.

В 1994 году я повстречался с Виталием Николаенко. Это был крепкий живой мужичок, не расстававшийся с камерой и поражавший всех своей экспрессией. Фотографии бурых медведей, сделанные им на Камчатке (а там он жил прямо в самой Долине гейзеров), поражали ещё больше. Особенно те из них, которые он сделал на заре своей фотографической карьеры, – широкоформатные чёрно-белые снимки. Что-то в них было такое...

«Виталий, – осторожно спросил я его, – а вы медведей не боитесь?» «Да ты что! Я с этими медведями, считай, вырос вместе! Потом, почти всегда можно по глазам зверя увидеть, что он задумал, побежит он от тебя или внимания не обратит... Или, наоборот, заинтересуется. Это, можно сказать, кожей чувствуешь».

Виталий Николаенко был убит медведем во время фотосъёмки в декабре 2003 года.

За период с 1993 года при съёмках медведей в дикой природе погибло 12 профессиональных фотографов и лиц, их сопровождавших. Это больше, чем их погибло при съёмках тигров, леопардов, львов и акул, вместе взятых.

Тогда, на Аляске, во время нашего общения, я почти поверил Виталию. Дело в том, что сам я вырос в экспедиционном лагере на реке Анадырь и изучал медведей к тому времени одиннадцать лет. Я хорошо понимал, о чём он говорил. Угрюмый пронизывающий взгляд глубоко посаженных медвежьих глазок иногда может поведать гораздо больше, чем самое устрашающее рычание.

Позже мне пришлось наблюдать самому профессиональные фотосъёмки.

Дело в том, что, подобно аляскинским коллегам, я занялся сопровождением охотников и фотографов по Северо-Восточной Сибири. Мне приходилось сопровождать экспедиции «Би-Би-Си» и Новозеландского телевидения, японские телекомпании и просто людей, которые хотели запечатлеть медведей в дикой природе.

К тому времени мне приходилось фотографировать медведей самостоятельно, и на первый взгляд проблема не представляла собой ничего сложного. Теоретически... А на практике...

Только как-то раз, сопровождая другого человека на фотоохоте, я начал понимать, со сколькими проблемами сталкивается гид во время видеофотосъёмок диких животных.

Медведей на побережье Охотского моря было немерено.

Безусловно, фотоохота сложнее и опаснее, нежели охота вообще. Для удачного выстрела вам достаточно подвести стрелка на расстояние в сто, а при благоприятном раскладе и даже двести метров от медведя (ни один уважающий себя проводник не даст клиенту стрелять по зверю с большей дистанции). Для удачного снимка к зверю надо подойти не меньше чем на тридцать метров, а лучше – вдвое ближе. Погода, освещение и поза зверя для стрельбы практически не имеют никакого значения (пуля дырочку найдёт), в то время как для съёмок эти параметры имеют абсолютный приоритет.

Очевидно, что подойти на качественный «фотовыстрел» к медведю довольно сложно. (Эта работа содержит ряд специфических ноу-хау, и я не буду распространяться о них в этой публикации.) Но существует одна проблема, которая является гораздо более важной, – с медведем после съёмок необходимо корректно разойтись.

Никогда не забуду, как шведский фотограф Бьорн Эглунд (к слову, Бьорн по-шведски означает «медведь»), работавший до сих пор исключительно в зоопарках, подошёл вместе со мной к не очень большому медведю на расстояние чуть больше двадцати метров.

Бурый медведь упоённо ловил рыбу, «Медведь» Эглунд с упоением эту рыбалку снимал, и тут... кончилась плёнка. Бьорн, по своей зоопарковской привычке, ничтоже сумняшеся, поднялся в полный рост и включил обратную перемотку на своём «Никоне»!

И едва только он показался из травы, нависшей над берегом, под которым медведь котил очередную горбушу, зверь переменялся.

Даже не поднимаясь на дыбы, он стал чуть ли не вдвое крупнее (у медведей есть такая особенность – шерсть становится дыбом, и мишка «раздувается» прямо на глазах), мгновенно развернулся мордой к человеку (тот, кто не видел этого, не может оценить быстроты и изящества этого пируэта). Потом поднял шарообразную голову и, практически не разжимая пасти, утробно рывкнул так, что до нас почти докатилась волна упругого воздуха.

Ещё где-то секунды две он продолжал смотреть на нас недобрыми чёрными глазками, после чего презрительно фыркнул, развернулся и, не торопясь, перебрёл ручей, после чего исчез в зарослях.

Только после этого я отнял от плеча двустволку 12-го калибра, дула которой следили за зверем с начала того самого грациозного пируэта...

До сих пор я считаю, что медведь не бросился на нас по одной простой причине. В то время, когда он стал увеличиваться в размерах, я стал прямо за спиной фотографа и, буквально подперев того плечом, прошипел в ухо интернациональное слово «Стоп».

Мы не побежали. И, возможно, это остановило зверя от немедленного броска в нашу сторону.

Некоторые мои знакомые, сопровождавшие фотографов, не скрывали, что им не раз и не два приходилось убивать зверей во время съёмки. Иногда нападение провоцировало резкое движение, иногда – взмах руки и даже крик.

Один из гидов комментировал это следующим образом.

«С медведем весом больше двухсот килограммов я на дистанциях ближе десяти метров не спорю. Сунулся в мою сторону – кладу на месте. Неприятно, конечно. Но лучше пережить угрызения совести, чем не переживать вообще ничего за отсутствием жизни».

На моём собственном опыте я знаю, как трудно предсказать поведение этого зверя, когда он неожиданно обнаруживает вас в пятнадцати метрах от себя.

Работая с фотоохотниками и охотниками, я сформулировал несколько позиций в виде памятки, которую перевёл на английский язык и под расписку раздавал клиентам.

Пунктов в ней было совсем немного.

1. Необходимо беспрекословно повиноваться проводнику, ответственному за вашу безопасность. В случае несоблюдения этого условия договор на проведение тура аннулируется в лагере, под ответственность старшего тура, и клиент вывозится с территории обитания бурого медведя в течение суток. Оплата проведения тура при этом не возвращается. (Естественно, аналогичный пункт значился в договоре туробслуживания.)

2. Бурый медведь – ХИЩНИК, который из-за большой массы ВЫНУЖДЕН использовать растительную пищу. При избытке и доступности животной пищи он переходит на неё.

3. Бурый медведь ударом лапы способен пробить борт дюралевой лодки, порвать 8 мм железную проволоку и зубами прокусить стволы гладкоствольного ружья.

4. Бурый медведь на рывке достигает скорости в 50 километров в час, причём берёт её с места. За 1 секунду он преодолевает более 10 метров!

5. Если медведь по-настоящему собрался вас съесть, он вас съест.

6. Самый маленький медведь способен справиться с самым большим человеком.

Как вы думаете, какой пункт этой памятки производил на гостей наибольшее впечатление?

Конечно, первый!

В чём заключается феномен медведя как опасного зверя? (А в том, что он существует, ни у кого из людей, имеющих дело с медведем как объектом бизнеса – фото– и видеосъёмки, трофейной охоты, отлова, – не возникает.)

Феномен медведя как зверя, по мнению многих обывателей, потенциально добродушного и безвредного, уходит корнями в относительно современные детские сказки: английские – про Винни-Пуха, немецкие – про Бумми, американские – про Йоги. Лично мне кажется, что эти сказки задолжали человечеству как минимум несколько сотен жизней – тех, кто попробовал перенести их обаяние на реального бурого медведя: недоброго и угрюмого таёжного отшельника.

Кстати, исторические оригиналы народных сказок рисуют медведя (в частности, бурого) достаточно несимпатичным, вероломным и пакостным зверем (обратимся к сборникам Александра Афанасьева) – именно таким он казался в исторические времена людям, которые жили с ним бок о бок.

На самом деле немного зверей кажутся столь милыми и очаровательными, как маленькие медвежата. Другое дело, в кого они превращаются, достигнув трёхлетнего возраста.

В качестве иллюстрации можно заметить, что именно медведи-самцы целенаправленно строят своё питание на ловле собственных детей – как раз этих очаровательных медвежат – в местах медвежьего изобилия.

Восприятие медведя как ближайшего родственника милых друзей нашего детства и содействует смягчению эффекта неумолимой опасности, который присутствует обычно при встрече с каждым диким зверем, по размерам, приближающимся или превосходящим человеческие.

Но существует ещё один феномен, не менее опасный при общении с этими животными. Это появление иллюзии «понимания» дикого зверя, некая псевдоинтуиция, которая порой

посещает именно тех людей, которые проводят в дикой природе много времени, постоянно общаясь с животными.

Когда мне кто-нибудь говорит, что он встречал медведей в дикой природе двести с лишним раз, будучи без оружия, и все двести раз они расходились без признаков агрессии со стороны медведя, знаете, что я отвечаю?

«Когда-нибудь всё случается в первый раз. И здесь этот „первый“ может оказаться и последним».

Рискну заметить, что НИКТО не в состоянии заглянуть в черепушку глядящему на тебя бурому гиганту, будь вы хоть самым экстрасенсом. Для людей, утверждающих обратное, прошу на секунду отвлечься от ситуации с симпатичным мишкой и подумать о тех, кто существует совсем рядом с нами. Много ли вы знаете о «тараканах» в голове вашего непосредственного начальника? И почему вам кажется тогда, что медведь лучше него?

Стоит прислушаться к мнению тех, кто проводит с медведями бок о бок многие дни и даже месяцы, – служителей зоопарков в так называемых медвежатниках. Все они считают своих подопечных наиболее непредсказуемыми и соответственно опасными крупными хищниками.

В последние десятилетия bearwatching, т. е. наблюдение за медведями, стало довольно популярно во всём мире. Тысячи людей приезжают на Катмай, Юго-Восточную Аляску или в Денали-парк с тем, чтобы увидеть и сфотографировать этого зверя в дикой природе. И во всех этих местах территории для наблюдения за медведями жёстко ограничены, правила поведения людей строго регламентированы... Да что там говорить – согласно инструкции Департамента рыбы и дичи каждый человек, занимающийся исследованиями медведей в дикой природе на Аляске, обязан иметь при себе две единицы оружия: длинноствольное – калибра не менее 0.30; короткоствольное – калибра не менее 9 мм. (Когда мы заканчивали наш полевой сезон 1994 года в Аляскинском хребте, то, выгружаясь из вертолёта, напоминали скорее банду махновцев, чем исследовательскую группу.)

Мой собственный опыт общения с этими животными тоже позволяет считать, что только огнестрельное оружие, способное остановить зверя на месте, может, так сказать, регулировать развитие опасных случаев. Претензии, что это приведёт к поголовному истреблению зверей в особо медвежьих местах, априори не принимаются. Дело в том, что ни один вооружённый проводник не стремится к уничтожению тех зверей, которые приносят ему заработок. Но при этом именно с помощью оружия он способен эффективно управлять ситуацией.

И наконец, попытка найти ответ на извечный русский вопрос: «Что делать?».

С моей точки зрения, необходимо ввести сертификацию гидов (проводников), работающих в области наблюдения и фотографирования диких опасных животных. В курс подготовки должно в первую очередь входить не владение оружием, как могло бы показаться из моего резюме, а стажировка в особо охраняемых территориях, где человек получит необходимые навыки общения с этими зверями – под руководством егерей, охотоведов, лесников, постоянно работающих с медведями.

В заключение я хочу сказать, что всем героям настоящей главы я высказываю свои искренние соболезнования. Как людям. Но не как профессионалам работы с крупными и опасными зверьми. Своим поведением в этой работе они породили много опасных иллюзий, которым последуют другие.

И так же кончат.

Анатолий Кочнев, исследователь, многие годы изучавший белых медведей на острове Врангеля, – принципиальный противник всяческого оружия. При этом, я должен сказать, он – безусловный рекордсмен по общению с Умками. В значительной степени он обязан этим званием системе заповедников РФ и царящему в ней бардаку. Его забывали на полгода

в ветхой избушке возле косы Руддера, рядом с сотнями трупов моржей, на которых кормились десятки полярных мишек. Они ломились к нему в жилище, выбивали из рук фотоаппарат, хватали зубами за рукава. «Я сам чувствую себя немного медведем, – объясняет мне Анатолий. – Я знаю несколько приёмов (тут он издаёт довольно мерзкое шипение), которые позволяют мне держать их на расстоянии. Вот это шипение, например, – индикатор угрозы. Медведи опасаются его и не подходят к тебе близко».

Я пожимаю плечами.

Анатолий Кочнев до сих пор жив...

Заключение

Завершаю я эту книгу с чувством тревоги. В прошлом году на северо-востоке Сибири медведи по разным причинам убили пять человек. А совсем недавно в хабаровский госпиталь привезли мальчика, которого оскальпировал медведь, живший в клетке на автостоянке. Я не тешу себя в надежде, что, напечатав некую книгу, мне удастся сократить число людей, убитых медведями, и медведей, убитых людьми. Напротив – сегодня наша жизнь такова, что в Восточной Сибири людей становится всё меньше и меньше, а медведей – всё больше и больше. Всё чаще и чаще будут встречаться они с человеком. Каток цивилизации на Севере покатился вспять, и нам доводится быть свидетелями этого процесса.

Выпотрошенные бетонные коробки цехов и фабрик, размытые дороги и врастающую в лишайники колючую проволоку – вот что мы оставляем после своего отступления с Севера. И, словно любая отступающая армия, мы пытаемся напоследок урвать с него последний кусок, не считаясь ни с какими законами. Рыбаки и рыбадрозоры одинаково напоминают вооружённые банды, и Север – единственный, кто не в состоянии защитить себя от бульдозеров, сетей и выстрелов осатаневшей вольницы. Так что медведи остаются сегодня настоящими древними хозяевами востока России.

Они сумели здесь сохраниться во времена овчарок и автоматчиков, они выжили, когда за их мохнатые уши полупьяные охотоведы платили премии, они убереглись, даже когда во время разгула дикого капитализма люди пытались на них разбогатеть. Они выжили – и у них появился шанс выиграть эту землю у завоевателей.

И когда вымерзнут некогда могущественные северные города, когда отдельные племена туземцев будут и впредь бороться с алкоголизмом, сифилисом и туберкулёзом, когда вертолёт над тундрой будет восприниматься большим событием, чем выход космонавтов в открытый космос, – вот тогда на холодных просторах Восточной Азии пробьёт «время медведя».

Долго ли будет продолжаться это время – кто знает? Возможно, люди вернутся сюда в эпоху потепления климата, но это будут другие люди и другая земля. И трудно сказать, как сложатся их взаимоотношения с другими хозяевами этой земли. Тут уж невозможно что-либо предсказать.

Однако кроме вымирающих посёлков аборигенов и отдельных горно-обогатительных фабрик, куда вахты будут возить с материка самолётом, здесь останутся люди, которым, как всегда, не будет места в метрополии. Люди, у которых нет угла ни на Украине, ни в Подмосковье. Люди, которые хотят и будут жить здесь наперекор любой безумной власти.

Их будет очень мало, этих людей. Их всегда мало.

Но это именно те люди, которые способны творить чудеса.

Эти люди выращивали в теплицах розы в Заполярье – теперь они будут выращивать там огурцы и помидоры. Эти люди способны сделать самолёт из снегохода, а ездить – на самогоне, смешанном с соляркой. Они не уйдут отсюда – им некуда и незачем уходить. Они здесь на своём месте.

Именно этим людям суждено встретить «время медведя».

Моя книга написана для них.

Приложения

Приложение 1 Медведи в фольклоре

Наверное, одно из самых древних и романтических преданий, относящихся к медведям, связано с широко известным созвездием Северного полушария. По легенде, Диана изгнала из своего леса нимфу Каллисто, обещанную Юпитером. Ревнивая Юнона превратила Каллисто в медведицу, но Юпитер вознёс её на небо вместе с её сыном Аркадом в виде созвездий Большой Медведицы и Волопаса.

Интересно, что канадские эскимосы тоже нашли место для медведей на звёздном небе. Вот как, по их мнению, это произошло.

Созвездие Удлегдьюн (Легенда эскимосов Канады)

Три охотника, отправляясь на медведя, взяли с собой маленького мальчика. Когда их собачья упряжка достигла моря, охотники увидели медведя и начали его преследовать. Несмотря на то что собаки были у них очень быстрыми, охотникам никак не удавалось приблизиться к медведю. Преследуя зверя, они вдруг увидели, что медведь поднимается ввысь и сани их тоже поднимаются вслед за медведем. В этот момент мальчик потерял одну из своих рукавиц, наклонился, чтобы схватить её, и сам выпал из саней. Когда он поднял голову вверх, то увидел, что сани с охотниками уносятся вслед за медведем в небо, и вдруг все они превратились там в звёзды. Медведь превратился в звезду Нанугдьюнг (Бетельгейзе в созвездии Ориона. —М. К), охотники – в созвездие Удленгдьюн (Пояс Ориона. —М. К), а нарты – в созвездие Камутигдьюнг (Меч Ориона. —М. К.). Так до сих пор охотники гонятся в небе за медведем.

А мальчик возвратился в селение и рассказал, как он отстал от охотников.

Существует обширный цикл сказок, в которых главным героем является полумедведь-получеловек. Так, герой латышского эпоса, богатырь Лачплесис...

«...в лесу дремучем / Был рождён медведицей; / Там отец его, отшельник, / Жил, храним бессмертными. / Лачплесис медвежьи уши / От косматой матери / С богатырской дивной силой / Вместе унаследовал. / Если кто-нибудь сумеет / Уши отрубить ему, / В тот же миг его покинет / Сила непомерная...»

В российском варианте (сказка называется «Про Ивана Медвежье Ушко») дело происходило так:

«Жил поп. У попа была попадья очень красивая, и ходил медведь, и три года на неё зарился. На четвёртый её и увёл. Вот жить им, жить – родился сын, нарекли именем: Иван Медвежье Ушко. Иван Медвежье Ушко растёт не по дням и часам, и вырос он большой, и говорит матери: „Что же, мама, у нас тятенька мохнатый, а мы не мохнатые?“ „А то, что, Ваня, мы русские, а он зверь лесовой“. „Пойдём-ка матушка, на Святую Русь!“ Она же говорит: „Где же нам уйти на Святую Русь? Он нас съест!“ Насушили сухариков и пошли. Мать идёт впереди, а Иван сзади. Он ей все ноги обтоптал. Медведь бежит следом и рычит: „Съем! Сына вырастила и ушла! Добегу – съем!“ Этот, Иван Медвежье Ушко, сзади шёл. Медведь налетел, он, Иван, взял медведя за ушко, – туловище вылетело, а шкура в руках у Ивана Медвежьего Ушка осталась. Вот он и говорит: „Куда, мама, эту шкуру нести?“ „Неси, сынок – говорит, – дают за неё денежки белые, денежки серебряные“. Вот они пришли к попу в сад. Поп и увидел их. Она яблони сгибает, яблоки летят, а Иван Медвежье Ушко деревья сгибает да с корнем воротит. Она и говорит: „Почто ты яблони выворачиваешь?“ „Да я вижу, что ты сгибаешь, и я сгибаю“. Поп увидел их, узнал жену, поздоровался с ними. Иван Медвежье Ушко стал жить-поживать у попа, стал ходить на улицу, играть с ребятами. Кого за голову схватит, голову оторвёт, ногу схватит – ногу оторвёт, руку охватит – руку оторвёт. Всех соседских ребят изуродовал. Стали соседи ходить к попу жаловаться. „Что же у тебя сын за вольница? Всех ребят изуродовал“. Иван Медвежье Ушко видит, что дело неладно, и говорит: „Папенька с маменькой! Скуйте мне в 30 пудов палицу!“ Вот он вышел в поле, в широкое раздолье. Кинул палицу – улетела палица под небеса. Схватил, переломил её, пошёл домой, плачет.

„Папенька и маменька! Вы надо мной насмехаетесь! Скуйте мне ещё раз в 60 пудов палицу!“ Вышел в поле, широкое раздолье, схватил, опять переломил. Идёт опять и плачет: „Ах, папенька с маменькой! Вы надо мной насмехаетесь! Дайте денежки, что за кожу выручены, я сам скую“. Вот он и пошёл к кузнецу. Сковал в 90 пудов палицу. Вышел в чистое поле, широкое раздолье, выкинул палицу, схватил – не переломилась. „О, это по мне дубинка!“».

И ещё пятьдесят страниц подвигов в этом роде.

Похожий мотив присутствует и в фольклоре столь далёких от славянских стран азиатских эскимосов. В легенде «Приёмыш» рассказывается, как медведица загрызла беременную женщину и воспитала её ребёнка, который, естественно, вырос здоровенным богатырём. В чукотской сказке «Медвежьи ушки» также развивается уже упоминавшаяся в других легендах идея близости медведя и человека (женщины), которая сама по себе подразумевает родственные связи между людьми и медведями в более общем, натурфилософском смысле. При этом в ней сохранён уже упомянутый лейтмотив о богатыре с медвежьими ушами.

Медвежьи ушки

Пошли женщины за растениями в тундру. Далеко ушли. Стали выкапывать корешки, собирать растения. Увидели медведицу. Подошла к ним медведица. Испугались женщины, побежали. Одна девушка не успела убежать. Медведица повела её в берлогу-ярангу. Женщины прибежали домой, рассказали, как девушку увёл медведь. Охотники пошли искать её, но не нашли. Оставила медведица девушку в берлоге-яранге, а сама пошла за братом-медведем, привела его. Стали они жить вместе. Женщины хозяйством занимаются, еду готовят.

Муж-медведь на охоту ходит. Родился у них медвежонок, а потом сын с медвежьими ушками. Живут дружно. Женщина шкуры выделывает, детей растит. Медведица во всём ей помогает. Муж-медведь охотится, семью кормит. Пошли искать дочь старые родители. Найти не могут. Встретили лисичку, всё ей рассказали. Она обещала помочь. Пошли за лисичкой старики, привела она их к берлоге-яранге. Дочь и муж-медведь встретили их. Хорошо встретили медведи стариков, покормили. Повидали они дочь, внуков, погостили недолго и собрались домой. Медведь пошёл их проводить, довёз до дому. Лисичка пошла с ними. Около посёлка старики простились с медведем, взяли подарки и пошли домой. Рассказали всем, что видели. Лисичка осталась с ними жить. Всё.

У канадских эскимосов в их «Сказке о медвежонке» обыгрывается противоположный сюжет – как женщина усыновила медвежонка, который кормил её в старости мясом своих собратьев. В эскимосской легенде «Младший сын» бурые и белые медведи сторожат жилище людоедов. По преданию аляскинских эскимосов, медведи, как и другие хищники, были сотворены Вороном, создавшим мир для устрашения человека и травоядных животных.

Откуда появились медведи (Сказка эскимосов Аляски)

Много-много лет тому назад на берегу Ледовитого океана эскимосская женщина родила двойню. У женщины уже было несколько ребят, а эти близнецы были необыкновенными. Один из них весь, с головы до ног, был покрыт длинной снежно-белой шерстью, а второй – пушистым коричневым мехом. Близнецы не были похожи на обыкновенных детей, и мать не захотела держать их дома, унесла подальше от своего иглу и там оставила. Когда мать удалилась, ребёнок, покрытый белой шерстью, поднялся и побежал к берегу, а потом зашагал по замёрзшему морю. Второй ребёнок, покрытый коричневым мехом, отвернулся от моря и пошёл вглубь суши, к горам. Вот так устроили они свою жизнь. Однако эскимосы не называли их людьми. Они называли их Нанук – то есть медведь.

Но несмотря на это, многие эскимосы считают, что медведи – их двоюродные братья. А причина такова.

Как-то один из охотников зашёл по льдинам слишком далеко в открытое море. Внезапно поднявшийся тёплый ветер оторвал льдину и унёс охотника далеко от берега. Много дней охотнику пришлось странствовать по бурному морю, перескакивая с одной льдины на другую. Когда он был уже до полусмерти измучен голодом и усталостью, встретил белого медведя. Зверь смотрел на охотника приветливо и – что самое удивительное – говорил человеческим голосом. Он разыскал пищу для заблудившегося охотника и остался при нём, не дал ему погибнуть.

Когда ветер прибил льдину к берегу, охотник попросил у медведя какую-нибудь вещь в подарок. Медведь поднял свой мех, под ним была одежда, такая же, как у эскимосов, он вынул из своих муклюков шнурок и подарил его охотнику. Эскимос поблагодарил за это, а медведь ушёл обратно во льды.

Когда охотник возвратился в своё селение, он рассказал о своём приключении, но ему никто не поверил. Тогда он вынул шнурок, подаренный медведем. Никто из собравшихся не видывал такого шнурка и не мог также понять, как он был изготовлен и выдублен. И после этого все поверили, что охотник говорил правду.

Десятилапый медведь, известный на нашей стороне Берингова пролива как кьочатко, также присутствует в мифологии американских эскимосов. Только там это не постоянно действующее лицо, а эпизодический персонаж, которого в конце концов убивает некий смельчак. Довольно много в преданиях эскимосов Аляски говорится о «красных медведях», которые на поверку оказываются медведями бурыми, скорее всего – тундровыми гризли. Их происхождение объясняется на этот раз следующей причиной.

О красном медведе

В тундре южнее устья Юкона жил когда-то мальчик-сирота со своей тёткой. И больше никого в тех местах не было. И вот однажды летом сел мальчик в каяк и поплыл, чтобы посмотреть, как живут по Юкону люди, о которых он знал только из рассказов тётки. Когда достиг реки, поплыл вверх по её течению и достиг большого селения. Вышел он на берег, а местные жители сбегались, поймали его, поломали каяк на мелкие кусочки, сорвали с мальчика одежду и крепко побили. В этом селении держали мальчика до конца лета, всячески обижая. И только осенью один мужчина пожалел, построил каяк и отпустил мальчика домой. Прибыв на место, мальчик увидел, что вокруг жилища его тётки выросло целое селение. А когда он появился перед тёткой, та пришла в ужас от его вида: племянник был худ, как скелет, после длительной голодовки и побоев. Когда тётка наконец его узнала и немного успокоилась, он рассказал ей о том, что пришлось ему пережить. Но рассказал он об этом скорее с сожалением, чем с ненавистью. Тётка приказала мальчику принести кусок дерева. Он принёс, и они вдвоём вырезали из дерева маленького зверя с длинными зубами и острыми когтями, покрасили его красным по бокам и белым – по шее. Потом отнесли фигурку зверя на берег залива и опустили в воду. Тётка приказала деревянному зверю пойти в дальнейшее селение, в котором так долго держали её племянника, и убить каждого, кого встретит.

Однако зверь не двинулся с места, тогда женщина вынула его из воды, хорошенько поругала и снова посадила в воду, сказав: «Теперь иди и поубивай злых людей, которые били моего мальчика». Как только она произнесла эти слова, зверь задвигался, переплыл залив и там начал на глазах расти. И вскоре вырос красный медведь-великан. Медведь осмотрел себя, потом ещё раз посмотрел на женщину, которая всё ещё приказывала, чтобы он никого не щадил, и двинулся вперёд. Долго шёл красный медведь, пока добрался до селения над большой рекой. Встретился ему мужчина, который шёл за водой, он его разорвал. Потом рыскал по селению, пока не уничтожил более половины его жителей. Те, кого смерть миновала, собирались покинуть селение. А красный медведь тем временем поплыл по Юкону, добрался до реки Кускоуим и начал уничтожать всех, кто попадался. После этого он возвратился на берег залива, где был создан тёткой и племянником. Увидев людей на берегу, медведь стал устрашающе реветь и поплыл к селению. Жители, завидев это, ужасно перепугались и стали кричать: «Прибыл пёс старой бабы, он нам всем смерть несёт! Скажите этой женщине, чтобы она попридержала своего пса!» Наконец нашли женщину и послали её навстречу медведю. Женщина схватила его за шерсть на спине и сказала: «Оставь этих людей в покое, они всегда относились ко мне дружелюбно и давали есть, когда я была голодна». Потом повела его к себе домой, посадила там и сказала: «Ты хорошо выполнил моё приказание, однако больше не нападай на людей, разве только в том случае, когда они будут тебя обижать». Сказав это, она вывела его за дверь и выгнала в тундру. Вот откуда там появились красные медведи.

Красные медведи (а их можно, скорее всего, отождествить с медведями Ричардсона) появляются ещё в нескольких эскимосских сказаниях. В частности, в одном из них фигурирует некоторая женщина Такука, которая от горя превратилась в красную медведицу и стала разрывать всех встречающихся по дороге людей, в том числе и собственных детей. В другой легенде, у канадских эскимосов, даётся объяснение тому, почему белый медведь иногда агрессивен по отношению к человеку. Эта версия связывается у эскимосов с идеей о происхождении жизни вообще, и легенда так и называется:

О происхождении жизни

В старые времена, когда землю ещё покрывала вода, люди питались тем, что находили на поверхности моря. Однако в конце концов вода отступила – и из морских растений возникли земные деревья, кустарники и травы.

Одна женщина, потерявшая мужа, жила среди чужих людей. А эти люди как-то решили перенести своё селение на отдалённый мыс. Женщина, которая кормилась тем, что иногда ей давали из милости охотники, стала им в тягость, и решили они избавиться от неё. Они уложили в лодку все её вещи, а когда вышли в открытое море, столкнули женщину в воду. Она изо всех сил ухватилась за края лодки, но люди отрубили ей пальцы. Пальцы, упав в воду, превратились в животных: большой палец – в моржа, указательный – в тюленя, а средний – в белого медведя. Женщина призвала их отомстить за обиду. Когда первых два зверя видят человека, они убегают, боясь, чтобы с ними не случилось того, что и с женщиной.

Белый медведь чувствует себя хорошо как на суше, так и в море. Но когда видит человека, то бросается на него, желая отомстить за ту женщину, из пальца которой возник.

Все мы с детства помним то неповторимое место, которое бурый медведь занимает в русских народных сказках.

Надо сказать, что в подавляющем их большинстве мишка обрисован без особой симпатии. Медведь запугивает мужиков, берёт в полон детей, ломает постройки и вообще склонен наносить всяческую поруху. Ещё счастье, что он недостаточно сообразителен и тугодум, зачастую действует по принципу «сила есть – ума не надо», что даёт возможность народному герою компенсировать находчивостью звериное физическое превосходство. Однако даже это иногда не удаётся, и в чистом фольклорном варианте сказка далеко не всегда заканчивается хорошо – зачастую хеппи-энд она приобретает только в литературной обработке. Вот одна из сказок, записанных в Вологодской области А. Н. Афанасьевым. Она так и называется:

Медведь

Жили-были старик да старуха, детей у них не было. Старуха и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошёл по дрова; попал ему навстречу медведь и рассказывает: «Старик, давай бороться». Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушёл домой с лапой и отдал старухе: «Вари, старуха, медвежью лапу». Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на неё и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться. Медведь ревел, ревел, надумался, да и сделал себе липовую лапу; идёт к старику на деревяшке и поёт: Скрипи, нога,

Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по сёлам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шёрстку прядёт,
Моё мясо варит,
Мою кожу сушит.

В те поры старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под чёрные рубахи. Медведь взошёл в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашёл их, взял да съел.

Б. А. Рыбаков считает, что здесь перед нами отрывок весьма архаичного фольклорного произведения, в котором, по всей вероятности, пропущены какие-то звенья; осталось одно: лесной хозяин карает людей, использующих его отрубленную лапу в утилитарных целях – варят мясо, прядут шерсть, сушат кожу. Ещё две «стандартные» сказки на медвежью тематику.

Мужик и медведь

Приехал мужик в поле, стал пашню пахать. Вдруг вышел медведь из лесу – да к нему.

– Мужик, мужик, я тебя съем.

– Не ешь меня, медведь. Давай лучше вместе репу сеять. Как вырастет репа – разделим поровну.

– Ладно, – говорит медведь, – давай.

Вот вспахали они поле, посеяли репу. Выросла репа крупная да сладкая. Стали мужик и медведь делить репу. Спрашивает мужик:

– Ты, медведь, что себе возмёшь: вершки или корешки?

Медведь говорит:

– Вершки возьму.

– Ну, хорошо, будь по-твоему: бери вершки.

Отдал мужик медведю всю ботву от репы, а репу домой увёз.

Пожевал-пожевал медведь ботву – невкусно.

Пошёл он к мужику и говорит:

– Дай-ка мне корешки попробовать.

Дал мужик ему репу. Медведь съел и говорит:

– Э, мужик! Твои корешки сладкие, вкусные, а мои вершки горькие. Не буду больше вершки брать!

На другое лето посеяли мужик и медведь пшеницу. Славная выросла пшеница. Принялись они жать, медведь и говорит:

– Ну, мужик, давай мою долю, да смотри – без хитрости.

– Хорошо. Говори – что теперь возмёшь?

– Давай корешки.

Мужик не стал спорить. Взял себе вершки, а медведю оставил корешки. Вот мужик намолотил пшеничной муки, напёк пирогов, сидит да ест. А медведь приволок в свою берлогу корешки, стал их жевать. Жевал-жевал, не мог разжевать. Понял он, что опять не то выпросил. Досадно стало медведю. Перестал он вместе с мужиком землю пахать.

Про медведя

Жили-были бабушка и две внучки – Маша и Даша. Собралась Даша в лес по ягоды, по свежие грибы. Вот бабушка и говорит:

– Ты, Дашенька, далеко не ходи, от тропочки не беги, через пни-колоды не перескакивай, а то, смотри, заблудишься.

– Хорошо, – Даша говорит.

Пошла Даша в лес. Идёт – ягодку за ягодкой щиплет, песню поёт. Да и не заметила, как от тропочки ушла, в дремучий лес зашла, стала через пни-колоды перескакивать. Сидит кукушечка на высоком дубу, на сухом суку.

– Ку-ку! Ку-ку! Иди, девочка, в левый бок!

Пошла девочка в левый бок. Откуда ни

возьмись, вдруг выскочил, откуда ни возьмись, вдруг выпрыгнул Мишка-медведь, Михаил Иванович. Схватил Дашу в охапку – и бежать! Бежал, бежал, прибежал в свой дом. А дом у него большой-пребольшой, богатющий... В подвале не пусто – репа, капуста, грибы сухие, соты медовые. В клетки добро – пух и перо, шерсть овечья, шуба человечья. Принёс медведь Дашу в хоромы и говорит:

– Вот хорошо, мне уже давно хозяйюшка нужна. Будешь жить, мне рукавицы шить, топить печь да пироги печь. А я на охоту буду ходить, еду приносить.

Плачет Дашенька, а медведь ей мёду, орешков, ягод притащил – утешает. Ну, Дашенька поплакала и спать легла. Утром Мишка-медведь её разбудил.

– Ну, – говорит, – я на охоту иду, а ты щи свари, да мне одеяло сотки.

Миша ушёл, а Даша за дело принялась. Да всё у неё дело не клеится, всё из рук валится. Стала щи варить – воду через край пролила, печь затопила – всю избу задымила. Села ткать – нитки рвать, узелки вязать. Пришёл вечером Мишка домой. Изба чёрным-черна, окна не видать, щи без соли, каша горькая. Стал Мишка спать ложиться. Новым одеялом укрылся, да как вскочит!

– Это что, да это как? Не одеяло – дерюга! Покололо мои ноженьки, поцарапало мои плечики. Ах ты, эдакая нерадивая, ленивая, неряшливая! Иди в подвал, там сиди, репу перебирай, капусту считай!

Да и запер Дашу в тёмный подвал.

А бабушка да Маша искали-искали Дашу, да искать перестали. Ну вот, ладно, хорошо. Время прошло. Стала Маша в лес по ягоды собираться. Бабушка ей и говорит:

– Ты, Машенька, далеко не ходи, от тропочки не беги, через пни-колоды не перескакивай, а то, смотри, заблудишься.

– Хорошо, – Маша говорит.

Пошла Маша в лес. Идёт – ягодку за ягодкой щиплет, песню поёт. Да и не заметила, как от тропочки ушла, в дремучий лес зашла, стала через пни-колоды перескакивать. Сидит кукушечка на высоком дубу, на сухом суку.

– Ку-ку! Ку-ку! Иди, девочка, в правую сторону!

Повернула Маша в правую сторону. Откуда ни возьмись, вдруг выскочил, откуда ни возьмись, вдруг выпрыгнул Мишка-медведь, Михаил Иванович. Схватил Машу в охапку – и бежать! Бежал, бежал, прибежал в свой дом.

– Вот – говорит, – хорошо, мне уже давно хозяйюшка нужна. Будешь жить, мне рукавицы шить, топить печь да пироги печь. А я на охоту буду ходить, еду приносить. Я сейчас на охоту пойду, а ты щи свари да и мне одеяльце сотки!

И ушёл. Стала Маша по дому похаживать, стала Маша в клеть, в подвалы заглядывать. А в клетки добро – пух, перо, шерсть овечья, шуба человечья. А в подвале не пусто – репка, капуста, грибы сухие, соты медовые. И Дашенька там, и сестричка там! Обрадовались девушки, плачут.

– Ну, – Маша говорит, – ты, сестрица, здесь сиди, а я уж надумаю, как нам от беды избавиться.

Пошла Маша в избу, взялась за дело. Щи сварила, кашу упарила, избу подмела да и ткать села. Ткёт – нитку в нитку кладёт, рукой прихлопывает. Пришёл медведь, а в избе светло, чисто, щи жирные, каша жаркая.

– Ай, – говорит, – ну и умница! Ай, – говорит, – ну и разумница!

Стал Миша спать ложиться, новым одеялом укрылся, да и говорит:

– Ну и одеяльце соткала! Легко, как пух, жарко, как печка! Тепло моим ноженькам, жарко моим плечикам!

И заснул. А Маша Дашу накормила и спать на печке уложила. Утром Мишенька встал да и говорит:

– Чем мне тебе, девушка, угодить? Проси у меня чего хочешь.

А Маша ему:

– Ничего мне не надобно, Михаил Иванович, – снеси только бабушке гостинца. – Я пирогов испеку, в мешок уложу, а ты снеси да у порога брось. Только смотри, в мешок не заглядывай, гостинцев не трогай. Я на крыше буду сидеть, на тебя глядеть.

– Хорошо, – медведь говорит.

Вот Михаил Иванович пошёл на охоту, а Машенька пирогов испекла, посадила Дашу в мешок и сама села, пирогами закрылась. Пришёл медведь, видит – стоит мешок с гостинцами. Вскинул на плечи да и пошёл. Идёт – топ-топ-топ, ягоду топчет, траву приминает, сучья ломает. Пошёл дальше. Идёт – топ-топ-топ, ягоду топчет, траву приминает, сучья ломает. Устал, проголодался.

– Эх, – говорит, – теперь далеко от дома отошёл. Машенька не увидит. Сяду-сяду на пенёк, съем-съем пирожок!

А Маша из мешка то-о-оненьким голосом:

– Высоко сижу, далеко вижу! Не садись на пенёк, не ешь пирожок!

– Ну-ну, – Миша говорит, – как она далеко видит! Делать нечего, надо скорее мешок отнести да домой возвращаться. Уж дома поужинаю.

Побежал быстрёхонько. Добежал до бабушкиного дома. Бросил в ворота мешок, а сам наутёк. Вышла бабушка на крылечко. Глядит – мешок лежит! Развязала – пироги. Взяла пирожок, откусила, заплакала.

– Точь-в-точь пирожки, как Машенька пекла. Где-то мои внученьки, где-то мои девочки?

А девочки и выскочили:

– Вот мы, бабушка!

Вообще, подобный стереотип поведения очень характерен для сказочного медведя: «Пахал мужик ниву, пришёл к нему медведь и говорит ему: „Мужик, я тебя сломаюГ»; «Пришёл медведь к мужику на подворье и говорит ему: „Мужик, я тебя съем!“»; «Подошёл тихо медведь сзади к мужику да хватъ его дубиной по голове». Конечно, можно, вслед за составителем хрестоматии прозаических жанров русского фольклора В. Н. Морохиным посчитать, что в сказках о животных отражались реалии феодального мира, и медведь является воплощением хищного, не ограниченного властью человека, но определённые характерные черты зверя он всё-таки отражал.

Как простоватый и ленивый субъект медведь выступает и в чукотском фольклоре. Вот две чукотские народные сказки, записанные Г. Меновщиковым на восточном побережье Чукотки.

Как евражка и медведь норами поменялись

Однажды бурый медведь стоял на холме, а евражка (так называют на севере суслика. – М. К.) в это время пила воду у реки. Увидела евражка медведя и позвала его:

– Эй, медведь, иди-ка сюда!

Подошёл медведь к евражке, а она ему и говорит:

– V меня к тебе большое дело есть!

Удивился медведь:

– Какое же дело у тебя ко мне?

– Да вот задумала я с тобой жилищем поменяться.

– Ладно, – согласился медведь, – давай меняться. А где оно, твоё жилище?

– Вон там, на холме. А где твоё жилище?

– Вон там, на сопке.

Обрадовалась евражка.

– Пойду-ка я теперь в твоё жилище. А ты моё бери!

Пошёл медведь к норе евражки, евражка – в медвежью берлогу. Пришла к берлоге евражка, осмотрела её со всех сторон и запрыгала от радости:

– Ах, какое жильё я нашла! Ах, как хорошо теперь я буду жить!

А медведь пришёл к норе евражки и только нос туда засунул. Пыхтел, пыхтел – так и не смог залезть в её норку. Пошёл медведь к евражке. А она его и спрашивает:

– Зачем ты пришёл ко мне?

– Не смог я залезть в твоё жильё.

Рассердилась евражка:

– Не может этого быть! Ведь я-то влезла в твоё жильё!

– Ну, а я даже нос не смог просунуть в твою норку!

– Давай-ка померяем твой нос с моим!

Разлеглась евражка на носу у медведя

и говорит:

– Вот так диво: неужели же я такая маленькая, даже меньше твоего носа! Нет, не придётся нам домами меняться. Как же ты жить бы стал в моей норке! Прощай, дедушка, пойду-ка я домой.

Так и стали они жить каждый в своём жильё.

Медведь-лежебока

Однажды повстречал охотник бурого медведя и говорит ему:

– Здравствуй, медведь.

– Здравствуй, – отвечает медведь.

– Что нового?

– У меня ничего нет нового.

– А у тебя что нового?

– Вот на днях залягу спать, – говорит медведь, – ведь скоро снег выпадет.

– А когда же ты проснёшься?

– Весной.

– Это ты сейчас уснёшь и только весной проснёшься? – удивился человек.

– Да, я всю зиму сплю.

– Долго же ты спишь! – сказал человек. – Я сплю только по ночам, а днём работаю. Нарты чиню, пушнину добываю, рыбу подо льдом ловлю. А ты всю зиму спишь как убитый.

Стыдно стало медведю, что он такой бездельник, отвернул он морду в сторону и ушёл потихоньку.

Вопрос о взаимоотношении людей с медведями при родоплеменном строе обсуждается и в саамской народной сказке.

Тала-медведь и великий колдун

Повадился Тала-медведь вокруг стойбища ночью шататься. Ходит-бродит тихо-тихо, голоса не подаёт, за камнями таится-выжидает: авось глупый оленёнок от стада отобьётся или щенок за стойбище выскочит, а то и дитя человеческое выйдет.

Медведю всё – пожива. Однако как ни таись, а следы на снегу остаются – куда их денешь? Увидали матери те следы, говорят малым детям:

– Не смейте допоздна при луне с горки кататься. Тала-медведь близко. Схватит, в свою тупу унесёт, на обед задерёт.

Да разве же неслухи материнское слово слушают? В одно ухо вошло, в другое вышло. Поздно. Луна взошла, а они ещё с горки на санках катаются. Вылез из-за камня Тала-медведь, раскрыл свою кису – кожаную суму, растопырил её поперёк дороги, а сам в тени залёг. Покатились санки с ребятами с горки да со всего размаха в медвежью сумку влетели! Выскочил Тала, захлопнул створки, взвалил суму на плечи и пошёл домой. Идёт, пыхтит, радуется.

– Ух, ух, вкусный дух! Полну кису ребят несу.

Шёл, шёл, притомился, повесил суму на еловый сучок, сам под ёлкой лёг и захрапел. Висят ребята в суме, меж собой шепчутся:

– Что делать будем? Тала нас съест!

Один, самый маленький парнишечка, спрашивает:

– Есть ли у кого нитки, иголки?

– Есть, есть, у девчонок есть! – отвечают ему. Достал парнишечка складной нож из яры, распорол сумку, детишек на волю выпустил, приказывает:

– Живо камни таскайте, в суму кидайте!

Натаскали ребята камней, в суму накидали, и парнишечка туда залез. Велит:

– Теперь зашивайте и домой бегите!

Зашили дети суму и домой побежали. Проснулся Тала-медведь, потянулся, спрашивает:

– Все ли вы там в моей кисе живы?

– Все, все живы, – отвечает парнишечка.

Взвалил Тала кису на плечи – да так и сел.

– Охо-ох! Тяжелёхонько! Зато хватит вкусного мяса на обед и на ужин поесть!

Едва-едва дотащил Тала кису до дому. Залез на земляную крышу, кричит в дымовую дыру своей хозяйке медведице:

– Эй, Талакхе, готовь большой берестяной котёл, я много вкусного мяса принёс!

Повесила Талакхе над очагом большой берестяной котёл, воды налила, огонь развела.

– Готово, – кричит, – спускай мясо!

Тряхнул Тала кису, камни посыпались, котёл разбили, вода пролилась, огонь погасила. Дым столбом стоит. Взревела медведица, а Тала наверху не слышит. Ещё раз кису потряхнул, выскочил из неё парнишечка, сел в сторонке, в руку ножик зажал, ждёт, что дальше будет. Вошёл Тала в дом, на хозяйку рычит: почему котёл разбит, почему огонь погас, почему мясо не варится? А Талакхе ему и отвечает:

– Ах ты, старый пень! Зачем вместо мяса камни кидаешь?

Смотрит Тала – правда камни лежат. Почесал за ухом, говорит:

– Однако вон сидит один вкусный парнишечка. Давай хоть его сварим.

Тут парнишечка как чиркнет ножом о камень, так что искры посыпались, как закричит:

– Стой на месте, Тала-медведь! Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, мой дядька колдун, моя тётка колдунья, а я изо всех самый великий колдун. Это я из ребят камни сделал!

– Ух ты! – удивился Тала. То-то я ребят словил, а камни принёс. Не стану я варить тебя, великий колдун. Только ты за это из камней опять мясо сделаешь. Я голодный, моя жена Талакхе голодная, мой сын Талашка спит в люльке голодный.

– Что же, – говорит парнишечка, – это можно! Тащи большой медный котёл, тащи хворост, огонь разжигай...

Побежал Тала за медным котлом, побежала Талакхе за хворостом. А парнишечка камни из дома выкинул, один только себе оставил, выхватил из очага головешку, в тряпку завернул,

да поверх Талашки в люльку положил. Сидит, люльку качает. Прибежал Тала – принёс котёл, прибежала Талахке – принесла хворосту.

– Давай скорей ребят, будем обед варить!

Отвечает им парнишечка:

– Тут ваш сын Талашка заплакал. Пока я с ним возился, все ребята разбежались. Зато теперь крепко спит Талашка, – и показывает головешку в люльке.

Заревела Талахке-медведица, заревел Тала-медведь:

– Ой, беда! Загубил ты нашего сына Талашку, сделал из него головешку!

Чиркнул парнишечка ножом по камню, так что искры посыпались, закричал громким голосом:

– Мой отец колдун, моя мать колдунья, мой дедка колдун, моя бабка колдунья, я сам великий колдун! Могу из головешки снова Талашку сделать! Только отнесёшь за это, Тала, меня домой!

– Отнесу, отнесу, сейчас отнесу.

Сунул парнишечка головешку под печок, ткнул кулаком в бок Талашку, тот проснулся и заорал во всё горло. Радуетса Талахке, радуетса Тала, всего Талашку облизали. А парнишечка вскочил на плечи медведю, сел верхом, приказывает:

– А ну, неси живо меня домой!

Понёс Тала, что поделаешь? Донёс до озера, где саамы рыбу ловят, говорит:

– Беги сам теперь! Боюсь дальше идти!

А парнишечка чирк ножичком:

– Мой отец колдун, моя мать колдунья, я сам великий колдун! Это озеро я сделал! Хочешь, из тебя такое же сделаю?

– Не хочу, не хочу, – затряс головой Тала и так припустился, что быстрее ветра добежал до стойбища. Тут выскочили саамы, связали Талу:

– А, попался, трусливый Тала! Казнить тебя теперь будем. Зачем наших детей таскаешь?

Тонким голосом взмолился Тала:

– Развяжите меня, отпустите меня! Я скажу вам, как что надо делать, чтобы ваших детей медведи не таскали!

Развязали саамы Талу, ждут, что тот скажет.

– Первое дело: должны дети слушаться материнского слова. Второе дело – должны иметь храброе сердце. Третье – должны прямо глядеть в глаза медведю. И тогда Тала не тронет.

Сказал так – и убежал домой без оглядки. С тех пор саамы с малых лет не боятся медведей. Встретят Талу в лесу, храбро посмотрят – и не трогают Тала, уходит. Ну а кто не слушается материнского слова, того утащит. Пусть тот сам на себя пеняет.

Приложение 2 Пистолеты и револьверы при самообороне от медведя

Когда книга была уже давно готова, один из энтузиастов оружейного и охотничьего дела из интернет-форума Guns.ru Владимир Химаныч в ответ на опубликованную там цитату о применимости пистолета и револьвера для самообороны от медведей написал обширную справку. В ней он систематизировал известные на настоящий момент случаи применения короткоствольного оружия при самообороне от этого зверя. С любезного разрешения автора я помещаю здесь эту справку целиком.

Пистолеты и револьверы при самообороне от медведя

Владимир Химаныч

В баллистической лаборатории Федерального центра судебной экспертизы Минюста России, где я имел честь работать, есть гигантская, но, на мой взгляд, плохо расклассифицированная подборка материалов по результатам применения огнестрельного оружия.

Часть их посвящена использованию неохотничьего оружия для охоты и даже самообороны от животных. Это достаточно большой статистический материал, чтобы на его основе можно было делать выводы о действии различных видов стрелкового оружия, в том числе автоматов и пистолетов, практически по любым распространённым животным.

Эта статистика накоплена различным образом. Большая и наиболее полная часть — на основе случаев, задокументированных прямо на месте происшествия и подтверждённых многочисленными фактами.

Другая часть составлена из показаний и отчётов различных лиц, но без наличия материальных доказательств. Обычно такие случаи относятся к ситуациям, когда улики утрачены, либо когда их участники не смогли указать (найти) место происшествия, либо эти случаи произошли в труднодоступных местах или местах, не находящихся на территории России. Однако следует заметить, что, несмотря на нехватку документальных материалов в этих случаях, они, как правило по показаниям их участников, не отличаются от аналогичных, но имеющих серьёзную документальную базу, что говорит об их достоверности.

Итак — короткоствол. Большинство материалов по случаям самообороны с пистолетами и револьверами от медведей отнюдь не свежие. Они в основном зафиксированы до 80-х годов, но есть, конечно, и более новые. Сначала расскажу об общем количестве случаев самообороны от медведей и оружии, использованном при этом. Собственно зафиксированное количество их значительно больше указанного мною, но в иных случаях события развивались столь запутанно и неоднозначно, что работать с ними крайне сложно. Я использовал лишь наиболее полные и достоверные, подтверждённые вещественными доказательствами, показаниями свидетелей и участников. В отдельных случаях были проведены измерения массы убитых зверей. Но и в не приведённых мною, менее явных случаях общая пропорция удачных и неудачных случаев по моделям оружия практически такая же, что важно для нашего обобщения. Как не подпадающие под понятие эффективности действия оружия не приводятся случаи, когда человек стрелял в воздух вне зависимости от результата. Также не приводятся случаи, когда человек не успевал применить оружие либо не стрелял по иной причине.

Оружие под патроны 7,62x25 ТТ и 7,63 мм «Маузер»

Это пистолеты ТТ и Маузер образца 1896 года всевозможных модификаций. В силу практически одинакового и даже взаимозаменяемого боеприпаса действие их идентично. Исходя из этого, я представил случаи с их участием одной объединённой группой.

Начиная с 30-х годов XX века имею тридцать тщательно задокументированных случаев. Из них в 21 случае огонь открывался с дистанции хотя бы в два метра. Из 21 человека 14 не получили никаких повреждений, четверо получили травмы различной степени тяжести, трое погибли. В 21 случае 14 медведей были убиты и обнаружены.

Из девяти человек, открывших огонь с дистанции менее двух метров, погибло трое человек, ещё двое получили различные травмы, четверо не пострадали. Убитыми было обнаружено пять медведей. Следует заметить, что определение дистанции «менее двух метров» условно и обобщённо – от двух метров до непосредственного контакта, так как установить её точное значение в этой ситуации практически невозможно.

Самый крупный медведь из убитых оружием такого калибра (пистолет ТТ) имел массу 310 килограммов. В иных случаях масса зверей была весьма различной и колебалась от 70 до 280 килограммов. К сожалению, её замер проводился не часто, и исходя из имеющихся данных выявить прямую зависимость между массой и живучестью зверя сложно. Чаще просто указывалось, что зверь крупный, средний или небольших размеров. Без точного указания массы такие определения имеют несколько субъективный характер. Случаи, когда медведь был убит, далеко не всегда совпадали со случаями, когда человек не получал травм. Следует заметить, что довольно часто даже в случае гибели человека зверь тоже погибал и его находили рядом. Очевидно, что мёртвого зверя искали не всегда, следовательно, подобное имело место ещё чаще.

Оружие под револьверный патрон 7,62 мм «Наган»

Собственно, это только сам револьвер Наган. Случаев его применения больше всего – 38, из них 30 с дистанции более двух метров. Из этих 30 только 16 человек не были травмированы вообще, восемь человек погибли, шестеро получили различные повреждения. В этих 30 случаях были найдены мёртвыми 13 медведей.

Из восьмерых, открывших огонь менее чем с двух метров, погибли двое, четверо получили различные повреждения, двое не пострадали вообще. Убитыми найдено четыре медведя.

Самый крупный медведь, чья масса была зафиксирована, весил 238 килограммов. Из особенностей раневой баллистики этого калибра отмечено, что пули револьвера Наган не всегда пробивали черепные кости крупного медведя. В подобных случаях более результативными оказывались попадания в грудную область и шею. В целом, если сравнивать этот калибр с аналогичным по диаметру калибром 7,62x25 ТТ и 7,63 мм «Маузер», очевидно, что Наган обладает меньшим убойным, останавливающим и проникающим действием.

Оружие под патрон 9x18

Достоверно задокументированы 26 случаев использования пистолета ПМ и два случая использования пистолета АПС.

Из 26 случаев с ПМ в 19 стрельба велась с дистанции более двух метров. В этих 19 случаях 10 человек вообще не пострадали, четверо погибло, пятеро получили различные травмы. Найдены убитыми 10 медведей.

Из семерых, открывших огонь менее чем с двух метров, трое не пострадали, двое получили травмы и двое погибли. Убито и найдено три медведя.

Зафиксированные случаи использования пистолета АПС для нашего рассмотрения малоприменимы – их всего два. В одном случае медведь был убит, при этом человек не пострадал, но судить о значительной эффективности по одному случаю я бы не стал. Во втором случае огонь вёлся очередью с расстояния примерно пять метров, и медведь был убит на

месте. Но этот случай тем более нельзя рассматривать в контексте эффективности пистолетов из-за того, что убойность в автоматическом режиме значительно превосходит действие одиночных выстрелов.

Самый крупный взвешенный зверь из убитых с помощью калибра 9х 18 имел массу 247 килограммов. Пули этого калибра не всегда пробивали кости черепа и явно уступали по действию пулям ТТ/«Маузер», но несколько превосходили по действию пули револьвера Наган.

Оружие под патрон 7,65х17 «Браунинг»

К нему относятся разнообразные пистолеты иностранного производства, бывшие в ходу в СССР в период с 1920-х годов и отчасти в послевоенное время. Они отличались большим разнообразием конструкций и скорее всего различной дульной энергией при одинаковом патроне.

Случаи самообороны от медведя с оружием калибра 7,65х17 были вызваны, очевидно, только отчаянной необходимостью. С достоверностью можно привести 17 таких случаев. В 11 случаях стрельба началась более чем с двух метров. Не пострадало совсем только четыре человека, трое получили различные травмы, четверо погибли. Убито и обнаружено четыре медведя.

В шести случаях, когда огонь открывался менее чем с двух метров, остались в живых и не получили травмы только два человека. Ещё двое получили различные повреждения и двое погибли. Убито и найдено два медведя.

О патронах 7,65х17, производившихся в то время, можно заметить, что их энергия значительно уступает современным патронам 7,65х17, которые достигли привычных значений энергии примерно с 70-х годов XX века. Кроме того, эти патроны отечественного производства отличались нестабильностью характеристик.

Оружие под патрон 9х19 Пар

Оружие под этот патрон у нас стали производить не так давно. Все случаи применения пистолетов 9х19 относятся к различным пистолетам иностранного производства, использовавшихся в СССР в военный и отчасти послевоенный периоды. Они имели различную конструкцию, но в основном это были «Парабеллум» 08 и Вальтер Р38.

Зафиксировано 17 случаев использования оружия калибра 9х19 Пар по медведю, отвечающих критериям полноты информации. В 10 случаях оружие использовалось с дистанции более двух метров. В семи из них люди не получили вообще никаких травм, двое травмированы и один погиб. Были найдены убитыми семь медведей.

Из семи случаев использования оружия с дистанции менее двух метров три человека не пострадали, двое травмированы, двое погибли. Убито и найдено четыре медведя.

Самый крупный из взвешенных имел массу 280 килограммов. Масса остальных варьировалась от 90 до 230 килограммов. В целом можно заметить, что эффективность действия пуль, выпущенных из пистолетов калибра 9х 19 Пар, схожа с эффективностью действия пуль 7,62х25, выпущенных из пистолета ТТ. Следует также заметить, что патроны 9х19 Пар, производящиеся в настоящее время, значительно усилены по сравнению с патронами 9х 19 Пар, производившимися ранее и использовавшимися во всех этих случаях.

Оружие под патрон 6,35 мм (.25 АСР)

Из отечественных пистолетов к ним относится пистолет Коровина, но кроме него использовалось множество иностранных пистолетов этого калибра. Для пистолета Коровина выпускался более усиленный патрон, но он же мог применяться и в иных моделях.

Зафиксировано 12 попыток самообороны от медведя с калибром 6,35 мм (.25 АСР). Из них предположительно в восьми случаях стреляли с дистанции более двух метров. Не пострадали три человека, один получил различные травмы, четверо погибли.

Из четырех случаев стрельбы менее чем с двух метров один человек получил повреждения, трое погибли.

Патрон этого калибра крайне слаб и совершенно непригоден для таких ситуаций. Только крайне отчаянное положение могло привести к его применению. Кроме того, статистический анализ ситуаций с его применением затруднён тем, что выживших среди тех, кто пытался его применить, значительно меньше, чем среди применявших другие калибры. Из 12 случаев его использования был убит и найден только один медведь.

Оружие под патрон 11,43 мм (.45 АСР)

Собственно, это только пистолеты Кольт М1911, поступавшие к нам в годы Второй мировой войны от США. Статистика их применения совсем мала и не позволяет сделать полный вывод об их эффективности.

Из девяти случаев стрельба с дистанции более двух метров велась в семи случаях. Один человек получил травму, остальные шестеро – никаких повреждений. Было убито и найдено семь медведей.

В двух случаях, когда стреляли с дистанции менее двух метров, один человек травмирован, другой не пострадал. Был убит один медведь, причём именно травмированный человеком.

К сожалению, масса ни одного из медведей, убитых пулями этого калибра, не зафиксирована, а примечания типа «зверь имел очень большие размеры» весьма субъективны.

Можно конечно утверждать, что калибр .45 АСР наиболее эффективен, и это подтверждается тем, что из девяти человек, защищавшихся им, никто не погиб. Но не надо забывать, что статистика по .45 АСР самая немногочисленная и, на мой взгляд, не выходит за рамки случайности.

* * *

На мой взгляд, ни один из представленных здесь калибров не годится для сколь-нибудь надёжной защиты от медведя. Их только можно разделить на три группы.

К первой я отнёс бы пистолеты, «условно пригодные» для такой самообороны. Они имеют калибры .45 АСР, 9х19 Пар и 7,62х25 ТТ. Несколько удивительно действие последнего калибра. Даже человека он не всегда останавливает одной пулей, но имеет некую эффективность по медведю. Это, на мой взгляд, объясняется большей плотностью тканей медведя и как следствие лучшей передачей им энергии. То есть хотя энергии для крупного медведя явно недостаточно, в его теле она расходуется полнее и эффективнее, чем в теле человека, которое такая пуля почти всегда прошивает насквозь, напрасно унося большую часть энергии.

Ко второй группе я могу отнести пистолеты, «оставляющие надежду». Они имеют калибры 9х18, 7,62 мм «Наган» и отчасти 7,65х17 «Браунинг». Из статистики видно, что

они оставляют некий шанс спастись, но не более того. Следует заметить, что после того, как в атакующего медведя стреляют, он далеко не всегда продолжает атаку. Видимо, боль и страх всё же иногда его останавливают. Если бы медведь всегда шёл до конца, жертв среди обороняющихся было бы неизмеримо больше, а среди обороняющихся с такими калибрами тем более.

К третьей группе относятся пистолеты, «шансов не оставляющие». Это оружие калибра 6,35 мм (.25 АСР). Конечно, случаи спасения людей благодаря такому оружию есть, но, на мой взгляд, это скорее реакция зверя на боль и страх, чем заслуга оружия. Подтверждением этому является и ничтожно малое (один!) количество убитых при такой обороне медведей. Разумеется, и при использовании более крупных калибров часть зверей не была убита, а тоже отступила под действием страха и боли, но, как правило, более половины были найдены мёртвыми.

Из обобщённой статистики применения сложно сделать вывод, что отличало ситуации, в которых люди не пострадали, от тех, где погибли. В основном выживали в ситуациях, когда медведь погибал, буквально изрешечённый пулями. Но зачастую убитый зверь лежал рядом с погибшим или покалеченным человеком, а иногда, напротив, человек оказывался невредим, а медведь, прекратив атаку, пытался скрыться. Так что однозначного вывода всё равно нет. Ясно только одно – шансов было тем больше, чем больше человек успевал выстрелить и попасть.

Кроме указанных калибров имеются достаточно полно задокументированные случаи использования пистолетов и револьверов других, более редких у нас калибров. Я не счёл целесообразным приводить их здесь, так как все они единичны и соответственно не дают возможности оценить их должным образом.

2